

НИКОЛАЙ КАРАМЕНОВ СПРОСИ СВОЕ СЕРДЦЕ

International

Literary

magazine

К Р Е
С С Н А
Т І К

Николай
КАРАМЕНОВ
СПРОСИ
СВОЕ СЕРДЦЕ

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

**Николай
КАРАМЕНОВ**

**СПРОСИ
СВОЕ СЕРДЦЕ**

**Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2023**

УДК. 821.161.8'19-2
К-49

СЕРІЯ «Бібліотека «КРЕЩАТИКА»»
Заснована у 2023 році

Караменов Н.
К-49 Сприси свое сердце / Н. Караменов — Друкарський двір
Олега Федорова 2023 — 3*, с.

ISBN 978-617-8252-17-5

Родился в 1959 году. Живет в Александрии (Кировоградская область). По образованию филолог. Долгое время работал в учреждениях украинской системы образования. Поэт и автор литературоведческих и культурологических статей и эссе. В своей прозе Караменов поднимает тему столкновения различных культур в североамериканской действительности XIX столетия. События, описанные в произведениях, переплетены с детальным описанием природы и навыков выживания в пустыне. Они становятся своеобразным приглашением к эстетическому переосмыслению прошлого для более глубокого понимания настоящего. Проза во многом экспериментальна, насыщена смелыми поэтическими образами и метафорами, — пределы человеческого сознания сравниваются с пустыней и различными её проявлениями, с покинутой и выжженной землёй. Некоторые персонажи произведений были реальными историческими лицами, но описаны путём творческого осмысления автором их характеров и судеб.

УДК 821.161.8'19-2

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)
ISBN 978-617-8252-17-5

© Караменов Н., 2023
© Федоров О.М., видавець, Київ 2023

РАЗОРВАННАЯ ПЫЛЬ

1

Солнце пульсировало в зените и выглядело пятном с размытыми краями, которые постепенно расплзались по плоскости дня и поглощали его. Мерещилось, что возле солнца небо становится ниже своих пределов: светило как бы проваливалось и все больше и больше опускалось на селение Ларго Камино, затопляя слепящим светом его центральную улицу, что тянулась точно — с востока на запад. Тень от прижатых друг к другу домов укрывала половину улицы по всей её длине, будто разрезала вдоль. Тёмная сторона казалась ниже светлой, а освещенная солнцем словно всплывала и постепенно теряла свои очертания. Всё живое попряталось от зноя, только один старый человек в растрёпанном сомбреро и в полинялом серапе шёл на запад улицы по стыку её затененной и освещенной частей. Невысокий, словно с отрезанными полосой тени ногами, он казался ниже своего роста, почти карликом, и был похож на странный гриб, выросший среди каменных и глинобитных домов.

— Он сказал, что его зовут Поликарпио, — вежливо произнёс капитан Доменико Альмодовар, оторвав взгляд от окна, в тусклом прямоугольнике которого таял силуэт, будто старик растворялся в раскаленном солнечном свете. — Ищет бруху¹, которая дала бы ему корень, растущий в расщелинах, где апачи хоронят своих мертвецов.

— Пустая трата времени, — лениво отозвался лейтенант Франциско Берручете.

Светло-зелёные, почти болотного цвета глаза Альмодовара вернулись к окну, отразившемуся на его радужках белесыми мазками, будто капитан утратил зрение или не обладал им ни-

¹ Введьму — *примечание автора.*

когда. «Какое-то внутреннее видение», — постарался сосредоточиться на этой мысли Берручете. Он хотел подумать: «Контролируемое слепотой», но пальцы скользнули по запотевшему бокалу, в котором хозяйка харчевни Летисия принесла ему охлаждённую в подвале арбузную наливку. На бокале остался прозрачный след. Сквозь него, поднеся бокал к глазам, можно было наблюдать за действительностью, если бы стакан не был заполнен наливкой, — тёмные крапины на радужках Альмодовара стали малиновыми, как далёкие костры на зелёных равнинах, а от жаровни, в которой Летисия поправляла кочергой уголь, дохнуло запахом пепла.

Из раскрытого мешка, наполненного мукой, взлетела муха — тяжело, набухая жужжанием, облепленная белым, как сонный взгляд. Она ударилась в стекло и пыталась проникнуть сквозь него на улицу. Дребезжание её крыльев было настолько сильным, что напоминало визг ручной дрели, сверло которой увязло в волокнистой древесине. Она отлетела от окна на несколько сантиметров и снова ударилась в него, чтобы скользнуть по диагонали в угол рамы, где солнечный свет был ярче.

В окне показались абрисы трёх лошадей. Они брели вдоль улицы, понуро опустив головы и поднимая серую пыль. Летисия застыла, как замороженная. Она не сводила глаз с окна, но именно на неё смотрел лейтенант и ничего не мог понять. Ему необходимо было догадаться перевести взгляд в окно, он и догадался, но боялся посмотреть сквозь стекло на улицу. Однако это не было страхом, а только чувством возмущения, что все мерзости происходят из-за невыносимой жары. Его повернул к окну, схватив за руку, капитан, и он посмотрел на улицу, быстро и вскользь, так что Альмодовар в его глазах только мелькнул, будто был срезан выстрелом.

Казалось, день вытряхивает из себя пыль. Желтовато-серая, она заполнила собой пространство до солнца, только в самом низу, как её обесцвеченный осадок, вслед удаляющимся лошадям тянулась белая полоса. Селение разрезало криком: сержант Пачеко бежал за лошадьми и ругался напропалую. Капитан и лейтенант быстро покинули харчевню. Пробегая мимо Летисии, Альмодовар ударился бедром о мешок с мукой, стоящий на табу-

ретке, и тот опрокинулся, а мука рассыпалась. Женщина подумала о вытянутом пятне муки, как о стелющемся по полу взгляде — слепом, усталом, как случается со старостью, подломленной долгими годами жизни. Она почувствовала, что капитан и лейтенант ничего не смогут увидеть, ибо так вышло, — не по их вине.

На улице, затопленной ярким светом, капитан и лейтенант на мгновение остановились: от дома Мигеля Эрреры, местного торговца, около дюжины солдат бежали за остальными лошадьми, разбредаящимися в переулки по обе стороны улицы. Глаза капитана потемнели от гнева. Он поспешил в один переулок, затем, передумав, вернулся, чтобы направиться в другой, но на улице остановился: мозг туманило мыслью, которая разрасталась слишком медленно, как дрожжевое тесто.

— Так как вы сказали, мой капитан? — спросил лейтенант Берручете. — Как вам назвался этот старик?

Капитан, который в это время держал за ворот рубахи подвернувшегося ему дона Мигеля и гневно тряс, из-за чего лицо торговца словно распорашивалось среди щетинистых бакенбард и от страха становилось белым, как полотно, отмахнулся свободной рукой от вопроса лейтенанта, но потом, оттолкнув Эрреру, повернулся, как на плацу, ладно и небрежно, словно подчеркивая лаконичность строевого движения, и внезапно погрузился в тишину. Лицо лейтенанта продолжало что-то выкрикивать, но из облака пыли, что клубилось за его спиной, показался сержант Пачеко, который вёл за поводья трёх лошадей. И лишь тогда Альмодовар услышал голос, но не лейтенанта, а сержанта:

— Подпруги не были затянуты, мой капитан. И когда лошади разбежались, сёдла соскользнули с их спин. Но я не давал приказа снимать сёдла и попоны.

И лишь тогда, пропустив сквозь своё сознание слова Пачеко, капитан вспомнил слова лейтенанта.

— Кажется, он назвался Поликарпио, — выдохнул он в пыль.

Пачеко кивал головой, будто и до слов капитана внимательно внимал чьей-то речи. Из его укрытого пылью лица пот проступил внезапно: щёки, лоб и нос за несколько секунд укрылись похожими на расплавленный воск каплями. Потом пот пробурлил на его лице полосы цвета выдубленной кожи.

— Этот старик околачивался возле лошадей, точнее, проковылял возле них, — сержант говорил тихо: мнилось, что его голос затаптывался или сминался криком остальных солдат, которые ловили на узких улочках разбегающихся скакунов.

— Он только что прошел здесь. Направился к западной стороне селения, — сказал Альмодовар.

— Да, мой капитан, — ответил Пачеко и легко вскочил на неоседланного коня. Откинувшись немного назад и ударив животное ладонью по крупу, иноходью направил коня к концу улицы, которая ещё тянулась шагов на двести и заканчивалась белой плоскостью пустыни.

— Поликарпио, — сказал Фелисиано Эчеверрия, услышавший разговор капитана и сержанта. — Он просто прошёл, хромяя, возле лошадей. Пьяный в стельку. Вот и всё. Больше ничего, мой капитан.

Селение было типичным для севера Мексики, но всё равно своими худо-бедно побеленными домами и ровной геометрией улиц обещало хотя и ненадёжную, однако безопасность для путников, идущих с юга страны на север или с севера на юг.

Доехав до конца улицы и растёкшись глазами по курящейся пылью пустыне, Пачеко почувствовал, как у него под ложечкой что-то неприятно перевернулось, — чувство агорафобии от огромного пространства было кратковременным: пришлось несколько раз с усилием сжать веки, чтобы принять бесконечность, по крайней мере, смириться с необозримой пустотой. Ресницы, присыпанные пылью, тяжело сомкнулись и взлетели, будто это пустыня, полусонная и кажущаяся исчезающей, прижалась к сержанту своими глазами, точно бархатом, а затем начала ими по нему водить, как по выцветшей фотографии, на которой еле-еле проступало изображение. Всё выглядело покинутым и ветхим, поэтому Пачеко полуобернулся и крикнул, словно разорвал тряпки или истлевшие кулисы брошенного балагана, чтобы опять оказаться один на один с уходящей за горизонт бесконечностью:

— Его здесь нет! Как в воду канул!

Доменико Альмодовар сощурил глаза. Силуэт Пачеко в конце улицы выглядел, словно вырезанный из серого картона.

Из-за слепящего солнца трудно было разглядеть — взмахнул рукой Альмодовар или нет, то есть позвал жестом Пачеко к

себе или приказал продолжать искать Поликарпио в пустыне, поэтому сержант решил вернуться и пустил коня вброд к центру селения. Он не думал о том, почему капитан послал его искать старика, но, покачиваясь в седле, продолжал устало водить взглядом от одной стороны улицы к другой. На её солнечной стороне что-то шевельнулось, как будто у сержанта на секунду поплыло перед глазами, однако пятно, возникшее от якобы качнувшегося в зрачках изображения, как бы обрело объем, и Пачеко облегчённо вздохнул: из побеленной стены выдавилось выцветшее под солнцем серапе и соломенное сомбреро, которые были так интенсивно облиты солнечным светом, словно полуденное светило сосредоточилось только на них. Старик попытался подняться, но, ещё не полностью распрямив ноги, потянулся за оставленной на земле флягой, сделанной из бутылочной тыквы, и повалился в песок. Блаженно улыбаясь и уже не делая попыток подняться, он поднёс горлышко фляги к губам и сделал два долгих глотка, протянутых в каком-то сладостном мучении, а когда опустил флягу, сержант увидел совершенно осоловелые глаза. Поликарпио протягивал ему флягу и что-то бормотал.

— Да на службе я, сеньор Поликарпио, — пробормотал сержант, тронутый, до спазма в горле, наивностью старика.

— Сеньор Поликарпио здесь! Я нашёл его! — крикнул он в сторону восточного конца улицы.

— Смех Эчеверрии долетал наплывами, будто, взмахивая руками, вытряхивали одеяло, и резкий хлопок, вначале возникающий, как эллипс звука, выскальзывал и плавно превращался в полупрозрачную косынку.

— Ты спроси его, — донёсся голос Альмодовара, — почему он поплёлся на пустынный конец улицы?

В носу сержанта защекотало от запаха кактусовой водки. Глаза Поликарпио были пепельными, выцветшими от старости, и о прежнем их цвете можно было только догадываться. Коричневое и испещрённое глубокими морщинами лицо застыло в улыбке.

— Капитан спрашивает, что вы здесь делаете, сеньор Поликарпио? — спросил Пачеко.

— Так бруха. Я ищу бруху, — ответил заплетающимся языком старик.

«А бруха в самый раз», — подумал Пачеко.

— Та, что в бутылке, да, сеньор Поликарпио? — сказал он уже вслух.

Старик, упираясь рукой в стену дома, начал двигаться в сторону капитана Альмодовара, но, сделав несколько неуверенных шагов, снова повалился в пыль.

— Отведите Поликарпио в тень! — крикнул Пачеко. — Разжарит ведь его.

— Ага, — донёлся голос Эчеверрии, и пыль на улице как бы исчезла. Однако, на самом деле, Пачеко просто ближе подъехал к капитану и остальным мужчинам, которые вели за поводья пойманных лошадей.

— Чано (уменьшительное от Фелисиано)! — крикнул капитан продолжающему ухмыляться Эчеверрии. — Сказано было — отведите сеньора Поликарпио в тень.

Два солдата пробежали мимо Пачеко, спеша выполнить распоряжение капитана Альмодовара. Один из них успел спросить у сержанта:

— У старика что-то ещё осталось?

— От него несёт попойкой, — скрежетнул зубами Пачеко, опять ощутив приступ тошноты, ибо невольно посмотрел ввысь на белесое солнце, оттягивающее небо, точно свищ.

Два солдата, подхватив Поликарпио под руки, повели его через улицу. Он не держался на ногах: ступни в сандалиях скользили по песку и утрамбованной глине.

«Что так очерчивают? Что?» — не мог вспомнить лейтенант Берручете.

Один из солдат держал флягу старика и периодически прикладывался к ней.

— Обобрали сеньора Поликарпио, — презрительно сплюнул Эчеверрия.

— Оставим, оставим мы ему его кактусовой водки, — сказал солдат, заметив осуждающий взгляд сержанта.

Они довели старика к противоположной стороне улицы, бережно посадили его под стену дома и вернули ему в руки почти опорожнённую флягу из бутылочной тыквы.

Капитан, небрежно переступая и вспучивая пыль ногами, приблизился к Поликарпио. Когда он шёл, его начищенные сапо-

ги всё сильнее укрывались сизым налётом. Создавалось впечатление, что ноги Доменико Альмодовара постепенно обнажались, открывая сероватую, утыканную редкими волосками кожу. Пачеко отвернулся: ему почудилось, что к Поликарпио подходит некто, который под воздействием солнца начал трансформироваться в другое существо. И сержант даже вспомнил — какое: когда-то слышал о сатире на козлиных ногах, но заставил себя подумать о кактусовой водке.

Остановившись над стариком, капитан долго разглядывал его, уже мерно посапывающего и медленно наклоняющегося телом к земле.

— Мой капитан, — сказал Фелисиано Эчеверрия, подводя оседланную лошадь, — он здесь околачивается со вчерашнего дня. А мы приехали в это селение сегодня ночью. Всех спрашивал о каком-то корне апачей.

— Зачем он ему? — задумчиво спросил Альмодовар.

— Вроде как от спины. Многие больные люди ищут этот корень, ведь никто не видел согнутых и кряхтящих апачей, даже если они преклонного возраста. У них даже глубокие старики выглядят бодрыми и подвижными.

— Потому что не просыхают от самогонки, мой капитан, — вставил свои слова сидящий солдат Диего Каучильо. — Апача хлебом не корми, а дай напиться в стельку.

Кто-то хохотнул. Капитан еле заметно кивал, словно соглашался, уже забыв о Поликарпио, и уходил мыслями к долгой дороге, которую ему и его солдатам необходимо пройти от Ларго Камино к селению Уальоа. Он нехотя повернулся и так же небрежно, как подходил к пьяному старику, пошёл к Мигелю Эррере, который что-то выкрикивал и энергично жестикулировал.

— Простите, дон Мигель, — сказал он. — Эта служба в пустыне меня доконает.

— Да ладно, дон Доменико, — сказал торговец, — кто прошлое помянет, тому глаз вон. Я уже распорядился. Даю вам восемь мулов. Поклажа — продукты и бурдюки с водой. Всё как положено. А дальше — не моё дело. Я и так кормил из своего кармана этих пленных индианок, пока не прибыли вы с распоряжением привести апачек в Коауильо.

— За них уже замолвили слово, ведь так, дон Доменико? Кто-то хочет украсить свой внутренний дворик симпатичными апачками, — расплылся в улыбке Эррера. — В Ларгосе, дон Доменико, из пленных индианок отобрали самых хороших от семи до сорока лет.

Доменико Альмодовар осматривал собирающихся людей.

— Через два дня вы должны быть в Чинапе, — сказал Мигель Эррера. — До Чинапы нет ни одного источника воды. Вода только та, что с вами. А от Чинапы до Уальоа тоже ни одного источника.

Капитан подумал, что из-за прихоти какого-то денежного мешка, решившего приобрести смазливых индианок, должен был тащиться через весь штат Чиуауа к забытому Богом Ларго Камино, а из Ларго Камино обязан следовать в Уальоа, который уже в штате Коауильо. Но приказ есть приказ, да и вознаграждение обещали.

Наблюдая за собирающимися солдатами, Доменико Альмодовар ещё раз прокрутил в голове слова полковника Армандо де Лос Льяноса, который дал ему приказ следовать вместе с взводом солдат в Ларго Камино, чтобы там забрать и доставить в Уальоа пять индианок. Несколько дней назад детей тайком привели в это селение, чтобы оставшиеся на воле апачи не догадались, что их соплеменников, захваченных в плен возле Трес Кастильос, разделили на две группы.

— Викторио убили, сеньор капитан, — сказал Армандо де Лос Льянос. — С ним полегло 78 воинов чихенне. Это случилось возле холмов Трес Кастильос. 68 женщин и детей наши кавалеристы захватили в плен. Случайно остались на свободе около дюжины апачей. Говорят, что Лозен перед тем, как наши солдаты окружили её брата Викторио, отстала от остальных апачей, чтобы принять роды у женщины из племени мескалеро. Ещё старый Нана остался в живых и на свободе. Он в это время отправился на охоту и не попал в окружение. Следопыты сказали, что из бойни ускользнули только четверо мужчин. Остальные — женщины и дети, вот и всё. Никто не будет делать попыток освободить маленьких индианок. Те четверо воинов, которые из всех апачей Тёплого Источника остались в живых, вме-

сте с Лозен рыскают сейчас в окрестностях столицы штата, ведь в тюрьму в Чиуауа заперли всех остальных пленных апачек. Кроме этих хорошеньких девочек, о месте нахождения которых никто из дикарей не знает.

Залитая солнцем сторона улицы сияла, словно кромка отточенного лезвия. По мере передвижения солнца от зенита к западу сияние расширялось, пока не заполнило всю улицу, и день над селением стал разрезанным, но не вертикально, как во время полдня, а вдоль всей плоскости селения и прилегающей к нему пустыни.

Из двора дома Эрреры пеоны вывели мулов, навьюченных поклажей. Пачеко каждому животному раздвинул пальцами губы и тщательно осмотрел, нет ли черноты вокруг рта.

— Сойдут, мой капитан, — сказал он Доменико Альмодовару.

Капитан ничего не ответил, но глаза его вспыхнули, будто в них подули, как в жаровню.

Поликарпио, уже полностью освещенный солнцем и из-за этого выглядящий каким-то сжавшимся, ворохом старого тряпья, что истлевало под солнечными лучами, не смог удержаться над землёй и ударился плечом о спрессованную повозками дорогу. Он словно нашел положение, которое давно искал, спокойно закрыл глаза, но, затем, сразу открыл их: один из мулов, огретый прикладом винтовки, истошно закричал, и Пачеко почудилось, что крик животного был единственным ориентиром в залитом солнцем пространстве.

— С двух сторон! Сказал же, охранять их с двух сторон! — раздался повелительный голос капитана.

Они появились, как изображение, которое рассматривают сквозь грязное стекло, и Летисия, приподняв край юбки и поплевав на него, начала энергично протирать окно, чтобы лучше разглядеть происходящее на улице. Тем самым она обнажила свои полные ноги, но два пеона, зашедшие в харчевню выпить по глотку текилы, только скользнули глазами по её белым ляжкам и тоже уставились в окно.

— Всё, мучачос, всё! — запротестовал заплетающимся языком Поликарпио. — Больше никому не дам, мне ничего не останется.

— Да в вашей фляге уже ничего нет, сеньор Поликарпио, — залился смехом Фелисиано Эчеверрия. — Наши ребята основательно приложились. Ну и старик...

— Просто, сеньор Поликарпио, не нужно напиваться с утра, — сказал Диего Каучильо, а Маурисио, тощий и длинный, которому китель доставал до пупка:

— Нужно рассчитывать, сеньор Поликарпио. Но на два глотка я вам оставил.

Капитан поморщился и отвёл взгляд. «Никто из них не хочет тащиться с индианками через пустыню, как и я, потому и балагурят, стараются выглядеть весёлыми. Как-то неестественно всё это», — постепенно угасла его мысль, словно вдоль улицы дохнул ветер и затих у крайних домов.

— Нет, — бормотал Поликарпио. Он затянул флягу под серапе, пытаясь её таким способом спрятать, но она выпирала через шерстяную накидку, словно огромная женская грудь, и солдаты покатывались со смеху. Затем Поликарпио приподнялся и, уже сидя, начал прятать флягу себе за спину, но для этого ему нужно было отодвинуться от стены дома, что тоже его не устраивало, ибо он начинал клониться телом либо вперёд, либо в бок. Недоумённо оглядев улицу, старик принялся рыть справа от себя ямку в песке.

От ступающих между лошадьми и мулами солдат, от самих мулов, навьюченных сверх меры, воздух возле дома Эрреры колебался, будто состоял из разных по плотности пластов или полупрозрачных колонн. Он напоминал призрачный лес, деревья которого только угадывались и шатались из стороны в сторону, словно их нагибал ураганный ветер. Но пыль высоко не поднималась, хотя от такого движения она должна была укрыть улицу до крыш или окон домов. Она клубилась низко над землёй, иногда стелилась сизыми языками, словно между ног животных и людей протягивали светлые простыни, которые постоянно рвались на длинные лоскутья.

Все настолько были заняты поклажей и осмотром сбруи, что, наверное, девочек-апачек Летисия увидела первой. Они словно выплыли со двора, крепко держась за руки. Из-за клубящейся над землёй пыли их робкие шаги трудно было разглядеть, поэтому создавалось впечатление, что они стоят неподвижно, но их передвигает какая-то сила, которая минутой спустя оказалась Мигелем Эррерой и несколькими его слугами, идущими позади индианок и толкающими их.

Летисия после поняла, почему воспринимала девочек застывшими, однако перемещающимися над землёй под воздействием неизвестной силы, — пространство для них не существовало, и ориентиры, как-то: двор, а, после, длинная улица, для девочек не изменялись и не чередовались один за другим. Для них расстояние отсчитывало или разворачивало в пространстве высокое раскалённое солнце. Оно сразу залило их худые тела, высветив каждую мельчайшую подробность, — растерянные лица, совершенно без детского выражения, но не постаревшие, а как бы шагнувшие из раннего, беспечного возраста в то время, когда вся жизнь оказывается далеко позади. И кроме Летисии только сержант Пачеко задержал на девочках свой взгляд. Задержал надолго, неестественно долго, чтобы, после отвести его к высокому солнцу, ибо подумал, что мысли пленниц раскалены: они как расплавленный металл. Они яростны, — сглотнул Пачеко и сам на несколько секунд наполнился ослепительным солнечным светом, который до состояния тлена выжиг в его сознании последнюю надежду улизнуть от задания отвести апачек через пустыню в Коауильо. Всё оказалось гнусной и постыдной реальностью, а не красочным рассказом за чаркой кактусовой водки, — он и его солдаты будут сопровождать детей, проданных в рабство.

Летисия внимательно смотрела на сержанта, который стоял с опрокинутым к солнцу лицом, и она хорошо понимала, что он подставил лицо под горячие лучи отнюдь не для того, чтобы они обласкали его щёки и лоб. «Он хочет, чтобы солнце испепелило его», — подумала Летисия, однако не испытала к Пачеко чувства жалости, — и сержант и проданные в рабство дети для неё были как красивые животные, которых ведут на убой или для ярмарочной потехи.

С силой дохнув на оконное стекло, она снова прошла по нему подолом юбки, но её сознания всё же коснулась мысль, что пыль, которая струилась между ног апачек, по цвету была такой же, как и её давно не стиранный передник.

Заминка произошла из-за того, что солдаты хотели поставить девочек цепочкой, одна за другой, тогда как те пытались держаться группой, обступив самую старшую, которой было лет 14–15. Самой младшей девочке было лет 6, не больше. Её крепко

держала за руку самая старшая индианка. Детей, в самом деле, можно было назвать красивыми, если бы не многодневная грязь, которой были покрыты их лица и руки. Они давно не умывались, от самого Трес Кастильос вообще не видели воду, кроме той, которую им давали попить. А от Трес Кастильос до Чиуауа около ста лиг, и почти сто лиг от Чиуауа до Ларго Камино.

— Пять девочек, — произнесла Летисия вслух и быстро отошла от окна, чтобы заняться приготовлением пищи.

Дети пытались выглядеть невозмутимыми, но всё равно на их лицах проступало то любопытство, то испуг, однако, все они жались к пятнадцатилетней апачке, и невозможно было определить — девочки это делают из-за страха, пытаясь найти возле старшей индианки хоть какую-то защиту, или стремятся защитить её, оградить, как самую взрослую, от посягательств грубых мужчин. Их давно не мытые лица были тёмными, намного темнее медно-коричневого цвета кожи апачей. Их глаза светились, но не только потому, что на фоне чумазных лиц казались ярче. Пачеко давно знал об этом, — люди, вырванные из просторов первозданной природы, всегда имеют такие глаза, которые смотрят будто из другого мира.

Солдаты не знали, как себя вести с пленницами: всё же, те были детьми. Никто не решался на угрожающий окрик или бесцеремонный подзатыльник. Девочкам подсказывали, размашисто жестикулируя, что нужно выстроиться в цепочку, но маленькие апачки ещё сильнее жались друг к дружке.

— Мы ведь солдаты, мой капитан, — объяснил Диэго Каучильо.

— Поделикатнее, Чано, — сказал Эчеверрии Доменико Альмодовар и сразу, насупив брови:

— Пусть идут, как хотят, как им удобно.

— И я так думаю, мой капитан, — заулыбался Фелисиано Эчеверрия. — Дети ведь.

— А я бы так не думал, — вынырнул из-за пленниц Эррера. — Апачи это, дон Доменико. Нужно смотреть в оба.

— Да ладно, дон Мигель, — послышался голос лейтенанта. — У страха глаза велики. Справимся как-нибудь.

— Вот так, вот так, — показывал девочкам Диэго Каучильо, как нужно построиться, но они испуганно тарасились на него.

Истошно завопил мул.

— Сказал же, не бить животных! — взорвался дон Мигель, и молоденький солдат, сплюнув, отошёл от нагруженных мулов.

— Давай! — крикнул Эчеверрия. — Они пойдут за мулами — и так всё понятно.

Возле Доменико Альмодовара стоял жеребец и нетерпеливо перебирал ногами. Капитан удовлетворенно кивнул, когда колонна, наконец-то, тронулась, словно состояла из деревянных раскрашенных фигурок на ярмарочной карусели, которая начала двигаться. Неподвижно восседал на лошади только сержант Пачеко: сузив глаза, он внимательно пересчитывал солдат, мулов и пленниц. Пересчитав всех, Пачеко полуобернулся, чтобы сообщить об этом капитану, но Доменико Альмодовар пристально посмотрел на него, и сержант опустил верхние веки, словно для глубокого сна, а затем, резко вскинул их, дав понять капитану, что всё в порядке. Капитан потянулся всем телом, пробуя свои мышцы перед долгой ездой в седле, и только кивнул головой.

— Мой капитан, — сказал Пачеко, отдавая честь, и последовал за колонной.

Заполненная животными, людьми и стелющейся за ними пылью улица внезапно сократилась: её дальнего конца, вползающего, как сухое русло, в пустыню, не стало видно. Улицу словно макнули в солнце — всё окрасилось оранжевым светом, всадники покачивались над пылью, как статуэтки, стоявшие на столе, который начали передвигать. На зубах у Каучильо заскрипел песок.

— Сеньор Поликарпио, — сказал он, прощаясь со стариком. — Спасибо за самогон.

Поликарпио втянул голову в плечи. Он пытался вспомнить солдата Каучильо, но взгляд его был осоловелым, выцветшим, без радужек — один мутный алкоголь. Пьяно оглядевшись, он опять начал разгребать ладонью песок, чтобы спрятать в нём флягу.

Девочки шли прямо, не поворачивая голов, однако те, кто мало-мальски знал апачей, понимали, что они своими широко открытыми глазами фиксируют всё, каждую мельчайшую деталь, каждый незначительный признак, создавая в своём сознании из окружающей их местности и быстротечных событий от-

дельную крошечную вселенную, которой после, чтобы охарактеризовать её, дадут название «селение с солдатами». Они все были этому обучены ещё с периода бессловесного детства. Но самая младшая девочка, держась за юбку самой старшей, вела себя по-детски непринуждённо и часто оглядывалась по сторонам, хотя из-за клубов пыли ничего не могла конкретно разглядеть. Иногда в её глазах появлялось удивление. Бросив взгляд на Поликарпио, она замедлила шаг, из-за чего потянула за юбку, словно пыталась остановить, старшую девочку. Встретившись с ней глазами, старик принялся интенсивнее зарывать флягу в песок. Свободная рука девочки начала медленно подниматься, словно она хотела поправить волосы или на кого-то указать ладонью, а на губах появилась растерянная улыбка. Но распрямленная ладонь не успела указать на пьяного Поликарпио, — старшая девочка, сжав пальцы в кулак, ударила младшую в лицо. Девочка повалилась на песок. Она застонала через глубокий всхлип, словно захлебнулась, как-то по-взрослому, будто была высокой и сильной. Даже не верилось, что шуплое тельце может так отреагировать на удар кулаком. Рот залило кровью, и дальше она не проронила ни звука, — покорно, даже виновато, придерживаемая старшей девочкой, поднялась и с отрешённым выражением на лице пошла дальше.

Старшая девочка только скользнула суженными зрачками по Поликарпио, — глаза её вспыхнули, будто в её взгляд опрокинули холодную и чистую воду, а Эчеверрия, как-то нараспев, растягивая слова и поднимая голос до взвинченного тона, прокричал:

— Дикари! Хуже зверей, мой капитан!

Доменико Альмодовар, скосив на Эчеверрию глаза, прошёлся пальцами по своим усам, из-за пыли ставших пепельными. «Что бы было с тобой, Чано, — подумал он, — если бы на твоих глазах убили твоих родителей, а затем тебя погнали, как скот, к самому Коауильо?»

Пачеко проследил глазами взгляд капитана. Нажав ногами, обутыми в сандалии, на бока коня, пустил его рысью, и быстро проехал мимо Поликарпио к девочкам, чтобы находиться рядом с ними.

Облако пыли, поднимаемое и животными, и людьми вкатилось в белесый простор пустыни, улица словно всплыла под солнцем, как узкий плавник длинной рыбы.

Летисия, вышедшая из харчевни во двор, бросила взгляд на старика. Поликарпио сидел на солнцепёке, положив ладонь на полузарытую флягу. Осмотрев Летисию слезящимися подслеповатыми глазами, он медленно подкатил зрачки под лоб и начал клониться вперёд. Летисия не видела, как он повалился на песок и моментально захрапел. Войдя в помещение, она повелительно бросила двум пеонам:

— Мучачос, перенесите сеньора Поликарпио в тень. Возле него, в песке, зарыта фляга. В ней ещё должно остаться немного самогона. Но я вам налью по чарке текилы, когда вы перенесёте старика.

2

Они выехали из Ларго Камино в самое жаркое время дня, — действия необдуманные, но необходимые. «Хотя о чём тут можно было думать?» — размышлял Пачеко. Дон Мигель ждал, когда пеоны пригонят крепких рабочих мулов из далёкого пастбища, тянущегося полосой чахлой травы вдоль почти пересохшего ручейка. Солдаты в селение прибыли глубокой ночью, чтобы сопровождать пленниц в Уальоа, что на границе со штатом Коауильо. Кавалеристы ещё не спешили, а дон Мигель послал своих слуг за мулами. И пока мулов пригоняли, а потом нагружали поклажей, уже наступил полдень. Утешало одно — первый день похода в Коауильо будет неполным: час, два, а потом наступит вечер и жара начнёт спадать.

Пачеко ехал позади колонны и при выезде из селения оглянулся, чтобы бросить взгляд на улицу и дома. Он надеялся, что никогда больше здесь не окажется. Сеньора Поликарпио не было, — совершенно пустынная улица пролегла между двумя рядами домов, как натянутый ремень, на котором, подобно опасной бритве, солнце оттачивало свой острый край.

«До источника Чинапа два дня пути, то есть колонна придёт в Чинапу только послезавтра в полдень, — подумал сержант. — Двое суток придётся пить тёплую, со вкусом непромытых кишок воду из кожаных бурдюков».

Постепенно колонна растянулась лентой пыли, похожей на мутную воду, на поверхности которой плавали тёмные пузыри —

головы людей и лошадей. Маленьких апачек не было видно. Они двигались в центре колонны, и их постоянно укрывала пыль. Пачеко, который переместился в голову колонны, периодически останавливал передовых, чтобы все остальные подтянулись.

— Возможно, это и к лучшему, — сказал капитан, подъехав к Пачеко, серый из-за пыли. Пленниц никто не увидит, даже если будет внимательно наблюдать за колонной. Я говорю, что вдруг поблизости рыскает шальной апач.

— Если девочкам придётся постоянно глотать пыль, они долго не продержатся.

— Вернись и посмотри, — сказал Доменико Альмодовар. — Если нужно, перемести их ближе к голове колонны.

Пачеко иноходью поскакал к середине колонны. Он чуть не сбил индианок конём, разглядев их только в нескольких шагах от себя. Девочки были укрыты пылью с головы до ног, влажно блестя лишь их глаза — отверстые в просьбе дать воды и позволить хоть немного передохнуть.

— Дай им воды, Чано, — сказал Пачеко. — Только по два глотка.

— А остальным? — спросил Эчеверрия.

— Остальные потерпят, Чано, — отрезал Пачеко. Он окинул взглядом северную сторону пустыни, — ни души, ни былинки, даже марева не было: бесконечный ровный стол, серо-жёлтый и постепенно тускнеющий.

— Пачеко! — донёсся голос Диего Каучильо. — Почему детям не разрешили ехать верхом? У дона Мигеля что — мало мулов? Мы так будем тащиться по пустыне до конца дней.

— Так они при первой возможности попытаются убежать, — ответил за сержанта Фелисиано. — Потом вылавливай их поодиночке в пустыне.

«А ведь это идея», — подумал Пачеко. Проследив, чтобы пленницы выпили только по два глотка воды, он вернулся в голову колонны и поделился с капитаном своими мыслями.

Доменико Альмодовар долго разглядывал его, затем стёр ладонями пыль с лица.

— Как-то странно у нас всё, — сказал он. — Я подумаю. До вечера уже недалеко. Не умрут, если пройдут пешком.

Под вечер все немного оживились: юго-восточный горизонт послал им навстречу несколько маленьких смерчей, которые гибко раскачивались, расширяясь в грибовидные кроны, и напоминали диковинные деревья, пересекающие безжизненную местность в поисках воды и забвения.

Передний мул застыл, как вкопанный, упираясь растопыренными ногами в песок. Полосу пыли медленно относило на запад, и она постепенно исчезала, как пена на берегу. Колонна обнажилась.

— Заставьте его идти, — сказал капитан, ни на кого прямо не посмотрев, а окинув глазами юго-восточный отрезок горизонта.

Солдаты начали гарцевать на лошадях возле неподвижно стоящего мула, подзадоривая не столько измученное животное, сколько самих себя. Похожая на просачивающуюся сквозь высь каплю, зажглась вечерняя звезда.

— Нужно останавливаться здесь, мой капитан, — тихо проговорил Доменико Альмодовару сержант Пачеко.

Капитан отвёл от себя руку, сделав ладонью полукруг — мол, «на твоё усмотрение, Пачеко», и Пачеко рявкнул хриплым натруженным голосом, ибо полдня перекрикивал ропот солдат и фырки мулов:

— Здесь!

Каждый знал свои обязанности: два солдата снимали поклажу с мулов, три человека разъехались в разные стороны от лагеря и застыли на лошадях. Остальные собирали редко встречающиеся сухие стебли юкки и чапарраля, раскатывали на земле одеяла, только несколько пленниц, плотно прижавшись друг к другу, стояли не шелохнувшись.

Капитан поехал по кругу, словно бы в раздумье, но все знали, что он проверяет, как каждый из них справляется со своими обязанностями. Встречаясь зрчками со всполошенным взглядом солдата, Доменико Альмодовар устало опускал глаза, а, когда поднимал их, его подчинённый уже отдавал ему честь и бормотал:

— Мой капитан.

Размеренно и неторопливо Альмодовар наматывал уже второй круг, когда встретился глазами с Пачеко.

— Вот так и стоят, сержант, — сказал он, — словно не устали. Словно они и не дети вовсе.

— Да дети они, мой капитан, — ответил Пачеко. — Просто нужно учитывать, что, в отличие от всех остальных людей, апачи, даже если сильно измотаны, вида не подают.

— Вот я и говорю, — сказал капитан, — вид у них, как у статуи. Кажется, что среди пустыни поставили деревянные болванчики.

Зрочки Пачеко скользнули по лицу капитана.

— Я всё понимаю, Пачеко, — улыбнулся Доменико Альмодовар. — Так возникают чёрствость и равнодушие, когда индейцев начинают воспринимать, словно нечто неодушевлённое. Я контролирую себя, сержант, и, не оборачиваясь, добавил:

— Да усади ты их, Пачеко. Я же вижу — они с ног валятся. Дай им понять, чтобы разожгли костёр. Апачи ведь хорошо умеют это делать. Займи их, сержант.

— Пачеко долго и настороженно смотрел в спину удаляющегося капитана.

— И не щурь глаза, — сказал Альмодовар, разворачивая коня, чтобы снова начать объезжать лагерь по кругу. — Командуй.

3

Сумерки придвинулись снизу — из земли. Вышли из неё, как тёмные воды, и только бирюзовое небо ещё отливало атласом, пока на его западном крае алый огонь не затянул в себя остальные участки высоты.

Два человека сторожили лошадей, два девочек и мулов, четыре охраняли лагерь, остальные укладывались спать. Нависая лицом над крошечным костром, Доменико Альмодовар расстёгивал пуговицы кителя.

— Сержант, — сказал он, когда в поле его зрения появился Пачеко, проверяющий караульных, — садись.

Он указал глазами на свежеспеченные кукурузные лепёшки.

— Перекуси.

Сержант присел, перекинул на ладони горячую лепёшку и, закрыв глаза от удовольствия, вонзился зубами в тортилью.

— Вроде как первый день прошёл, — сказал капитан, разглядывая огонь.

— Угу, — ответил Пачеко, а, когда пережевал и сглотнул, к костру подошёл Эчеверрия.

— Можно вопрос, мой капитан? — спросил он.

Капитан сделал полукруг ладонью, словно отвлекал от огня тень, как готовящуюся к броску гремучую змею.

— Вот я и говорю, мой капитан, — сказал Эчеверрия, — дон Мигель мог дать повозку, чтобы на ней везти пленниц. Не выдержат они четыре дня в пустыне.

— Пачеко знает, сказал Альмодовар и распахнул китель.

— Возле Чинапы начинаются возвышенности, — сказал Пачеко. — Ущелья и извилистые арройо. Там узкая тропа, по которой ходят те, кому нужно добраться от Ларго Камино до Уальоа. Повозка не пройдёт.

Эчеверрия многозначительно кивнул.

— Что-то я не вижу лейтенанта, — сказал он звонким голосом, подражая манере говорить Франциско Берручете.

От уголков глаз Чано и Пачеко разбежались лучики, губы расплылись в улыбке.

— Да ладно вам, мучачос, — сказал Альмодовар. — Его определили в наше подразделение только до Коауильо. Ему как раз туда, к родственникам, и нужно.

— Путешествовать к мамочке за счёт службы, мой капитан? — скривился Пачеко, одновременно подбросив ветку в костёр.

— Не я его родил, так что не мне определять его судьбу, — ответил Доменико Альмодовар.

Громко заржала одна из лошадей.

— Что там, Паскуаль? — крикнул Пачеко.

— Да всё в порядке, сержант, — ответил Паскуаль. — Не можем же мы всех лошадей сразу накормить ячменем. По очереди, — его голос перетёк в затихающее эхо, словно люди находились в глубоком ущелье, но их крики не отражались от каменных стен, а, извиваясь, удалялись на юг между поворотами узкой расщелины. — По очереди!

Доменико Альмодовар расстелил возле костра одеяло и, прощупывая через него неровности на земле, пытался определить, куда лучше положить седло. Пачеко хотел подняться и отойти в сторону, но, встав на ноги и распрямив спину, передумал.

— Что ещё? — спросил капитан, перестав водить ладонью по одеялу.

— Мой капитан, — тихо проговорил Пачеко, — завтра индианки будут двигаться пешком или верхом?

— Как ты себе это представляешь? — несколько раздражённо спросил Альмодовар. — Заставим нескольких солдат посадить их на сёдла сзади себя?

— Я понял, мой капитан. Сидя сзади солдата, апачка может выхватить у него из-за пояса нож или пистолет, — сказал Пачеко.

— Угу, — хмыкнул Доменико Альмодовар. — Заставим солдат посадить индианок спереди себя, так?

— Ну, можно, — пробормотал Пачеко.

— Чтобы наши кобели затискали их, сержант? Мы должны привести индианок в Уальоа нетронутыми. За них заплачено. И нам будет заплачено за их полноценную доставку.

— Да ведь мулов можно разгрузить, — уже громко проговорил Пачеко. — Каждому всаднику какое-то барахло: ну там бурдюк или мешок с мукой. А на мулов посадить девочек.

— И кто меня, как командира, назовёт нормальным, Пачеко? — спросил Альмодовар, поднявшись на ноги. — Солдат должен быть подвижным, маневренным. Вдруг апачи, которые остались в живых после бойни в Трес Кастильос, пойдут по нашим следам?

Пачеко покачал из стороны в сторону головой, будто не мог понять слов капитана.

— Ещё день пути на солнцепёке и пешком, и они свалятся. Придётся делать носилки или волокуши, чтобы таким способом доставить пленниц в Коауильо.

— Ты сталкивался с апачами? — спросил капитан. Он прилёг и смотрел на Пачеко снизу вверх зелёными глазами, которые в полумраке вечера не утратили сочной яркости.

— Приходилось, мой капитан.

— И что ты скажешь о них? Что ты скажешь об их выносливости?

— Что они стожильные, — нехотя ответил Пачеко.

— Вот так-то, — сказал капитан. — Проверь посты.

Пачеко уже удалился шагов на десять от лёгшего отдыхать капитана, но услышал его голос:

— Может, когда дойдём до Чинапы. Я подумаю, Пачеко.

В полночь сержант проверил караульных и лишь потом позволил себе лечь на разостланную возле костра скатку. Помимо усталости он испытывал чувство опустошенности, но оно не теснилось в груди и не оставляло на сердце осадок. За годы службы на севере Мексики он ко многому привык: просто мысли престали волновать сознание, будто он, Пачеко, заранее нашёл ответы на все вопросы.

Восточное небо было тёмным, как речной ил. Чудилось, что из него через несколько часов потечёт мутная полоска воды: день постепенно расплещется, и пустыню затомит плотной, изнуряющей жарой.

Тоскливый вопль, перешедший в завывание, ударил по лагерю и через несколько мгновений затих, будто его затянуло в длинную нору и там смяло до состояния судорожных всхлипов. Почти все вскочили на ноги. Каучильо бежал босиком, забыв обуть сандалии, но держал винтовку наперевес.

— С восточной стороны! — крикнул он.

— Индиос! Это индиос! — донеслось несколько криков с разных концов лагеря.

Поднявшись, Пачеко не стряхивал со своего сознания сон, но сразу побежал за Каучильо — машинально, наученный многими годами службы, оглядывал лагерь, и больше сердцем, гулко стучащим в груди, нежели мыслями, отмеривал дальнейшие свои действия.

Подоспел капитан. Увидев, что Пачеко совершенно спокоен, выкрикнул, растягивая гласные:

— Диего, Маурисио, посмотрите, что там?

— Надо бы с огнём, так ничего не разглядеть, — зашептал кто-то из тишины.

Каучильо вернулся, вытянул из костра тлеющую головешку и, крадучись, пошёл в пустыню.

— А для чего красться? — спросил Пачеко. — Ты и так хорошая мишень.

Капитан скривился и оглянулся на лагерь, — блеснули глаза проснувшихся и сбившихся в стайку девочек, словно у ночи был зародыш, второе её начало, которое притаилось среди людей и робко мерцало пятью парами звёзд.

— Ты услышал, Каучильо? — крикнул Эчеверрия. — Апачи сразу тебя срежут.

Каучильо обернулся, осветив жаром головешки своё вытянутое от страха лицо.

— Всё нормально, мой капитан. Ложная тревога, — сказал Пачеко и, не обращая внимания на столпившихся солдат, побрёл босиком вокруг лагеря, чтобы проверить — все ли дежурные на месте.

— Да в чём дело, Пачеко? Ты объяснишь? — спросил Альмодовар, но без злобы и раздражения.

— Так кричит кузнечиковый хомяк, — донёсся голос сержанта из темноты.

— Я знаю, мой капитан, — раздался голос Педрито. — Это ночной грызун, похожий на крысу. На охоту выходит ночью. Своим криком он подражает вою волков. Говорят, что таким способом он обозначает свою территорию.

Пачеко зорко осматривал людей, которые возвращались к своим раскатанным на земле одеялам. Лошади на западной стороне лагеря стояли плотным табуном, но им передалось волнение, всполошившее людей. Прижимаясь друг к другу и громко фыркая, они все перемещались против часовой стрелки и, наверное, разбежались бы, но их сдерживала фиксирующая верёвка. Со стороны пустыни возле табуна никого не было, слабо улавливался зрением лишь силуэт часового на севере.

— Паскуаль, — позвал Пачеко.

— Я здесь, Пачеко, — отозвался Паскуаль и шагнул к сержанту из той стороны, которая примыкала к лагерю.

— Олух. Ты бы ещё забрался в середину лагеря. Где твоё место? — незлобиво, больше для порядка спросил сержант.

— Хотел посмотреть, что случилось. Все побежали на восточную сторону.

— Живо на своё место. Кони, вон, разволновались, — сказал Пачеко и побрёл осматривать лагерь дальше. К капитану он вернулся через несколько минут. Тот всё ещё продолжал стоять на восточной стороне лагеря.

Неожиданно в истлевающий свет полупогасшего костра шагнул лейтенант Берручете. Он поправлял кобурю на широком ремне.

— Мой капитан! — чуть ли не рявкнул лейтенант, потому что сразу сорвался голосом вниз, к земле, увидев, как Пачеко приложил палец к своим губам.

— Доменико, я... — лейтенант попытался говорить непринуждённо, но в глазах его плескалась растерянность.

Альмодовар сделал движение ладонью как бы от себя, будто отодвигал ветку или снимал паутину, и лейтенант понимающе кивнул. Они обошли Берручете с двух сторон — Альмодовар и Пачеко.

— Да не смотри ты на меня так, — сказал Альмодовар сержанту. — Он с нами до Коауильо. Приставили его к нам. Сбоку припёку.

— А я и не смотрю, мой капитан, — ответил Пачеко. — Темнота, хоть глаз выколи.

Ближе к рассвету сержант проснулся от лёгкого внутреннего толчка, словно он где-то находился, замешкавшийся и неуверенный, и чья-то рука толкнула его в пространство, где было бесконечно неуютно и ужасно одиноко. Сквозь полуоткрытые веки он посмотрел на восток — тяжёлый монолит ночи постепенно рассасывался. Он ничего подозрительного не увидел, не услышал никакого, даже малейшего шума, но начал осторожно подниматься, сжимая в правой руке винтовку. Чувство внезапной, всепоглощающей тоски охватило его. Так было всегда, когда он чувствовал опасность.

На востоке звёзды постепенно меркли, словно высохали, как под солнцем капли росы. Лагерь со спящими людьми казался бугристым участком на плоской равнине, могильными холмиками какого-то заброшенного кладбища. Над несколькими кострищами вился слабый дым, словно души умерших струились из тьмы земли в начинающую светлеть высь.

— Тревога! — сорвал громкий крик темноту, как завесу. Над лагерем раздался долгий вздох, и сразу одеяла и одежды оторвались от земли, вытряхнув из себя всполошенных людей.

— Лошадей нет, мой капитан!

— Это голос Паскуаля, — сказал Пачеко, подбегая к Доменико Альмодовару.

— Мулы! Где мулы? — кричал Эчеверрия, мечась вдоль западного края лагеря.

И сразу всё стихло, только костры разгорались и наполнялись треском, — дежурные сразу же, как только раздался крик «Тревога», подбросили веток в огонь.

Согнувшись, Пачеко внимательно осмотрел участок, где привязали на ночь лошадей. Перед закатом всех скакунов, сначала расседлав их, накормив и напоив водой из бурдюков, которые несли мулы, собрали у западной стороны лагеря. На шею накинута верёвочная петля, а в петлю, для фиксации, чтобы животные ночью не разбрелись, продели длинную веревку, которую привязали к вбитым в землю кольшкам. Сплетённая из волокон агавы веревка бледно извивалась, а в некоторых местах была втоптана в песок копытами.

Капитан стоял, неестественно выпрямившись, неотрывно смотря в сторону западной пустыни, где темнота ещё не рассосалась, а звёзды трепетали бархатным светом, словно были далёкими насекомыми, которые вибрировали светящимися крыльями.

От лагеря следы копыт вели на запад. Даже неопытный глаз мог заметить, что лошади брели медленно, иногда останавливаясь, а затем, снова начинали двигаться. По неразберихе следов можно было догадаться, что животных никто не направлял: некоторые из них часто отходили в сторону, а потом возвращались в табун.

— Уж очень всё странно, мой капитан, — доложил Альмодовару Пачеко и подробно поделился своими наблюдениями.

— Как в Ларго Камино, — сказал Эчеверрия. — Лошади просто разбрелись, вот и всё. Но кто-то освободил их от фиксирующей верёвки.

Пачеко кивнул, соглашаясь со словами Эчеверрии.

— Надо очень внимательно, не теряя бдительности, пойти по следам, — сказал он.

— А если, — один из солдат указал рукой в темноту, — там апачи?

— Бери бойцов, сколько нужно, и идите по следам, — распорядился Доменико Альмодовар. — Без лошадей мы в полной заднице. — А затем громко и непререкаемо:

— Паскуаль!

— Но я не знаю, я ведь не спал, — сказал Паскуаль. — То есть я задремал, мой капитан, на секунду, а когда открыл глаза, лошадей уже не было.

— Пачеко! — крикнул капитан. — Паскуалья ставишь дежурным на всё время похода.

— Да, мой капитан, — донёсся голос из темноты.

Постепенно рассветало, но на западе, всего шагах в двухстах от лагеря, стена мрака оставалась незыблемой: и кусты чапаррала и редкой юкки выглядели, как присыпанные чёрно-серой золой. Следы, оставленные лошадьми, можно было разглядеть, лишь низко наклонившись и упёршись в них взглядом вертикально. Если же смотрели на следы по наклонной, вскользь, вмятины в земле словно смывало пеленой.

— А следы-то свежие, Пачеко, — прошептал Каучильо. — Вряд ли прошло более, чем полчаса.

Солдаты ещё сильнее пригнулись к земле. Они медленно поворачивали головы, осматривая пространство вокруг себя.

И вдалеке от лагеря следы показывали, что лошади лениво брели, никто их не тянул и не подталкивал. Табун сильно растянулся: только те животные, что шли впереди, продолжали двигаться на запад. Остальные, одно за другим, разбредались, и из-за этого площадь, на которой можно было проследить отпечатки копыт, становилась неохватной, выскальзывала и уходила на юг и на север, вне пределов возможностей солдат изучать землю и держаться тесной группой.

Фелисиано Эчевееррия, крадущийся на несколько шагов впереди Пачеко, резко присел. Он подобрал что-то с земли, полуобернулся на сержанта, подбросил и поймал ладонью тёмный комочек. Рассвет ещё не очертил его лицо, но Пачеко догадался, что злая усмешка скривила губы Фелисиано.

— Что там, Чано? — шёпотом спросил Пачеко.

Солдаты застыли. Все так и остались стоять в полусогнутом положении, но еле различимыми наклонами голов назад, к спине, из-за чего подбородки уходили вперёд, как бы спрашивали: «Что дальше, сержант?»

Пачеко, вытянув руку с растопыренными пальцами, несколько раз опустил её, будто пытался кого-то наклонить: «Оставаться на месте».

Низко пригнувшись, подошёл Эчеверрия и положил в ладонь Пачеко тёмный комочек. Пачеко присел на корточки, очистил комочек от земли.

— Сушеная слива, — сказал он.

— Без косточки, Пачеко, — многозначительно прошептал Эчеверрия. — Дикая слива.

— Покажу её капитану, — сказал Пачеко, поднял руку и махнул ею вперед.

Даль как-то резко посветлела, словно выбросилась из темноты. То, что скрывалось в ней, кусты чапарраля и несколько бредущих лошадей, внезапно проступило, — опаловое, истлевающее в мутной дымке.

— Сухофрукты — лакомство для лошадей, — задумчиво произнёс Пачеко.

— А то, — прошептал Эчеверрия. Злая ухмылка так и не покинула его лица. — Апачи.

Пачеко провёл двумя пальцами под глазами, будто прочертил на переносице полосу, а затем, указал рукой вперед.

— Индиос, — прошелестел шёпот над равниной.

И справа и слева от солдат, шагах в двухстах от них, виднелись лошади, которые медленно переступали ногами и что-то тщательно, опустив головы, искали на земле.

— Стой, — прошептал Пачеко. Чано остался стоять на полусогнутых ногах, но начал осторожно снимать с плеча винтовку.

Они бы ничего в сумраке не заметили, если бы несколько лошадей на западе, шагах в трёхстах от них, оставались неподвижными. Но они вздрогнули и быстро помчались с юга на север, вдоль фронта крадущихся солдат. Одновременно с нарастающим топотом копыт чётче вырисовывались гнедые тела лошадей и развевающиеся гривы.

— Поймать остальных лошадей! — крикнул Пачеко.

Над одной из лошадей взлетел всадник. Его выцветшая рубашка вздрагивала вдали бледным пятном, длинные волосы от быстрой скачки отбросило назад.

Всадник намеренно гнал лошадей вдоль фронта крадущихся по следам солдат, намереваясь забрать с собой или разогнать остальных скакунов. Он был слишком далеко для выстрела, но всё равно прижимался к шее коня, и, если бы не светлая рубашка, его бы трудно было разглядеть.

Пачеко и Эчевееррия вскочили на первых пойманных лошадей. Они не привыкли скакать без сёдел, не упираясь ногами в стремена, но всё равно, ударяя пятками по бокам скакунов, пустились в погоню.

Всадник перестал гнать лошадей с юга на север. Он резко повернул на запад. Пыль, увлажнённая утренней росой, почти не поднималась, а вскидывалась из-под копыт, как клочья грязной тряпки.

— Не догоним, — сказал Пачеко, осадив коня. — Бесполезно.

5

Поликарпио зашарил рукой возле себя, когда солнце снова добралось до него: в тени оставались лишь голова и верхняя часть тела. Он плотнее прижался к стене — от жары и выпитого алкоголя старческие суставы выкручивало и ломало. Летисия так и подумала, когда вышла на улицу, чтобы вылить грязную воду, которой мыла пол. Она ударила выплеснутой водой по жёлтому, сгущённому зноем воздуху, словно выбросила из ведра полупрозрачную птицу, от которой, через мгновение, осталась лишь тень на земле, а саму птицу скомкала и тут же сожгла жара.

Летисия посмотрела вдоль улицы, куда ушли солдаты, и только мельком взглянула на Поликарпио. Подойдя к калитке, оглянулась — старик пытался подняться на ноги. «Подожду», — решила она, снова бросила взгляд на юго-запад, но не увидела завесы пыли. «Уже удалились», — подумала Летисия и сразу, громко:

— Вам помочь, сеньор Поликарпио?

— Я сам, дочка, — ответил старик. Опираясь рукой о стену, он неуверенно поднялся и сделал шаг вперёд, но потом остановился.

— Я бы хотел ещё, — сказал он, — протянув перед собой пустую флягу.

— Само собой, — сеньор Поликарпио, — ответила Летисия. — Но я ничего бесплатно не даю.

Поликарпио похлопал себя ладонью по правому боку, будто у него на поясе висел кошель, который должен был зазвенеть новенькими эскудо и сентаво.

«Не спасёт его бруха, даже если у неё есть корень апачей», — подумала Летисия. Подождав, когда старик перейдёт улицу,

помогла ему зайти в дом. Поликарпио достал из кармана монету в 25 сентаво и бережно положил её на стол. Скользнув глазами по монете, Летисия показала старику большим и указательным пальцами, сколько нальёт текилы во флягу. Поликарпио кивнул.

— Вы из Эскандидо, сеньор Поликарпио? — спросила она.

— Не совсем, — ответил он заплетающимся языком, — но сейчас гощу у племянника, который там живёт.

— Эскандидо небольшая деревня, полтора десятка домов вокруг непересыхающего источника. Я там знаю почти всех, — улыбнулась Летисия, надеясь, что Поликарпио скажет, кто его племянник.

— Так он, — сказал Поликарпио и сразу умолк, вперившись жадным взглядом в бутылку текилы, который Летисия сняла с полки грубо сколоченного шкафа.

— Такой же пьяница, как все мужчины, да, сеньор Поликарпио? — спросила Летисия.

Поликарпио радостно закивал.

— Куда вы сейчас? — спросила Летисия, наливаю во флягу текилу.

— Искать бруху.

— В такой солнцепёк? — опять спросила Летисия. — У нас её нет. Живёт на окраине селения одна знахарка. Подождали бы до вечера.

— Мне бруха сейчас нужна, — пробормотал старик.

— Но брухи в Ларго Камино нет, сеньор Поликарпио.

— Так понятно, — опять пьяно улыбнулся Поликарпио.

— Ну что ты мучишь сеньора Поликарпио? — рассмеялся один из пеонов, который пил текилу крошечными глотками из большой глиняной чашки.

— Все вы пьяницы, — огрызнулась Летисия, но старику, внезапно став серьёзной, задумчиво сказала:

— Дай Бог вам найти, что ищете, сеньор Поликарпио.

— Спасибо, дочка, — ответил Поликарпио. Он неуверенными шагами направился к дверям, а когда вышел во двор, так же неуверенно, пошатываясь, свернул в боковую улицу и пошёл на северную сторону селения.

За всё время, которое он потратил, чтобы дойти от центральной улицы к северной окраине Ларго Камино, ему встрети-

лись только два человека, осмелившиеся покинуть дома в нестерпимую жару, — такой же старый сеньор, как он сам, но совершенно трезвый, и юная девушка лет семнадцати.

Поликарпио иногда прикладывался к фляге, и его начинало водить из стороны в сторону. В конце улицы он споткнулся о камень и упал. Поднявшись, долго отряхивал пыль со штанов и серапе, а когда шагнул в пустыню, стал выглядеть беззащитным, как все люди, раздавленные тяжестью судьбы.

Поликарпио шёл по ровной дороге, утрамбованной колёсами повозок, которыми в базарные дни часто ездили в близлежащие фермы. Он ещё несколько раз спотыкался, опускался на колено и с трудом поднимался, но доковылял до слегка холмистой местности, и только когда Ларго Камино скрылся за небольшой возвышенностью, позволил себе стройно выпрямиться. Хотя и сильно прихрамывая, он пошёл уверенной и сильной походкой неутомимого жителя пустыни.

Через полчаса, осмотревшись, нет ли случайного путника, свернул в сторону и пошел по извилистому арройо. Долго брёл к истокам высохшего ручья, пока не отыскал вход в узкую лощину. Войдя в лощину, Поликарпио приложил ладони к губам и издал звук хлопающих крыльев пересмешника. Из глубины лощины донеслось такое же хлопанье крыльев. Старик улыбнулся. Он прошёл ещё шагов тридцать, когда из-за стеблей юкки поднялся мальчик. На вид ему было лет 11–12. На нём были выгоревшая ситцевая рубашка, набедренная повязка и высокие изодранные мокасины. Руки и лицо были обожжены солнцем до дымчато-коричневого цвета, и мальчик выглядел, словно был высечен из опала.

— Жёлтый Журавль, — тихо сказал старик.

— Нана, — взволнованно произнёс мальчик. — Лошадь там, в глубине лощины.

Мальчик взял старика за руку и повёл между крупных камней, вымытых из почвы во время ливней. Лошадь стояла смиренно, лениво скидывая хвостом, чтобы отгонять слепней.

— Девочек повели в Коауильо, — сказал Нана. — Будут двигаться через Чинапу и Уальоа.

— Мы их спасём, Нана? — спросил мальчик, подняв на старика раскосые, пронзительно чёрные глаза.

— Конечно, Желтый Журавль, — ответил Нана. — Ведь ты мой секундо, моя правая рука.

— Я слишком маленький секундо, — сказал мальчик и опять пристально посмотрел на Нану.

6

Все лежали, укрывшись за сёдлами или за быстро насыпанными холмиками земли, только капитан сидел возле огня, напоминающего птицу с растопыренными перьями, так и не сумевшую взлететь среди серого однообразия рассвета. На землю заставили лечь даже мулов и апачек. Солдат, который их сторожил, лежал на боку и держал в руках направленную на девочек винтовку.

Пачеко и Эчеверрия вернулись с половиной солдат, отправившихся по следам. Остальные остались ловить разбредшихся лошадей.

— Брухо. Брухо, — говорили вернувшиеся солдаты. — Только брухо мог так заманить скакунов.

Доменико Альмодовар, не поднимаясь с седла, на которое присел, вопросительно посмотрел на сержанта и кивком головы показал, чтобы тот и Эчеверрия подошли к огню.

Пачеко и Эчеверрия присели на корточки возле костра.

— Я так понял, что опасности уже нет, — сказал капитан.

— Но и почти половины лошадей нет, мой капитан, — сказал Эчеверрия.

— Сколько потеряли? — голос Доменико Альмодовара был спокойным, а сам он выглядел не выспавшимся и скучным, как ранний дождливый день.

— Пять лошадей, мой капитан, — ответил Пачеко. — Апачи.

— Сколько их было?

— Видели одного, мой капитан, — сказал Фелисиано Эчеверрия.

— Только не нужно меня кормить сказками про брухо. Я в это не верю. Можно дать отбой тревоги?

— Можно, — кивнул Пачеко. — Я думаю, что до ночи апачи не будут давать о себе знать.

Капитан взмахнул рукой.

— Отбой! — крикнул он, и люди начали подниматься из-за сёдел и холмиков земли. Вскочил на ноги и Франциско Берручете. Он находился возле мулов.

— Хорошо, что лейтенант мулов сторожил. Без него мы бы и их потеряли, — осклабился Пачеко.

— А то, — хмыкнул Эчеверрия.

— Да ладно вам, — сказал Альмодовар. — Его приставили к нам, вот и всё. А ты, Пачеко, хорошо сделал, что оставил мулов посреди лагеря, возле индианок.

— Вьючные мулы — самое ценное, что у нас есть, — ответил Пачеко. — Вот, мой капитан, — протянул он Доменико Альмодовару сушёную сливу.

— Сухофрукт, — констатировал Альмодовар, взяв сливу двумя пальцами и небрежно рассмотрев её.

— Сливу нашёл Чано, — сказал Пачеко. — Там, где прошли лошади, которых, якобы, заманивал брухо.

— Лошади любят сухофрукты, я знаю, — сказал Доменико Альмодовар.

— Я думаю, что дело было так, — продолжал объяснять Пачеко. — Действовало, как минимум, два апача. Один с восточной стороны лагеря, другой с западной. К лагерю они подкрались одновременно. Тот, что с восточной стороны, подошёл к нам не ближе, чем на 200 шагов, и прокричал кузнечиковым хомяком. Все всполошились, побежали к восточной стороне лагеря. А этот олух, Паскуаль, хотя и не покинул лошадей, которых был приставлен сторожить, разинул рот и всё время, пока мы узнавали, что случилось, пялился на восточную сторону лагеря.

— В это время другой апач, — сказал Эчеверрия, — подобрался к табуну и разбросал сушеные сливы, перерезал фиксирующую лошадей веревку, но так, чтобы оставались нетронутыми пара волокон. Слегка дёрнул — и веревка порвалась.

— Потом он, — сказал Пачеко, — отошёл на запад, в пустыню, но продолжал разбрасывать сухофрукты.

— Мне кажется, что вы морочите мне голову. Где индейцы взяли сухофрукты? Запустили руку в карман и вытянули их оттуда? Где? — спросил Альмодовар.

— Мой капитан, да ведь апачи везде, где они бродяжничают или куда совершают набеги, делают тайные хранилища продук-

тов и оружия в расщелинах скал или, если это плоская пустыня, возле какого-то ориентира выкапывают яму и в ней, обернув шурами, прячут съестное или боеприпасы, — сказал Пачеко.

— Дикие сливы они всегда заготавливают в период их созревания, и семена пиньон, и плоды мескито, — добавил Эчеверрия.

— Я знаю об этом, — ответил Альмодовар. — Но, чтобы так далеко от границы, и так всё совпадало, чтобы место, где они в прошлом году припрятали припасы, находилось недалеко от места, где мы разбили лагерь на пути в Уальоа, это уж слишком.

— Да может, апачи постоянно возили с собой сумку со сливами, мой капитан, — сказал Пачеко. — Тот, кто разбросал сливы, просто ждал в четверти лиги от лагеря, когда лошади подойдут к нему.

— Лошади передвигались неспешно, мой капитан, — сплюнул Эчеверрия. — Просто разбрелись в поисках слив, поэтому и не было слышно, как они отошли от лагеря.

— А ведь хитро придумано, — сказал Альмодовар. — Дождлся апач первых лошадей, которые к нему подошли, и ускакал вместе с ними.

— Не сработала бы их хитрость, если бы Паскуаль не уснул, — сказал Эчеверрия.

— Кто знает? — добавил Пачеко. — Если бы Паскуаль не уснул, его бы нашли с перерезанным горлом, а лошади всё равно бы разбрелись.

Капитан внимательно посмотрел на сержанта.

— Я его наказал, — сказал он. — Проконтролируй, Пачеко. Паскуаль должен навьючивать мулов, разгружать их, делать все остальные работы. И только он один. А когда прибудем в Уальоа, разберемся. Может, он за это время исправится.

Показался край солнца — всё, что хоть немного возвышалось над плоскостью пустыни, вспыхнуло. И люди, и предметы обрели другой цвет, — оранжевый, густой, пропитанный отсветами далёкого огня. Станным образом, но только индианки как бы оставались в сумраке, будто лучи солнца не коснулись их. Они сидели в середине лагеря, прижавшись друг к дружке, и казались грязным тряпьем, чем-то, от чего люди, обычно, пытаются избавиться, как от чувства вины или навязчивых воспоминаний.

Ещё около часа ждали, пока солдаты возвратятся с пойманными лошадьми. Как и сказал Пачеко, не доставало пятерых скакунов, тех, которых увёл всадник в светлой рубашке.

Доменико Альмодовар дал солдатам приказ поочерёдно ехать на одной лошади: один в седле, другой некоторое время идёт пешком, а после, меняются. Под вечер, когда спадёт жара, можно ехать по два человека на лошади. Но, чтобы не снижать бдительность и быть готовыми быстро защититься от нападения или начать преследовать врага, у себя за спиной никого не садили сам Альмодовар, лейтенант Берручете, сержант Пачеко и Фелисиано Эчеверрия.

— Получается, мой капитан, что солдаты затискают не апачек, а друг друга, — расплылся в лучезарной улыбке Эчеверрия.

Каучильо не знал о просьбе Пачеко посадить индианок на лошадей вместе с солдатами, и исподлобья, пытаясь перевернуть в сознании непонятную мысль, смотрел на Чано.

7

Колонна передвигалась медленно и постепенно укрывалась пылью. Она напоминала окукливающуюся гусеницу, которая, зарастая плёнкой или волокнами, обретает состояние другого существа. Пленниц, как и в первый день, вели в середине колонны. Все, кто, поворачиваясь, бросал на них взгляд, приходил к мысли, что именно апачки притягивают жару, словно все они были брехос, а движение колонны на юго-восток являлось колдовским ритуалом, увеличивающим нестерпимый зной. Солнце поднималось всё выше и выше, поэтому чудилось, что колонна сползает под небеса, будто уходит под наклоном в кажущиеся белесыми огни геенны.

— Воды хватит только до завтрашнего утра, мой капитан, — подъехал к Доменико Альмодовару сержант Пачеко. — Да и воняет она козлом.

— Так ведь из козьих шкур сделаны бурдюки. Тебе хочется, чтобы они пахли лавандой? — спросил капитан.

— Надо было больше брать с собой бурдюков, — ответил Пачеко.

— Но мы же потеряли пятерых лошадей, сержант, так что воду, предназначенную для всех животных, поделим между оставшимися.

— Всё равно не хватит до Чинапы, мой капитан. Я уже распорядился уменьшить долю воды для каждого.

— И для животных тоже?

— Да, мой капитан.

Подошёл Каучильо.

— Диего, ты устал? — спросил Пачеко. — Садись на мою лошадь. Я пройду немного пешком.

— Оставайся в седле, Пачеко. Тебе, как сержанту, необходимо осматриваться, — сказал Каучильо. — А индианки? — обратился Каучильо уже к капитану. — Они дойдут? Сколько им даёте воды?

— Как и всем, Диего, — ответил Пачеко.

— Но они босиком, мой капитан, — многозначительно сказал Каучильо, — по раскалённой земле.

Альмодовар подозрительно посмотрел на Диего, но промолчал.

— Мы ведь и не подумали, что у них нет мокасин, — сказал Пачеко. — Их что, дон Мигель снимал?

— Он всё подгребает под себя, любое барахло. Лишнего не упустит, — рассмеялся Эчеверрия.

— Вот, что означает быть торговцем, мой капитан, — сказал Каучильо.

— Что? — удивлённо спросил Альмодовар.

— Подгребает всё под себя, этот дон Мигель. Даже у пленниц забрал обувь.

— Но мы ведь этого не знаем, Каучильо, — сказал Пачеко. — Может апачки в плен попали разутыми.

— Обувь с них сняли ещё в Трес Кастильос, успокойтесь, — сказал Альмодовар. — Босиком по острым камням трудно убежать.

Чем ближе к Чинапе, тем гуще равнина покрывалась низеньким чапарралем.

— Но кустов, всё равно, кот наплакал, — сказал Пачеко.

— Ты это к чему? — то ли негодуя, то ли недоумённо вскинул брови Альмодовар.

— Апачкам трудно будет спрятаться, если что, мой капитан.

Периодически Пачеко и Эчеверрия подъезжали к индианкам и смотрели на них, — как-никак, все они годились в отцы этим девочкам, и состояние неловкости, которое часто овладевало ими, заставляло их проверять, как чувствуют себя пленницы.

— Жалеешь? — спросил Эчеверрия, как всегда расплывшись в ухмылке.

— А ты нет? — в свою очередь спросил Пачеко.

— Просто проверяю тебя, — хохотнул Эчеверрия. — Не стал ли ты черствым.

— Ты за собой смотри, Чано, понял? Давай в конец колонны и всё проверь.

— Понятно, — ответил Эчеверрия и тронул коня, направив его в хвост колонны.

Фелисиано уже осматривал усталых солдат и изнурённых лошадей, как раздался долгий и частый треск, которым словно покрошили тишину, а, вместе с ней, и идеально ровную линию горизонта. Частая дробь ударила вверх и вниз, а потом скользнула под ветками чапарраля — долгий дребезжащий звук, который начал постепенно удаляться.

Навьюченный мул шарахнулся в сторону от тропы и побежал через кусты. Несколько лошадей вздыбили пыль. Эчеверрия не смог удержаться на своем скакуне и, задев при падении Педрито, повалился с ним в песок. Остальные мулы ринулись вдоль тропы, сбивая с ног людей и расталкивая в стороны всадников.

— Ветки бурдюк продырявят! Ловите его! — крикнул Пачеко.

Испуганный мул все так же ломился сквозь кусты. По бурдюкам, колышущимся на его боках, стегали ветки. Одна из них обломанным концом смяла бурдюк и отбросила его к задним ногам мула. Животное резко повернуло на восток, а из продырявленного бурдюка сверкнула искрящаяся струйка, которая, когда соприкасалась с крупом, окрашивала его в тёмный цвет.

— За пленницами смотрите! — крикнул капитан, гарцуя на узкой тропе впереди колонны.

Первым сориентировался Франциско Берручете: он развернул коня и пустил его вдогонку убегающему мулу. Когда лейтенант уже поравнялся с мулом и пригнулся, чтобы схватить обезумевшее животное за поводья, снова громкое дребезжание рассыпалось над равниной, — мул кинулся вправо и повалил Берручете вместе с его конём.

Лейтенант закричал:

— Доменико, конь придавил меня!

Поднявшаяся из-под ног лошадей пыль сгущалась и мутнела. Над серыми клубами виднелись головы только самых рослых солдат.

Альмодовар, направив коня через кусты, подъехал к лейтенанту. Несколько обломанных веток, полоснув его коня по ногам, оставили на них красные полосы. Капитан свесился с седла, будто нырнул в пыль. Из сизых наплывов его глаза ушли в жёлтое пятно: возле самой земли пыли не было — над равниной стелился прозрачный и довольно широкий пласт пространства, над которым, медленно клубясь, пыль уползала по равнине на север. Лицо Берручете было неестественно белым, глаза потемнели от боли и казались черными. Упавшая лошадь пыталась подняться, однако, тем самым, еще сильнее давила на ногу лейтенанта.

— Доменико, — заскрипел он зубами.

— Сюда! — крикнул Альмодовар, соскочив с седла и тщетно пытаясь освободить ногу Берручете из-под лошади. — Привалило его!

— За пленницами смотри, Каучильо! — распорядился Пачеко. — Всем быть начеку!

Подъехав к лейтенанту, он спрыгнул с коня. Вытянув из ножен широкий нож, разрезал переплетение веток, мешающих освободиться ноге коня Берручете. Конь взмыл, обнажив участок земли, на котором только что лежал. В голени нога лейтенанта была неестественно изогнута в сторону.

— Перелом, — сказал Пачеко.

Животные успокоились. Люди застыли. Мул, сбивший Берручете, стоял в нескольких шагах от Пачеко. Его бока были мокрыми и переливались черным глянцем. Бурдюки сморщились и висели, как мокрые тряпки.

Пыль относил в сторону, показались пленницы. Неподвижные, они сидели на земле, обхватив руками согнутые в коленях ноги. Их глаза уходили на юг — немигающие, внимательные, с непроницаемо черными радужками, которые, по мере ухода облака пыли на север, начинали отливать синевой. Над ними высился Каучильо — растерянный и возмущенный. Он никак не мог решить, куда направить винтовку — на девочек или стволом в пустыню.

К Альмодовару и Пачеко подошел Эчеверрия, ведя коня за поводья.

— Надо бы ногу укрепить чем-то жестким, мой капитан, — сказал он.

— Потерпи, Панчо, — сказал Альмодовар лейтенанту. — Никто не ожидал. Но в Уальбоа мы тебя доставим.

Лейтенант закусил губу и пытался согласно кивать, из-за чего по его подбородку растекалась кровь.

Эчеверрия принялся изготовлять из веток накладку на ногу.

— Здесь что, кубло гремучек? — спросил у Пачеко внезапно осунувшийся и из-за этого выглядящий постаревшим Доменико Альмодовар.

— Сейчас проверю, мой капитан, — ответил Пачеко.

— Но осторожно, сержант, — сказал Альмодовар. — Ты-то хоть себя побереги.

Пачеко сделал усталый жест, мол — «уж как-нибудь». Он направился к кусту, от которого шарахнулся мул, обошел росший широким кругом чапарраль, потом присел на корточки. Немного повозившись, начал что-то вытягивать из скопления прикорневых стеблей.

— Вот оно, — показал он капитану длинный гибкий прут, к концу которого была привязана трещотка гремучей змеи.

— Прут стеганул параллельно земле, мой капитан, — сказал он. — А трещотку отрезали сегодня утром: мясо на срезе еще свежее.

Альмодовар долго смотрел на сержанта.

— А как они укрепили прут? — наконец спросил он.

— Как обычно, когда делают силок с разгибающейся веткой, только ветка была укреплена так, чтобы, когда заденут за волосок, удерживающий ее, разогнуться параллельно земле. Да и волосок был хитро протянут. Мул должен был задеть его поклажей, которая свисала с его боков, что и произошло. Если бы закрепили иначе, прут с трещоткой взмыл бы над кустом.

— Ну а там, первый раз, тоже? — спросил Альмодовар.

— Сейчас проверю, — сказал Пачеко.

— Но только не торопись. Вдруг там настоящая гремучая змея.

— Хорошо, мой капитан, — ответил Пачеко.

В том месте, от которого мул шарахнулся первый раз, были поставлены такие же силки с разгибающейся веткой, к концу которой был привязан погремок гремучей змеи.

Увидев прут, который Пачеко поднял высоко над собой, капитан кивнул.

Облако пыли медленно уходило на север, растрепывалось по краям и постепенно таяло. Люди провожали его взглядами, будто оно уносило с собой и прятало в себе нечто, что они хотели бы оставить при себе.

Франциско Берручете посадили на коня, но он не мог держать в стремени свою правую ногу, укрепленную шиной из веток.

— Как я буду ехать? — спросил он.

— А вы постарайтесь, мой лейтенант, — ответил Эчеверрия.

Вскочив в седло, Альмодовар посмотрел на облако, которое продолжало уходить на север.

— Все никак не рассосется, — сказал он.

Через минуту капитан оглянулся и снова посмотрел на облако. За это время его отнесло шагов на тридцать, однако на том месте, где оно находилось минутой ранее, высился всадник, хотя раньше горизонт был чистым.

Эчеверрия вскинул винтовку.

— Слишком далеко, — сказал Альмодовар, — не достанем. Но Эчеверрия все равно выстрелил.

Всадник так и остался висеть изваянием. Легкий ветер развевал его волосы, тело отдавало тёмной бронзой.

— Это ребенок, — прошептал Пачеко, положил руку на ствол винтовки Эчеверрии и опустил её.

— Не горячись, Чано, — сказал он. — Там, на коне, ребенок.

Фелисиано отвел в сторону глаза.

— Мы все здесь свихнемся из-за них, — сказал он. — Все.

— Но почему именно ребенок? — спросил Каучильо. — Что, вообще, все это значит?

— Ты спроси это у апачей, солдат, — отрезал Доменико Альмодовар. — Особенно у тех, которых мы ведем.

— У девочек, что ли? — снова спросил Каучильо.

— Ну и недоумок ты, Диего, — сказал Эчеверрия и покрутил пальцем у виска.

Колонна тронулась, без какого-либо шума, но тяжело, с наугой, как начинают двигаться жернова, лишь только ветер переместит лопасти ветряной мельницы. Людям чудилось, что они остаются на месте, а земля под их ногами смещается и плывет по кругу, точно ярмарочная карусель.

Берручете постоянно сползал вправо, ибо не мог упираться переломанной ногой в стремя, и Пачеко, встретившись глазами с Каучильо, кивком головы указал на лейтенанта: мол, будь рядом и помогай.

— Почему я? — шепотом спросил Каучильо. — Индейцы, вон, ездят без стремян. Пусть и лейтенант попробует.

— Но Берручете ведь не виноват, — сказал сержант. — С каждым может случиться.

Перед закатом не прозвучало никакой команды, просто Альмодовар, ехавший во главе колонны, повернул лошадь и, вонзившись зрачками в индианок и солдат, будто нанизал их на свой взгляд. Все сразу остановились и принялись расседлывать лошадей. Седла расположили по кругу, чтобы те послужили защитой во время нападения врага на лагерь. Костры зажгли с внешней стороны лагеря, а лошадей и мулов расположили в его центре. Животные возвышались в сумерках, делая лагерь похожим на низкий курган, из которого перед наступлением ночи выползли погребенные в нем существа.

Альмодовар, не таясь, сидел возле огня и тщательно пережевывал кукурузную лепешку. Тортильяс в этот вечер испек по собственной инициативе Педрито, но все догадывались, что он пытается помочь своему другу Паскуалю. Тому и так выпало забот невпроворот: и снять поклажу с мулов, и насобирать веток для костров.

— Вы как на ладони, мой капитан, — сказал Пачеко, присаживаясь возле Альмодовара.

Капитан непонимающе посмотрел на него.

— Ты же говорил, Пачеко, что сталкивался с апачами, — сказал он.

— Бывало и такое, — ответил Пачеко.

— Неужели не уяснил, что от апачей не спрячешься? Вот мы сегодня увидели их пацаненка, но только потому, что он сам этого захотел.

— Однако, мой капитан, — возразил Пачеко, — вас легко снять одним выстрелом. Издалека.

— Из глубин пустыни? — улыбнулся Альмодовар. — Неужели ты не понял, сержант, что в планы апачей не входит нас убивать.

— Это я хорошо осознал. Если бы иначе, то уже прошлой ночью мы бы нашли Паскуаля с перерезанным горлом.

— Они боятся озлобить нас, Пачеко. Озлобить настоящего. Ввергнуть нас в гнев. Они боятся, что мы выплеснем наш гнев на девочек.

— А прямым нападением им нас не взять. Им не нужен открытый бой.

— Правильно, Пачеко. При перестрелке могут пострадать и девочки. Да и апачей-то сколько? После резни в Трес Кастильос на воле апачей Теплого Источника осталось не больше пятнадцати человек. Половина из них рыскает возле Чиуауа, чтобы освободить женщин и детей, которых заперли в городской тюрьме. Так что те несколько индейцев, которые преследуют нас, никогда не решатся на прямое нападение, даже если бы мы были без девочек. Их слишком мало.

Пачеко сплюнул.

— Так вот в чем дело, — сказал он. — Всю эту историю с пленницами заварили только для того, чтобы обезопасить переезд Берручете из Ларго Камино в Коауильо? Тьфу ты.

— Может и так, Пачеко, — сказал Альмодовар, — я не знаю. Я тоже об этом думал. Но кто может быть уверенным?

— Что нам конкретно делать, мой капитан? — спросил Пачеко.

— Побыстрее дойти до Уальоа и передать пленниц в другие руки.

Доменико Альмодовар не хотел осматривать горизонт, да его и не было: ночь стала плотной, непроницаемой, как черная скала,

и лишь когда костры начали затухать, крошечными отверстиями от пуль вспыхнули звезды, будто из противоположной стороны темноты был произведен залп из множества стволов.

Дежурных Пачеко проверил в полночь.

— Не маячить, — сказал он. — Распластаться на земле и вслушиваться в тишину. И не дай Бог, кто уснет.

— Не враги мы себе, сержант, — ответил Педрито. — А то проснусь утром с перерезанным горлом, что и слова не смогу сказать. Кто же тогда будет с тобой пререкаться?

Робкий смех пробежал над самой землей, ниже затухающих языков пламени.

Пачеко лег недалеко от капитана. Перед тем, как уснуть, посмотрел на небо. Оно мгновенно подалось назад, и пространство как бы прояснилось или перестало быть стеной, хотя вокруг ничего не было видно: чувствовалась пустота — бесконечная, холодная, хотя в ней уже угадывались далекие и замершие объекты.

Пачеко проснулся не от шума и крика. Не было слышно даже шороха, но Педрито, присев возле него на одно колено, надавил ладонью на плечо.

— Чувствуешь, сержант? — шепотом спросил он.

Тишина была абсолютной. Но она двигалась. Окутывала лагерь и одновременно подкрадывалась к нему. И там, где темнота была непроглядной, уходящее в ночь продолжение безмолвия внезапно обрывалось, как над пропастью, откуда если и может что-то доноситься, то только крик отчаяния.

Пачеко присел. В ответах звёзд лицо Педрито казалось бесцветным — серое на черном, но глаза, почему-то, были лиловыми.

Пачеко и Педрито растерянно вглядывались в темноту, хотя все окружающее говорило им, что нужно закрыть глаза и даже не вслушиваться, а просто ожидать, когда тишина подтянет к себе свой далекий край, как шлейф или хвост, и прямо перед положенными на землю седлами разверзнется бездной.

— Что они вытворяют, Пачеко? Что? — спросил Педрито.

Существо, похожее на горбатого гнома, приблизилось из центра лагеря к сержанту.

— Тьфу ты, Чано, хотя бы голос подал, — сказал Пачеко.

— Слышишь? — спросил Эчеверрия, так и оставаясь согнувшимся. — Не к добру. Какая-то мрачная тишина.

— Что они вытворяют? — опять спросил Педрито.

— Это пустыня с ними, на их стороне, — прошептал Фелисиано. — Я слышал об этом от старых солдат.

Нечто, только напоминающее слабый звук, но неуловимое на слух, очертило кольцо вокруг лагеря. Его и визуально невозможно было заметить, ибо шум исходил как бы из глубин земли, но не дрожанием или вибрацией, а походил на поднимающиеся к поверхности пустыни силы гравитации, которые потом затянут в каменные глубины любую живую плоть.

— Словно желудок перевернулся, — сказал Пачеко.

Тонкой ниткой звук пронизал пространство, но его ещё никто не расслышал. Он был натянутым, как тетива, которая вот-вот лопнет. Но звук выразил себя, словно в темноте тонкой линией вскинулся песок и опал. Почудилось, что почва поднялась узким валиком вокруг лагеря и исчезла. Этого никто не видел и никто не слышал, но шорох песчинок как бы прозвучал, хотя его не могло уловить даже самое чуткое ухо, — именно так пытались объяснить возникновение шума те несколько человек, которым удалось его почувствовать — Фелисиано, Пачеко и Берручете.

Постепенно сжимаясь, шум побежал к лагерю, как возвращающаяся к центру всплеска концентрическая волна. Но спустя несколько секунд он усилился, из-за чего нехорошо екнуло у Пачеко под сердцем, а сознания коснулась догадка, что интенсивность этого звука нужно улавливать не слухом, не зрением, а ощущением времени — минут или часов, которые остались до смерти.

Он резко повернулся — девочки не лежали, а сидели, напряженные, готовые в любой момент подняться на ноги. Все они опустили глаза к земле, только старшая пронзала взглядом Пачеко и Эчеверрию, словно выстрелом.

И тогда звук появился, как если бы задрожала далекая струна, которая была присыпана песком и, при звучании, обнажилась. Затем снова наступила глубокая тишина, а, вслед за нею возник далекий, доносящийся из окраин ночи гул.

— Они скачут вокруг лагеря и сужают кольцо! — закричал Берручете, и сразу после его звонкого голоса пространство придвинулось к лагерю все нарастающим и нарастающим топотом копыт.

Пачеко видел все это — лагерь, укрытый темнотой, взбурлился, люди бежали к седлам и падали возле них, вытянув перед собой винтовки.

— Они сужают кольцо! — закричал Пачеко. — Пока никому не стрелять!

Пригнувшись, подошел Альмодовар.

— Обезумели, — сказал он. — По моим подсчетам их всего несколько человек.

— Кто его знает, мой капитан, — ответил Эчеверрия. — Может к апачам Теплового Источника присоединились апачи недни из Сьерра Мадре.

А потом звук вырос стеной, которая смыкалась вокруг лагеря и вращалась со все большей и большей скоростью.

Выстрелили все, без команды, но в один момент пронизали пространство вокруг лагеря ровными светящимися линиями, теряющимися в темноте, словно лагерь был черным солнцем, внезапно выпустившим из себя оранжевые лучи.

Потом звук оборвался, будто его перерубили. И мрак вновь обрел чистоту, то состояние незамутненности, когда в нем невозможно уловить даже самый слабый шорох.

Начинало светать, но видимыми вначале стали только пленницы, словно утро, когда подступило к лагерю, никого не хотело замечать, кроме апачек — сосредоточенных, собранных, с не поддельски пытливыми глазами, уходящими в безмолвие, которое постепенно приобретало серо-пепельный цвет.

Открывающаяся пустыня казалась незнакомой, хотя вечером никто специально не запоминал расположение кустов чапаррала с южной стороны лагеря или же с северной. Наступал неузнанный день, и его контуры проступали не из прошлого или очевидного будущего: он обретал черты пространства, которое невидимые апачи оставили за собой, перестав атаковать лагерь. Он был временем, покинутым охотниками Теплового Источника, и больше не принадлежал ни замершим за седлами солдатам, ни прядущим ушами лошадям, ни понурым мулам, — день становился неузнанным и пытался уничтожить, укрыть пепельным светом всех, кроме нескольких пленниц.

— Вот тебе и на, — прошептал Эчеверрия, — расположились на ночь как бы в одном месте, а проснулись в другом.

С востока потянуло дымом — визуально. Он светлой полосой стелился к лагерю, пока не накрыл собой все пределы пустыни, и снова все стало выглядеть, как в тумане, но в каком-то сухом, воспламеняющемся: стоит высечь из огня искру, как пространство наполнится раздувающимися клубами огня, и только первые лучи солнца, срезав над землей пласт серой пелены, словно освежали лагерь, как тушу, над которой замутнёнными разводами воздуха поднималось тепло плоти.

Ночь шла и оставила след — надавила ступней на равнину, и то место, где ее нога оторвалась от земли, стало начинающимся временем дня.

Пачеко всматривался в даль. Он пытался мысленно подтянуть её к себе, но только как предположение. И лишь когда лучи солнца престали стелиться параллельно земле и уперлись в нее под острым углом, кусты чапарраля перестали казаться могильными холмиками. Они всплыли над поверхностью равнины как зеленовато-бурые гнезда, в которых до наступления сумерек умолкло ночное небо. Чудилось, слегка задень растение, и оно выбросит из себя длинную тень, точно вену, которая во время заката и соединяет креозотовый куст с приближающейся к нему темнотой.

Пачеко поднялся на ноги. То же сделал и Каучильо, но на противоположной стороне лагеря. Пачеко просто повел в сторону подбородком, и Диего догадался, что должен осмотреть пустыню с юга от лагеря. Пачеко перешагнул через седло, но, когда надавил ступней на песок, почувствовал, что земля под ногами расползается, как бы тянет его вниз, впрочем, высь над головой даже не качнулась, а затуманилась зыбью, однако только там, куда не доходил взгляд сержанта.

Он осторожно пошел от лагеря, скользя глазами по поверхности пустыни. Позади него переступили через седла Доменико Альмодовар и Фелисиано Эчеверрия.

— Они как бы мчались по кругу, — сказал Эчеверрия. — Как будто прошли плугом, который нёсся, как стрела.

Губы Чано раздвинула глупая и растерянная улыбка.

— Апачи это, — сказал он. — Кто ещё мог такое сотворить?

Куст чапарраля, ничем не отличающийся от других кустов, но растущий немного в стороне от условной траектории,

вдоль которой трое мужчин отходили от лагеря, как бы задышал. Переглянувшись между собой, Пачеко и Альмодовар подошли к нему. Эчеверрия вскинул винтовку и обшарил глазами бугристую даль.

За кустом лежала лошадь, изрешеченная пулями. Весь её правый бок лоснился кровью, будто она была накрыта кумачом, красная пена пузырилась на губах. Она тщетно пыталась оторвать от земли голову. Её взгляд был глубоким, не имел границ и словно бы исходил из центра земли, где в песке перемалывались кости всех животных, когда-либо погибших в пустыне.

— Наша лошадь, — сухо сказал Пачеко. Он кивнул Эчеверрии, а сам начал внимательно рассматривать следы возле умирающего коня. Эчеверрия, вытянув из-за пояса нож, полоснул животное по шее.

— Две цепочки следов, — сказал Пачеко. — Мчались по кругу. — Вон там, — он указал рукой, — ещё две цепочки следов. Круги постепенно сужали.

— Они затягивали вокруг нас петлю, — сказал Альмодовар. — Но почему такое ощущение, будто сама безысходность набросила на нас удавку?

— Это их безысходность, — ответил Пачеко. — Они находятся в безысходности.

— Они начали издалека, — продолжил Пачеко после того, как увидел глаза Эчеверрии — сосредоточенные и возмущенные. — Всадник скакал по кругу, по часовой стрелке. Справа от себя он придерживал за поводья нашего коня.

Пачеко оглянулся. К ним, огибая лагерь, двигался Диего Каучильо, сжимая в руках нечто, похожее на серую тряпку.

— Вот слабо выраженный след в полутора шагах от нашего коня. Просто углубления. Но они идут равномерно. Понимаете, мой капитан? — вопросительно посмотрел на Альмодовара Пачеко.

— Дай-ка мне сосредоточиться, Пачеко. Ты хочешь сказать, что два коня скакали рядом друг с другом по кругу. По часовой стрелке, как ты заметил. Но следы одного коня не отчетливы, и этот конь...

— С внешней стороны, мой капитан. Конь, который оставил отчетливые следы, прикрывал собой другого коня. Ну, вы понимаете меня, мой капитан.

— Как лошади могли так передвигаться? По чьей указке? Они ведь не научены проделывать подобные трюки.

— Похоже, что копыта одной лошади были обмотаны кусками кожи, чтобы следы выглядели размытыми, нечеткими, или чтобы приглушить удары копыт о землю или о камни.

— Каучильо уже подошел к ним и перебежал глазами от Пачеко к Альмодовару, а от Альмодовара к Эчеверри.

— Что там у тебя? — спросил Пачеко.

Трое солдат поднялись на ноги. Педрито даже сделал несколько шагов, но сержант остановил его движением руки.

— Вот, — протянул Каучильо кусок кожи.

Пачеко осмотрел её, помял пальцами, понюхал, а, затем, передал Эчеверри.

— Кожа с мехом. Хорошо продублена. Это кусок от нашего продырявленного бурдюка, который мы выбросили, мой капитан.

На лице Альмодовара появилось слабое подобие улыбки, но она была растерянной.

— Надо пройти по кругу, а потом чуть дальше от лагеря, — сказал Пачеко.

— Давайте, — распорядился Альмодовар. — Хотя я уже догадался. Жду вас в лагере.

— Иди вместе с капитаном, Каучильо, — кивнул через плечо Пачеко. — А я с Чано тщательно всё осматрю.

— Ага, — Диего Каучильо поспешил за Доменико Альмодоваром, который шёл к лагерю и рассматривал его, как арену, где он должен сразиться с судьбой. Он не брал в расчет солдат. Единственными зрителями будут девочки-апачки — собранные, безучастные и неподвижные. Они станут отстраненно наблюдать, как он начнёт метаться на арене посреди пустыни. Он ясно видел вымышленную сцену, но замечал и все мельчайшие детали лагеря, начинающих седлать лошадей и навьючивать мулов солдат. Он, Доменико Альмодовар, будет сражаться до полудня. Солнце высосет из него последние силы, и он повалится перед пленницами, тяжело дыша, с потрескавшимися губами, обезвоженный, с сухой, как чешуя, кожей.

— От жажды? — прошептал он и обернулся, чтобы окинуть взглядом равнину, ведь воды осталось самая малость: дать по глотку людям, а лошадей и мулов повести умирать к высокому полудню.

Отдавая короткие команды, Альмодовар периодически следил за Пачеко и Эчеверрией. Те обошли лагерь по кругу, затем направились на север и почти скрылись из глаз, но можно было разглядеть, как они присели на корточки и что-то рассматривают на земле.

— Воды бы, мой капитан, — сказал Паскуаль. — Пора пить воду и двигаться в Чинапу.

— А может, помолчишь? — услышал Альмодовар надтреснутый голос Диего Каучильо. — Пачеко отвечает за воду. Сейчас вернется, может, и даст нам по глотку.

Колонна уже выстроилась, готовая по первому зову двинуться на юго-восток, день поднялся выше, как пылающий зверь, намеревающийся сорваться для быстрого и беспощадного бега.

Альмодовар сузил глаза — Пачеко что-то чертил рукой на земле.

— Видишь, — сказал сержант, — вот здесь у нашей лошади оторвалась обмотка от копыта. След от остальных ног мягкий, почти не существующий.

— Как раз здесь Каучильо и нашел кусок кожи, — сказал Эчеверрия. — Знаешь, сержант, однажды мне пришлось побывать в центре смерча. Не такого огромного, чтобы он оторвал меня от земли. Но то, что я чувствовал, находясь внутри него, очень похоже на ощущения, которые нам довелось испытать сегодня перед рассветом.

— Они и кружились вокруг нас, как смерч, — ответил Пачеко. Сужали и сужали кольцо.

— А иногда казалось, что звук падает с высоты. Будто над нами изгибался хобот смерча.

— Видишь, — сказал Пачеко, — еще один кусок кожи.

— Плохо привязали к ногам? — спросил Эчеверрия.

— Они специально это сделали.

— Я тоже так думаю, Пачеко. Хорошо, что мы с тобой пошли читать следы. Никто другой бы не скумекал.

— Не хвастайся Чано, — снисходительно улыбнулся Пачеко. — Ты же знаешь, что я и Альмодовар ценим тебя.

— А Берручете? — спросил Чано.

— Да приставили его к нам, — ответил Пачеко.

— Ага, до Уальоа, — беззвучно засмеялся Эчеверрия.

Когда Альмодовар выслушивал вернувшихся Пачеко и Эчеверрию, ему пришлось и вникать в их слова, и одновременно вскидывать брови, как короткие палочки, давая понять остальным солдатам, чтобы те возвращались на свои места в колонне. Индианки находились в середине колонны. Легкий утренний ветер колыхал на них грязную изорванную одежду. Самая старшая девочка была среднего роста, даже несколько приземистая. Но она все равно высилась, словно не касалась ногами земли. Эчеверрия переглянулся с Пачеко, рассказывающего капитану о том, что им удалось обнаружить, и тот понял его. «Так вот он, смерч. Вот кто является смерчем», — подумал Эчеверрия, встретившись глазами с долгим взглядом девушки.

— Апачи обвязали копыта лошадей кусками козьей кожи. Куски отрезали от выброшенных нами продырявленных бурдюков, мой капитан, — сказал Пачеко. — Обвязали мехом наружу. Но проделали всё хитро. Было четыре лошади. Две с одной стороны лагеря и две с другой. На одной лошади скакал апач, другая бежала рядом с ним, ибо он постоянно её удерживал. Вокруг копыт своих лошадей апачи кожу обвязали крепко, основательно. Вокруг копыт наших — слабо, именно так, чтобы при быстрой скачке куски начали отрываться.

— Так ведь наши лошади ещё и подкованы, — заметил Альмодовар. — А чем привязывали?

— Волокнами из стеблей юкки. Её здесь полно. Они начали издалека. С противоположных сторон лагеря. Медленно ехали по кругу, постепенно уменьшая расстояние между собой и местом, где мы расположились на ночь. Потом пустили коней лёгкой рысью. Каждый свисал слева от своего коня, чтобы обезопасить себя от наших пуль. Но и своих скакунов они прикрывали нашими лошадьми. Обмотанные кожей копыта лишь мягко вязли в песке, и звук от них был слабым, почти неслышимым.

— Как сердце стучало. Глухо и часто. Казалось — вот-вот, и выскочит из груди, — сказал Педрито.

— Помолчи, Педрито, Пачеко говорит, — сказал Эчеверрия.

— И они всё сужали круги, мой капитан. А бег их лошадей становился всё быстрее и быстрее. От напористого бега нитки из

южки, которыми к копытам наших лошадей были привязаны куски кожи, быстро стирались или рвались, и гул копыт нарастал. И всё это одновременно с двух противоположных сторон, один топот точно напротив другого топота. А там, где звуки топота сталкивались, находились мы.

— Мы и чувствовали звук, как волну, как движение по коже, — сказал кто-то из-за спины Эчеверрии.

— А потом звуки топота, идущие с двух противоположных сторон, схлестнулись, словно схлопнулись. А когда мы дали залп и убили двух лошадей, апачи, которые ехали, свесившись к земле рядом с нашими лошадьми, сразу положили своих скакунов на землю. И пока мы перекрикивались и ждали, когда развеется дым, подняли лошадей и спокойно отошли в пустыню. Второго убитого коня мы с Чано нашли на юге от лагеря, шагах в двухстах.

— Видно так и было, — поморщился Доменико Альмодовар. Он прижал ладони к вискам, словно хотел расправить взявшийся морщинами лоб.

— У меня тоже голова раскалывается, мой капитан, — сказал Эчеверрия.

— Сколько осталось воды? — спросил Альмодовар.

— Воды нет. Последнюю раздал вчера вечером, — ответил Пачеко.

— И ничего не припас? На экстренный случай нет даже пяти глотков? Не верю.

— Одна фляга, мой капитан, — отчеканил Пачеко. — В полдень дам воды по глотку.

Альмодовар сделал полукруг головой, будто хотел снять напряжение с шейных мышц, но, на самом деле, показал подбородком, что колонна может двигаться. Он подошёл к коню, положил левую руку на луку седла и попытался просунуть ногу в стремя, но его остановил усталый голос Пачеко:

— Нет, мой капитан. Лошадей поведём. Они не выдержат.

— Ага, — согласился Альмодовар. Он перевёл взгляд на колонну — люди выглядели измученными. Двое суток без сна, — хотел подумать он, но не дал этой мысли стать оформленной: «А как же Берручете?» — слетел с его губ вопрос.

— Лейтенант будет ехать то на одной лошади, то на другой, чтобы животные не изнурялись, — сказал Эчеверрия.

Колонна вздрогнула, поползла, словно пустыня сделала долгий вздох. Равнину заливало совершенно белым светом, листья чапарраля поблескивали, как переворачивающиеся стеклышки калейдоскопа.

Альмодовар пропустил всех мимо себя. Стоял, вжавшись в креозотовый куст, и изучающе смотрел на солдат, мулов, лошадей и апачек. Он отметил изменение в поведении девочек. Они уже не уходили невидящим взглядом вдаль, — старшая пытливо посмотрела на него. В её глазах не было ни ненависти, ни осуждения: просто глаза блеснули, но в них не было выражения бессонницы и усталости. Казалось, что, если бы возникла необходимость бежать, девочки легко бы сорвались с места и ровным и неутомимым бегом преодолели бы равнину от утра до позднего вечера.

Движение происходило в полном молчании. Все берегли влагу в своих телах и дышали только через нос. Лейтенанта Берручете привязали к седлу, чтобы он не сползал с лошади. Когда обматывали его бедра веревкой, он растерянно смотрел на солдат, но плотно сжимал губы, будто намеревался до Уальоа не проронить ни единого слова.

На полпути к полудню весь южный горизонт затуманило робким маревом. Оно было длинно растянутым и постоянно вспыхивающим, будто за ним шел грозовой дождь и полыхали молнии. Так выглядит река на дне ущелья, если смотреть на нее с высоты скал. Поэтому чудилось, что, если сделать неосторожный шаг в сторону от тропы, можно сорваться в неизвестное.

Марево подступало все ближе и ближе, уже почти рядом колыхалось гибкой стеной, и люди жались к левой стороне тропы, к колючим кустам, иначе мутное течение, в очередной раз полыхнув огнем, исходящим из его глубин, могло выхватить человека из колонны и унести его за пределы бытия. Но Альмодовар выглядел неутомимым: он то останавливался, пропуская мимо себя колонну, чтобы удостовериться, что все нормально, то опять обгонял всех и оказывался впереди вереницы людей и животных.

Достигнув зенита, солнце перестало слепить глаза, а марево обрело слабую прозрачность, хотя невозможно было разглядеть пустыню, которая за ним расстилалась. Скорее, возникала возможность узреть, что может находиться в самом мареве.

А потом оно посветлело, как стекло, с поверхности которого смахнули густую пыль, и люди увидели лошадь, бредущую на запад шагах в трехстах от колонны. Лошадь двигалась параллельно движению людей, но в противоположном направлении. Она уже почти поравнялась с колонной, и Альмодовар бросил взгляд на солдат и набрал в легкие воздух, но его остановил голос Эчеверрии:

— Не стоит, мой капитан, это может быть уловка апачей.

— Это апачи что-то придумали, — согласился со словами Эчеверрии Пачеко. — Лошадь, бредущая по пустыне и не обращающая внимания на людей и других лошадей...

Иногда марево тускнело, словно становилось более плотным, и лошадь исчезала в нём. Но потом снова проступало её изображение, уже ближе, — до животного оставалось шагов сто, и на нем можно было разглядеть мексиканское седло и свисающие к земле удила.

— Наша лошадь, — сказал Альмодовар.

— А чья она ещё может быть, мой капитан? — спросил Каучильо. — В этом гиблом месте? Только наша.

— У неё мешок или бурдюк на боку, — послышался голос Паскуалья.

Колонна замерла, люди не решались дальше идти.

На боку лошади раскачивался большой бурдюк — полный, натянутый, галлонов на десять воды.

— Мираж, мой капитан, — сказал Педрито.

— Ага, мираж. Придумай ещё что-нибудь, — сказал Каучильо. — Мираж — это озеро или река. А тут бурдюк с водой.

— Миражи для таких ослов, как ты, Педрито, — громко сказал Пачеко. — Никто никуда! Слышали? Все идут в колонне!

— Прodelка апачей, — прошептал Альмодовар.

Лошадь как бы замедлила ход или так показалось, ибо колонна остановилась. Лошадь словно раздвигала струи воды, и тело её колебалось.

Выстрел заставил людей сжаться. Он был одиноким и вездесущим, будто вскинул горизонт, который до этого времени был заширmlен маревом, но пробудился и пробуравил своей условной траекторией расстояние от юго-востока к северу-западу.

Лошадь немного присела, словно хотела опуститься брюхом на землю, а затем сорвалась и понеслась галопом на запад. Из пробитого пулей навывлет бурдюка двумя искрящимися змейками ударила вода. Она разливалась по земле и оставляла позади бегущей лошади тёмный след.

— Лошадей не трогать! Никто не садится в седло! — слились в один голос глотки Альмодовара и Пачеко, но люди обезумели: несколько человек побежало за лошадью, несколько пытались вскочить на седла, но Каучильо и Эчеверрия хватали их за воротники мундиров и валили на землю.

Не прошло и минуты, как пустыня вспучилась сединой: клубы пыли, опадая рассеянными краями на равнину, ползли вслед убегающей лошади. Двум солдатам удалось вскочить на коней. Они с гиком помчались в оплавленное солнцем пространство, будто намеревались в нем исчезнуть. Побежали мулы — слепо вломились в чапарраль, до крови раздирая кожу на крупах и на ногах. Поклажа сползала с их спин и должна была вот-вот свалиться на землю.

Альмодовар и Пачеко сели на коней, которых берегли для непредвиденных обстоятельств, и, ударяя их ногами по бокам, поскакали ловить мулов. Пустыня дышала мутным, рыжеватобелесым облаком, будто огромный скат, колыхнув плавниками, пытался залечь на дне и остаться невидимым.

Мулов догнали, когда они остановились сами, изранив себе грудные мышцы и полностью выбившись из сил. Половины поклажи на их спинах не было. Она валялась среди кустов чапарраля. С боков животных опадала пена, словно они только что родились и были облеплены слизью. И родовым путем их появления на свет послужил высокий колодец солнца.

— А где пленницы? — крикнул Альмодовар, но его никто не услышал. И сначала нужно было умолкнуть звуку, любому шуму, чтобы облако пыли на некоторое время перестало разрастаться и набухать.

Появились головы людей — серовато-седые, будто присыпанные размолотыми костями. Солдаты стояли неподвижно, тяжело дыша, а потом начали обессиленно опускаться на землю.

Сквозь рассеивающуюся пыль уже можно было разглядеть, что людьми овладела апатия, и они безучастно, широко откры-

тыми глазами блуждали по разрывам пыли и проскальзывающим между разрывами оранжевым полосам, которыми им открывалась пустыня.

Альмодовар подъезжал к каждому, кого замечал сгорбившимся, прикившим грудью к коленям среди трепещущей серой вуали, но люди смотрели на него ничего не видящими глазами, и только слышались лёгкий шепот и еле уловимое потрескивание, словно от пустыни, как от ткани, отрывали побитые шашелем куски, которые тут же начинали истлевать, превращаясь в уносимую ветром пыль.

«Не досчитаемся людей, — пульсировала в висках Пачеко мысль. — Апачи перережут их в этой неразберихе».

— Мой капитан! — крикнул он, но его голос словно поглотился ватой, словно был погашен кучей ветоши, и прозвучал слабо, удаляясь в полдень. — Пленницы где?

Он всматривался в пелену, пока не показался конь, на котором должен был сидеть лейтенант Берручете.

— Где же они? — прошептал Пачеко.

Берручете постепенно открылся сидящим на земле, с вытянутой перед собой ногой. Он упирался ладонями в песок и завороченно водил черными глазами по завесе из пыли и мелких соринки, будто проваливался лицом в свой взгляд.

И вдруг шепот и потрескивание на несколько секунд прервались.

— Пленницы здесь! Их сторожит Каучильо! — крикнул Эчеверрия.

Когда пыль ещё сильнее развеялась, а Пачеко и Альмодовар подъехали к Диего Каучильо, тот стоял с налитыми кровью глазами и неотрывно смотрел на индианок, которые подняли к лицам нижние края юбок и дышали через них.

Мнилось, что голоса людей и храп животных исходили не из клубов пыли, а опали с высоты, сначала бесшумно и распластанно, и лишь затем как бы слепливались в конкретные звуки, но все равно неясные, доносящиеся словно издалека.

Постепенно, еле волоча ноги, к разорванной колонне подтягивались те, кто пытался догнать лошадь. Измотанные, с запавшими глазами, они отводили взгляды не только от Пачеко и Альмодовара, но и друг от друга.

Пришли, ведя лошадей за поводья два всадника, которые гнались за лошадьё апачей.

— Мы нашли её мертвой, её шея была перерезана ножом. Это была наша лошадь, мой капитан, — доложил один из них.

Пыль развеялась, а марево после полудня постепенно истаяло. Горизонт тянулся ровно, как длинный шомпол с нанизанными на него кустами чапарраля, но открывающаяся перед солдатами равнина казалась им низвергнутой в то место пространства, где до источника воды всегда бесконечно далеко.

Доменико Альмодовар присел на корточки, хотя раньше никогда так не делал: он, обычно, находил камень или корягу, чтобы на них присесть, или, если ничего пригодного не было вокруг, оставался стоять.

— Если бы не задержки в пути, мы бы уже были в Чинапе, — сказал он.

— Может до наступления ночи и дойдем. Если постараемся, мой капитан, — ответил Пачеко.

— Кто постарается, Пачеко? Они? — и Альмодовар окинул взглядом измученных людей.

На зубах у Пачеко закрипел песок.

— Выстраивайтесь в очередь, дам по глотку воды, — сказал он.

— И как они будут пить воду — из горлышка фляги? — блеснул крупными зубами Эчеверрия. — Ведь Паскуаль сразу опустошит половину.

— А солдатская кружка подойдёт? — спросил Пачеко.

— Откуда я знаю, Пачеко? — ответил Эчеверрия.

— Слишком большая она, сержант, — сказал Каучильо. — Как ты будешь отмерять порции? На глаз? Если бы что-то поменьше.

Пачеко перевел взгляд на Доменико Альмодовара.

— Мой капитан, — сказал он, — вы всегда возите с собой кофейник и небольшую чашечку.

— В седельной сумке, — устало сказал Альмодовар.

— Ну что ты смотришь на меня? — сказал Пачеко Эчеверрии. — Неси сюда чашку для кофе.

— Так бы и сказал, — ответил Эчеверрия. — А то всё загадка-ми — из горлышка не подойдет, а солдатская кружка большая.

Солдаты выстроились цепочкой. Первым стоял Паскуаль и осуждающим взглядом смотрел на Пачеко. Сержант уже собрался налить в чашку воды, но опустил флягу и, процеживая слова сквозь зубы, произнес:

— Первыми пьют пленницы. Веди их сюда, Каучильо.

— Да побойся Бога, Пачеко, — крикнул кто-то из солдат. — Апачи с нами такое вытворяют, а ты...

— Они же дети, — сказал Пачеко.

— Они апачи! — опять крикнул солдат.

Каучильо подвел пленниц. Воду они принимали равнодушно, но глоток тянули медленно, а затем невозмутимо отдавали чашку. Пачеко старался каждой заглянуть в глаза, пытаясь догадаться, что у апачек на душе, но сталкивался только с ледяным спокойствием, с какой-то предельной ясностью, настолько незамутненной, что глаза девочек казались неживыми.

— По сколько даешь? — спросил Альмодовар.

— По глотку, мой капитан. Меньше трудно отмерять.

Но воды хватило не на всех: Альмодовар, Пачеко и Эчеверрия только слизнули из чашки по капле.

— Зато мы не гнались ошалело за лошадей, мой капитан, — сказал Эчеверрия. — А Пачеко вообще не любит воду. На кой она ему?

— Чано, ты всегда подтруниваешь над Пачеко. Но всегда помогаешь ему, всегда у него под рукой, — сказал Альмодовар.

— Так мы же земляки, мой капитан, — осклабился Эчеверрия. — Мы оба из Дуранго.

Пачеко приказал Эчеверрии находиться рядом с капитаном, а сам, пропустив колонну мимо себя, пошел хвосте, чтобы, не дай Бог, никто не отстал и не остался лежать на солнцепёке.

Солнце уходило на запад, и правая сторона колонны — лица людей, их руки, бока мулов и лошадей окрашивались красным цветом. Берручете, коня которого вели за поводья, казался неестественно одиноким. Он блуждал взглядом по пустыне, уходя глазами то в тускнеющую седину востока, то в алое месиво заката.

Пачеко не заметил, как упал Паскуаль. Его голова просто ушла в пыль, но зрачки сержанта не сузились от внезапно охватившего его чувства тревоги: мысль, которая должна была появиться, как следствие увиденного, коснулась его сознания много позже.

Паскуаль лежал на боку, серо-белый от пыли, застывший взглядом на взрыхленной копытами тропе, и сам казался продолжением бугристой почвы, случайно принявшей своими неровностями вид обессиленного человека.

Пачеко позвал Эчеверрию. Вдвоем они довели Паскуаля до коня Берручете.

— Держись за стремя, — сказали они ему.

Дальше пошла галька и твердая глина: песка почти не было. Пустыня становилась полностью просматриваемой. Взгляду Альмодовара открылась равнина, укрытая камнями разной величины — от мелких, величиной с каштан, до крупных глыб, высотой с колесо телеги. Иногда между камнями пробивалась трава и низкорослые кусты. На юго-востоке угадывалась холмистая равнина: невысокие пологие холмы терялись в синеве приближающегося вечера.

— Через час-полтора будем в Чинапе! — крикнул Эчеверрия. — А там нас ждет колодец!

Колонна учащенно задыхалась. Она казалась существом, проникшим в пустыню из докембрия, отверстым множеством светочувствительных ячеек на своем теле и множеством ротовых отверстий — безмолвная тварь, которую Альмодовару захотелось перерубить пополам и, тем самым, прекратить её мучения.

Господи, — сказал он и отвернулся от солдат и лошадей к далёким пологим холмам.

Пачеко поравнялся с ним и доложил о Паскуале.

— А что от него можно ожидать? — спросил капитан. — Он в числе последних притаился после того, как все побежали ловить лошадь апачей.

— Я всё думаю, мой капитан, откуда стреляли, когда навyleт продырявили бурдюк? — сказал Пачеко.

— Издалека, Пачеко. Притаились за каким-то кустом. Но выстрел был хорошим. Надо было послать пулю вдоль тела лошади, чтобы её не задеть, но попасть в бурдюк.

— Значит стреляющий находился впереди или позади лошади.

— Скорее, впереди, заманивая её. А потом выстрелил. Дождялся, когда лошадь добежит до него, зарезал её, а потом поднял свою лошадь с земли, вскочил на неё, и поминай как звали.

— А ведь молодцы, мой капитан, — сказал Пачеко, не сумев скрыть своего восхищения.

Альмодовар осмотрел его, как на плацу, а затем виновато отвёл глаза.

— Это их дети, — сказал он. — Их дочери.

— Не нужно было соглашаться доставлять пленниц в Уальоа, — послышался голос Эчеверрии.

— Это приказ, — сказал Альмодовар. — Никто не думал, что после резни в Трес Кастильос апачи придут в себя. Их осталось в живых всего человек 12–14.

— Ну... — как-то вымученно хохотнул Эчеверрия, пытаясь подбодрить и себя, и остальных, — всё же на сердце легче, что пустыня открылась. Пошла каменистая местность, никакой пыли.

Но на каменистой местности люди почувствовали себя совершенно незащитными, открытыми, как на ладони. Все думали о выстреле, который продырявил бурдюк, и поэтому каждый ожидал, что из-за далёкой россыпи камней будет послана ещё одна пуля. Берручете возвышался на лошади, как страж, охраняющий многогортое существо.

Длинная змейка, состоящая из людей, лошадей и мулов скользила к восточной стороне неба. Когда Пачеко взобрался на большой камень, чтобы окинуть глазами равнину, люди и животные показались ему узлами на серой засаленной верёвке, которую подтягивало к себе увеличивающийся месяц, похожий на приоткрытую верхнюю часть колодца, если смотришь на неё из самого дна.

— Чинапа — это колодец, выкопанный ещё при испанцах, — сказал Альмодовар.

— А он не заброшенный, мой капитан? — спросил Эчеверрия.

— Дон Мигель заверил, что всё в порядке.

На западе в извилах пурпура проступали контуры удаляющегося смертника. Он будто уходил в стену воды, — алые пятна сплывали на равнину и комкали её поверхность в тёмные

складки и выпуклости. Мнилось, что ночь с отчаяньем слепого тянулась за пылающими разводами, чувствуя лишь волны жара и запах крови. Её взгляд исходил из огромного клубка спутанных верёвок, среди которых, как единственно верная и не подверженная геометрическому изъёму, двигалась колонна бессиленных людей.

Взгляд Берручете изогнулся от висков к закату, и мысль о спасении, заставляющую его сознание не выходить за границы рационального, захлестнуло страхом. Вся равнина показалась ему хрупким льдом, сквозь который он вот-вот должен провалиться лицом вниз, к вертикальному пятну на спине смертника, который алым цветом просачивалось в вечное ничто.

— Доменико! — крикнул он, и конь, почему-то, остановился под ним.

Колонна продолжала идти дальше, обтекая Берручете, словно люди ничего не видели и ничего не слышали, и только Пачеко, когда подошёл к лейтенанту, ударил рукой коня и хриплым голосом сказал:

— Направляйте коня, мой лейтенант. Направляйте.

13

Очертаниями самих сумерек, а не далекими объектами пустыни вырисовались невысокие холмы, среди которых и должна находиться Чинапа. Пройдя между двух пологих возвышенностей, колонна достигла широкой котловины, которая уже утонула в темноте. «В таких местах и роют колодцы», — подумал Эчеверрия.

Альмодовар дал команду собирать на ходу ветки и сухие стебли трав. Каждый понимал: они будут двигаться до тех пор, пока не найдут колодец или пока не упадут без сил.

Западное небо отливало бирюзой. На его фоне сбившиеся в стайку апачки выглядели, как грубо прорубленный вход в другую сторону пространства. Стоило сделать что-то неосторожное или просто понадеяться на спасение — всей душой, по-детски, со слепой уверенностью, и из этой странной ступенчатой арки появится либо раненая лошадь апачей, либо вывалится клубок гремучих змей, либо выпадет хобот хищного смерча или же безмолвно выедет худой, обожженный солнцем мальчик, чтобы сделать последний выстрел.

— Апачек сторожите! Диего, бери Педрито и не спускайте с пленниц глаз! — крикнул Пачеко.

— Мы своё дело знаем, — послышался голос Диего Каучильо. — Вы колодец ищите.

— Вдали что-то чернеет, — сказал Эчеверрия. — Похоже на какое-то строение.

Он сполз глазами с восточного неба в тьму котловины, словно от взлетающих из костра искр в уже остывшее пепелище.

— Господи, Иисусе, — сказал Каучильо, а дальше его голос перетёк в шёпот, — те, кто находился в конце колонны, видели только тёмное пятно впереди и силуэт Франциско Берручете.

Но глаза постепенно привыкли к темноте, и граница между пустыней и высью стала неразличимой. Люди наполнились уверенностью. Колонна разветвилась: в центре шёл Альмодовар, по бокам несколько солдат.

Пачеко ждал подвоха — вытягивал глазами из ночного неба звезду за звездой. Вспыхивая, они ничего не высвечивали, кроме правильной формы пятна, которое после оказалось стенками колодца. Осмысля два тяжких дня дороги, сержант понимал, что просто так плещущейся в колодце водой их переход по равнинам не закончится: что-то ожидало их — тягостное, пустынное и беспросветное.

Пачеко озирался по сторонам, каждый раз, когда переводил взгляд от одного наплыва темноты к другому, встречался глазами с глазами Берручете, который тоже что-то почувствовал и постоянно дёргал своего коня за удила.

Берручете пытался предугадать события, стремился мысль о них подытожить раньше, чем они произойдут. Он осадил коня и застыл, вглядываясь в глубину котловины. А потом начал искать зрачками индианок, но видел только прорубленный в западном небе вход, похожий на стрельчатую арку.

— Поднимите глаза! — закричал он. — Чёртовы индианки, поднимите глаза!

Пачеко поравнялся с пленницами. Они, в самом деле, шли, опустив глаза к земле.

Берручете повернул коня, чтобы направить его к индианкам. Девочки остановились. Каучильо подбежал к Берручете и схватил его коня за удила.

— Спокойно, мой лейтенант, — сказал он. — Колодец в другой стороне.

Девочки стояли прямо перед ним. Под слабым свечением западного неба их волосы казались влажными, будто облитые водой. Они уже оторвали глаза от земли и блуждали ими по лицу Каучильо, как по чему-то невидимому, но только несколькими секундами позже Диего догадался, что пленницы смотрят на него с нескрываемым удивлением, что они тоже выбились из сил и их пугает неизвестность.

Потянуло холодом, как будто во мраке проползло огромное пресмыкающееся, излучая от своего тела сырость глубокой ямы. Колодец вырисовался чётче. В диаметре он был не шире размаха рук. Высота его стен, сложенных из камня, доходила до пояса человека. Сверху он был прикрыт сплетенной из камыша циновкой, к которой, чтобы она не прогибалась, привязали ветки чапарраля. Показалось, или так было на самом деле, что камни блестели от росы.

Альмодовар только собирался сказать: «Стой», но люди сами остановились: из колодца дохнуло трупным запахом.

Все замерли, ожидая чуда, надеясь, что им всё это померещилось. Мулы и лошади начали отходить в сторону. Берручете словно уносило медленным течением. Он остервенело рвал поводья и постепенно сползал на бок, пока, вцепившись пятернёй в луку седла, не застыл, прижавшись лицом к гриве. Но запах разлагающейся плоти всё равно проник в его ноздри.

— Бросили в колодец падаль, — прошептал Эчеверрия.

Альмодовар оглянулся.

— До следующего источника два дня пути, — сказал он. — Будем чистить колодец.

— А сколько придётся ждать, чтобы вода стала пригодной для питья? — спросил Педрито.

— Сказал же, — процедил сквозь зубы Альмодовар, — будем чистить, а потом, взглянув на подошедшего Маурисио. — Маурисио, что с девочками?

— Паскуаль с ними, мой капитан, — почти неслышно ответил Маурисио.

— Но почему вы все разговариваете шёпотом? — спросил бодрящимся голосом Педрито.

— Замолчишь ты или нет? — сказал один из солдат и, схватив Педрито, прижал его к себе. Тот уткнулся лицом в мундир, но от отвратительного запаха все равно к горлу подступала тошнота.

Поспешно принялись закрывать лица — кто чем: косынками или шарфами, которыми, обычно, обматывали шеи, когда находились высоко в горах. Подождли пучок стеблей, чтобы посмотреть, что в колодце, но свет до дна не доставал. Решили бросить зажжённый пучок на дно, но он потух, не пролетев и двух метров.

— Надо бы обвязать кого-то веревками и опустить на дно колодца, — сказал Альмодовар.

— Мой капитан, — ответил Пачеко, еле сдерживая приступы рвоты, — он потеряет там сознание. Его всего вывернет.

— Но не ждате же нам до утра, — сказал Педрито. — Если мы только утром почистим колодец, придётся ждать до вечера, пока можно будет пить воду.

— А до того времени никто уже не будет держаться на ногах, — сказал Эчеверрия. — Жажда положит всех.

— Какую-то из апачек опустить. Они выдержат, — сказал высокий сутулый солдат с совершенно седой головой.

— Совсем умом тронулся, Маурисио? — возмутился Эчеверрия. — У нас приказ привести апачек в Уальоа невредимыми.

— Значит, попробуйте петлём, — сказал Альмодовар.

Петлю сделали на конце веревки, которой фиксировали на ночь лошадей. Ею водили по дну по очереди, но никто не мог выдержать, склонившись над колодцем, больше минуты вдыхать отвратительный запах.

— А если там человек? — спросил кто-то. — Если апачи бросили туда путника, который направлялся из Уальоа в Ларго Камино?

— Вот если бы крюк, — вздохнул Альмодовар. — Из чего мы можем сделать крюк?

— Из штыка, мой капитан, — сказал Эчеверрия. — Сталь на наших штыках никудышная, согнётся сразу.

— Так что ты стоишь? — спросил Альмодовар. — Не я же буду гнуть железаку.

С горем пополам согнули трехгранный штык, ударяя по нему камнями, а потом привязали его к веревке.

— Надо его плавно опускать, и лишь затем дёргать в сторону, — сказал Эчеверрия.

Сменилось четыре человека, прежде чем раздался звук, словно разрывалась ветхая ткань, и крюк застрял. Очень осторожно, постоянно поджигая охапки веток, вытянули тело мёртвого койота.

— Отнесите подальше и засыпьте камнями, — сказал Альмодовар.

Койота потащили Педрито и Маурисио. В пятидесяти шагах от колодца Педрито согнулся и начал содрогаться от приступов рвоты.

Альмодовар поискал глазами Пачеко, но не увидел его в темноте, услышал только частое дыхание Берручете.

Западный край неба ещё истлевал серым пеплом, но над ним уже ярко горели звёзды. Молодой месяц полз над возвышенностями узким серпом и всё ближе подтягивал к себе ночь, как тушу, как слежавшееся месиво, которое, свалив на дно котловины, вскрыет кривым порезом.

— Апачек где-то пристрой и сторожи, — сказал Альмодовар Диего Каучильо, который подошёл к колодцу и пытался в него заглянуть.

— Так Паскуаль же с ними, мой капитан, — сказал Каучильо, отпрянув от края колодца.

— Найди хорошее место для обзора, подальше от холмов, но так, чтобы быть недалеко от нас. И охраняй.

Каучильо побрёл в темноту. Голова у него кружилась, в висках стучало острой болью. Он уже давно не дышал через нос, а хватал воздух пересошим ртом. Он искал такое место, чтобы из него можно было наблюдать как за восточным, так и за западным краем неба. Он опустился на колени и бросил взгляд вдоль котловины, выискивая ровную площадку, где бы на фоне звёздного неба можно было бы четко различать пленниц.

Приемлемое место Каучильо нашел шагах в трехстах от колодца. Много лет назад какой-то пастух пытался там построить хижину, а может, и построил, и ночевал в ней, когда пригонял из возвышенностей коз на водопой. Основа хижины представляла собой круглую площадку, из которой были убраны камни и выложены по её периметру. Небольшая ограда из камней служила

креплением для жердей и веток. Но в данный момент она могла стать хотя и условным, но барьером, который пленницам запрещено будет переступить.

Каучильо вернулся за индианками и вместе с Паскуалем отвел их на найденное место. Девочки шли молча. Увидев укрытую песком площадку, шагнули в неё и сразу сели, спина к спине, чтобы лучше обозреть темноту.

«Научены, — подумал Каучильо. — Кто-то из них всё равно не будет спать, чтобы постоянно наблюдать за происходящим».

— Словно не мы их сторожим, а они нас, — сказал Паскуаль.

— Ты не умничай, — через силу сказал Каучильо. — Глаза нараспашку, а рот на замок. Понял?

— Я же не идиот, Диего, — возмутился Паскуаль.

Остальные солдаты чистили колодец, но Пачеко освободил двух человек, чтобы те охраняли подступы к лагерю на восточной и на западной стороне котловины.

Приплёлся, постоянно спотыкаясь и опираясь прикладом о землю, Педрито.

— Капитан спрашивает, где кожаное ведро? Ты за него отвечаешь.

— Так в седельной сумке. Сложено. Где оно ещё может быть? — ответил Каучильо.

Педрито поковылял обратно в спутанный клубок голосов и в отвратительную вонь.

— Кого-то будут опускать на дно колодца, — прошептал Каучильо.

— Кого? — спросил Паскуаль.

— По очереди, наверное, — ответил Диего.

К верхнему краю ведра прикрепили камень, чтобы оно, коснувшись воды, опрокидывалось. Само ведро привязали к верёвке, которой доставали из колодца падаль. Дело продвигалось медленно: люди полностью выбились из сил; некоторые уже не могли держаться на ногах. Нужно было долго водить верёвкой и дёргать за неё, чтобы в ведро набралась вода, потом вытащить воду,

потом отнести её подальше от колодца и вылить. Потом вернуться и начать всё сначала. И всё это время вдыхать запах разлагающейся плоти, которой пропитались вода и ил.

К полночи все выдохлись. Предложили воду лошадям, но те отказались её пить, а только всполошили тишину пугливым ржаньем. Альмодовар дал команду полчаса отдохнуть, а затем снова начать вычерпывать воду.

— Придётся и ил вычерпать. Он ведь тоже отравлен, — сказал Пачеко.

Альмодовар приподнял руку, но донёс её только до уровня плеча и сделал сокрушительный жест.

Чтобы не уснуть или не провалиться в полубессознательное состояние, Каучильо часто поднимался на ноги и ковылял вокруг площадки, на которой сидели пленницы. Проходя мимо Паскуаля, он иногда награждал его лёгким подзатыльником, а тот без злобы огрызался:

— Да не сплю я, Диего. Не сплю.

Постепенно девочки улеглись спать, но старшая ещё долго сидела и всматривалась в темноту.

«Ждёт, что ещё придумают её соплеменники, — решил Каучильо, — каким будет их следующий подвох».

Он отошёл немного от индианок ближе к колодцу:

— Что там, мой капитан?

— Будем вычерпывать ил, Каучильо, — ответил Альмодовар.

Как бы исподволь, но не утратив впечатления внезапности, безмолвие котловины нарушило пение сверчков. Они все сильнее и сильнее журчали, подрагивая хитином, и возле колодца, и возле площадки, на которой лежали апачки. Монотонное, дребезжащее пение, будто звёзды были разогретыми добела комочками металла, которыми встряхивала стальная поверхность небес.

Когда вытаскивали ведро, вокруг колодца раздавался долгий вздох, а потом звуки разрываемых рвотой глоток. Каучильо, вытягивая шею, старался увидеть ведро, но в темноте все предметы теряли свои очертания.

Старшая девочка улеглась спать и полчаса лежала на правом боку неподвижно. Потом она открыла глаза. На неё не мигая смотрела девочка, которая лежала рядом с ней. Старшая девочка прикрыла веки, но потом её глаза вынырнули из длин-

ных, изогнутых по краям ресниц. Те же движения веками сделала и девочка, которая легла спать напротив. Она слегка кивнула и начала, не отрывая голову от земли, осматривать местность вокруг площадки. Старшая девочка принялась осторожно разгребать возле себя песок. Она вырыла ямку глубиной в две ладони, потом засыпала её, чтобы сразу начать рыть в новом месте. Вырыв ещё одну ямку и засыпав её, очень медленно, не отрываясь от земли, переместилась на то место, где недавно лежала другая девочка, и начала разгребать руками песок уже там. Наконец она натолкнулась пальцами на трубочку, сделанную из побега тростника. Продолжая дальше выгребать песок, девочка нащупала горлышко фляги. Горлышко было заткнуто деревянной пробкой.

Старшая девочка осторожно вытянула пробку, вставила в горлышко фляги тростинку и только потом обожгла широко открытыми глазами свою соседку. Та ещё сильнее жжалась, свернулась телом так, что можно было взять губами конец трубочки. Она сделала два глотка и отодвинулась в сторону. Никто из девочек не спал, даже шестилетняя. Все они почти незаметно переползали по площадке из песка, и каждая выпивала по два глотка. Когда вся вода была выпита, старшая девочка зарыла флягу и трубочку.

Паскуаль попытался подняться. Сделав несколько шагов, он опустился на колени, а потом упал.

— Не могу, — слабым голосом произнёс он. — Хотя бы один глоток воды.

Каучильо выпрямился и зашатался на ногах.

— Отведу тебя ближе к колодцу, — прошептал он. Обхватив Паскуаля за плечи, пытался приподнять его, но напрасно.

— Ты тоже старайся, парень, — сказал он.

Паскуаль кивнул.

С горем пополам Каучильо помог Паскуалю подняться на ноги и, придерживая под руку, повёл к колодцу.

Возле колодца половина солдат лежала, а половина сидела, уткнув лица в колени. Альмодовар лежал на спине, удивлённым взглядом разглядывая ночное небо. Каучильо склонился над ним.

— Ну так что? — спросил он.

— Вытянули ещё ящерицу, — сказал Альмодовар. — Полуразложившуюся.

— Будем продолжать чистить, — услышал Каучильо голос Пачеко, но, оглянувшись, не сумел определить, кто из сидящих в темноте сержант, а кто нет.

— Паскуаль полностью выдохся, — сказал Диего. — Пусть будет возле вас.

— Ага, — послышался голос, но уже не Пачеко.

Каучильо опустил Паскуаля на землю, поискал глазами Берручете, однако, вспомнив, что тот ему не нужен, поковылял обратно к апачкам. Увидел очерченное камнями пятно, но не подошёл к нему, а, полностью выбившись из сил, присел шагах в двадцати от него, положил винтовку на колени и уставился в сторону восточного неба, будто собирался его сторожить.

Ведро отрывалось от дна с чмокающим звуком, и в нём постоянно был ил — густой, зловонный и совершенно черный. Вытянули около ста ведер, прежде чем на дне ведра заплескалась одна вода. Опять предложили её лошадям, но те, постояв над ведром, повели головами по сторонам и испуганно отошли. Однако Педрито и высокий сутулый солдат по очереди припадали к ведру и долго пили зловонную воду, пока Пачеко и Эчеверрия не отволокли их от колодца.

Берручете лежал, свернувшись калачиком. Он то стонал, то слабым голосом что-то проговаривал — непонятное, непохожее ни на один человеческий язык.

— Надо обновить воду, ещё вычерпывать, — сказал Альмодовар, но все лежали или сидели без движения.

— Чтобы запаха не было, — услышал он голос Эчеверрии.

С холмов долетел крик койота. Он сначала взмыл над котловиной — одинокий, тягучий, густой, а потом растёкся между возвышенностями, но после того, как будто бы затих, снова раздался, однако намного слабее, еле слышно, уже со стороны равнины.

Продолжали вычерпывать грязную воду Пачеко и Эчеверрия, — остальных солдат даже пинками невозможно было поднять. Хлюпанье воды сливалось со стонами Берручете.

От вылитого ила и грязной воды в пятидесяти шагах от колодца образовалась небольшая лужа. Высокий солдат заполз в неё, лёг навзничь и принялся, зачерпывая грязь ладонями, обливать ею своё тело.

— Кто это? — спросил Альмодовар.

— Бедолага Маурисио. Совсем спятил, — сказал Эчеверрия.

Пачеко посмотрел на небо. От жажды и усталости всё плыло перед глазами, звёзды роились — количество светящихся точек то уменьшалось, то увеличивалось. Ему стоило огромного труда сосредоточить взгляд и по местонахождению звёзд определить, сколько времени осталось до рассвета.

— Через час начнёт светать, мой капитан, — сказал он.

— Понятно, — ответил Альмодовар. — К полудню вода должна очиститься.

Опираясь на винтовку, Каучильо поднялся. Круг камней, что когда-то служили основой для хижины, искрился от росы. Глаза старшей девочки вспыхнули, отразив лучи молодого месяца.

Каучильо присел и отпустил винтовку. Она громко ударилась затвором о булыжник, выбросив из-под себя короткий сноп искр.

15

Забрезжило сначала в котловине, будто свет начал проступать из почвы. Чёрное безысходное пространство укрывалось сединой. У подножия холма шевельнулся оранжевый свет, потом исчез, а через минуту снова появился и начал трепетать быстро разрастающимися языками пламени.

— Апачи разожгли, — сказал Педрито, не поднимаясь с земли. — Издеваются над нами.

Солдаты зашевелились.

— У них вода, мой капитан. Они дразнят нас, — зашелестели голоса.

Похожие на мокриц, появившихся из-под перевернутых камней, солдаты начали передвигаться на четвереньках к трепещущему оранжевому пятну.

— Мы отберём у них воду, — послышался голос Маурисио.

Кто-то выстрелил в подножие холма, а огонь всё так же дрожал, будто журчал светом.

Альмодовар хотел крикнуть: «Назад, идиоты! Они дразнят нас!» — но с его губ сорвался только шёпот.

Еще кто-то выстрелил. Пуля срикошетила от камней и обрехала отголоски выстрела, повторяющимся эхом заполнившими котловину.

Какой-то сдавленный рёв качнулся и пополз, — Маурисио сотрясаясь от рвоты, вытаращив на землю круглые бессмысленные глаза.

Холм полностью очертился светлым абрисом. А котловину ещё больше пронизало сединой, словно укрыло войлоком.

Оранжевое пятно уже замолкало, только иногда, как колеблющаяся сталь штыка, по сумеркам хлестал одинокий язык пламени. Из-за западного склона холма выехал всадник. Рассвет окрасил все пространство в серо-лиловые тона, но на голове всадника алела налобная повязка. Всадник направил коня на северо-запад медленно, вброд, будто ехал в раздумии.

— Пацанёнок, — прошептал Альмодовар.

— Да кто его знает, мой капитан, — ответил Эчеверрия. — Может, и воин. Трудно разглядеть.

Несколько выстрелов пронзили тишину, от колодца поплыли светлые облачка дыма.

— Как они нас, — снова прошептал Альмодовар. — Вокруг пальца.

— Апачи это, мой капитан, — сказал Пачеко. — Не нужно было их обижать.

— Скажи это выродку де Лос Льяносу, — огрызнулся Эчеверрия с неизвестно откуда взявшейся силой в голосе.

— Не хватало, чтоб вы ещё поссорились, земляки из Дуранго, — успокоил их Альмодовар.

Он долго не отрывал взгляда от Пачеко, а когда отвёл глаза в сторону, через силу произнёс:

— Что там с пленницами, сержант?

— Сейчас посмотрю, — ответил Пачеко.

Всадник медленно пересекал западный край котловины. Как только дым от выстрелов полностью развеялся, всадник остановился.

— Далеко, — сказал кто-то из солдат. — Не достанем. Неправильно стреляли.

— А и не нужно было, — попытался крикнуть Эчеверрия, но только прохрипел надтреснутым голосом. — Это ребёнок.

Пачеко дошёл до площадки, когда-то служившей основой для хижины. Никого не было. Каучильо лежал в двадцати шагах от площадки и как-то подслеповато, будто ощупывая пространство

ладонью, водил рукой вокруг себя. Пачеко тщетно пытался помочь ему подняться. Даже беглый взгляд выхватывал из действительности неоспоримый факт — солдат полностью изнурен.

— Их нет, — постарался Пачеко произнести слова как можно громче.

— Понятно, — кивнул Доменико Альмодовар и отвернулся к далёкому всаднику.

Пачеко отметил, что девочки вначале передвигались ползком: там, где по камням скользили их тела, росы не было, редкие ростки травы были смяты. Апачки убежали не ранее, чем полчаса назад. Он прошёл ещё шагов триста и по следам определил, что индианки только вначале ползли, а когда удалились на достаточное расстояние от колодца, поднялись и побежали. Следы показывали, что шаг их был широким и лёгким, но Пачеко удивился лишь мимолётно, будто ожидал именно такого результата. «Откуда у них взялись силы?», — подумал он, однако поймал себя на том, что пытается размышлять об индианках с восхищением.

Пачеко побрёл дальше к проходу между холмами, где из равнины в котловину вползала тропа из Ларго Камино. Обогнув холм, он увидел старика, самую маленькую девочку и самую старшую, совсем близко, шагах в пятидесяти от себя. Было видно, что они выбились из сил, поэтому и присели отдохнуть. Остальные девочки бежали шагах в пятистах от Пачеко и старались побыстрее обогнуть холм, чтобы исчезнуть среди возвышенностей.

Старик поднялся. Его выцветшие глаза смотрели внимательно.

— Поликарпио? — обратился к нему Пачеко. — Это ведь вы, сеньор Поликарпио?

Старшая девочка схватила младшую за руку и попыталась побежать, но маленькая упала. Тогда старшая девочка взяла малышку на руки и быстро пошла вдоль подножия холма. Старик снял сомбреро и отбросил его в сторону. Его седые волосы, подстриженные под каре, были схвачены синей косынкой. Он пронизал глазами Пачеко — отрешёнными, закипевшими седым льдом.

Старик повернулся и пошёл, хромая, вслед за старшей девочкой, широко раскинув руки, прикрывая её собой, чтобы уберечь от выстрела.

Пачеко долго стоял и смотрел, как они уходили — девочка-подросток, несущая на руках малышку, и старый хромой индеец. Когда они удалились на расстояние, где пуля уже не могла их достать, взяли маленькую девочку за руки и втроем побежали на северо-запад. Старик был невысоким и издали тоже походил на подростка. Он сильно хромал, переваливался телом из стороны в сторону, иногда поворачивался и бросал в сторону неподвижно стоящего Пачеко долгий и внимательный взгляд.

Солнце чиркнуло своим краем по равнине, сразу же окрасив её в красный цвет. Пачеко повернулся — пред глазами плыли то ли облака, то ли тлеющая светом котловина.

Он доковылял до Альмодовара и Эчеверрии. Ноги дрожали в коленях. Чтобы переступить, нужно было из последних сил опираться на винтовку. Но даже когда Пачеко присел возле Альмодовара, головокружение не оставило его — в зрачки брызнул день, словно был разбит на множество осколков, а перед глазами поплыло, качаясь, как уносимое водой.

Солдаты лежали возле колодца, не отрывая взгляда от всадника, который огибал холм и постепенно удалялся. В стороне, сбившись в гурт, стояли лошади и мулы.

Альмодовар кивнул сержанту, а Эчеверрия сказал:

— Когда ты подошёл к Каучильо, я что-то заметил. Вроде как что-то мелькнуло на выходе из котловины.

— Они ушли, мой капитан, — сказал Пачеко. — Помните Поликарпио?

— Этого хромого старика? — спросил Альмодовар. Он откинул голову назад, чтобы посмотреть в небо, но по выражению его глаз Пачеко догадался, что взгляд капитана не ушёл в высоту, а остался возле задумчивого лица, словно удерживаемый внезапной мыслью.

— Ты хочешь сказать? — сказал Альмодовар.

— Я ничего не хочу сказать, — ответил Пачеко.

— Может это и к лучшему, — прошептал Альмодовар. — Нам нечего сказать, ведь так? Как всё это — всадник у холма, отравленный колодец, старик, который искал бруху, но оказался индейцем? Но я не верю в колдунов.

— Однако, получается так, что бруха есть, — сказал Эчеверрия. — Кто же тогда помог ему — этому хромому апачу?

— Может, всё это? — спросил Пачеко и обвёл рукой вокруг себя, будто хотел очертить начинающийся день, сделать его доступным и преодолимым.

— Всё равно не верю, — ответил Альмодовар. Он попытался улыбнуться, но боль и усталость сковывали его тело, поэтому на его лице появилось только что-то вроде извиняющейся гримасы.

Всадник исчез. Он и его конь слились с поверхностью пустыни, но ещё долго виднелась его налобная повязка, словно подтёк крови, который склон неба никак не решался с себя смыть и полностью утратить.

ТОСКА ПО ЛОЗЕН

Посвящается Людмиле Кузнецовой

1

Лейтенант Юджин Гейтвуд просто закрыл глаза и попытался отрешиться от ударов летящего песка: смерч неумолимо приближался, а рота кавалеристов, изнурённая жарой, обречённо застыла на лошадях. И песок накрыл солдат, вычеркнул на несколько секунд их присутствие в пустыне, словно солнце, так и не раскалив до состояния огня кустики травы, сотворило нечто подобное индейской скрипке, где роль палочки для добывания огня выполняла высокая колонна смерча, дугой лука служила выпуклая в голубизну высь, тетивой — горизонт, а усталые всадники на тощих лошадях являлись стружками, обжаренными укрыться языками пламени, лишь только вращающаяся воронка пройдет по ним.

Горячий песок ударил по лицам, заскрипел на зубах, и рота канула в небытие или оказалась так далеко на севере, где о ней уже никто не вспоминал.

Лозен стояла на лошади, чтобы лучше обозреть тело пустыни. Проследив глазами передвижение смерча, она отметила, как тот всосал в свою воронку роту синих мундиров, однако не стала думать, что они исчезли, ибо рассматривала их отрешенно, без ненависти и без сочувствия, то есть именно так, точно пустыня вычеркнула из присутствия на своем теле именно ее, Лозен, а изнуренных белоглазых превратила в статуи, высеченные из глыб песчаника.

Смерч так же внезапно покинул кавалеристов, как и накрыл, и все солдаты и лейтенант Гейтвуд в самом деле обрели новый облик. Бешено вращаясь, колонна смерча уходила к восточной стене плато Могольон, а белоглазые за несколько секунд до того,

как начали двигаться, стирать с лица пыль и отряхивать песок с одежды, выглядели, словно водруженные на равнине монументы забвения.

— Это утренний вздох, — сказал скаут Белой горы Серый Призрак. — Больше смерча не будет, а будет невыносимо ясно.

Лозен неподвижно высилась на спине лошади, наблюдая за еле различимыми точками на севере. Гибкий и раскачивающийся уход колонны смерча породил между отрядом солдат и воинами Лозен пространство вакуума, из-за чего воздух с юга устремился к плато Могольон и создал движение напористого ветра, — две тонкие седые пряди в её волосах затрепетали, словно дорожки луны на ночной воде, а сама она подумала: «Или нам придется сразиться с ними, или мы и они погибнем от жажды».

— Источники воды можно найти в ущельях Могольон, Лозен, — сказал Аллинрильо, худой и обгоревший на солнце до черноты, — или у подножия возвышенностей.

— Они должны быть там? — спросил лейтенант Гейтвуд. — Ведь там же, Серый Призрак?

Серый Призрак ничего не ответил, а внимательно и выжидающе посмотрел на лейтенанта.

Тыльной стороной ладони Гейтвуд вытер лицо от налипшего на него песка, а затем потянулся к под сумку и достал из него массивный армейский бинокль.

Лозен только сузила глаза, когда далеко на севере блеснули два крохотных солнечных зайчика.

— Я тоже их увидел, Лозен, — сказал Гиасиндо. — Наверное, на нас навели бинокль.

— Кажется, что глаза этого солдата плавают в зеркале мерцающего кварца, — задумчиво произнесла Лозен.

— Единственное место, где здесь можно плавать? — спросил, улыбаясь, Гиасиндо.

Лозен тоже улыбнулась, но грустно.

— Кто знает... — ответила она.

Лейтенант Гейтвуд, до боли прижав к векам бинокль, смотрел на Лозен, но она была слишком далеко, чтобы он мог разглядеть ее лицо, хотя четко различал изящное женское тело, высящееся над напряженно застывшей аппалузой. С его мундира опали песчинки, и сам он, желтовато-серый от пыли, походил на

вырытого из земли человека, который сразу, лишь только востав, начал пристально смотреть на юг, как на нечто недостижимое, как на то пространство и на то время, которые были до его гибели и до его погребения.

— А она стройная, — сказал лейтенант Гейтвуд, продолжая наблюдать за Лозен в бинокль.

Серый Призрак ничего не ответил. Он окинул лейтенанта пронизательным взглядом, однако очерченные логикой мысли в его сознании не родились: смутные образы, всплывшие из прошлого, словно из далёких пределов равнины, отразились на его радужницах и, заполнив смутным свечением воспоминания, начали уходить к горлу и к сердцу, так что самому скауту Белой горы привиделось, что он начинает плавать в зеркале мерцающего кварца.

«Знает ли он ее лицо?» — одновременно подумали друг о друге лейтенант Гейтвуд и Серый Призрак, но Серому Призраку было труднее не подать об этом виду, сделать так, чтобы лейтенант ничего не заметил, ибо Гейтвуд прикрыл свои глаза биноклем, и только его губы, блуждающие тихой улыбкой, могли бы повести, что он заинтригован, о чем и догадался скаут Белой горы, и еще пристальнее, еще пытливей посмотрел на своего командира.

Много позже, когда Серого Призрака посадили на лошадь, сорвали с его мундира нашивки сержанта американской кавалерии, а шею стянули верёвкой, перекинутой через ветку платана, он смотрел на лейтенанта грустно и ласково.

Два солдата схватились за веревку, а сержант Пол Осборн вытянул из-под ствола карабина шомпол и размахнулся, чтобы полоснуть сталью коня.

— А ведь никто не выстрелил в Лозен, — успел сказать Серый Призрак. — Никто не осмелился.

Осыпающийся песчинками и похожий на термитник с ползающими на нем рыже-желтыми насекомыми к Гейтвуду подъехал сержант Осборн, а Лозен, усевшись на спину аппалузы, дернула направо удила, и когда лошадь развернулась, на лице предводительницы застыли пристальные взгляды Гиасиндо и Аллинрильо, потому что она должна была им что-то сказать, обнадежить или опустошить сердца своих воинов хотя бы маленьким просветом в не омраченное будущее либо предсказанием их гибели.

Она посмотрела на них, словно видела впервые.

«Он гадает, какое у меня лицо. Этот белоглазый, что навел на нас бинокль», — подумала Лозен.

— Все хотят увидеть твоё лицо, Лозен, — сдержанным тоном сказал Аллинрильо, и две седые пряди в волосах Лозен как бы отяжелели, стали серебряными или платиновыми, поэтому и вырвали её левый висок перпендикулярно к земле, и мечта Лозен вонзилась в землю, и там и погасла.

— Аллинрильо, — сказала она, но не обратилась к нему, что он и заметил, а вслух вернулась к мысли об Аллинрильо, ибо с кем она могла ещё посоветоваться? Разве что с Наной? Но Нана был далеко.

— Можно бинокль, лейтенант? — спросил Пол Осборн.

Гейтвуд оторвал от глаз бинокль и передал его сержанту.

Осборн долго, беззвучно шевеля губами, процеживал взгляд сквозь линзы, а затем вернул бинокль Гейтвуду.

— Похоже, что чирикахау, — сказал он. — Три человека. Они удаляются на юг.

Его глаза блеснули, и он выжидающе посмотрел на Гейтвуда.

— Что ещё, Осборн? — спросил лейтенант. — То, что это, скорее всего, чирикахау, я тоже заметил.

— Просто такое впечатление, — извиняющимся тоном ответил сержант, — словно этих чирикахау поглощает черта горизонта. Что она, как удар или след от удара, и апачи просто исчезнут или будут смяты. Как это объяснить, лейтенант?

После приговора, вынесенного военным трибуналом, далёкий отрезок горизонта, что смял апачей и запечатлелся в плотно сжатых губах Серого Призрака, вскинулся натянутой, как струна, веревкой от шеи скаута Белой горы к толстой ветке платана. Никто не удосужился даже соорудить примитивную виселицу, как обычно делали после подобных приговоров военно-полевого суда. «Для краснокожего достаточно», — процедил кто-то сквозь зубы и презрительно сплюнул.

Лейтенант перевел на Осборна недоуменный взгляд, но ничего не ответил. На слова сержанта отреагировал Серый Призрак, изучающе и немного насмешливо скользнув по лицу Осборна желто-коричневыми глазами.

— Смяты безжалостностью, — сказал он, и от его слов Гейтвуд неестественно выпрямился, а Серый Призрак уже точно знал,

что лейтенант, хотя и не отдает себе отчета, уходит мыслями к Лозен и, возможно, никогда в нее не выстрелит. Да ведь он много позже и запишет слова Серого Призрака в свой дневник: «А ведь никто не выстрелил в Лозен. Никто не осмелился».

Когда натянутая веревка, точно пущенная стрела, устремилась в небо, а конь с ровной кровавой отметиной на своем крупе помчался к горизонту, Гейтвуд, отвернувшись и, до крови закусив зубами нижнюю губу, подумал: «Но ведь все это было безумием. Безумием от начала и до конца».

Лейтенант Гейтвуд часто вспоминал, что Серый Призрак, глядя на далекое облако пыли, оставленное умчавшимися чирикахуа, очень тихо проговорил несколько слов. Среди них было слово Уссен. И после объяснения Серого Призрака Гейтвуд уже знал, что Уссена или Дитя Воды чирикахуа считают своим первопредком. Но он запомнил и остальные слова. Голос скаута был наполнен таким чувством благоговения, что, спустя много дней после его казни, Гейтвуд, разговаривая с несколькими разведчиками Белой горы, попросил их перевести ему остальные слова, произнесенные Серым Призраком на языке апачей.

— Пусть поможет тебе Уссен, девочка, — сказали ему апачи Белой горы. — Вот что сказал твой скаут.

2

Конь, обезумев от боли, взметнул копытами землю и помчался к горизонту, словно надеялся навсегда убежать от человеческой жестокости. Из того места, где он взрыхлил почву, серым облаком начала подниматься пыль и окутывать собой и казенного Серого Призрака, и раскидистый платан, от которого в мутной пелене виднелись только толстые ветви, похожие на вены на жилистых руках апача Белой горы. Серый Призрак был Серым Призраком, и последнее, что совершила беспощадная действительность, это окутала его мертвое тело серой пылью. Он исчез в белесом дурмане, в растекающемся и набухающем над землей сером белье, но под бельмом, во внутреннем взоре все еще раскачивалось на веревке его безжизненное тело так рядом со скачущей по пустыне Лозен, как только можно вообразить или измыслить.

«Этого коня подхватит Лозен, — подумал лейтенант Гейтвуд после казни Серого Призрака, — на полном скаку, не за-

медля бешеной скачки. Схватит за поводья, а затем, окинув своих воинов пылающими от гнева глазами, крикнет: «Аллин-рильо! Приведи этого коня на то месте, где Серый Призрак прикрыл нас собой и спас!»

Где-то с полмили Лозен и два ее воина очень быстро гнали лошадей, чтобы скорее покинуть зону, которую белоглазые могли просматривать, пользуясь биноклем. Когда они решили, что находятся вне поля зрения синих мундиров, перешли на шаг, да и Гиасиндо сказал, хотя и Лозен, и Аллин-рильо хорошо об этом знали, что лошади больше не выдержат и их придется убить.

Лейтенант Гейтвуд снова поднес бинокль к глазам и долго смотрел, как три еле различимые чирикахуа, можно было только разглядеть, что это женщина и двое мужчин, неумолимо удаляются и будто просачиваются в землю. Он облизал языком губы, и на его губах снова заскрипел песок.

— Мы можем их догнать? — спросил он скаута Белой горы.

— Сейчас нет, — ответил Серый Призрак. — Наши лошади тоже ослабли. Чирикахуа ускакали в направлении, параллельном стене Могольон, к тому же нас намного больше.

— Что ты хочешь этим сказать, Серый Призрак? — спросил лейтенант Гейтвуд, почувствовав, что скаут точно знает, что делать роте кавалеристов.

Пятидесятитрехлетний Серый Призрак выпрямился. Стройный и сухощавый он почти на два дюйма был выше Гейтвуда, но никогда не смотрел на него свысока, а скорее, как всегда отмечал лейтенант, задумчиво, терпеливо и еще с каким-то странным выражением в глазах, говорящем о смирении.

— Там, — Серый Призрак указал рукой направо, — у стены плато Могольон мы можем найти воду. Если вы отсюда можете разглядеть, стена высокая и пологая, лейтенант.

— А Лозен и ее воины? — спросил Юджин Гейтвуд. — Чтобы отыскать воду, им тоже необходимо повернуть к стене Могольон?

Лейтенант спросил о Лозен очень тихим голосом, почти шепотом, чтобы его не услышал сержант Осборн, уже удаляющийся к остальным кавалеристам.

Верхние веки Серого Призрака налились тяжестью, и он на несколько секунд закрыл глаза.

— Да ведь вы даже не видели ее лица, лейтенант, — как-то очень бережно и словно преодолевая себя, сказал Серый Призрак.

Конь, на котором сидел Гейтвуд, начал медленно, равномерно ударяя копытами о землю, поворачиваться на месте, хотя лейтенант никакой команды ему не давал. Мнилось, что Гейтвуд удаляется от Серого Призрака и пытается ухватиться за взгляд его желто-коричневых глаз, становящихся все более отрешенными.

Серый Призрак это заметил и, чтобы не смотреть на Гейтвуда, перевёл взгляд к стене Могольон.

— Все равно, лейтенант, — глухо прозвучал его голос.

— Она стройная, — сказал Юджин Гейтвуд, скользя взглядом над поверхностью пустыни. — Очень стройная. Лозен стояла на лошади, а ветер, устремившись за смерчем, взметнул на ней подол юбки и обнажил её ноги до самых бедер.

Серый Призрак и Юджин Гейтвуд продолжали разговаривать, стараясь не смотреть друг на друга: скаут, возвышаясь на лошади, уходил взглядом к высокой стене, а Гейтвуд, пытаясь сдержать своего коня, поворачивающегося на месте против часовой стрелки, постоянно отводил глаза на восток.

— Все равно, — сказал Серый Призрак, — вам бы не удалось ее рассмотреть, если бы она не стояла на спине аппалузы.

Гейтвуду показалось, что голос скаута донесся как бы издали, точно Серый Призрак находился у подножия высокого плато.

— И почему, — снова он обратился к Серому Призраку, — почему ветер рванул ее юбку? Почему так случилось?

Серый Призрак начал медленно отводить взгляд от высокой стены.

— Она обратила внимание на вспыхнувшие линзы бинокля, и только потом осмотрела вас с головы до ног, — сказал скаут.

— Твои глаза, Лозен, твое лицо, — говорил ей семидесятипятiletний Нана, когда она после долгого перехода обнимала его и жаловалась:

— Я так устала, Нана. Так устала...

А Нана, стараясь успокоить её, доверительно говорил:

— Ты смотри им прямо в глаза, Лозен, но рассматривай их, словно они находятся далеко. И никто из них перед тобой не устоит.

Как только он произносил своё напутствие, сразу же принимался тереть гриву коня или поправлять на поясе ножны.

— А ты, Нана? — спрашивала Лозен, приближаясь к старику широко открытыми глазами.

Нана отводил взгляд в сторону и растерянно улыбался.

— Я давно живу под твоей юбкой, девочка, — отвечал он с доверительными нотками в голосе, а когда вновь встречался с глазами Лозен, они вдвоем начинали хохотать до колик, заливаясь смехом.

— Почему? — задумчиво спросил Серый Призрак, а затем повернулся к Гейтвуду, так что поводья, которые он придерживал левой рукой, натянулись, и конь под ним встрепенулся. Горло Гейтвуда пылало от жажды и от проглоченного песка.

— Потому что все любят Лозен, — хриплым голосом сказал Серый Призрак и снова отвернулся к высокой стене плато Могольон.

3

Тень калифорнийского грифа, как нечто глубоководное и колеблющееся плоским телом над поверхностью дна, на секунду отпечаталась на земле возле низко склонившегося Серого Призрака, внимательно рассматривающего следы от копыт.

— Было три лошади, — сказал Серый Призрак, упруго выпрямившись.

— То есть с Лозен только два воина? — спросил лейтенант Гейтвуд и посмотрел в небо в надежде на мимолетную тень, которая, возможно, скользнула бы по его лицу, если бы гриф не долетел до стены плато Могольон и решил поворачивать обратно. «Единственная тень, на которую мы можем надеяться, и та быстрая», — подумал он.

Серый Призрак скупно улыбнулся, но лицо его оставалось суровым.

— Нам необходимо поворачивать к стене Могольон, — сказал он.

— А чирикахау? — спросил лейтенант Гейтвуд.

— Их может оказаться больше, не только Лозен и два воина. Чирикахау редко передвигаются всей группой, даже если это крошечный отряд. Если их будет четыре человека, они разделятся на две пары, чтобы дробить силы преследователей или уводить их по ложному следу. А соединяются они в условленном месте при

благоприятных обстоятельствах, когда уверены, что оторвались от кавалерии и им не грозит опасность. По крайней мере, очевидная опасность.

— Но мы выследили апачей, Серый Призрак. Они, наверное, сейчас в панике, ведь их лошади ослабли.

— Апача, который находится в военном походе, невозможно увидеть, — сказал Серый Призрак. — Вы можете увидеть его за секунду перед своей смертью или короткое время после выстрела, когда чирикахау вас продырявил, и вы начали отдавать Богу душу. Чирикахау невидимы.

— Ну а, если, их видят, что тогда? — недоверчиво спросил лейтенант Гейтвуд.

— Кого? Военный отряд? — улыбнулся Серый Призрак. — Военный отряд невозможно заметить, увидеть, узреть. Называйте, как хотите, лейтенант. Даже апачи Белой горы не могут этим похвастаться, к тому же все остальные тонто, хикарилья и явапаи. Чирикахау появляется, возникает, как из небытия, чтобы вас умертвить, всего на считанные доли секунды, и сразу исчезает, будто его никогда и не было на этой Земле. Я не имею в виду исключения.

— Тогда, что это было, Серый Призрак? Почему Лозен позволила мне увидеть себя, хотя и издалека? — обескураженно спросил лейтенант Гейтвуд. — Почему чирикахау показались перед нами на расстоянии выстрела из карабина спрингфилд?

— Какой-то хитрый замысел, о котором мы, возможно, никогда не узнаем. И я могу сделать только одно заключение, — холодно ответил Серый Призрак, — Лозен начала войну.

4

Но лейтенант Гейтвуд решил преследовать чирикахау. Могло случиться, что их только три воина. Апачи, почти исчезнувшие, однако оставшиеся зыбким отражением в глазах лейтенанта, хотя он все четко различал и не видел ничего, кроме пустынного горизонта, продолжали удаляться на юг. В длинных волосах одного из них трепетали две дорожки луны, а юбка периодически вздымалась от ветра, обнажая ноги в высоких мокасинах, так что Гейтвуду ничего другого не оставалось, как только подумать, что ночь и луна всегда зарождаются очень далеко, намного глубже той высоты, где расплзаются белые и сиреневые клочья облаков.

— Трое? — спросил Серый Призрак. — Но это говорите вы, белоглазые. Дай-то Бог.

И, в самом деле, кавалеристы вначале ехали по следам трех лошадей. Затем, преодолев восемь миль, солдаты прочитали по следам, что тех апачей, которых они пытались догнать, поджидала еще одна группа из трех всадников, но через сто ярдов следы их расходились: три чирикахау поскакали на юг, а три повернули на восток.

— Чтобы сделать дугу, — сказал Серый Призрак. — Здесь воды нигде не найти, только возле стены плато Могольон. Это означает, что одна группа сначала поедет на восток, а затем повернет на юг и на юго-запад.

— А те, что поехали прямо на юг? — спросил лейтенант Гейтвуд.

— Они тоже рано или поздно обязаны повернуть на юго-запад, и, скорее всего, уже соединившись с теми, кто ускакал на восток. Чирикахау рассчитывают, что мы будем преследовать группу, направившуюся на юг, потому что нам опасно удаляться от плато Могольон. Ведь нам тоже необходима вода, и кто знает, если бы мы поскакали на восток, хватило бы у нас и у наших лошадей сил вернуться и дойти до высокой стены? Может случиться, что та группа, которая поехала на восток, через некоторое время начнет следовать параллельно группе, отправившейся на юг.

— Зачем? — спросил лейтенант Гейтвуд.

Серый Призрак облокотился на луку седла.

— Они будут передвигаться на таком расстоянии, — сказал он, — чтобы быть для нас невидимыми, но иметь возможность услышать выстрелы, если мы настигнем ту группу, которая ускакала прямо на юг.

— То есть вторая группа, если мы начнем перестрелку, ударит по нам с фланга или же с тыла?

— Вполне возможно, — сказал Серый Призрак.

— Такое впечатление, Серый Призрак, что ты не хочешь, чтобы мы преследовали Лозен.

Серый Призрак окинул лейтенанта Гейтвуда ледяным взглядом.

— Лозен никто не хочет преследовать, — сказал он. — Никто из тех, кто знает ее, кто слышан о ней или хотя бы видел ее, пусть даже издали.

— Но я преследую ее, Серый Призрак. И это ты предложил, чтобы мы сразу направились к стене Могольон. Я же решил договориться Лозен.

Серый Призрак задумался.

— Вы не преследуете Лозен, лейтенант.

— А что же я тогда делаю?

Серый Призрак сузил свои желто-коричневые глаза.

— Вы просто желаете еще раз увидеть ее. Но никогда в Лозен не выстрелите.

— Лозен, — сказал Нана, приехали апачи Белой горы. — Они хотят поговорить с тобой.

Лозен резко повернулась и обожгла черными глазами несколько худых и уставших белогорцев.

— Я буду купаться, Нана, — сказала она, сняла перекинутый через плечо патронташ, растянула, затянутый поверх блузки ремень с кобурой, отдала их Нане и медленно пошла к небольшому ручейку. Она сняла блузку перед самой водой и зашла в зеркало мерцающего кварца. Но никто не видел ее: апачи Белой горы деликатно отвели глаза в сторону и делали вид, что внимательно рассматривают высящиеся над ними зубцы скал. Краем зрения ее замечал только Нана, но любой, кто посмотрел бы на него, подумал бы, что Нана уходит взглядом вдоль ручья.

— Ты только смотри на них, девочка, — тихо прошептал самому себе старый Нана, — и никто из них перед тобой не устоит.

— Почему вы так уверены, что Лозен повернула на восток? — спросил лейтенанта сержант Пол Осборн, до этого с безучастным видом слушавший разговор Гейтвуда со скаутом Белой горы.

— В самом деле? — обратился лейтенант к Серому Призраку.

— Ну, — сказал Серый Призрак, — те трое лошадей, по следам которых мы ехали вначале, повернули на восток. Я хорошо это вижу по отпечаткам копыт и по шагу лошадей. На одной из этих лошадей ехала Лозен.

— Конечно, — согласился лейтенант Гейтвуд, — но некоторое время все шесть всадников скакали вместе, и Лозен на скаку могла пересесть на другую лошадь, а тот воин, который сидел на другой лошади, на лошадь Лозен.

Верхние веки Серого Призрака налились тяжестью и стали твердыми, словно камень.

— Но зачем это Лозен? — спросил он.

— Потому что Лозен прекрасно понимает, что преследовать будут именно ее, — сказал сержант Осборн.

— Но Лозен храбрая женщина, — сказал Серый Призрак и изучающим взглядом обвел лейтенанта Гейтвуда и сержанта Осборна.

— Я так понимаю, — сказал Гейтвуд, — что Лозен должна находиться в той группе, которую ожидают больше непредвиденных обстоятельств.

— Так и есть, — сказал Серый Призрак, — Лозен поехала с группой, которой придется больше маневрировать, чаще принимать решения, и не нужно забывать, что Лозен — командир.

Легкая улыбка удлинила широкий рот Серого Призрака.

— Может статься, — сказал он, — что Лозен поскакала с двумя воинами на восток, чтобы после повернуть не на юг, а на северо-запад и оказаться позади нас.

— С какой целью? — спросил лейтенант Гейтвуд.

— Чтобы, пока нас отвлекает другая группа чирикахуа, спокойно добраться до стены плато Могольон и найти там воду. Если у чирикахуа есть большие бурдюки, они наполнят их водой и, при первой возможности дадут напиться воинам и лошадям второй группы.

— Той группы, которая поскакала на юг и нас отвлекает? — уточнил лейтенант Гейтвуд.

— Ну да, — согласился Серый Призрак, — которая отвлекает и, если возникнет необходимость, примет на себя наш удар. При необходимости эта группа спокойно пойдет на смерть, чтобы спасти Лозен.

— А если Лозен ускакала на юг? — спросил Гейтвуд.

Сержант чертыхнулся, но сразу же уважительно замолчал.

Серый Призрак сощурился. Он опустил голову, чтобы Гейтвуд и Осборн не заметили замешательства в его глазах, а затем, молниеносно став отстраненным, опрокинул лицо к небу и ушел взглядом в высь.

— Так стоит ли нам вообще преследовать какую-либо группу? — спросил Гейтвуд. — Мы напрасно потратим силы, а потом вряд ли доберемся до стены плато Могольон.

— Об этом я вам и толковал, — сказал Серый Призрак. — Лозен встала на спину лошади, чтобы мы увидели её и начали преследовать. Ей нужно вымотать наших лошадей.

— Я тоже так думаю, — сказал Осборн. — Она слишком выпчивала себя, лейтенант.

— Я ведь говорил, — сказал Серый Призрак. — Увидев Лозен, не нужно обольщаться, что вы можете настигнуть её. И не нужно поддаваться первому желанию.

— Да ведь она обвела нас вокруг пальца, — сказал лейтенант Гейтвуд и вдруг почувствовал, что тень калифорнийского грифа упала на него и застыла, подарив только кажущееся ощущение прохлады.

— Чтобы защитить вас от солнца, лейтенант, — сказал внимательно следивший за Гейтвудом Пол Осборн.

Все трое подняли глаза к небу. Оно было белесо-голубым, как и радужницы сержанта Осборна, и казалось гигантским глазным яблоком, всасывающимся в бесконечно мрачный и находящийся далеко позади него мозг, а гриф — удлинённым зрачком в виде слабо выраженного креста, края которого таяли на поверхности неба бахромой непонятных мыслей.

— Как он может оставаться на одном месте и не двигать крыльями? — спросил лейтенант Гейтвуд.

— Встречные потоки воздуха с высокой стены Могольон, — сказал Серый Призрак.

5

Лошади уже третий день ничего не ели и не плавали в зеркале мерцающего кварца. К ближайшему источнику нужно было добираться несколько дней, и Нана знал, что даже при благоприятном стечении обстоятельств воды во флягах хватит только воинам и только до следующего вечера, а животные погибнут от обезвоживания. К тому же им на пятки наседали рота кавалеристов, которую вели разведчики Белой горы, такие же опытные и умеющие выживать в пустыне, как и чирикахау. Поэтому Нана и пять его воинов, два из которых были ещё мальчиками, способными носить оружие, решили выбрать место, где можно было бы оставить лошадей и погнать их в противоположном направлении от маршрута своего передвижения, тем самым заставив солдат двигаться по ложному следу. Но апачи Белой горы сразу бы заметили по отпечаткам следов, что лошади двигались налегке. Поэтому чирикахау сняли свои хлопковые и ситцевые рубахи, вру-

чили их сорокавосемилетнему Перико и послали его найти каменистую равнину, где рубахи можно быстро наполнить обломками песчаника или гранита.

Гейтвуд не догадывался, что происходит впереди, всего в нескольких милях от роты, которой он командовал. Три его скаута — Серый Призрак, Алонсо и Первый Снег указали ему, что облако пыли далеко на юге исчезло, значит чирикахуа либо решили отдохнуть, либо выехали на открытую камнями равнину.

— Но их лошади устали еще больше, чем наши, — сказал Алонсо. — Эти чирикахуа далеко не уйдут.

Перико обязан был сделать из рубах нагруженные камнями узлы и разместить их у самого края россыпи, где после весенних дождей ещё остались редкие кустики травянистых растений. И если лошади траву не сощипнут, это сделают воины, и именно так, чтобы даже самые опытные скауты подумали: «Чирикахуа, проезжая здесь, замедлили ход лошадей и дали им возможность хоть немного пощипать соленую мексиканскую траву». Глиной, что начиналась сразу после россыпи, рубахи заполнять было нельзя, как бы Перико не старался. Все равно бывалый разведчик заметит место, где поверхность почвы кто-то взрыхлял или найдёт комочки глины, просыпавшейся сквозь прорехи в рубахах.

И лишь только рубахи будут наполнены камнями, Перико зеркальцем подаст Нане сигнал, что все готово.

Апачи ехали цепочкой, медленно и осторожно, словно боялись друг друга потерять. Каждый из них всматривался в спину едущего впереди, и Нана, не доверяя своим глазам, дал приказ следить за горизонтом шестнадцатилетнему Даклуги.

Солнце уже коснулось вершины стены Могольон, когда юноша вскинул правую руку и указал на блеск солнечного зайчика.

— Перико все сделал, — сказал Агирре или Тот, Кто Нигде. Он обратился к Нане, но старик смотрел в сторону недавно вспыхнувшего зеркальца.

Через полчаса отряд Наны подъехал к участку щебнисто-галечной пустыни, где Перико наполнил рубахи камнями. Обнаженный, мокрый от пота и мерцающий всем телом в беловато-серой пелене, он будто постепенно угасал находящимся у него внутри огнем.

Точно так же, цепочкой, чирикахуа поехали вдоль россыпи, чтобы, сойдя с коней, ступить не на глину, а на камни, а Перико тут же водружал бы на пустое седло узел с булыжниками и привязывал его ремешками, предназначенными для крепления шерстяных скаток. Некоторые из воинов нагибались к самой земле и сощипывали кончиками пальцев несколько ростков соленой мексиканской травы, чтобы положить их в седельные сумки, и лишь затем осторожно сходили с лошадей.

Наконец все кони были нагружены тяжелыми узлами. Перико, вскочив на коня, застыл спиной к Нане и к остальным воинам. Но никто ничего не говорил. Перико постарался, чтобы его конь пошёл вдоль границы щебнисто-галечного участка. Он тихо, сделав языком щелкающий звук, позвал за собой нагруженных лошадей, и только тогда услышал слова Наны:

— Перико, если белоглазые нагонят тебя, постарайся продержаться подольше. Если тебе удастся остаться живым, найдешь нас возле отрогов Гила. Желаю тебе хорошей смерти, сынок.

— Нана, — сказал Перико, полуобернувшись. Он обжег старика совершенно равнодушными глазами, в которых еле-еле проступало выражение пытливости, кивнул головой и повёл за собой скакунов.

Чирикахуа еще несколько секунд наблюдали за ним, а затем, взяв скатки, пошли искать место для ночлега.

6

Перико вел лошадей всю ночь, а когда они полностью выбились из сил, подогнал их к небольшому участку, где из глины во время дождей пробилась трава. Она уже стала совершенно сухой, но кони все равно немного попаслись, а затем, печально поведив головами, отказались от нее.

Перико оставил четырех лошадей, а двух, на его взгляд самых сильных, повел за собой, однако сначала сбросил со спин всех скакунов рубахи, нагруженные камнями. Пройдя ярдов сто, он остановился и посмотрел на север. Ветер с запада всколыхнул бежево-серые стебли, изгибая и наклоняя их, и участок травы стал похожим на распластавшегося на земле и подкрадывающегося к добыче хищника. Лошади смотрели на Перико, словно просили не оставлять их в пустыне, но у них уже не было сил двигаться

дальше. Взгляд их тусклых глаз показался Перико прощальным. Одна из лошадей, которую Перико держал за удила, медленно, стоя на месте, начала перебирать копытами. И, если бы не ее слабые движения и не колеблемые ветром волосы Перико, он всем, кто смотрел бы на него со стороны, показался бы стволom обрубленного дерева с содранной корой и потемневшей заболонью.

Перико дернул двух лошадей за поводья и повел их дальше, ощущая спиной взывающие к нему взгляды четырех изнуренных аппалуз.

«Возможно, белоглазые позволят им поплавать в зеркале мерцающего кварца, и они останутся живыми», — подумал Перико. Он снова повернулся и посмотрел на север, но никакого облака пыли не увидел. Однако ему необходимо было точно знать — преследуют его кавалеристы или нет, то есть удался ли план Наны отвлечь белоглазых от основного отряда воинов-чирикахау.

Перико чувствовал, что сам скоро не выдержит и свалится с ног, однако снова заставил себя двигаться, внимательно осматривая землю перед собой. Он хотел найти ветку не толще большого пальца и не короче семи-восьми дюймов. Кустарник, даже самый чахлый, нигде вокруг не встречался. Наконец Перико заметил ветку с отметиной сучка, сероватую и немного изогнутую. Он поднял ее, отыскал глазами участок твердой глины, воткнул в глину палочку, затем вытянул ее и вставил в проделанное отверстие рукоятку ножа. После он утрамбовал глину вокруг черенка, прилег возле ножа на бок и обхватил клинок зубами. Он не сильно сжимал сталь, а только как бы пристраивался к ней, нежно, бережно, словно нажимал зубами на сосок женщины. Любой другой человек ничего бы не почувствовал, но Перико, мысленно соединив все свое естество, всего себя с воткнутым рукояткой в землю ножом, ощутил зубами почти неуловимую вибрацию закаленной стали, слабый, будто доносящийся из прошлого, гул, который невозможно услышать, а только узнать или вспомнить зубами и деснами. Он так пролежал несколько минут, все больше и больше проникаясь вибрацией клинка, становясь его продолжением, превращаясь в странный, выросший из заточенной стали огромный листок или в воспоминание о листке. Еле уловимая вибрация клинка передавалась через челюстные мышцы к ушным раковинам.

«Кавалеристы, — подумал он. — Лошадей семьдесят. В двух милях отсюда».

Он поднялся с земли и присел на корточки. Пересчитал патроны, которые у него остались — всего четыре. Его тоскливый взгляд уходил на север. Вдали паслись оставленные им лошади. Нельзя сказать, что ему стало их жаль. Скорее всего жалость он испытывал к самому себе, однако быстро сумел ее подавить. Затем Переко вернулся к двум лошадям, заставил более слабую лечь на землю и полоснул ее по горлу ножом.

Перико долго пил кровь, но оставался сосредоточенным на северной стороне пустыни. Он еще не закончил насыщаться, как еле заметное облачко пыли всплыло над горизонтом.

Он знал, что ему не удастся уйти, но все равно вскочил на коня, однако тот, как Перико не ударял его пятками, не сдвинулся с места. И снова, не отдавая себе отчета, Перико, спрыгнув с лошади, не оставил ее, а начал медленно гладить по холке и уговаривать, чтобы она попыталась сделать рывок.

Словно поняв его слова, лошадь неуверенно двинулась, и Перико пошел рядом с ней, все так же держа свою руку на ее холке.

Они шли понуро — два одиноких существа. Поднявшееся выше солнце излило на пустыню возможность искажения видимого, но Перико знал, что какое бы сильное марево не образовалось, он не сумеет уйти от синих мундиров. По гулу, доносящемуся с севера, он понял, что его заметили, но не обернулся. К тому же и его конь остановился, некоторое время постоял и снова начал двигаться, однако еле передвигал ноги и смотрел перед собой невидящим, мутным взглядом.

— Чирикахуа! — крикнул Алонсо. — Его конь выбился из сил.

Но вперед вырвался Первый Снег, Сняв с себя китель и оставшись полуобнаженным, он сказал лейтенанту Гейтвуду, что это его день.

— Его следует взять живым, — сказал Гейтвуд. — Возможно, мы что-то выведем у этого апача.

Алонсо отрицательно покачал головой:

— Мы не сможем взять его живым, лейтенант. Вспомните, когда Викторико, брата Лозен, окружили мексиканские войска и у него закончились патроны, он перерезал себе горло. А этот чирикахуа, который перед нами, смертник. Он попросту отвлекает нас. Вы ведь видели и оставленных лошадей, и рубахи, наполненные камнями.

Гейтвуд вопросительно посмотрел на Серого Призрака.

Серый Призрак сокрушенно покачал головой.

— День может оказаться не хорошим, Первый Снег, — сказал он Первому Снегу, хотя в это время выжидающе смотрел на лейтенанта Гейтвуда. — Можно некоторое время ехать за чирикахуа в отдалении и дожждаться, когда он полностью выбьется из сил, а потом дать залп. Если преследовать его сейчас, он найдет в себе силы прицелиться и убить одного или двух человек.

— У него нет патронов, — сказал Первый Снег, — иначе он уже положил бы аппалузу на землю и приготовился отстреливаться от нас, прикрывшись ее телом.

На лице Гейтвуда появилось выражение сомнения, и он спросил:

— Почему ты решил, что это твой день, Первый Снег.

На вопрос, заданный Гейтвудом, ясно ответить мог бы только Серый Призрак, но Гейтвуд видел, что скаут отстранился от происходящего, тем самым давая понять лейтенанту, что нет ничего хорошего в том, когда пятьдесят человек пытаются убить одного изможденного апача.

Алонсо повернул коня назад. Он поскакал между кавалеристов, наполняя пустыню своим звонким голосом:

— У Первого Снега сегодня хороший день!

Лошадь Перико остановилась. У нее дрожали ноги, а Перико что-то ласково шептал ей на ухо и гладил ее по холке. Его черные глаза стали еще темнее, и он смотрел не на Первого Снега, не на лейтенанта Гейтвуда, а на север.

Первый Снег, приложив винчестер к плечу, послал две пули в чирикахуа. Они не задели Перико. Одна обожгла его волосы, другая пролетела в ярде от лошади. Перико не двинулся с места, а все так же продолжал гладить скакуна.

— У него не осталось патронов! — крикнул Первый Снег. Он рванул коня и, стреляя от пояса, помчался к неподвижно стоящему апачу. Но Перико ничего не предпринимал и лишь что-то нашептывал своему коню. Он видел, что за Первым Снегом скачет другой скаут Белой горы, а за скаутом около двадцати кавалеристов. Он думал, что у него четыре патрона, а скаутов — три, хотя третий скаут находился далеко и оставался неподвижным. Если Перико удастся убить апачей Белой горы, ка-

валеристы окажутся в плачевном состоянии, ибо не смогут ни преследовать чирикахуа, ни найти воду, а возможно, не смогут вернуться обратно в форт.

Скаут Белой горы приближался. Перико зашел за коня, чтобы стать недосягаемым для выстрелов. Наконец несколько пуль, посланных Первым Снегом на полном скаку, убили коня Перико. Конь повалился на землю, но Перико успел снять с плеча винчестер и залечь за телом убитого животного, как за бруствером. Он не спешил стрелять, ибо ждал, когда от стоявших кавалеристов начнет к нему скакать третий скаут. Но Серый Призрак оставался на месте, и когда еще с десяток кавалеристов промчалось мимо него, сказал Гейтвуду:

— Убивать смертника — не самое лучшее дело, лейтенант.

— Я согласен, — сказал Гейтвуд. — И, если бы не воинский устав и не свидетели, которых вокруг целая рота, я убил бы только коня чирикахуа, а самого его отпустил.

— Вы правы, лейтенант, — сказал Серый Призрак. — Он уже умер. Уже попрощался с жизнью. Зачем же его лишать жизни?

— Да, — сказал лейтенант Гейтвуд. — Сегодня хороший день только для этого чирикахуа. Алонсо и Первый Снег ошиблись. Это не их день.

Перико ждал, когда к Первому Снегу приблизится Алонсо, ибо тот с гиком, во всю прыть гнал своего коня. Первый Снег снова вскинул винчестер, и Перико, процеживая свой взгляд сквозь пространство над прицелом, оставаясь равнодушно-усталым, с огромными черными глазами на посеревшем лице, выстрелил. Первый Снег с простреленной грудью свалился на землю. Алонсо, пораженный внезапной смертью своего друга, ибо все думали, что у чирикахуа не осталось патронов, резко остановил свою лошадь, и это позволило Перико лучше прицелиться. Он смертельно ранил Алонсо, и, хотя еще успел два раза выстрелить в сторону Серого Призрака, град пуль, выпущенный солдатами, убил его на месте: одна пуля вошла в основание шеи, другая раздробила правую ладонь.

Перико не верил в существование после смерти, потому что Творец, создав мир, покинул его и оставил апачам-чирикахуа только мужество и стойкость. Перико верил в бесстрашную и достойную смерть, которая только в силу своей исключительности

становилась вечной, поэтому мгновение между исчезающей жизнью и небытием обретало беспредельную силу и не было подвластно бегу времени.

Творец покинул этот мир, и если в сознании умирающего Перико и плеснулась мысль о вечности, то его вечность состояла только из голоса старого Наны, из слов Наны, который, благоговейно склонившись над погибшим Перико, бесконечное количество лет должен был повторять и повторять: «Желаю тебе хорошей смерти, сынок».

7

Первого Снега и Алонсо похоронили там, где они ушли в Счастливое Место. Но Гейтвуд лишь формально участвовал в погребении, предоставив право Серому Призраку проводить церемонию прощания. Он подошел к мертвому Перико и долго смотрел в его черные, широко открытые глаза, на дне которых, как мнилось лейтенанту, можно увидеть завтрашний день, однако эмоционально бедный и скудный. Совершенно безучастный день. «Дай Бог, чтобы так и было», — подумал он. Когда тела двух скаутов засыпали землей и Серый Призрак подошел к Гейтвуду, лейтенант, виновато посмотрев на апача Белой горы, хрипло произнёс:

— Теперь ты единственный разведчик в роте, и вся надежда на тебя.

Серый Призрак еле заметно кивнул.

— Нам нужно возвращаться назад по следам этого несчастного апача, — сказал он. — Где-то там, на севере, отряд чирикахуа. Они отправили этого воина с лошадьми, чтобы самим уйти в другом направлении.

— То есть они направили нас по ложному следу, — сказал Гейтвуд. — Значит они уже без лошадей?

— Ни в чём нельзя быть уверенным, — ответил Серый Призрак. — Может, у них больше лошадей. А этот воин повел только самых ослабленных.

Но Лозен ничего об этом не знала. Вечером, когда Перико нагружал рубахи с камнями на изнурённых коней, она со своими воинами находилась у стены плато Могольон, чтобы у его подножия найти воду. Ее зрачки расширились. Они повторили будущую незрячую черноту глаз Перико, словно ее радужницы стали ми-

ражом, являющимся отображением чего-то, что расположено очень далеко от него самого. И именно из-за недоброго предчувствия у Лозен заныло сердце. Мнилось, что над пустыней изгибалась вертикальная стена воды, которая не была подвластна силам гравитации. Лозен ничего не могла увидеть, но она почувствовала, что что-то случилось, и приказала Гиасиндо отъехать на милю от стены и залечь, чтобы не дать возможности врагу внезапно приблизиться к ее маленькому отряду. Сама же вскочила на аппалузу, встала на ее спину и, выпрямившись во весь рост, протянула перед собой руки. Когда она повернулась ладонями на северо-восток, ее пальцы начало покалывать, а кисти рук постепенно приобрели сиреневый оттенок.

— Враг там, — сказала она Аллинрильо, который внимательно следил за ней и придерживал за удила ее лошадь. — Что-то с Наной. Что-то нехорошее.

Остальные воины стояли в стороне и тоже внимательно наблюдали за своей предводительницей. Она обессиленно опустила руки и почувствовала себя, словно была облита соленой липкой водой. Блузка прилипла к телу, сквозь выцветший ситец явственно вырисовались ее груди и твердые соски. Аллинрильо отвел глаза и устало посмотрел на остальных воинов. Но они уже все смотрели на восток.

— Мне кажется, — сказала Лозен, — что белоглазые настигают отряд Наны. Нам нужно отвлечь их или разделить. Часть белоглазых начнет преследовать нас, а остальная часть пойдет по следам Наны.

Аллинрильо сглотнул. Его худое коричневого цвета лицо казалось внедренным в безжизненное пространство из другой страны, словно плато Могольон вонзило в край пустыни острый топор в виде усталого и обгоревшего под солнцем Аллинрильо. Лозен заметила это и посмотрела на свои ладони. «Ладони для его лица», — подумала она, а затем крикнула:

— Наши лошади так и не плавали в зеркале мерцающего кварца!

Она увидела, что Кастильо присел на корточки над кучкой сухой травы, чтобы дать возможность родиться Раздумывающему.

— Нет, — сказала Лозен. — Раздумывающий сегодня не родится. Мы отправляемся на северо-восток, чтобы спасти Нану.

Кастильо поднялся и быстро спрятал огниво в замшевую сумочку, которую носил прикрепленную к поясному ремню, но лейтенант Юджин Гейтвуд впервые увидит Лозен только на следующий день, спустя несколько часов после гибели Перико. Она будет стоять на лошади, однако не для того, чтобы отыскать ладонями направление, где спрятался враг, а чтобы белоглазые обнаружили ее и начали преследовать, хотя Серый Призрак подумал совершенно о другом, ибо в его голове родилась мысль, что Лозен позволила Гейтвуду увидеть ее, потому что желала внести сумятицу в сердце лейтенанта.

Калифорнийского грифа, летящего от стены плато Могольон к мертвому Перико, Лозен тоже увидит только на следующий день, однако не догадается, что птица направляется к убитому воину из отряда Наны, а подумает, что это с Наной что-то случилось или со всеми его людьми.

— Серый Призрак, — снова завел разговор лейтенант Гейтвуд, вспомнив, как внимательно рассматривал в бинокль Лозен, возвышающуюся на спине аппалузы, — она очень привлекательная женщина...

— Но ведь вы не видели ее лица, лейтенант, — сухо ответил Серый Призрак.

— Потому что, если кто-то из них увидит тебя, он уже тебя не забудет, Лозен, — всегда говорил Нана. — Ты понимаешь меня, девочка?

— С какого расстояния нужно меня увидеть, чтобы после не забывать никогда? — испепеляла Нану чёрными глазами Лозен.

— С близкого расстояния? — задал вопрос лейтенант Гейтвуд. — Посмотреть ей прямо в глаза? Но ведь ты только что сказал, Серый Призрак, что нам не стоит преследовать этих трех чирикахуа, ибо они могут заманить нас в засаду.

— То есть, лейтенант, — повернулся лицом к Гейтвуду Серый Призрак, — вы будете стараться догнать Лозен только для того, чтобы увидеть ее вблизи? А дальше что?

Юджин Гейтвуд ничего не ответил, просто немного растерянно и с тщательно скрываемой просьбой в глазах смотрел на Серого Призрака, и то ли Серый Призрак неправильно его понял, то ли.., — Гейтвуд всегда думал об этом, а много позже, постоянно вспоминал последние слова апача Белой горы:

— Никто не выстрелил в Лозен. Никто не осмелился.

— Ладно, лейтенант, — сказал Серый Призрак, — Лозен уже далеко впереди нас или позади, но и ей и нам необходимо сейчас только одно — высокая стена плато Могольон, по которой во время дождей стекает вода и там, где у подножия стены залегают скальная порода, не просачивается глубоко в глинозем, а находится близко к поверхности пустыни.

Однако, Гейтвуд верил, что Лозен не окажется позади него, а если подойдет близко, он не осмелится поднять на эту женщину глаза, просто не найдет в себе сил и уверенности выдержать ее взгляд.

Серый Призрак и пять кавалеристов быстро поскакали к гранитной громаде Могольон, чтобы до прибытия к стене Гейтвуда и остальных солдат, попытаться найти воду. И Гейтвуд их увидел издали, так далеко в синей тени высокого склона, что не разглядел на них синих мундиров, и они показались ему отрядом чирикаху, увереннодвигающихся вдоль стены на юг.

Заходящее солнце, коснувшись стены, ослепило Гейтвуду глаза, и он постарался быстро достигнуть места, где начинается длинная тень от высокого плато.

8

Хотя синие мундиры, въехав в глубокую тень, отбрасываемую плато Могольон, почти растворились в ее сиреневой темноте, Лозен все равно хорошо различала солдат, но не конкретно их лица и руки, а одни силуэты на лошадях. Она опять не увидела Серого Призрака, и о его присутствии в роте, которой командовал Юджин Гейтвуд, не имела ни малейшего понятия, — так же, как ничего не знала о лейтенанте.

Как и предполагал Серый Призрак, Лозен сделала петлю: повернула на юг, затем на юго-запад и соединилась с воинами, которые не сменили направление своего передвижения, а естественно медленно, заблудшими тенями удалялись от белоглазых, чтобы, если возникнет необходимость, принять на себя их удар и спасти Лозен.

Заходящее солнце ослепило ей глаза, зрачки ее сузились, а сквозь черные радужницы плеснул блеск темно-зеленого обсидиана или влажности лугов Теплого Источника — места, где она родилась и провела свое детство.

Ее встретили, застыв как изваяния, два воина: Кастильо или Рана В Траве и Акоста, которого еще называли Рваным Рассветом. Семнадцатилетний Кавайкла куда-то исчез, и первое, что сделала Лозен, кивнув воинам, это спросила:

— Где Кавайкла?

Акоста по-детски улыбнулся и, приложив ладонь к губам, прокричал пустынной кукушкой. На западе из-за нескольких кустиков мескито поднялась оседланная лошадь, а за ней и Кавайкла. Он не вскочил на коня, а, взяв его за удила, пошел к Лозен и остальным воинам.

Приблизившись к отряду, Кавайкла нерешительно остановился и ничего не говорил, только смотрел на Лозен. Все объяснил Акоста.

— Лозен, — сказал он, — Кавайкла ехал от нас в стороне, ближе к стене Могольон. Он должен был залечь, как только заметит облачко пыли или услышит скачущих лошадей. Если бы синие мундиры догнали нас и начали стрелять, в какой-то момент по ним, не ожидающим опасности справа от себя, открыл бы огонь Кавайкла. Пользуясь внезапностью, Кавайкла убил бы больше солдат, чем я и Кастильо.

— Но вы бы все погибли, — сказала Лозен.

— Да? — Кастильо не столько спросил, сколько констатировал, — Но мы бы спасли тебя, — и под блузкой Лозен, если бы ее в данный момент кто-то увидел раздетой, потемнели соски, ибо Кастильо мысленно ушел своими карими глазами к ее груди, а затем удивленно посмотрел на Лозен и отвернулся, но она успела заметить, что в глазах его отражается она сама, Лозен из клана чихенне, но обнаженная по пояс.

Лозен внимательно посмотрела на юношу. Семнадцатилетний Кавайкла был невысоким, но из-за худобы казался тонким и длинным, как жердь.

Лозен почувствовала, что Гиасиндо не сводит с нее глаз. Его сухощавые руки свисали вдоль туловища. Она знала, что Гиасиндо хочет что-то сказать, но ждет, что она задаст вопрос первой.

— Гиасиндо? — спросила она.

— Лошади, — сказал Гиасиндо.

— Хорошо, — сказала Лозен. — Пойдем пешком.

Воины повели лошадей не цепочкой, одну за другой, а рядом с Лозен — справа и слева от нее. Тень от стены Могольон накрыла маленький отряд чирикахуа. Воительница, часто поглядывая на запад, где над Могольон еще тлели отсветы уже исчезнувшего солнца, на ходу подтянула руками нижний край юбки, чтобы та не мешала при быстрой ходьбе и не цеплялась за ветки чапаррала. Она заткнула подол за пояс, обнажив свои ноги выше колен.

— Как ты, девочка? — спросил Аллинрильо, заметив периферийным зрением движения Лозен.

— Я держусь, — Аллинрильо, — ответила Лозен.

Ночь уже опустилась, и луна, набухая кровью, закачалась на востоке, словно вытолкнутое из лона гор Гила доисторическое дитя.

— Кавайкла, — сказала Лозен семнадцатилетнему юноше, — ты вел себя достойно.

Ее волосы взметнулись, будто Лозен всплыла лицом из самой гущи ночи, где постоянно серебрились две дорожки лунного света. Она посмотрела на Кавайклу, и Аллинрильо заметил, что в ее глазах, помимо выражения гордости и уважения, мелькнуло нечто, похожее на женское лукавство.

Кавайкла вздрогнул, расплескался глазами по лицу Лозен, и так бы, если бы это было возможно, шел бы вечность, не отрывая от своей предводительницы восторженного взгляда. А остальные воины, не сбавляя темп ходьбы, отвернулись и разошлись на несколько шагов от Лозен и Кавайклы, ибо это был неписанный закон, никогда не проговариваемый ни самой Лозен, ни другими чирикахуа: когда воительница хвалила кого-то из мужчин, остальные воины делали вид, что они не находятся рядом с ней, — они ничего не видят и не слышат. Они не знают ...

— Это твой последний, четвертый военный поход в качестве ученика воинов, — продолжала громко говорить Лозен, как-то насмешливо, но одновременно и доверительно вскидывая свои черные глаза на сконфуженного юношу. — И, если останешься жив, станешь воином.

Кавайкла раскрыл губы, чтобы глубоко вдохнуть раскаленный воздух.

— Ты найдешь себе красивую девушку, — продолжала говорить Лозен. — Возле костра она подойдет к тебе, приподнимет

свою юбку почти до самых бедер, чтобы ты видел все, и, раскачиваясь перед тобой на полусогнутых ногах, будет шептать с предыханием, одному тебе, Кавайкла: «Ши-таха, ши-таха, ши-таха...». Но ты и с места не должен сдвинуться.

Лозен громко рассмеялась и, сильно дернув лошадь за поводья, оказалась впереди своего маленького отряда. Ни у кого из воинов ни один мускул не дрогнул на лице, — ведь ничего не было. А сорокапятилетний Гиасиндо, хлестнув Кавайклу по лицу поводьями и, приблизившись к его уху губами, произнес:

— Лозен ничего не говорила. Ты ничего не слышал. Лозен только отдает приказы. Ты понял, Кавайкла?

— Понял, — прохрипел Кавайкла и перевел на Гиасиндо свои глаза — жгучие, полные решительности выполнить любой приказ Лозен, а затем опустил взгляд и улыбнулся.

«Он станет воином, — подумал Гиасиндо, — но не будет смотреть на другую девушку, даже если она красивая, даже если она поднимет перед ним свою юбку выше бедер. Будет ли он на нее смотреть?»

И Гиасиндо тоже натянул поводья, чтобы приблизиться к Лозен. Да и остальные воины подошли ближе к своей предводительнице. Они ничего не знали, они ничего не слышали, они все забыли, но еще долго в их ушах звучали слова смеющейся Лозен: «Ши-таха, ши-таха, ши-таха...».

9

Лозен уже не видела ни лейтенанта Гейтвуда, ни его солдат и скаута Белой горы, ибо все кавалеристы из-за цвета своих мундиров полностью слились с темно-синей тенью, отбрасываемой высокой стеной Могольон. Иногда она могла различать только лошадей в виде бурых движущихся пятен, но и они часто исчезали из поля ее зрения или казались неровностями на поверхности пустыни, на которых истлевали, а, затем, просачивались в глубь земли остатки дневного света.

Пустыня словно закрыла глаза и отрешилась от всего внешнего: как пытливо и пристально Гейтвуд не вглядывался в постоянно уходящую на восток красно-оранжевую полосу, он не мог заметить ни притаившихся воинов-чирикахауа, ни саму Лозен, еще недавно наблюдавшую за ним, а затем решившую уйти взглядом на восток, где мог находиться отряд Наны.

Серый Призрак нашел пористую податливую породу возле каменной стены и принялся рыть яму. Он надеялся, что ее начнет из дна её начнёт постепенно просачиваться вода.

— Лозен может наблюдать за нами, — сказал Серый Призрак, разогнувшись над вырытым им углублением в земле.

— Дальше будут копать солдаты, — сказал Гейтвуд, и сразу. — Сержант Осборн!

Он указал кивком головы Полу Осборну на яму, а затем перевел взгляд на далекую оранжевую полосу — еще освещенную солнечным светом пустыню.

Лозен хорошо понимала, что делали белоглазые возле стены плато Могольон.

— Синие мундиры так внезапно исчезли только потому, что нашли зеркало мерцающего кварца и находятся возле самой стены, — сказала она, но Аллинрильо словно не слышал ее. Его взгляд цеплялся за верх стены, где угасающими сполохами еще давало о себе знать почти закатившееся за стену солнце. Аллинрильо думал о калифорнийском грифе и о тени. Да и красная полоса, пересекающая его лицо от уха до уха, походила на вспыхнувшую жаром тень грифа, — как будто Лозен спроецировала на внешность воина свою мысль, которая не родилась, а только смутно чувствовалась и отражалась на его лице остатками залитой солнцем пустыни.

«Аллинрильо хороший», — подумала Лозен. Ее радужницы наполнились грустью, зрачки расширились, словно к поверхности глаз поднялась глубина потаённых мыслей, заставившая Лозен блуждать в воспоминаниях. Черные волосы обрамляли еще совершенно молодое лицо, но две седые пряди, подобно поводьям в руке Гиасиндо, однажды хлестнувшего ими Кавайк-лу, любому постороннему, который бы наблюдал за Лозен, запрещали бы думать о ее возрасте, ибо тот, кому посчастливилось находиться близко возле неё, ничего не должен был видеть и ничего не должен был знать. Однако ведь и сама Лозен не могла сказать, сколько ей лет.

— Аллинрильо, — спросила она, — ты помнишь, когда я родилась?

Аллинрильо повернулся к Лозен. В его глазах плеснулась обеспокоенность.

— В тот год, когда ты появилась на свет, — сказал он, — калифорнийский гриф пролетел очень низко над нашей стоянкой, и твой брат Викторио не мог оторвать глаз от парящей птицы.

— Почему? — спросила Лозен.

— Тень грифа на земле была тонкой, похожей на немного изогнутую линию, поэтому Викторио подумал, что у земли появилась скользящая бровь, хотя так и не открылись глаза.

— Но нам не хватит этой воды, — сказал Гейтвуд, склонившись над вырытой ямой, а Серый Призрак только снисходительно улыбнулся.

— Вода будет медленно просачиваться и собираться на дне, лейтенант, так что нам придется наполнять наши бурдюки и фляги до глубокой ночи. Но сначала, когда напьются солдаты, нужно дать лошадям поплавать в зеркале мерцающего кварца.

Серый Призрак был настолько сосредоточен мыслями на чирикахуа, которые, как он был уверен, в данный момент наблюдали за ним и за кавалеристами, по крайней мере, пытались это сделать, что начал говорить с Гейтвудом особым языком, употребляемым апачами только во время военных походов.

— Что ты сказал, Серый Призрак? — озадаченно спросил лейтенант Гейтвуд. — Почему зеркало кварца?

— Не знаю, — ответил Серый Призрак, хотя Гейтвуд был единственным белоглазым, которому он доверял. — Просто подумал об этом.

— Скажи, Серый Призрак, снова спросил лейтенант Гейтвуд, — у Лозен хорошие воины?

— Можно было не задавать этот вопрос, лейтенант, — сказал Серый Призрак, окинув Гейтвуда желто-коричневыми глазами, — ведь вы сами знаете — самые лучшие.

Он умолк, а через некоторое время начал давать советы нескольким солдатам, которые с усердием углубляли яму. Когда лейтенант Гейтвуд уже забыл о зеркале мерцающего кварца и с радостью слушал, как из ямы доносятся слабые всплески, снова сказал лейтенанту:

— Лучше воинов Лозен не найти...

Если бы Гейтвуд просто оглянулся назад, забыл о яме с водой и взял бы себе в пример поведение Серого Призрака, который, когда кавалеристы жадно пили воду, просто смотрел вдоль стены

Могольон, словно был отрезан высоким плато от другой, более значимой части своей жизни, он бы, возможно, увидел, как вдали, отразив лунный свет, блеснули двумя зелеными обсидианами глаза Лозен. Но он не оглянулся, а решил подойти к Серому Призраку, который равнодушно, не изменившись в лице, перевел на лейтенанта Гейтвуда свои глаза.

— Интересно, Серый Призрак, — спросил Гейтвуд, — если Лозен сейчас наблюдает за нами, она стоит на лошади?

— На аппалаузе? — спросил Серый Призрак. — Нет. Она просто наблюдает. И если вы намерены победить Лозен, вам нужно сделать все, чтобы не подпустить ее воинов к воде. Они сильно измотаны, измучены жаждой. Еще немного, и их кони не смогут держаться на ногах, поэтому чирикахау придется пешком добираться до гор Ги́ла.

— Почему ты решил, что я хотел бы победить Лозен, Серый Призрак?

Серый Призрак долго смотрел на лейтенанта Гейтвуда. В свете луны его лицо казалось каменным, высеченным из скалы Могольон.

— Я уже говорил, лейтенант, — наконец сказал он, — если вы увидите Лозен, то уже не выстрелите в нее. Однако я не хотел бы, чтобы Лозен об этом догадалась, иначе.., — Серый Призрак задумался.

— Она потеряет бдительность? — спросил Гейтвуд.

— Именно так, лейтенант, — ответил Серый Призрак.

Нательная рубашка лейтенанта Гейтвуда была совершенно мокрой от пота, потом пропитался и синий мундир. Лейтенанту хотелось раздеться и обсохнуть, и он подумал, что тогда его тело покроется кристаллами соли, и он в самом деле окажется тем человеком, который плавал в зеркале мерцающего кварца.

По мере того, как дно ямы периодически наполнялась водой, солдаты поили лошадей и наполняли бурдюки и фляги. Так продолжалось до полуночи. Гейтвуд решил разжечь костры ярдах в двухстах от ямы, чтобы отсветы огня не мешали часовым хоть как-то ориентироваться в темноте. Часовые должны были сменять друг друга каждые два часа, и Гейтвуд, кивнув Серому Призраку, раскатал на земле одеяло. Он был все еще мокрым от пота, хотя с вершины стены Могольон начала опускаться слабая про-

хлада. Он пролежал минут двадцать, пытаясь уснуть, но затем открыл глаза. Солдаты же погрузились в сон моментально. Лежащий от него в трех ярдах Серый Призрак согнул руку в локте и подпер подбородок ладонью. Он смотрел на лейтенанта пытливо и в то же время отстраненно.

— Я думаю о том же, — сказал лейтенант. — Если она наблюдает за нами, то постарается этой ночью подкрасться к яме и набрать хоть немного воды. Ведь другие места, в которых может просачиваться вода, находятся далеко.

— От того места, где мы вырыли яму, я проехал две мили на север, а затем, вернувшись, две мили на юг, — сказал Серый Призрак. — Подходящую почву я нашел только здесь. Если подходящая почва и находится где-то дальше, то Лозен в темноте не сможет ее отыскать, если точно не знает все места, где может просачиваться вода, что стекает по стене Могольон. Днем она не решится продолжать поиски, ибо знает, что мы будем ехать вдоль стены, чтобы не подпустить ее к плато. Чирикахуа изнурены, и им сейчас нелегко. Если бы их было больше, лейтенант, а не шесть человек, они попытались бы отбить у нас яму.

— Какова вероятность, что Лозен поблизости нет и она уже далеко?

— Почти никакой, лейтенант. Многое говорит о том, что на десятки миль вокруг, кроме этого места, воду не раздобыть, и Лозен об этом знает.

— Но откуда ты знаешь, что знает Лозен?

— Лейтенант, — сказал Серый Призрак и опустил глаза.

— Извини, — прошептал Гейтвуд. — Я тоже думал о том, что вода есть только здесь, иначе зачем бы Лозен стояла на спине аппалузы?

— Чтобы вы ее увидели, лейтенант, — сказал Серый Призрак. — И вы это поняли. Не нужно вам было на нее смотреть.

— А, по-моему, — сказал Гейтвуд, — это единственное, что я правильно сделал в этом военном походе.

Гейтвуд часа два то проваливался в сон, то внезапно просыпался. Лейтенанту не снились сны, но, когда он не спал и смотрел в ночное небо, ему мнилось, что вот только он уснет и снова проснется, сразу же обнаружит, что возле него сидит Лозен и внимательно смотрит на него. Ее взгляд будет долгим, а глаза глубокими

и печальными. И Гейтвуд тоже будет долго на нее смотреть, а потом слегка кивнет головой в знак благодарности, что она позволила так долго любоваться ею. И она это поймет. Она ведь и придет смотреть на Гейтвуда, чтобы он ее запомнил на всю оставшуюся жизнь. Она легко поднимется, стройная и худощавая, и две дорожки луны в ее волосах, словно два ручейка, вольются в глаза лейтенанта Гейтвуда. И лейтенант попытается что-то сказать.

— Лозен, — произнесет он шепотом, а она серьезно кивнет головой, давая ему понять, что — да, она Лозен, и бесшумно, обходя спящих солдат, исчезнет в укрытой мраком пустыне.

Гейтвуд в очередной раз открыл глаза, приподнял голову и при свете луны увидел, что часовой, поставленный сторожить яму с водой, неподвижно лежит на боку. «Либо его убили чирикахуа, либо он спит», — подумал лейтенант. Он поднялся и тихо, нащупывая на земле глазами места, куда можно ступить бесшумно, направился к яме. Склонившись над часовым, лейтенант обнаружил, что тот спит. Гейтвуд хотел разбудить его, но вдруг то, что казалось ему холмиком земли над ямой, выросло и утончилось. В пятнадцати шагах от него стояла женщина-чирикахуа и, казалось, две дорожки луны в ее волосах стекали в яму и таким способом наполняли дно водой.

Еще когда Лозен поднималась, Гейтвуд молниеносно вытянул из кобуры револьвер, ствол слабо замерцал, словно был облит маслом. Ствол был направлен на Лозен, но она не смотрела на револьвер. В правой руке она держала бурдюк, сделанный из желудка антилопы. Ее взгляд был настолько спокойным, что Гейтвуд почувствовал себя провинившимся школьником и даже испытал желание попросить у нее прощения. Через ее левое плечо был перекинут патронташ, револьвер был заткнут за ремень, стягивающий блузку, из кожаных ножен выглядывала рукоятка мексиканского ножа. Она стояла спокойно, наполненная каким-то деликатным вниманием, и все больше грусти появлялось в ее черных глазах. Она была уверена, что Гейтвуд в нее выстрелит. Мысль о том, что эта женщина ничего не ждет и ни на что не надеется, поразила лейтенанта. Но в том месиве, в котором оказались его мысли, внезапно начало рождаться чувство благодарности. Он тверже посмотрел Лозен в глаза и решил, что будет любоваться ею столько, сколько позволит судьба.

Из ямы показалась голова мужчины. Воин-чирикахуа и бровью не повел. Его руки сжимали наполненные бурдюки, и он знал, что не успеет вытащить из-за пояса свой револьвер и выстрелить раньше, чем это сделает стоящий против него белоглазый. Мужчина был очень смуглым, обожжённый солнцем до черноты. Не выпуская бурдюки из рук, он плавно поднялся, сделал шаг вправо и прикрыл собой Лозен.

— Девочка, уходи, — тихо сказал мужчина. — Ты должна мечтать.

Лейтенант Юджин Гейтвуд не знал языка апачей-чирикахуа, но он догадался, о чем сказал смуглый воин.

— Аллинрильо, — произнесла Лозен глубоким грудным голосом. Ее взгляд стал еще более пристальным. Не отводя глаз от Гейтвуда, Лозен начала медленно отступать в темноту, все так же крепко сжимая наполненный водой бурдюк. Она осторожно пятилась назад, но продолжала обжигать Гейтвуда своими черными глазами. «Господи, — подумал Гейтвуд, — как она бережно произнесла это имя — Аллинрильо. Сколько уважения и благодарности было в ее голосе».

Аллинрильо смотрел на Гейтвуда совершенно равнодушно, только выражение усталости и какой-то далекой мечты иногда укрывало его темно-карие радужницы.

Лозен уже почти полностью скрылась в темноте, повернулась и сделала несколько шагов в сторону восточной пустыни, но затем обернулась и снова посмотрела на Гейтвуда долго и изучающе. В ее глазах не было благодарности, — одно бесконечное внимание, не знающая предела пытливость, и где-то на самом дне взгляда детская растерянность. Она бесшумно исчезла в ночи, а Гейтвуд опустил револьвер и засунул его в кобуру. Его глаза встретились с глазами Аллинрильо.

«В жизни все очень просто, — подумал лейтенант. — Жизнь может держаться только на очень простых правилах — долгий взгляд, пытливость, уважение. Господи, да ведь я ей благодарен, я чувствую себя перед ней в долгу».

Гейтвуд повернулся и, не оборачиваясь, пошел в сторону лагеря. Пройдя ярдов двадцать, он столкнулся с внезапно выросшим из темноты Серым Призраком.

— Я все видел, — сказал Серый Призрак.

— И не вмешался? — спросил лейтенант Гейтвуд.

— Я надеялся, лейтенант, — ответил Серый Призрак и пронизал Гейтвуда взглядом желто-коричневых глаз, в которых было участие и понимание.

— Да, — сказал Гейтвуд, — ты был прав.

— В чем? — спросил Серый Призрак.

— Никто не осмелится выстрелить в Лозен, и это хорошо, — сказал Гейтвуд и опустил глаза.

10

Лошади только вспомнили, что можно плавать в зеркале мерцающего кварца, ибо воды, которую Лозен и Аллинрильо принесли в бурдюках, было очень мало. Лозен вела своего коня за удила, как и остальные воины.

Лошади шли вяло и понуро, словно вязли копытами в раскаленной поверхности пустыни. И если бы Гейтвуд оказался миль на пятнадцать к востоку от плато Могольон и посмотрел в сторону уходящих чирикахуа, он бы подумал, что ноги коней отряда Лозен растворяются в раскаленных наплывах воздуха, точно лошади переходят вброд бесконечную реку, но, достигнув ее глубокого места, из-за недостатка сил не смогут плыть и утонут. Гейтвуд сам для себя называл раскаленный пласт воздуха над поверхностью пустыни беззвучными воплями ада.

Лозен повернулась и, посмотрев назад, на синеющую на западе стену Могольон, пыталась увидеть Гейтвуда. Но белоглазых не было, даже крошечное облачко пыли не поднималось над пустыней. Лозен выглядела встревоженной. Наблюдающий за ней Аллинрильо догадывался о ее душевном состоянии, но не осмеливался об этом спросить.

Гейтвуд, подумав о пересекающих бесконечную реку лошадях чирикахуа, в самом деле бросил долгий взгляд туда, куда уходила цепочка следов отряда Лозен, и Серый Призрак это почувствовал. Его левую щеку словно что-то обожгло, ибо он не смотрел на Гейтвуда, не смотрел и в сторону исчезнувших чирикахуа, а скользил взглядом вдоль высокой стены плато Могольон, потому что разглядывать саму пустыню уже не имело никакого смысла.

Лозен хотела поговорить с Аллинрильо, даже приоткрыла губы, но так ничего и не произнесла.

— Есть места и ситуации, где слова становятся бесполезными, лейтенант, — сказал Серый Призрак, продолжая не смотреть на Гейтвуда, даже не замечая его периферийным зрением, хотя ехал в каких-то полутора ярдах от своего командира.

— Нам повезло, что нас никто не видел, Серый Призрак, — сказал лейтенант Гейтвуд. — Ведь часового я так и не разбудил.

Что-то в виде вымученной улыбки показалось на губах Серого Призрака.

— Я об этом и говорю, лейтенант. Есть места и ситуации, где не знаешь, что сказать, но понимаешь, что нужно делать.

— Я не сомневался, Серый Призрак, — сказал лейтенант Гейтвуд. — И когда повернулся спиной к этому воину и пошел, совершенно не думал о том, что он может выстрелить мне в спину.

— Он бы никогда не выстрелил, лейтенант. И поэтому между вами и Лозен возникла некая схожесть.

— Какая, Серый Призрак?

— Никто не осмелится выстрелить в Лозен, кто бы он ни был. А в вас уже никогда не выстрелит этот воин. Понимаете, лейтенант, он не сможет вас убить.

Лозен иногда бросала взгляды на Аллинрильо, надеясь, что он понимает, что сейчас она пытается всех их спасти, — и своего лучшего воина, прикрывшего ее собой, и офицера роты кавалеристов, и скаута, которого так и не смогла разглядеть в темноте, но который после тоже прикроет ее собой, за что и заплатится жизнью. Но в первую очередь она думала об Аллинрильо. В ее сознании настоящее исчезло. Оно наполнило недавнее прошлое развивающимися полотнами с изображенными на них как произошедшими, так и возможными при определенных обстоятельствах событиями. Но это Лозен самой себе так объясняла колеблющиеся в ее сознании изображения. На самом деле то, что происходило перед ее внутренним взором, напоминало полосы разнообразных миражей, и Лозен твердо верила в их реальность, ибо, когда еще была ребенком, услышала рассказ Локо, что миражи — это мечты пустыни. Полотна были полупрозрачными, но колеблющиеся на них рисунки выглядели поразительно явственными и живыми. Рисунки событий, которые произошли или могли произойти. Поэтому Лозен не удивило, что Аллинрильо мог погибнуть.

«Аллинрильо хороший», — подумала она, потому что помнила, что, хотя апачи и верили в жизнь после смерти, и подобное состояние они называли Счастливым Местом, Аллинрильо не очень-то доверял рассказам стариков. Ведь Аллинрильо однажды поделился с ней своими мыслями о Счастливом Месте, куда, по представлениям апачей, люди попадают в таком виде, в каком умерли. Поэтому изрубленные, лишенные конечностей и головы люди попадают в Счастливое Место изувеченными, беспомощными и неузнаваемыми. «Разве это справедливо?» — спрашивал Аллерильо. Естественно, он знал о Творце, который создал мир и удалился, предоставив апачам право самим решать свою судьбу. Вечность никто не может представить, и Аллерильо тоже. Но Лозен узнала, она как бы вырвала у возможного будущего лоскут, на поверхности которого сумела разглядеть краску событий, поведавших ей, что вечность Аллерильо будет состоять из слов, с которыми он будет постоянно обращаться к ней, к Лозен:

— Я ведь умер достойно, девочка? Я хорошо себя держал?

— Аллинрильо, — сказал Серый Призрак подавшемуся всем телом к нему лейтенанту Гейтвуду. — Я вспомнил того воина, которого Лозен назвала Аллинрильо. Мы когда-то знали друг друга, очень давно, когда он и я были очень молодыми.

Однако Гейтвуд не видел, как вязнут в расплавленных пластах воздуха ноги лошадей чирикахуа. Он просто подумал, что так и должно быть, поскольку множество раз наблюдал подобное явление, — будь то кони апачей, переселенцев, мексиканских или американских кавалеристов. И он не вспомнил, что библейский Бог создал человека из праха, из обычной глины, после вдохнув в нее душу. Лошади тонули копытами в раскалившемся над поверхностью пустыни воздухе, словно происходил процесс обратный сотворению: начиная со своих копыт и все выше и выше, до полубогаженных всадников похожие мастью на обожженную глину кони постоянно осыпались в полупрозрачный прах.

И, наконец, Гейтвуд в самом деле посмотрел в ту сторону, где должен был находиться отряд Лозен, и из его памяти всплыла мысль, что второй человек был создан из ребра первого. И именно поэтому он не поверил своему воспоминанию, ибо в библейской истории говорилось, что женщину Господь создал второй — после мужчины и из мужчины, тогда как все вокруг лейтенанта свидетельствовало о еще не законченном сотворении мужчин.

— Да, лейтенант, — сказал Серый Призрак, и его адамово яблоко вздрогнуло под подбородком, а глаза растерянно скользнули по восточному горизонту.

— Две дорожки луны, Серый Призрак, — ответил лейтенант Гейтвуд, а Серый Призрак подумал, что именно из этих двух дорожек будут созданы два человека — он, Серый Призрак, и лейтенант Юджин Гейтвуд.

Воду из бурдюка Аллинрильо разделили между воинами, и каждому ее хватило лишь на несколько глотков. И хотя лошадь Лозен была ослабленной и измученной, все равно ее трудно было постоянно удерживать. Лозен тяжело дышала, поэтому Аллинрильо не отводил от нее глаз и старался быть на подхвате. Взяв ее аппалузу за удила, он сказал:

— Я буду вести твою лошадь.

Лицо Лозен было сосредоточенным, но, когда она перевела взгляд на взволнованного и предельно заботливого Аллинрильо, посмотрела на него удивленно и непонимающе, словно на незнакомого человека.

— Я пытаюсь всем вам помочь, Аллинрильо. Если не сейчас, то в будущем, — сказала она.

Аллинрильо что-то произнёс в ответ. Воины перестроились. Они окружили свою предводительницу живым кольцом и, полные внимания, продолжали молча вести лошадей. Каждый шаг они делали с натугой, словно преодолевали невидимое, но постоянно сдерживающее их препятствие. Лозен расширенными зрачками разглядывала раскинувшейся перед ней плоский ландшафт, будто впервые в жизни видела пустыню и вообще не имела никакого понятия о безлюдной и выжженной солнцем местности.

Кольцо из мужчин и ведомых ими лошадей окружало Лозен, бредущую, словно сомнамбула. Иногда воины слышали ее глубокий, сразу же переходящий в шепот голос.

— Я пытаюсь всем помочь.

И если бы лейтенант Гейтвуд сумел в этот момент через огромное расстояние разглядеть воинов Лозен, он бы увидел, с каким благоговением они смотрят на свою предводительницу. А если бы воины оглянулись назад, и так случилось, что им удалось бы разглядеть возле стены Могольон Юджина Гейтвуда, они бы подумали, что, хотя раньше не имели возможности видеть лейте-

нанта, даже издали, все равно каким-то образом способны вспомнить о нем, ибо Лозен пытается всем им помочь — и мужчинам своего отряда, и отряду Наны, и самому Нане, и не выстрелившему в нее офицеру синих мундиров, и скауту Белой горы, о котором она так ничего и не узнала.

— Как ты, девочка? — иногда осторожно спрашивал у нее Аллирильо, когда замечал, что Лозен переводит на него свой взгляд и, в данный момент, возможно, замечает его.

— Я держусь, Аллинрильо, — отвечала Лозен, а кто-то из воинов, что окружали и охраняли ее, Кастильо или Гиасиндо, сразу же говорил ей:

— Мечтай, девочка. Мечтай...

11

Серый Призрак ехал впереди роты кавалеристов, в четырех ярдах позади него — лейтенант Гейтвуд. Подножие плато Могольон устлало камни, которые за многие сотни лет под воздействием солнца и ветра откололись от стены. Серый Призрак не смотрел на восток, куда ушли чирикахауа, а как бы проползал пристальным взглядом почти по каждому камню у основания высокого плато.

Лейтенант Юджин Гейтвуд попытался посмотреть на восток, но его глаза заслепило недавно взошедшее солнце. И поэтому Лозен и ее отряд, если бы Гейтвуд правда мог их увидеть, не легли перевернутым отражением на сетчатку его глаз, а, напротив, возникнув на сетчатке как продолжение его мыслей и угрызений совести, процедились сквозь суженные от слепящего света зрачки и далеко в восточной пустыне воплотились в понурых воинов и усталую женщину, медленно и монотонно удаляющихся в сторону поднимающегося солнца.

Серый Призрак предупредительно поднял левую руку, придержал коня и упруго прыгнул на камни. Вся рота кавалеристов, вначале немного качнувшись вперед, застыла на месте, словно была грузом, который поверхность пустыни несла на себе, но, внезапно, перестала двигаться. Серый Призрак прошел вдоль россыпи камней ярдов пятьдесят, затем вернулся и, скользнув глазами по стене Могольон, остановил взгляд на лейтенанте. И Гейтву-

ду не нужно было тщательно выстраивать в логическую цепь свои соображения, чтобы догадаться. Нет, он, отнюдь, не осознал, а проникся тем, о чем собирался ему поведать Серый Призрак, потому что, так казалось Гейтвуду, слова Серого Призрака должны были наводить на мысль об отражении и проекции. Но, опять же, лейтенант Гейтвуд об этом не подумал, а вспомнил о тени калифорнийского грифа, похожей на длинный, растрепанный на своих дальних краях темный прямоугольник.

— Лейтенант, — сказал Серый Призрак, — когда Лозен и воин, который с ней был, набирали воду возле нашего лагеря, остальные воины ждали их здесь, на россыпи камней.

— Но ведь чирикахуа ушли на восток, Серый Призрак. По крайней мере, на восток ушли Лозен и воин, который прикрыл ее собой. Мы ведь видели их следы.

— Скорее всего, так, лейтенант.

— Возможно, Серый Призрак, Лозен пошла на восток, а остальные воины, ранее обогнав нас, искали у подножия стены почву, в которой накапливается вода.

— Я не знаю, как они это сделали, лейтенант. На глине никаких следов нет и не было на всем том расстоянии, которое мы проехали от места нашей ночевки. Поэтому для меня остается загадкой, как они достигли этой россыпи. Хотя, возможно...

— Что, Серый Призрак?

— Может статься, что отряд Лозен сейчас движется не на восток или юго-восток, а вдоль этой высокой стены на юг.

— Мне кажется, Серый Призрак, — сказал задумчиво лейтенант и умолк, а затем, уже не скрывая недоумения, спросил:

— Но, если нет следов, Серый Призрак, откуда ты знаешь, что воины Лозен были здесь ночью?

— Посмотрите, лейтенант, — Серый Призрак указал рукой на камни.

— Я вижу камни, Серый Призрак, — сказал лейтенант Гейтвуд. — И я также знаю, что на камнях невозможно увидеть следы людей. Единственное исключение, это если по камням прошли подкованные лошади.

— Это так, — согласился Серый Призрак. — Но посмотрите, везде камни влажные, роса на них еще не высохла. А здесь, — он

указал ладонью, — шесть сухих, совершенно не влажных участков. Каждый шириной в два фута и длиной в шесть футов. Они раскатывали здесь свои одеяла и спали на камнях. К тому же ушли недавно, перед самым восходом солнца.

— Похоже на то, — сказал подъехавший к Гейтвуду сержант Осборн, — что чирикахуа ускакали или повели коней вдоль стены Могольон.

— Копыта шести коней, сержант, даже не подкованных, должны оставить на поверхности какого-то камня хотя бы незначительную царапину.

— Но они могли обернуть копыта лошадей кусками кожи, — сказал Серый Призрак. — И, если это так, мы не найдем на камнях ни следов лошадей, ни, тем более, людей.

12

Жара нарастала. Холодно и расчетливо не мог мыслить даже Серый Призрак, родившийся и выросший в этих местах. Исходящая из солнца желтоватая белизна приносила не только физические страдания, но и делала людей подозрительными и растерянными. Гейтвуд оставил командовать ротой сержанту Осборну, а сам упорно следовал за Серым Призраком, облитым солнечным светом и словно растворяющимся в нем.

Из всех воинов только Аллинрильо усилием воли заставил себя пребывать в той реальности, которая окружала отряд Лозен и саму Лозен, тогда как остальные мужчины и юноши воплощали собой безмолвие и канули в безмолвие, ибо «Когда Лозен начинает мечтать, лейтенант, большинство ее воинов пытаются вообразить тайну её мыслей», — однажды сказал Юджину Гейтвуду Серый Призрак.

Аллинрильо знал, что ближайшее место, где им посчастливится поплавать в зеркале мерцающего кварца, находится у подножия возвышенности, образовавшейся от некогда полностью рассыпавшейся столовой горы. Возвышенность носила название Косы Старухи, потому что при сильном ветре становилась преградой для летящего песка и пыли, которые, столкнувшись с ней, раскаленными струями изгибались по ее сторонам. В лунном свете они напоминали трепещущие седые волосы.

Воины просто дали себе задание оберегать Лозен и будто покинули реальность. Это не означало, что они ничего не замечали вокруг, ибо для обнаружения опасности свое внимание обострили до предела. Они просто растворились в окружающем их мире, стали неотъемлемой его частью, и именно по этой причине смогут незамедлительно отреагировать на любое появление чего-то необычного или подозрительного.

Стараясь вовремя заметить возвышенность Косы Старухи, чтобы сразу направиться к ней, Аллинрильо пристально следил за восточной далью, колеблющейся волнами раскаленного воздуха. Услышав, что Лозен начала ровно дышать и идет, не пошатываясь, а уверенным шагом, он повернулся к ней с выражением полной отрешенности на своем загорелом до черноты лице, однако от уголков его глаз к вискам разбежались морщинки, а сами глаза улыбались. Их взгляды перекрестились, и Лозен кивнула.

— Нана, — сказала она. — И весь его отряд. И пока я пытаюсь увидеть, как проплывают сны, страх, который всегда позади меня, приблизился и начал перебирать волосы на моем затылке.

Сначала возникнув в сознании Аллинрильо, а, затем, и в глубине его зрачков, несомые ветром пыль и песок натолкнулись на возвышенность Косы Старухи и разделились на желто-серые струи, чтобы после, изогнувшись, обтечь возвышенность и с новой силой полететь к горам Ги́ла.

— Лозен, — сказал он.

— Нужно начти зеркало мерцающего кварца, — сказала предводительница.

Издали возвышенность Косы Старухи походила на круп падшей лошади, на котором сидели оцепеневшие стервятники.

— Ты уже видишь ее, — спросила Лозен, — возвышенность?

— Вдали. Она еле различима, — ответил Аллинрильо, а, затем, оглянулся.

— Ты смотришь — преследуют ли нас белоглазые?

— Да, но они не должны нас преследовать. Если бы другая рота, ступив на грязный путь, вышла из форта Апач, мы бы узнали об этом. Значит опасность для Наны исходит от тех белоглазых, офицер которых нас с тобой отпустил.

— Аллинрильо, — сказала Лозен, и Аллинрильо увидел, как натянулись под своей тяжестью, словно были металлическими,

две дорожки луны в ее волосах. Лозен признательно посмотрела на Аллинрильо, и он увидел в ее черных глазах то, о чем она недавно грезила, но не сказала ему, и он подумал, что нет необходимости оборачиваться назад, чтобы вовремя заметить приближающихся к ним синих мундиров, — из глубины радужницы воительницы всплыл зелено-стальной отблеск, а за отблеском находилась еле различимая стена Могольон, так чтодвигающиеся у ее подножия синие мундиры выглядели ужасно крохотными. Они ехали так далеко от отряда Лозен, что изображения их тел словно увядали и комкались, как умирающая без дождя полоска синих цветов. Аллинрильо увидел многих из них, потому что, благодаря участию Лозен, вообразил даже лица некоторых кавалеристов, кроме скаута Белой горы, ибо тогда, возле ямы с водой, сумел разглядеть только его силуэт, но не видел лица.

— Как его зовут, Лозен? — спросил Аллинрильо.

Лозен поняла, о ком он спросил, но все равно задала вопрос:

— Кого, Аллинрильо?

— Скаута Белой горы, который мог выстрелить в тебя и в меня, но, как и белоглазый офицер, не сделал этого.

— Он просто подчинился белоглазому офицеру, Аллинрильо. Не выстрелил офицер, поэтому не выстрелил и он.

— Нет, Лозен, — сказал Аллинрильо, — это не так. Ты ведь не видела его лица.

— Но ведь ты тоже не видел его лица, Аллинрильо.

— Ты спрашивай у своего сердца. Девочка, всегда спрашивай у своего сердца, — часто говорил старый Нана.

— Тогда как мы можем судить, почему он в нас не стрелял? — спросил Аллинрильо. Он думал, что после его слов глаза Лозен вспыхнут гневом, однако, увидев боль в ее черных радужницах, сразу перевел свой взгляд на черту юго-восточного горизонта.

Лейтенант Юджин Гейтвуд решил, что за все будет отвечать он один, и в тот же день, когда Серый Призрак прикрыл собой Лозен и не позволил сержанту Полу Осборну выстрелить в нее,

предложил скауту Белой горы покинуть роту, ведь только кавалеристы придут в форт Апач или в резервацию Сан-Карлос, Серый Призрак будет сразу арестован и отдан под трибунал.

Он так и сказал ему, но Серый Призрак еще плотнее сжал губы, а его седые волосы, обычно тусклые, из-за чего всегда казались пепельными, вдруг вспыхнули белизной. И Гейтвуд в тот момент был полностью уверен, что апач Белой горы постоянно вспоминает о Первом Снеге, который, наверное, так и нет достиг Счастливого Места.

— Это я приказал не стрелять, полковник Кроуфорд, — отвечал Юджин Гейтвуд во время расследования. — И Серый Призрак выполнял мой приказ. То есть предотвратил кровопролитие.

— Другими словами, направил свой винчестер на сержанта Пола Осборна? Не слишком ли много о себе возомнил этот скаут? Если между вами, лейтенант, и между сержантом Осборном возникли разногласия, то уладить их имели право только вы, а не индеец. Он должен был просто ждать. Какое ему дело до вас?

Но лейтенант Гейтвуд еще раз спросил Серого Призрака:

— Ты согласен со мной?

— Да, лейтенант, — ответил Серый Призрак. — Я уйду ночью. У всех должно сложиться впечатление, что я сам, без вашего ведома, покинул роту.

— Хорошо, — сказал Гейтвуд. Он уже научился у Серого Призрака стараться как можно меньше внешне выражать свои чувства, и поэтому просто ушел взглядом вдоль стены Могольон в сторону резервации Сан-Карлос.

Серый Призрак начал отъезжать, чтобы осмотреть местность впереди, а Гейтвуд сказал ему, придерживав его за правую руку:

— Следующая очередь моя.

— Не понял, лейтенант, — полуобернулся Серый Призрак.

— Прикрыть собой Лозен, — ответил Юджин Гейтвуд.

— Да, лейтенант, — холодно ответил Серый Призрак, ведь ему ничего больше не оставалось, как только делать вид, что он внимательно смотрит в сторону северной пустыни.

Ветер в самом деле нес пыль, но с востока. Рыжевато-серая волна поднималась над землей ярдов на пять или восемь, однако она почему-то не докатилась к идущему ей навстречу отряду чирикахуа, и Аллинрильо мог дать свою голову на отсечение, — преградой для несущегося с востока песка стал пристальный взгляд

Лозен. Волна опала внезапно, подобно резко стянутой ширме. От возвышенности к плато Могольон летел калифорнийский гриф, и, возможно, волна пыли и была его небывало огромной тенью, но только выцветшей и вылинявшей за долгие века.

— Эта серая полоса пыли была прозрачной, Лозен, — сказал Аллинрильо. — Она появилась и исчезла.

Но Лозен словно не слушала его. Кожа на ее скулах натянулась, глаза запали, и создавалось впечатление, что она снова пытается мечтать. Мгновение спустя воительница повернулась к Аллинрильо.

— Ты сказал — Серый Призрак — Аллинрильо? Ты так сказал? — спросила Лозен.

Но Аллинрильо понимал, что вопрос, заданный Лозен, не требовал ответа. Он не отвел глаза в сторону, а смотрел в глубину зрачков Лозен, покуда в них не появилось воспоминание Лозен о Нане, а также мысль, посылаемая Нане.

— Я так устала, Нана, так устала.

Но волна пыли опала, и вдали, наконец, показалась возвышенность Косы Старухи.

— Рваный Рассвет, — повелительно сказала Лозен, — пойдешь на восточную сторону возвышенности и там будешь сторожить до того времени, пока полынья, наполненная сукровицей, не достигнет конца омута грязного пути. С той стороны нам грозит меньше всего опасности.

— Да, Лозен, — сказал Рваный Рассвет. Он вручил удила своего коня Ране В Траве, а сам легко побежал к Косам Старухи. Воины и Лозен шли медленно, и достигли возвышенности, когда омут грязного пути полностью накрыл пустыню.

— Аллинрильо ляжет спать первым, — сказала Лозен. — Гиасиндо, притаись на западе от Кос Старухи. Если белоглазые нагонят нас и подойдут с твоей стороны, ты знаешь, что делать. Рана В Траве, будешь водить лошадей вокруг возвышенности. Возможно, что здесь встречается соленая мексиканская трава. Кавайкла, ты должен найти место между большими камнями и вырыть яму. Если повезет, мы сможем немного поплавать в зеркале мерцающего кварца. Разбуди меня и Аллинрильо, когда полынья, наполненная сукровицей, достигнет середины омута. Аллинрильо сменит тебя, я — Гиасиндо, а Рваного Рассвета — Кавайкла. Тогда вы, двое, будете спать до рассвета.

Воины, молча выслушав распоряжения Лозен, сразу отправились выполнять ее задание. Если бы кто-то очень близко приблизился к ним, он бы заметил, что каждый из них, слушая распоряжения Лозен, немного суживает глаза, будто пытается разглядеть что-то в темноте. Но и после того, как они осознали приказ своей предводительницы, глаза их оставались суженными, напряженными, и твердость в них не исчезла и не уменьшилась.

Аллинрильо провалился в сон моментально. В нескольких шагах от него Лозен расстелила шерстяное одеяло. Воин встрепнулся, но, увидев, что неподалеку от него ложится спать воительница, опять уснул. И сон его был тягучий и черный, как грязный путь. Но среди укрывшего мир вязкого мрака, вне сна или во сне, сознание Аллинрильо бодрствовало, хотя и сжалось до крошечного комочка неусыпной бдительности, чтобы, если подкрадется враг, воин мог моментально проснуться. И во сне к Аллинрильо или вне сна доносились слова, сказанные глубоким женским голосом: «А Аллинрильо хороший. Он хороший».

— Лозен, — прошептал Кавайкла, направив ствол своего винчестера в сторону западной пустыни, — сейчас середина омута грязного пути.

— Мы сможем поплавать в зеркале? — спросила Лозен.

— Нет, ответил Кавайкла, — место, где зеркало кварца подходило бы близко к поверхности, я не нашел.

Поднявшись, Лозен осмотрела западную часть омута грязного пути и тихо сказала Кавайкле:

— Постарайся выспаться.

— Завтра будет трудно, Лозен? — спросил он.

— Не знаю, — ответила Лозен. — Но, возможно, завтра мы попытаемся спасти Нану.

— Разве мы не спасли Нану, когда ты стояла на аппалузе, а белоглазый рассматривал тебя в бинокль? Гиасиндо мне рассказывал, что синий мундир словно прирос глазницами к стекляшкам, которые приближают то, что находится далеко.

Лозен кивнула в знак согласия, дав понять, что разговор закончен. Она взяла винчестер и патронташ, а одеяло накинула себе на плечи. Она медленно пошла на запад, где залег Гиасиндо, и омут грязного пути накрыл ее, лишь одеяло еще некоторое время светлело в темноте, пока не поглотилось мраком полностью.

Я понимаю, лейтенант, — сказал полковник Чарльз Кроуфорд, — что именно Серому Призраку вы дали приказ не стрелять. Но все солдаты и сержант Пол Осборн поняли, что никто не должен стрелять. Вообще не стрелять. И именно на этой версии — запрет стрелять одному Серому Призраку, вы должны настаивать на суде. Вас в любом случае разжалуют. И для вас сейчас главное — уберечься от тюрьмы.

— Но, полковник, — сказал лейтенант Гейтвуд, — я давал приказ вообще не стрелять. Я не хотел, чтобы пролилась кровь.

— Кровь врага в военной кампании? Я вас не понимаю, лейтенант, — с озабоченным видом сказал полковник Кроуфорд. — Хотя, если бы кто-то выстрелил в Лозен или в ее воинов, Серый Призрак сразу бы убил Осборна. Однако, лейтенант, — Кроуфорд приблизил к лейтенанту Гейтвуду свое лицо, — если бы кто-то выстрелил в Серого Призрака, Осборн бы не пострадал. Ведь так?

Юджин Гейтвуд выжидающе посмотрел на полковника Кроуфорда и ничего не ответил.

— Как далеко Лозен и ее воины находились от вас, лейтенант Гейтвуд?

— Ярдах в пятидесяти, полковник.

— А как были расположены ваши кавалеристы?

— Шеренгой. Довольно плотной.

— Вот на этом и нужно делать акцент, лейтенант Гейтвуд, — многозначительным тоном изрек Кроуфорд. — Лозен хорошо видела, что Серый Призрак пытается ее спасти. И если бы кто-то убил Серого Призрака, она и ее воины начали бы стрелять. Апачи хорошие стрелки и, наверняка, несколько кавалеристов было бы убито. Вы дорожили жизнью своих солдат, лейтенант? Но вам нужно было догнать Лозен и обезвредить ее. Впрочем, вы этого не сделали. Вы... Скажите, он так дорог вам, этот Серый Призрак?

Лейтенант Юджин Гейтвуд поднял глаза и устало посмотрел на полковника Чарльза Кроуфорда. Он хотел сказать: «Не обязательно, полковник, когда находишься на грязном пути, вымарываться грязью», но тут же подумал, что полковник не

поймет его. Вместо этого он мысленно обратился к Серому Призраку, потому что тот всегда поддерживал его и не сказал ему ни одного плохого слова.

— Я вам когда-то рассказывал, лейтенант, — однажды сказал Серый Призрак, — что апачи в военном походе используют особый язык.

Да, Серый Призрак, я знаю. Когда, например, воин хочет пить, он говорит: «Хочу плавать в зеркале мерцающего кварца».

— Правильно, — скаут Белой горы улыбнулся. — А войну апачи называют грязным путем. Ведь убивать людей — это грязь, лейтенант, и апачи это понимают. Костер или огонь в военном походе чирикахау называют Раздумывающий, ночь — омутом грязного пути, а луну — полынью, наполненной сукровицей.

— Полковник, — лейтенант Гейтвуд снова поднял глаза на Чарльза Кроуфорда, и они были ясными и твердыми, как глаза Лозен, — скажите, особенная обстановка требует особенных слов?

— Возможно, лейтенант.

— А особенные слова — особенных поступков?

— Я не улавливаю вашу мысль, лейтенант. Но, в принципе, согласен.

— Тогда что мне объяснять? То, что сделал я и Серый Призрак, это особенные поступки в исключительных обстоятельствах.

— Надеюсь, что я вас понимаю, лейтенант Гейтвуд. Но большинство людей таковы, что в синтаксисе их языка нет особенных слов для исключительных обстоятельств. Даже новое и необъяснимое они объясняют старыми словами.

— В этом и состоит разница между белыми американцами и апачами, полковник.

Начинающее всходить солнце отбросило от возвышенности Косы Старухи длинную бордовую тень, доходившую до того места, где лежала Лозен и внимательно смотрела в сторону плато Могольон. Ее губы потрескались, горло пересохло — зеркало мерцающего кварца оставалось недостижимым.

Когда она обернулась назад, возвышенность ей показалась низким и разлогим облаком пыли, будто кавалеристы, широко рассыпавшись, приближались к ее отряду с востока. Однако Лозен знала, что Нана находится возле стены Могольон, и что синие мундиры будут преследовать именно его.

Кавайкла оставался еще по ту сторону возвышенности. Ослепленный диском солнца, он тщетно пытался ухватиться взглядом за линию горизонта, но потом посмотрел в сторону, чтобы белесо-красная пелена, укрывшая его глаза, исчезла. Он увидел нечто, похожее на низко стелющуюся над землей пыль, хотя ветра не было и весь мир напоминал неподвижную глубину абсолютного забвения с одной единственной, но самодостаточной мыслью, которой было отрывающееся от земли солнце.

Кавайкла знал, что нужно периодически поворачиваться назад и смотреть на возвышенность. Его одноплеменники могли подать сигнал об опасности в любой момент. Он перевел взгляд от низко стелющейся пыли на Косы Старухи и ощутил на лице пятнышко света, — солнечный зайчик высветил в его глазах удивление. Кто-то из воинов два раза послал в его сторону лучик, отраженный от маленького зеркальца. Такие зеркальца для подачи сигналов апачи, вышедшие на грязный путь, носили с собой всегда.

Опасности нет и нужно возвращаться — понял Кавайкла. Поднявшись, он трусцой побежал к возвышенности. Во время бега Кавайкла подобрал небольшой камушек и положил его себе под язык — так легче переносить жажду. Но пока он бежал к своему отряду, сумел лучше разглядеть низко стелющуюся над пустыней пыль. И первое, что он сказал, увидев уже вернувшуюся со своего поста Лозен, это:

— На юге словно бы низкая волна пыли. Но это может быть трава, Лозен.

Лозен ни секунды не медлила, а, окинув своих воинов взглядом, махнула рукой в сторону еле видимой белесой полосы. Подхватив лошадей за поводья, весь отряд легко и упруго побежал на юг, будто никто из них не испытывал усталости и не страдал от жажды.

Это в самом деле оказалась трава, но почти высохшая, — только возле земли иногда можно было разглядеть зеленый цвет

стеблей. Солнце на два пальца оторвалось от земли, так что, если на траве за ночь образовалась роса, она не могла еще испариться. Лозен нагнулась и провела по траве ладонью. Рука немного увлажнилась. Ни одного слова не было промолвлено, но все действовали слаженно и быстро. Воины сняли с себя ситцевые рубахи и налобные повязки, чтобы обмотать ими свои голени. Лозен некоторое время, опустив голову, смотрела на свою изорванную колючим чапарралем юбку, пропитанную пылью и укрытую пятнышками смолы от креозотовых кустов. Она оторвала низ юбки. Ее ноги обнажились до колен. Куском оторванной материи Лозен обмотала свою левую голень, затем, сняв с головы повязку, обмотала ею правую.

Лейтенант Гейтвуд придержал коня, и едущий рядом с ним Серый Призрак сразу отреагировал.

— Лейтенант? — спросил он и тоже остановил коня.

Гейтвуд бросил взгляд на восходящее солнце.

— Я думаю, Серый Призрак, — сказал он, — что апачи дали загадочное название обычному процессу утоления жажды: плавать в зеркале мерцающего кварца.

Серый Призрак сощурил свои желто-коричневые глаза.

— Мир необъясним, лейтенант, — сказал он.

-Да, — согласился Юджин Гейтвуд и, чтобы быть ослепленным, посмотрел на диск восходящего солнца. Им двигало подсознательное желание, поэтому он долго не отрывал глаз от пылающего диска, словно желал поглотиться им.

Серый Призрак, наклонив голову, перебирал пальцами гриву коня, и конские волосы показались ему струями пыли, даже струями пыли, ибо так случается, когда внезапно начинается пылевая буря, и ветер хлещет по пустыне летящим песком, как плетью.

— Что? — спросил лейтенант. Он еще не мог разглядеть Серого Призрака, так как перед его глазами плыли алые и оранжевые пятна.

— Вы пытаетесь не смотреть на Лозен, хотя бы некоторое время не видеть ее перед собой. Но солнце ослепляет глаза, а не сердце, — сказал Серый Призрак.

Постепенно сквозь алые и оранжевые пятна перед глазами лейтенанта начало прорисовываться задумчивое лицо скаута Белой горы, который все еще перебирал пальцами конскую гриву.

— Интересно, что сейчас делает Лозен? — спросил лейтенант Гейтвуд.

Серый Призрак недоверчиво посмотрел на Юджина Гейтвуда.

— Но ведь вы только что пытались не смотреть на неё, лейтенант.

— Ты хочешь сказать, что я ее видел?

— Разве нет? — растерянно спросил Серый Призрак, и Гейтвуд осознал, что постоянно видел ее. Она смотрела ему в глаза сосредоточенно и изучающе, и он не мог отвернуться от ее пытливого взгляда.

— Лозен хочет плавать в зеркале мерцающего кварца, Серый Призрак. У нее уже нет сил.

Серый Призрак понимающе кивнул.

— А ведь солнце только поднимается, и день будет безжалостным, — сказал он. И хотя надежды было мало, Лозен и ее воины пошли по траве. Если росы будет достаточно, она напитает влагой материю, обмотанную вокруг голени чирикахуа. Они прошли до конца участка, поросшего травой, затем повернули обратно. Не выходя из травы, каждый освободил голени от рубашек и головных повязок и выжал влажную материю себе в рот. Зеркала мерцающего кварца хватило на глоток или два, но они все равно, хоть немного, но поплавали. Плавали, залитые лучами восходящего солнца, совершенно равнодушного к их страданиям, но в то же время прерывающего, сминающего омут грязного пути, на который они и отряд Наны вышли, покинув резервацию Сан-Карлос.

16

— Лейтенант Гейтвуд, вы долгое время думали, что преследуете только отряд Лозен. Но, когда Серый Призрак направил свой винчестер на сержанта Осборна, догадались ли вы, что шли по следу то одного отряда апачей, то другого?

— Если это так, то и в одном отряде и в другом оставалось по шесть лошадей, полковник, — сказал лейтенант Гейтвуд. — Поэтому я думал, что преследую один и тот же отряд.

— След одной лошади так же отличается от следа другой, как следы ног разных людей. И апачи умеют замечать эти различия. Получается, лейтенант, что Серый Призрак, которому вы так доверяли и продолжаете доверять, попросту вас обманывал.

Полковник Кроуфорд стоял спиной к окну, лицо его было затененным. И хотя лейтенант Гейтвуд сидел на табуретке, все равно посмотрел на полковника словно свысока, но без презрения, а немного отстраненно.

— Полковник, — сказал он, — следов другого отряда мы никогда не видели. И если второй отряд и был, то он передвигался только по тем местам пустыни, которые были укрыты камнями. И если у этого отряда были лошади, их копыта воины обмотали кожей, чтобы никаких следов, даже слабой царапины на камне. Серый Призрак однажды обнаружил следы от одеял, то есть ранним утром заметил места на камнях, где спали чирикахауа, расстелив свои скатки. Утром россыпь камней была влажной от росы, однако те места, где спали апачи, оказались сухими.

— А те шесть лошадей, которых повел за собой смертник? Мы узнали его имя.

— Как его звали, полковник? Он был достойным человеком.

— Перико, — ответил полковник Кроуфорд, пристально посмотрев на Гейтвуда. — И он из отряда Наны. Точнее, он из тех, кто входил в близкое окружение Наны. Следы лошадей, которых увел Перико, не были следами лошадей отряда Лозен. Это очевидно.

— Но мы решили, что, возможно, в отряде Лозен больше воинов, или Лозен решила избавиться от обессиленных лошадей. В любом случае, полковник, если бы даже мы обнаружили две группы чирикахауа, одна из которых пешком уходила на юг, а другая передвигалась на лошадях, мы бы подумали, что отряд Лозен разделится. Апачи так часто делают.

— Я знаю, лейтенант, — сказал полковник Кроуфорд. — Они используют две или более возможности, чтобы кому-то из них повезло. Или тем, кто передвигается пешком, или тем, кто остался с лошадьми. Апачи всегда стараются распылить силы противника, а затем, соединившись в условленное время, уничтожить одну из групп нашей армии. Они хитрые бестии, лейтенант.

Полковник Кроуфорд достал сигару, хотел закурить, но передумал или забыл об этом.

— Вы и сейчас думаете, полковник, что недалеко от отряда Лозен находился отряд Наны, тоже состоящий из шести воинов?

— Не уверен, лейтенант. Просто резервацию вначале покинули двенадцать человек. Среди них Лозен и Нана. Поскольку Лозен и Нана являются лидерами апачей, легко предположить, что после эти двенадцать человек разделились на два отряда.

— Полковник, — сказал лейтенант Гейтвуд, — все могло произойти. Но могло случиться, что в данной ситуации командовал Нана, а Лозен ему подчинялась, или наоборот. Серый Призрак ничего об этом не знал. И я тоже.

— Да, лейтенант, — задумчиво проговорил полковник Кроуфорд. — Лозен обвела нас вокруг пальца. Возможно, что она действовала по заранее продуманному сценарию, потому что...

Кроуфорд задумался.

— Что, полковник? — спросил лейтенант Гейтвуд.

— Дело в том, лейтенант, что спустя несколько дней после того, как мы послали вдогонку Лозен и Наны вашу роту, резервацию покинуло 128 человек. Большинство из них женщины и дети. Среди них было несколько воинов, то есть мальчиков от тринадцати до пятнадцати лет, но уже способных обращаться с винчестером. Поэтому Лозен не начала войну. И Нана старался не прибегать к военным действиям. Их задачей было отвлечь нас от женщин и детей, и только при крайней необходимости вступать с нами в бой. Пока мы гонялись за Лозен и за Наной, те сто двадцать восемь человек уже достигли своей родины в Охо-Калиенте или же в Северной Мексике сейчас соединяются с отрядами Джеронимо и Ху. И Перико, лейтенант, стал смертником только из-за случайного стечения обстоятельств. Если бы ему повезло, он ушел бы дальше на юго-запад и затерялся бы в ущельях Гила. С лошадьми или без.

Лейтенант Гейтвуд склонил голову. Он не хотел, чтобы полковник Кроуфорд увидел восхищение в его глазах, ибо Лозен была удивительной женщиной.

— Почему вы пытались ее не видеть, лейтенант? — спросил у Гейтсвуда Серый Призрак.

— Я не пытался ее не видеть. Да, со стороны казалось, что я смотрю только на солнце. Но я просто смотрел в ту сторону, где находилась Лозен.

Иногда лейтенант Юджин Гейтвуд ловил на себе пристальный взгляд. Он догадывался, о чем хочет его спросить Осборн, ведь не прошло и суток, как Серый Призрак вырвал из рук сержанта карабин и направил на побагровевшего от злости кавалериста свой винчестер.

Гейтвуд только краем зрения видел Лозен и ее воинов, выстроившихся против длинной шеренги всадников в синих мундирах. Он не сделал попытки повернуться налево и встретиться глазами с воительницей. Все его усилия были направлены на то, чтобы не прозвучал ни один выстрел. Он не мог ручаться за апачей, но винчестеры они держали за своими плечами, значит, не намеревались начать перестрелку. Любое неосторожное движение кого-то из кавалеристов, и Серый Призрак, не раздумывая, убил бы сержанта Осборна, а затем постарался за те несколько секунд, что остались ему до смерти, забрать с собой в Счастливое Место как можно больше белоглазых.

— Никто не выстрелит в Лозен, — сказал Серый Призрак, направив свой винчестер на сержанта.

И лейтенант Гейтвуд отдал приказ не стрелять. Подсознательно он приказал и апачам, и самой Лозен, а затем, замечая предводительницу чирикахуа только краем зрения, думал, с какой, наверное, насмешкой смотрела на него эта женщина. Но в то же время он понимал, что она в тот момент позволила ему быть командиром и ее воинов, и ее самой. Те бесконечно долгие двадцать или тридцать секунд она подчинялась ему, лейтенанту Гейтвуду. Но подчинялась с вызовом, с нескрываемым любопытством наблюдая за лейтенантом, ибо, естественно, догадалась, что он дал приказ не открывать огонь.

И хотя Гейтвуд видел Лозен и ее воинов только периферийным зрением, все же он заметил, как один из чирикахуа начал медленно снимать с плеча винчестер, но легкое движение руки Лозен — воительница просто распрямила пальцы, выбросила их как лучи, и Аллинрильо, ибо это был именно он, оторвал ладонь от ремня винчестера, перекинутого через плечо, и крепче сжал уздечку.

Лейтенант Гейвуд опустил руку на рукоятку револьвера, но не вытянул оружие из кобуры. Даже не от его команды, а скорее,

от его пронзительного взгляда кавалеристы застыли, как загипнотизированные. Но краем зрения Гейтвуд видел Лозен. Видел, что ее блузка на груди расстегнута, и что через плечо перекинут патронташ.

Воительница находилась в шестидесяти ярдах от лейтенанта Гейтвуда, но он не смотрел на нее, а уходил взглядом вдоль ровной шеренги кавалеристов. Краем зрения он видел ее развевающиеся на ветру волосы и бегущие к телу пустыни две дорожки луны, ибо времена стали связанными в крепкий узел, день и ночь переплелись между собой, и под раскаленным солнцем грязный путь освещался еще и лунным светом. И на этом пути, в зеркале мерцающего кварца струились две серебряные ленты.

Гейтвуд понимал, что отвечает за жизнь каждого солдата своей роты. И он, в самом деле, прилагал максимум усилий, чтобы сберечь жизнь всех своих подчиненных. Стоило кому-то одному сделать резкое движение, кавалеристы сразу бы дали по апачаам залп, ведь все они держали свои карабины на прицеле. Все чирикахау были бы убиты, но, возможно, кто-то из них, уже смертельно раненый, во время падения с лошади успел бы снять с плеча винчестер и послать пулю в белоглазых.

«Среди пылающего жаром дня вдруг увидеть две дорожки луны, — много позже думал Гейтвуд, — разве это не удивительно?» Он сделал все возможное, чтобы никто из солдат не пострадал, и всем сердцем желал, чтобы воины Лозен и сама она остались живы. Он спасал всех. Он держал руку на рукоятке револьвера и хотел крикнуть на всю пустыню:

— Девочка, уходи! Ты должна мечтать!

Но он только дал приказ своим солдатам и взбешенному сержанту Полу Осборну:

— Не стрелять!

И когда Серого Призрака вели к платану на казнь, апач Белой горы оставался отрешенным от всего, что происходило вокруг. Мнилось, что в мире не осталось никого, один только Серый Призрак и его воспоминания о Лозен. И когда Серый Призрак увидел лейтенанта Гейтвуда, охраняемого двумя капралами, он благодарно посмотрел на своего бывшего командира, а спустя несколько минут, как только начали натягивать веревку, сказал:

— А ведь никто не выстрелил в Лозен. Никто не осмелился.

Серый Призрак находился впереди отряда, поскольку должен был искать на теле пустыни места присутствия чирикахуа. Гейтвуд следовал за ним и постоянно ловил на себе подозрительный взгляд сержанта Осборна.

Вихри пыли стелились низко над землей, огибая ноги усталых лошадей, словно всадники выехали на дотла выжженную землю, на бесконечное и все еще тлеющее кострище, подернутое седым дымом.

Может именно поэтому Пол Осборн подумал, что для Серого Призрака это самое лучшее время, чтобы ускользнуть и скрыться в ущельях Могольон. Каждый шаг лошадям давался с усилием. Они не смогли бы сделать даже короткий рывок, но Серый Призрак не предложил вести лошадей за поводья, чтобы сберечь их силы, потому что солдаты тоже еле-еле держались на ногах. Что касалось лошади самого скаута Белой горы, то Пол Осборн думал: «Апачи умеют управляться с лошадьми, да и, возможно, у Серого Призрака особенная лошадь. Скакун с дремлющими в нем силами, и поэтому Серый Призрак может сделать рывок, как только наступит подходящий момент».

Струи пыли скользили между ног лошадей, и это заставило Пола Осборна враждебно смотреть еще и в сторону дымящейся седыми вихрями пустыни, ибо две дорожки луны в волосах Лозен клеймом отпечатались в его памяти, как и в памяти остальных солдат роты Гейтвуда. Однако мысли Пола Осборна о седых прядях в волосах Лозен были неосознанными и напоминали предчувствие сна или смутную догадку о приснившемся сне. Впрочем, на туманное воспоминание о волосах Лозен наслаивалась уже четко оформленная мысль о вездесущем присутствии воительницы апачей в каждом месте пустыни от стены Могольон до гор Гида. И сержанту мнилось, что это именно на него Лозен смотрела изучающе, уходя двумя дорожками луны в своих волосах если не в другое измерение, то, по крайней мере, в другое время суток, в последующие или канувшие события. Пол Осборн ничего не знал о зеркале мерцающего кварца. С точки зрения Лозен, Серого Призрака и лейтенанта Гейтвуда он вообще ничего не знал и находился в полнейшем неведении относительно всего важного и значимого на этой странной Земле.

Лейтенант Гейтвуд видел, что Осборн по очереди подъезжает к каждому капралу и о чем-то с ними разговаривает. Видел, что во время этих разговоров капралы с опаской поглядывали то на Серого Призрака, то на него, лейтенанта Гейтвуда.

Нет, Лозен не смотрела на сержанта Осборна. Он ее совершенно не интересовал. Да и Серый Призрак прикрывал сержанта от ее пытливых глаз, направив на него свой винчестер. И уже после, когда апачи исчезли, Серый Призрак сказал лейтенанту Гейтвуду:

— Сержант Осборн смотрел на Лозен, но я не уверен, что он видел ее лицо.

— Он не видел ее лица, Серый Призрак, — уверенно сказал лейтенант Гейтвуд. — И он не из тех людей, которые могут узнать человека, даже не увидев его лица.

И Серый Призрак очень медленно и многозначительно кивнул и так растерянно и по-детски посмотрел на лейтенанта своими желто-коричневыми глазами, что Гейтвуд перевел глаза к стене Могольон и скользнул взглядом вверх, туда, где стена пыталась разрезать выпирающими из нее зубцами белесое небо.

Серый Призрак ехал впереди. Иногда он наклонялся, даже свисал с коня, чтобы лучше разглядеть землю, когда замечал что-то подозрительное, затем выпрямлялся, как струна, гибкий и стройный, и Гейтвуду казалось, что волосы скаута Белой горы, вспыхивающие под солнцем редкими седыми прядями, были каким-то образом связаны с двумя дорожками луны в волосах Лозен. И вдруг Гейтвуд подумал, что седые пряди Серого Призрака являются отражением тоски и душевной боли воительницы апачей.

Мнилось, что возвышенность Косы Старухи струящимися вихрями разметала свои волосы по всей пустыне и словно замедляла передвижение уже почти полностью изнуренных лошадей. Никто из кавалеристов не помышлял, что низко стелющаяся пыль может подняться выше и, тем самым, затруднить их дыхание, но они догадывались, что за них начинает думать пустыня. Их подобия мыслей были слепыми, как и кажущаяся выжженной земля. Когда Гейтвуд поворачивался и смотрел на них, его сердце наполнялось предчувствием, что они, растворяющиеся в белесо-оранжевых наплывах пыли и исходящей от

солнца жары, возникли раньше времени. Его роту, но не его самого и не Серого Призрака, можно было бы назвать преждевременными мыслями пустыни о будущем. Но будущее, как бы оно смутно не вырисовывалось, когда-то наступает, и Серый Призрак, полуобернувшись, тихо бросил Гейтвуду:

— Вдали что-то подозрительное, похоже на сидящего человека. Я подьеду ближе и посмотрю — что к чему.

Его конь неуклюже и тяжело перешел на рысь. Серый Призрак пригнулся и потянулся рукой к винчестеру, находящемуся в специальной длинной кобуре, прикрепленной к седлу, а когда начал выпрямляться, позади Гейтвуда почти одновременно раздался крик и выстрел.

— Он пытается убежать! — кричал сержант Осборн.

На спине Серого Призрака расплывалось алое пятно, а сам он начал сползать с коня и вот-вот должен был упасть на землю.

— Не стрелять! — крикнул Гейтвуд. Повернувшись, он увидел в руках Осборна дымящийся спрингфилд.

Серый Призрак свалился бы с седла, но лейтенант, спешившись, подхватил его, помог слезть с коня и сразу попытался определить — тяжело ранен скаут Белой горы или нет. Пуля пробила тело насквозь — вошла чуть выше правой лопатки и на вылете раздробила ключицу.

— Ты выживешь, Серый Призрак, — сказал Гейтвуд, поддерживая скаута Белой горы.

Но, казалось, что Серый Призрак не чувствует боли. Он смотрел на кавалеристов, будто они представляли собой постепенно сшиваемые в манекены размывы пыли и пригоршни песка.

— Они хотели убить меня потому, что никто из них не осмелился выстрелить в Лозен, — сказал апач Белой горы.

Придерживая Серого Призрака, лейтенант Гейтвуд смотрел на своих кавалеристов и видел их существами, пытающимися преодолеть колеблющуюся пелену, состоящую из песка и сизой пыли. Когда лица солдат упирались в волнующуюся под ветром серую ширму, они начинали приобретать человеческие черты, но усредненные, лишённые индивидуальных черт, присущих каждому человеку. А когда ширма сильнее растягивалась, создавалось впечатление, что вот-вот должно родиться лицо сержанта Осборна или лицо капрала Рамиреса, однако мутная пелена снова отодвигалась, и солдаты уходили в забвение.

Гейтвуд подумал, что пелена упала на его глаза. Но в то же время осознавал, что все вокруг он видит ясно и предельно четко. Его зрение стало обостренным, а взгляд пронизательным. Просто каждый кавалерист утратил свою неповторимость. И хотя, посмотрев на лицо любого из них, Гейтвуд мог бы сказать — кто это, все его подчиненные стали для него на одно лицо. Внезапно лейтенант почувствовал, что жаром обжигает его правую щеку, хотя солнце находилось слева от него. Серый Призрак смотрел на Гейтвуда задумчивыми глазами, а затем, бросив взгляд на кавалеристов, прошептал:

— Теперь вы узнали, лейтенант, как видит белоглазых Лозен. Она может различить каждого, но все равно они для нее ничем друг от друга не отличаются. Они как муравьи, лейтенант...

— Почему, Серый Призрак? — спросил Гейтвуд, не отрывая глаз от пелены, сквозь которую к нему приближались кавалеристы его роты.

— В их душе нет радуги, лейтенант.

— Какой радуги, Серый Призрак?

Серый Призрак горько улыбнулся.

— Лейтенант, апачи говорят: «В душе не будет радуги, если в глазах не было слез».

— Поэтому они не могли в нее выстрелить? — спросил Гейтвуд. — Потому что смотрели на Лозен, как сквозь пелену, то есть не могли различать?

— И по этой причине тоже, лейтенант.

Даже когда кавалеристы подъехали ближе, их лица Гейтвуду все равно виделись, как окаменелые. И они были проникнуты одним желанием, но не мечтой.

«Странно, — подумал лейтенант Гейтвуд, — когда Лозен мечтает, она пытается определить, в какой стороне пустыни находится враг. Она словно срывает пелену с пространства, и, возможно, слова Серого Призрака — «Но ведь вы не видели ее лица, лейтенант», — указывали на настоящую пелену, которая застилает глаза белоглазых».

Калифорнийский гриф, удаляясь от стены Могольон, прочертил между Гейтвудом и его кавалеристами тень, но не сплошной прямой, а прерывистой линией, ибо из-за низко стелющихся над землей вихрей пыли тень птицы временами как бы сминалась белесыми струящимися жгутами.

— Лейтенант, — сказал Пол Осборн, — не утруждайте себя. Мы не будем везти этого раненого апача в форт, чтобы там, после трибунала, его повесили. Это легкая смерть для предателя. У нас и так мало воды. Оставим его здесь. Вон и гриф уже появился, — чуть умирающую плоть.

Лейтенант Гейтвуд просто смотрел на своих кавалеристов, пытаясь вспомнить, кто из них — кто.

— Лейтенант, — сказал Пол Осборн, — тот колодец, который мы рыли у подножия стены Могольон, можно углубить. Там водоносное место, так что влага начнет просачиваться сквозь почву, и нам хватит воды, чтобы доехать до форта. Скаут нам не нужен. Пусть умирает здесь. Почему вы молчите, лейтенант?

А лейтенант Гейтвуд все старался припомнить: кто из них — кто. Это не означало, что, бросив взгляд на кого-то из своих солдат, он не вспомнил бы его имя и фамилию. Он вспомнил всех. Но вспомнил своих подчиненных не как полностью родившихся людей. Они предстали перед ним трафаретными персонажами, созданными игрой пыли, летящего песка, нещадной жары и удаляющейся на восток тени калифорнийского грифа.

А потом он начал их забывать и после помнил только Серого Призрака и Лозен. А еще — ее верных и безмолвных воинов, которых в отряде воительницы было столько же, сколько пальцев на одной руке.

И солдаты, и сержант Осборн словно погружались в небытие, словно это сама пустыня вынесла им приговор. И это не означало, что кавалеристы реально исчезли, — просто сознание Гейтвуда уже не способно было их очерчивать, как живых существ, и лейтенант поймал себя на мысли, что слушает не Осборна, а вырытую для добывания воды и заносимую песком яму в пустыне. Но воды в этой яме никогда не будет.

Лозен не видела роту кавалеристов, но смотрела в сторону плато Могольон и догадывалась, что белоглазые находятся именно там. Там находились и этот странный офицер, который дал команду не стрелять, и отчаянный и верный Серый Призрак. Лозен имела возможность разглядеть всех преследующих ее отряд синих мундиров, хорошо запомнила выражение лица сержанта Осборна, собирающегося в нее выстрелить, но все равно внешность каждого увиденного ею солдата была словно слеплена из праха,

лишь на некоторое время под воздействием ветра пустыни обретающего черты какого-то конкретного человека. Она знала, почему эти люди созданы такими. По крайней мере, кажутся такими. Они не умеют мечтать. И во время скачки по пустыне никто из них не крикнет краснолицему сержанту: «Мечтай, Осборн, мечтай!» От них ничего не останется, кроме праха и образа ослабевающей колонны смерча, бьющегося о стену плато Могольон.

— Вы сошли с ума, лейтенант! Вы дали нам команду не стрелять, когда нас пятьдесят пять человек, а апачей только шесть. Пять тощих измученных воинов и одна баба. Мы бы свалили их одним залпом.

Иногда на будто состоящим из пыли и песка лице Осборна, что мнилось, вот-вот, и оно начнет рассыпаться, начинали влажно обозначаться мутные глаза, но они неспособны были отобразить живую игру зеркала мерцающего кварца.

— Вас тоже ждет трибунал, лейтенант, — говорил сержант Осборн. — Команду не стрелять вы дали два раза. Первый, когда апачи подъехали к нам и выстроились. Второй, когда Серый Призрак наставил на меня винчестер. Вы что, не помните этого, лейтенант Гейтвуд?

Но Гейтвуд слышал его слова, словно доносящиеся издалека, из канувшего, навсегда исчезнувшего и занесенного песком.

Кроуфорд нервно мотнул головой.

— Сержант Осборн рассказал, — проникновенным голосом сказал он, — что вы никак не реагировали на его доводы и предложения капралов. Вы покинули солдат и остались с раненым Серым Призраком. Вы даже не смотрели на своих подчиненных, лейтенант. Осборн сказал, что ваш взгляд был устремлен на юг, туда, где должны были находиться чирикахауа. Поскольку вы не хотели покидать Серого Призрака, как и конвоировать его в форт для вынесения трибунала, то просто сидели на земле, положив голову этого апача себе на колени. Осборн оставил с вами семь человек во главе с капралом Рамиресом. Вы слышите меня, лейтенант?

Гейтвуд сначала услышал голос Чарльза Кроуфорда, и лишь через несколько секунд лицо полковника как будто начало всплывать из воды, посыпанной пеплом. Рваными и длинными ключьями в комнате шевелился и полз к окну дым от сигары, «По-

тому что, — подумал Гейтвуд, — пустыня проникла и сюда, и раз-метала даже здесь, в кабинете полковника Кроуфорда, седые Ко-сы Старухи.

— Но никого не было, полковник, — тихо сказал он. — Во-обще никого. Только я и Серый Призрак. И еще жара, жара и жажда. И ни в моей фляге, ни во фляге Серого Призрака не оста-лось ни капли воды.

— Возможно, лейтенант, что сержант Осборн врёт. Воз-можно, что врут все солдаты, ибо они были вами оскорблены. Ведь вы постоянно общались только с Серым Призраком и ни-кого из солдат не подпускали к себе. Вам не кажется, что вы не замечали ваших подчиненных задолго до встречи с отрядом Лозен?

Гейтвуд улыбнулся, но не Кроуфорду, а своему воспомина-нию. Он остановил свой взгляд на лице полковника и уже не от-рывал.

— Однако, лейтенант, — продолжал Чарльз Кроуфорд, — ваше постоянное оттягивание нападения на отряд Лозен при-вело к положительному результату.

Кроуфорд надеялся, что в глазах Гейтвуда загорится любо-пытство, но в них была только усталость.

— Другими словами, лейтенант, хотя резервацию Сан-Карлос покинули сто сорок чирикахуа, беглые апачи не совер-шили ни одного нападения ни на мирных жителей, ни на во-енных. И с ними случилась только одна стычка, в которой по-гибли два ваших скаута. Но это индейцы. Только условно мож-но считать, что они входили в ваш личный состав. Да, лейте-нант, я имею в виду случай с Перико, который убил скаутов Алонсо и Первого Снега. В очень непростых условиях вы сохра-нили всех своих солдат, лейтенант Гейтвуд, и применили такую тактику, что преследуемые вами апачи не напали ни на одно ранчо, ни на одного ковбоя или вакеро, не разграбили ни один дилижанс. Я подчеркну это на суде. Но как вас покинул ваш личный состав?

Гейтвуд не отрывал глаз от полковника Кроуфорда, и тот посчитал острый взгляд лейтенанта демонстрацией довери-тельности.

— А что они говорят, полковник?

— Говорят, что перестали вас видеть, что вы сошли с ума, что, придерживая Серого Призрака, вы пошли на юг навстречу чирикахуа.

— А потом, полковник?

— Лошади? Вы это имеете в виду? Я тоже задавал этот вопрос, и Осборн объяснил, что животные полностью обессилели, так что после ранения Серого Призрака солдаты вели лошадей за удила. Они, — полковник задумался, — пытались все свалить на пыльную бурю, которая серым пологом накрыла пустыню. А когда все затихло, и пыль опала, никто не видел ни вас, ни Серого Призрака. Они думают, что вы сошли с ума и пошли на юг к беглым апачам.

Гейтвуд посмотрел в окно, но до плато Могольон было так далеко, что его взгляд не мог до них добежать. Здесь, в форте Апач, стены Могольон не существовало.

— Но я не видел их, полковник. Точнее, не видел их отчетливо.

— Что-то в этом роде говорят и солдаты вашей роты. Они обиделись на вас. Они рассказывают, что вы видели только Серого Призрака. Понимаете? Замечали только его. Даже когда Лозен и ее воины выстроились перед вашей ротой, вы не смотрели ни на нее, ни на других апачей, а не сводили глаз с Серого Призрака.

— Но, полковник, — сказал лейтенант Гейтвуд.

— Я понимаю, — полковник Кроуфорд натянуто улыбнулся, — что вы уважали и уважаете Серого Призрака, и в той ситуации пытались контролировать именно его, скаута Белой горы, ибо он вел себя безрассудно. Вы приложили все усилия, чтобы не пролилась кровь. В первую очередь кровь сержанта Осборна.

Чарльз Кроуфорд опять начал курить сигару. Дым расходился по комнате и становился похожим на еле колеблемые седые вихри. Гейтвуд ждал, чтобы седина заструилась между ножками стола, обогнула Кроуфорда и приблизилась к окну, словно притягиваемая открывающимся из него видом пустыни.

— А напрасно вы не посмотрели на Лозен, лейтенант, — сказал полковник Кроуфорд. — Она красивая женщина.

— Но ведь вы не видели ее лица, полковник.

Чарльз Кроуфорд бросил недоумевающий взгляд на Гейтвуда.

— Теперь я понимаю, — сказал он. — Эта военная кампания в пустыне подействовала на вас. Да что там таить, она подейство-

вала на всех. Болезненно подействовала. А что касается Лозен, — Кроуфорд задумался, — почему я подумал, что Лозен красивая женщина? Я просто наблюдал за вашим лицом, и когда говорил вам о Лозен, в ваших уставших глазах появлялся какой-то вызов, и вы не видели меня.

Гейтвуд вскинул глаза.

— Вы не видели меня, лейтенант. И солдат вы тоже не видели. Почему?

Лейтенант Гейтвуд хотел ответить: «Потому что все любят Лозен». Но он промолчал и только отметил про себя, что наполнивший комнату серыми мазками дым от сигары начинает заволакивать, прятать за собой лицо полковника Кроуфорда.

19

Нана оглянулся и бросил тоскливый взгляд на север. Седой, как лунь, он замыкал идущий цепочкой отряд, а впереди, в большом отрыве от остальных воинов, шел Агирре или Тот, Кто Нигде и, если бы вдали появились белоглазые, Агирре остался бы для них незамеченным, ибо его, оплавленного зноем и укрытого солнечными бликами, как бы не существовало.

Старый Нана замедлил шаг и оглянулся, — белки широко открытых глаз вспыхнули, будто склеры отражали не солнечный полдень, а полночь, наполненную сукровицей. Седые волосы, обранные под короткое каре, отливали сиянием омота грязного пути, который полной луной передвигает купол неба к разжиженным всплескам рассвета.

Нана и его отряд продолжили путь на юг поздним утром, а до этого, изнуренные многодневным скитанием по пустыне, почти сутки лежали в небольшой впадине возле плато Могольон и не поднялись даже тогда, когда Даклуги заметил на севере облако пыли. Это могло означать только одно: солдаты скачут на лошадях, они уже близко, и убегать от них не имеет никакого смысла. Чирикахуа не знали, что пыль поднялась не только из-под копыт коней кавалеристов, но и лошадей отряда Лозен.

Еще несколькими днями ранее Лозен, мечтая вместе с пустыней, словно с живым существом, почувствовала, что отряду Наны грозит опасность. Она постаралась отвлечь кавалеристов

Гейтвуда, поскакав к ним навстречу с двумя воинами — Гиасиндо и Аллинрильо. Именно тогда Гейтвуд впервые увидел воительницу, разглядывая ее в бинокль. На сердце Лозен просто легла мысль, что Нана находится в тяжелом положении, но она ничего не знала о Перико и о том, что отряд Наны остался без лошадей. Однако, через двое суток, тоже мечтая, она наполнилась печалью и была уже полностью уверена, что Нана снова в опасности. Интуиция подсказывала ей, что старый чихенне и его воины лишились всех лошадей. Даже не мысль и не отголосок мысли, а боль, которая сдавливает сердце, заставила воительницу увидеть, но, словно во сне, что кавалеристы движутся к изнуренным воинам Наны и находятся от чирикахау всего в нескольких милях. Именно поэтому она позволила синим мундирам обнаружить себя и приблизиться к ее отряду. Она была уверена, что, если поступит иначе, белоглазые догонят воинов Наны и уничтожат их.

Лейтенант Гейтвуд не мог повернуть на север, ибо туда удалились кавалеристы его роты. В случае, если бы сержант Осборн и капралы заметили его, они могли бы убить Серого Призрака, но, если бы Гейтвуду удалось вместе с Серым Призраком добраться до форта, апача Белой горы ждали суд и виселица. Лейтенант Гейтвуд пошел на юг. Серый Призрак с каждым часом терял силы, и поэтому Гейтвуд, постоянно поддерживая апача Белой горы под руку, помогал ему идти.

Воины стояли совершенно неподвижно, пока старик почему-то смотрел на север, где уже не таилось никакой опасности.

Всматриваясь в даль, Нана различил две человеческие фигуры. Приближающихся к ним людей заметили и воины. Они полностью ушли в безмолвную отрешенность и ждали, что скажет их предводитель.

Нана тоже стоял неподвижно, пытаясь понять, что делают в пустыне без лошадей два человека. Правда, днем ранее он и воины его отряда услышали одинокий выстрел, но прошло больше суток после того, как развеялось облако пыли. Нана был уверен, что выстрелили не в бою и не во время стычки. Да кто его знает, почему один из кавалеристов решил послать пулю в раскаленную даль пустыни.

Нана стоял и всматривался. Наконец он уже мог различить, что приближались белоглазый и скаут Белой горы. Скаут Белой

горы был ранен. Белоглазый же его поддерживал. Нана посмотрел на своих воинов, и белки его глаз обожгли их, словно они сумели увидеть свою будущую седину и старческую беспомощность, если не погибнут и доживут до преклонного возраста.

Обожженные солнцем тела чирикахуа темнели на фоне беле-сой пустыни, будто были сделаны из дымчатого опала, длинные набедренные повязки вздрагивали под порывами ветра, словно изможденные воины не стояли на земле, а восседали на лошадях, и скачка уже началась.

— Я убью их, Нана, — сказал вернувшийся к отряду Агирре. — Это белоглазый и предатель, апач Белой горы. На его голове алая повязка.

— Ты видел, — спросил Нана, не отрывая глаз от двух бредущих к ним людей, — чтобы белоглазый пытался спасти скаута народа дене?

Отсвет будущей седины в предчувствии Агирре стал снежно-белым и ослепительным. Воин опустил голову, чтобы посмотреть на землю, будто она могла что-то ему подсказать.

— Но что в таком случае делать, Нана? — спросил приземистый Колодец Дня.

Нана все так же смотрел на север. Отражение скаута и лейтенанта Гейтвуда на его радужницах увеличилось, а затем полностью заполнило глаза. Нана удалось увидеть бурое пятно на правой половине груди скаута, но не вовне, где брел скаут, а у себя внутри, поскольку пытался детально разглядеть не приближающихся к нему людей, а разгадать рисунок их отражения на своих склерах. «Ранено плечо, и из раны текла кровь», — подумал он.

— Облако пыли родило двух странных людей, — сказал Дак-луги. — Или мне так кажется?

— Тебе правильно кажется, — сказал Нана. — Но кажется ли это Агирре?

— Нана, — сказал Агирре.

Нана повернулся к Агирре. Глубокая и увлажненная потом вертикальная морщина на щеке старика вспыхнула под солнцем, словно он носил на своем лице печать седой пряжи Лозен.

— Пыль родила невозможных существ, Агирре, — сказал он. — Это как рождение радуги в душе.

Агирре ничего не ответил, только выпрямился и перевел взгляд в сторону восточной пустыни, словно пытался разглядеть в той стороне нечто важное и значительное.

— Радуга блеснула на твоей щеке, Нана, — сказал Даклуги. — И это цвет луны.

Лейтенант Гейтвуд помог Серому Призраку лечь на землю. Потом сел сам, положил голову апача себе на колени и сменил на его плече повязку.

— Мы выберемся, — сказал он. — Пойдем вечером, когда спадет жара.

Серый Призрак упирался взглядом в небо. Но в его желто-коричневых глазах ничего, кроме солнца, не отражалось.

— Странно, — сказал лейтенант Гейтвуд, — вчера ты увидел нечто, похожее на сидящего человека. Наверное, это был я.

Глубоко в глазах Серого Призрака плеснулась мысль, но он не высказал ее вслух.

«Будем ждать», — подумал Гейтвуд. Он потек усталым взглядом на юг, но из-за полуденного солнца та сторона пустыни, в которой терялись его зрочки, выглядела вертикальной стеной слепящей воды, только огненного цвета. Лейтенант даже начал замечать вскидывающиеся пеной гребни волн.

— Но это не зеркало мерцающего кварца, — прошептал он.

— Это жара, лейтенант, — сказал Серый Призрак. — Не нужно вам было оставаться со мной.

Все так же углубляясь зрочками в стену воды, пытаясь вообразить, как на другой стороне вертикальной воды удаляются дальше на юг Лозен и ее воины, Гейтвуд увидел точку. Точка постепенно увеличивалась, пока не превратилась в бегущего к ним человека. Человек бежал ровно, не убыстряя бега и не замедляя его, хотя от голода и жажды высох до костей и жгутов сухожилий.

— Белоглазых здесь уже нет, — сказал Серый Призрак. — Только чирикахау.

— А для чирикахау я враг, а ты предатель, — сказал лейтенант Гейтвуд.

— Только в том случае, если это не воины Лозен, — попытался улыбнуться Серый Призрак. — Ведь там, лейтенант, возле ямы с водой вы не выстрелили ни в Лозен, ни в Алинрильо.

— А ты не позволил выстрелить в Лозен солдатам.

Лейтенант Гейтвуд продолжал смотреть на бегущего к ним человека, за плечами которого подрагивал ствол винчестера, а за пояс был воткнут револьвер. Человек бежал ровно, без напряжения, совершенно обнаженный, если не считать набедренной повязки и высоких мокасин. Его слегка вьющиеся волосы отливали цветом ржавого железа.

Наступил момент, когда лейтенант Гейвуд встретился глазами с бегущим к нему и к Серому Призраку воином чирикахуа. За сто ярдов до Гейтвуда воин ускорил свой бег, но дышал глубоко и размеренно, словно не знал усталости. Он смотрел на Гейтвуда внимательно и с каким-то еле заметным равнодушием, как смотрел бы на повстречавшиеся на его пути несколько кустиков чапарраля.

Подбежав к Гейтвуду, Агирре или Тот, Кто Нигде резко остановился, затем снял со своего плеча флягу, сделанную из бутылочной тыквы, искусно оплетенной стеблями злаковых растений. Во фляге плескалось немного воды. Агирре наклонился и очень осторожно положил флягу возле ног Гейтвуда. Пристально посмотрев в глаза лейтенанта, он что-то тихо и доверительно сказал, повернулся и так же ровно и легко побежал обратно на юг. Когда его тело начало превращаться в точку, которая вот-вот должна была раствориться на поверхности вертикальной воды, Гейтвуд спросил:

— Что он сказал, Серый Призрак?

— Он сказал, — ответил Серый Призрак, — что больше зерна мерцающего кварца у него нет.

20

Шесть коротеньких черточек над южным горизонтом постепенно приближались и увеличивались в размерах.

Рота лейтенанта Гейтвуда не гнала лошадей, но и умеренным шаг ее коней тоже нельзя было назвать. Все вытянули из седельных кобур карабины-спрингфилды, и лицо каждого солдата осунулось и посерело от предчувствия опасности.

Но Гейтвуд надеялся, что эти черточки являются обычным обманом зрения, что ему удалось увидеть несколько своих ресниц, и стоит тыльной стороной ладони провести по ве-

кам, как еле различимые на юге всадники исчезнут. Мнилось, что это не Гейтвуд и не его кавалеристы смотрели на юг — сама пустыня перевела в сторону гор Ги́ла свой взгляд, а затем устало оглянулась. Поэтому то, что она увидела, как отряд чирикахуа, было темными удлинненными крапинами на ее белесо-желтых радужницах.

Апачи не ехали, а еле тащились на юг. Их лошадей пошатывало, точно они ступали по плоту, уносимом беспокойной водой. И чирикахуа не оглядывались, а понуро и упрямо следовали к горам Ги́ла даже тогда, когда позади себя слышали гул копыт.

Равнодушие и апатия апачей показали́сь Гейтвуду неестественными. Он подумал, что пустыня иногда проникается именно таким миражом — выбрасывает их своих глубин всадников, какой-то отряд враждебных индейцев или даже стойбище беглых чирикахуа, множество их хижин на местности, где жить невозможно: на сотни миль вокруг ни капли воды, ни одного, даже чахло́го, растения.

Когда к монотонно удаляющимся апачам оставалось ярдов двести, они, все как один, остановили коней, а затем, натягивая удила, начали медленно поворачиваться к наступающим им синим мундирам. Повернувшись, чирикахуа застыли, но никто из них не держал оружие в руках. И единственное, о чем они могли бы поведать своим безучастным видом, так это об усталости, изнурении и обезвоживании. Они выстроились напротив приближающихся к ним кавалеристов, и их безмолвное ожидание своей гибели говорило о полном смирении, а также о нежелании дальше цепляться за жизнь. В центре восседала Лозен. Через ее плечо был перекинут патронташ. Выцветшую блузку на талии стягивал грубый солдатский ремень.

Это было совершенно непохоже на чирикахуа, которые сражаются до последнего вздоха. Гейтвуд с отчаяньем в глазах посмотрел на Серого Призрака. Но Серый Призрак точно так же смотрел на лейтенанта Гейтвуда, и они оба ясно понимали, то есть всем сердцем чувствовали, — происходит нечто необъяснимое.

Кавалеристы как-то замедленно, будто преодолевали струи падающего с неба песка, перестроились в шеренгу и вскинули спрингфилды. Гейтвуд выехал на несколько ярдом вперед и по-

вернул коня, чтобы постоянно смотреть вдоль шеренги своих солдат. Он глухо, словно его голос тоже преодолевал потоки песка, что продолжал сыпаться с неба, выкрикнул:

— Не стрелять!

Лейтенант только вначале, когда выезжал вперед, встретился глазами с глазами Лозен. Она смотрела только на него, и глаза ее были грустными и задумчивыми. «Может она сейчас мечтает, — подумал Гейтвуд. — Мечтает перед залпом, перед градом пуль». Дальше он старался не смотреть на нее, а всю свою волю направил на предотвращение бойни, ведь все было похоже на то, что апачи решили покорно принять свою смерть. Попытку снять с плеча винчестер сделал только Аллинрильо, но Лозен остановила его.

— Да они еле дышат, еле держатся на лошадях, — сказал сержант Осборн.

Источенные апачи восседали на своих лошадях, словно находились рядом с преисподней, из которой всплывали и вертикально застывали её тени — одетые в синюю форму кавалеристы.

Постоянный пристальный взгляд вдоль шеренги солдат и попытка все уладить мирно, без пролития крови, вот что сдерживало лейтенанта от попытки снова посмотреть на Лозен и уже не отрывать от нее глаз.

Лозен непроизвольно натянула удила, ее конь встрепенулся и хотел пойти, но воительница сдержала его и снова безмолвно застыла рядом со своими воинами. Ее черные глаза наполнились решительностью, и она посмотрела на кавалеристов, как на вынырнувшие на поверхность пустыни странные и опасные растения. Когда она перевела свой взгляд на Гейтвуда, в ее глазах появилось выражение легкой растерянности.

Сержант Пол Осборн приложил карабин прикладом к плечу, чтобы прицелиться в предводительницу апачей. Но не только Осборн намеревался начать стрельбу, — многие кавалеристы в тот момент воспринимали происходящее, как нечто неправдоподобное, внезапно случившиеся с ними или, даже, с целым миром. Поэтому они решили защищаться. И Серый Призрак, восседающий на лошади рядом с Осборном, просто вырвал из рук сержанта карабин и, хлестнув коня поводьями, уже высился против шеренги кавалеристов. Он отстраненно, будто пребывал в далеких воспоминаниях, направил свой винчестер на сержанта.

— Не стрелять! — крикнул Гейтвуд, скользя зрачками вдоль шеренги солдат, но в то же время боковым зрением пытаясь приблизить к себе полосу пространства, где находилась Лозен.

— Никто не выстрелит в Лозен, — сказал Серый Призрак, сужив свои желто-коричневые глаза.

Две почти совершенно прямые морщины взрыхляли его смуглое лицо от нижних век к уголкам широкого рта. Губы были плотно сомкнуты, и вместо них над подбородком пролегал темная черта, словно апач Белой горы безмолвно проговаривал линию горизонта, отделяющую мир живых от мира мертвых.

Это после Серого Призрака привлекут к трибуналу, ведь множество кавалеристов были возмущены, что апач Белой горы грозился убить каждого, кто посмеет прицелиться в Лозен.

— Приказ лейтенанта Гейтвуда был не стрелять, значит это касалось и Серого Призрака, — говорили на суде кавалеристы.

Отрезок горизонта остался запечатленным в плотно сжатых губах Серого Призрака, и после приговора, вынесенного трибуналом, вскинулся натянутой как струна веревкой от шеи апача Белой горы к толстой ветке раскидистого платана. Никто не удосужился соорудить даже примитивную виселицу. «Для краснокожего достаточно», — процедил сквозь зубы один из капралов.

Лозен не промолвила ни одного слова и не подала ни одного знака, однако она и ее воины одновременно повернули лошадей, и, медленно и уныло, как и до встречи с кавалеристами, поехали на юг.

Серый Призрак держал винчестер, направив его на сержанта Осборна.

Когда отряд Лозен начал истлевать в белесой дали пустыни, Серый Призрак повернул спрингфилд прикладом к сержанту и отдал ему карабин.

На лице Осборна играли багровые пятна. Он безумными глазами посмотрел на лейтенанта Гейтвуда, но Гейтвуд не отрывал взгляда от Серого Призрака, который равнодушно уходил желто-коричневыми радужницами сквозь шеренгу солдат к северному горизонту, над которым небо темнело, и мнилось, что там собираются дождевые облака. Однако потемневшая высь не являлась предзнаменованием дождя, и Серый Призрак об этом знал.

Кто-то из капралов прокричал лейтенанту Гейтвуду:

— Я так понял, лейтенант, что мы не будем преследовать апачей.

Гейтвуд растерянно посмотрел на него, но сразу взял себя в руки и перевел взгляд в сторону исчезнувших чирикахау.

Осборн старался не смотреть на Серого Призрака, который невозмутимо отъехал немного в сторону.

— Я так понимаю, лейтенант, — снова крикнул капрал, — что апачи устроили нам на юге засаду. Ведь мы не знаем, сколько их сейчас в этой части пустыни. К отряду Лозен могли присоединиться воины Найче или некоторые мескалеро, ушедшие из своей резервации в Нью-Мексико. А Лозен и ее воины были приманкой.

— Чью жизнь вы пытались уберечь, лейтенант? — спросил полковник Чарльз Кроуфорд, и по его лицу было видно, что ему неприятно об этом спрашивать, и он не хотел задавать такой вопрос. — наших солдат? Апачей? Или тех и других? Это ведь война, лейтенант. Может, вы опасались нарваться на засаду апачей? Понимаете, — Кроуфорд сделал жест разочарования, — мы не знаем, находились ли в тот день недалеко от вашей роты воины Наны или нет. Но вы поступили так, будто они были.

— Полковник, — сказал лейтенант Гейтвуд, — это апачи поступили так, будто у них были еще воины. Но все выглядело слишком странным. И даже если бы апачи не устроили для нас засады, преследование отряда Лозен было сопряжено с большим риском. Мы находились между плато Могольон и горами Ги́ла. До форта двести миль и ни одного источника воды,

— А воду в пустыне, — опять начал говорить полковник Кроуфорд, — мог найти только Серый Призрак. Остальных ваших скаутов убил Перико. Поэтому вы и берегли Серого Призрака, как зеницу ока. Этот факт на суде будет играть в вашу пользу, лейтенант. К сожалению, мы, американская кавалерия, не научились воевать в пустыне. Но, лейтенант, хотя я полностью на вашей стороне, то, что произошло между плато Могольон и горами Ги́ла, нельзя назвать военной кампанией. Это походило на постоянно проводимую операцию исчезновения. Там, в безжизненной местности, апачи для вас должны были исчезнуть, так же, как и вы со своей ротой должны были исчезнуть для апачей. Но странным образом вы постоянно друг другу о себе напоминали.

— Я не могу дать вам полное объяснение, полковник, — сказал лейтенант Гейтвуд. — Я не знаю.

Чарльз Кроуфорд долго смотрел на Юджина Гейтвуда. Несколько раз собирался что-то сказать, но снова уходил в размышления. И сказал лейтенант:

— Мы долго воевали с апачами, но ничего существенного не знали о них, полковник. Так же, как и апачи о нас. Набор каких-то стереотипов, вот и все. Понимаете, полковник, когда оказываешься глубоко в пустыне, начинаешь понимать, по крайней мере, чувствовать, что настоящий враг не беглые апачи, а сама пустыня. И поэтому, полковник, по-настоящему приходится сражаться с ней, с безжизненной местностью, а апачи, какими бы врагами они до этого не были, становятся союзниками.

— Пустыня, как причина возникновения понимания между людьми, — сказал взволнованно полковник Кроуфорд. — Очень интересная мысль, но ее не стоит повторять на суде. Никто не поймет. У меня вот что постоянно крутится в голове, лейтенант. Я думаю, что если бы вы столкнулись с отрядом Наны, то вели бы себя несколько иначе. Хотя все возможно. Вы не хотели воевать с женщиной, лейтенант. Вот как я пытаюсь объяснить многие ваши действия. Нет, — и Кроуфорд сделал предупредительный жест, хотя Гейтвуд ничего не пытался сказать и сидел молча, — я не обвиняю вас. Многие ваши солдаты, которых я допрашивал, пытались сказать то же, что говорили вы, хотя были обижены на вас. Им тоже не хотелось воевать с Лозен. Все, что с ними происходило в пустыне, они, большей частью неосознанно, воспринимали, как таинственное представление, некий удивительный спектакль, где все являлись и авторами представления, и режиссерами, и актерами. Я не имею в виду исключения, как то: Осборн, несколько капралов и неистовый Первый Снег. Сама пустыня этому способствовала. К тому же солдаты сказали, что некоторые события, связанные с Лозен, они воспринимали, как нереальные.

Лейтенант Гейтвуд выпрямился, чтобы ответить, но полковник Кроуфорд снова остановил его предупредительным жестом.

— Я сделаю все для того, чтобы вы не пострадали, лейтенант Гейтвуд. Или как можно меньше пострадали. От вас долго не было никаких вестей, и я послал двадцать кавалеристов с колонной мулов, нагруженными бурдюками с водой, чтобы узнать, что случилось с вами и с вашей ротой. Они встретили Осборна и ваших солдат, отдали им часть воды и поехали дальше на юг, где и нашли вас и Серого Призрака, бредущими в сторону гор Гила.

— Полковник, — лейтенант Гейтвуд сглотнул, — я не знаю, что сказать.

— Все, что происходило в пустыне с вами, с вашей ротой и с отрядом Лозен, я назвал бы действиями по предоставлению возможностей не начинать войну. Это предложила вам Лозен, и вы ее поняли. То же самое предложили этой женщине и вы. Все как будто бы в вашу пользу, однако на суде не смогут понять, почему вы остались с Серым Призраком. Но и это можно объяснить, ведь солдаты говорили, что им показалось, что вы утратили разум, что жара иссушила ваше сознание и вы начали бредить и галлюцинировать. Но Серого Призрака ждет виселица, как это не прискорбно.

Полковник Кроуфорд умолк. Долго стоял с опущенной головой, а когда посмотрел на Гейтвуда, в его глазах было разочарование.

— Знали ли вы, лейтенант, что Серый Призрак давно знаком с Лозен?

Лейтенант Гейтвуд ответил спокойным голосом, и Кроуфорд понял, что его вопрос не был внезапным и неожиданным.

— Он мне ничего об этом не говорил. Но я точно знал, что он раньше видел Лозен, и подразумевал, что, возможно, они даже были знакомы. Апачи небольшой народ. И еще десять лет назад апачи Белой горы дружили с чирикахуа и часто гостили у них.

— Но ему следовало вам сказать, что он более, чем знаком с Лозен, — заметил полковник Кроуфорд. — Хотя, кто его знает. Дело в том, что двадцать лет назад, когда чирикахуа дружили с апачами Белой горы, Серый Призрак гостил у апачей Охо-Калиенте. Лозен тогда было семнадцать лет, и она полюбила Серого Призрака. Но он не ответил взаимностью. Расстроенная Лозен решила никогда не связывать себя семейными узами, поэтому и стала воином. Благо, в желании Лозен стать воином пошел ей навстречу ее брат Викторио. Он называл ее Ше-Ла-Зия, что означает — моя маленькая сестренка. Соседние племена переименовали Ше-Ла-Зия в короткое слово — Лозен. Но настоящего имени Лозен, кроме нее и ее самых близких родственников, никто не знает.

— Да, полковник, — сказал лейтенант Гейтвуд. — Но мне всегда казалось, что Серый Призрак знает суть Лозен, чувствует ее.

— Судя по тому, — сказал полковник Кроуфорд и внимательно посмотрел на Гейтвуда, — что вы остались с раненым Серым Призраком, ее суть почувствовали и вы. Но я не буду об этом говорить на суде.

21

— Юджин, так, кажется, тебя зовут? — обратился к Гейтвуду один из рабочих лесопилки.

Гейтвуд вторую неделю работал на лесопилке, а когда нанимался, на вопросы работников отвечал, что прибыл из Юго-Запада, где зарабатывал на хлеб насущный, чиня изгороди для овец. Он в самом деле после четырех лет каторжных работ, присужденных ему военным трибуналом, в одном из медвежьих уголков Нью-Мексико то пас коров, то строил корралы, и как только узнал, что последних переставших сопротивляться апачей-чирикахауа отправили в тюрьму во Флориду, подался на восток, иногда останавливаясь на некоторых фермерских хозяйствах, чтобы подзаработать.

Устроившись на лесопилку, Гейтвуд во время короткого обеденного перерыва уходил от места своей работы на край леса, чтобы никто ему не мешал пребывать мыслями в прошлом. Но один из работников последовал за ним. Лицо этого плотного мускулистого мужчины было мокрым от пота. Оно блестело и истекало, как и все здесь во Флориде с ее влажным климатом, частыми проливными дождями и постоянным чавканьем под ногами мокрой земли. Гейтвуд окинул работника взглядом, но ничего не сказал, только постарался подавить в себе досаду, что его короткий обеденный перерыв нарушит своим присутствием какой-то бесцеремонный балбес, который, возможно, и не был бесцеремонным, а пытался с ним подружиться или больше узнать от него о Юго-Западе, где, судя по всему, никогда не был, однако наслушался о нем множество историй.

Гейтвуд произнес что-то невразумительное, присел на траву и развернул на коленях маленькую котомку, в которую были замотаны ломоть хлеба и небольшой кусочек вяленого мяса. В принципе, вид, открывающийся его глазам, походил на увеличенное лицо увязавшегося за ним работника — такой же мок-

рый, сочащийся, и из-за этого размытый и невыразительный. Все, что находилось перед глазами Гейтвуда, виделось им, как укрытое толщей воды, но это не был проникнутый грезой о воде мираж, часто случающийся в пустыне, а нечто другое. Зеркало мерцающего кварца во Флориде теряло свое значение, ибо мерцающий кварц подразумевал под собой нечто далекое и потаенное, сокровенное и почти недостижимое. И Гейтвуд не смотрел на увязавшегося за ним рабочего, а принялся медленно поедать свой обед. Он смотрел в даль неотрывно и так делал всегда, когда приходил на это место перекусить или чтобы побыть одному.

— Вы, парни из Юго-Запада, никак не можете привыкнуть к лесу, — сказал рабочий и присел на небольшой пенёк ярдах в десяти от Гейтвуда, тоже намереваясь перекусить. — Вам нужен простор. Поэтому, Юджин, ты сюда и приходишь. Ведь здесь лес заканчивается и до самого форта ни одного дерева.

Гейтвуд ничего не ответил, просто внимательно смотрел на высокие стены форта.

— Форт Марион или тюрьма Марион — называй как хочешь, — сказал рабочий. — Ты постоянно рассматриваешь эту тюрьму, приходя сюда, и, сдаётся мне, что ты из бывших заключённых. Я видел парней, которые отсидели срок, промаялись на каторжных работах. В их глазах была такое же выражение недоверия, как и в твоих, Юджин. Но это твоё дело, парень. Я в твою душу лезть не буду.

Гейтвуд поднял глаза выше, к потемневшему над фортом небу.

— Но в этом форте не такие заключённые, одним из которых, возможно, был ты, Юджин, — сказал рабочий, обсосал куриную ножку и отбросил косточку в траву. — Сюда в конце прошлого года привезли апачей. И тех, кто сопротивлялся, и тех, кто не сопротивлялся. Всех: мужчин, женщин, детей, стариков — в казематы. Эти апачи, как их, все выскакивает из головы их название.

— Чирикахуа, — глухо сказал Гейтвуд, но не посмотрел на рабочего, а уходил взглядом к стенам высоко каменной тюрьмы.

— Да, чирикахуа, Юджин. Всех посадили за решетку. Только в этой тюрьме, в форте Марион, одни женщины и дети, а мужчин и мальчиков старше двенадцати лет отправили за несколько сот миль отсюда в форт Пикенс.

Ветер постоянно дул со стороны форта, то есть с моря, ибо форт своими восточными стенами выходил к Атлантическому океану. Форт Марион находился в ярдах пятистах от края леса, где сидел Гейтвуд. От форта сначала слабо, потом немного сильнее начало доноситься пение. Пело множество женщин — хором, слаженно, отчаянно.

Гейтвуд поднялся. Он совершенно забыл о разложенной на коленях котомке, и хлеб и мясо скатились в траву. Он выпрямился и постарался проникнуть взглядом сквозь каменную стену тюрьмы.

Рабочий, наблюдавший за Гейтвудом, тоже поднялся. На его мокром от пота лице появилось выражение озабоченности, даже участия. Некоторое время он внимательно смотрел на Гейтвуда, а затем снова присел и произнес:

— Видно, годы, проведенные тобой в тюрьме на Юго-Западе, у тебя в печенках, Юджин. Ведь я говорил, что мне доводилось быть знакомым с такими парнями, как ты. Они всем сердцем ненавидели неволю, но и боялись ее. И стоило им оказаться поблизости какой-нибудь тюрьмы, как они словно замыкались в себе и никого не замечали вокруг. Тюрьма будоражила в них какие-то воспоминания.

Но Юджин Гейтвуд не обращал внимания на рабочего и продолжал смотреть на форт Марион.

— Наверное ты думаешь, что это за пение? — спросил рабочий, и в голосе его появились нотки уважения.

И хотя Гейтвуд не мог проникнуть взглядом за стену, все равно видел Лозен, которая стояла с женщинами-чирикахуа и пела вместе с ними. Лозен была точно такой же, какой он ее видел последний раз пять лет назад — две дорожки луны в волосах, черные глаза, выцветшая блузка и дальше, за ее плечами, белесая даль пустыни.

— Не обращай внимания, Юджин, — сказал рабочий. Он опустил в раздумье голову, а когда снова посмотрел на Гейтвуда, в глазах его блеснуло сочувствие.

— Все здесь говорят, — сказал он, — что женщины-апахи во время ежедневной прогулки, то есть когда солдаты выводят их из камер на тюремный плац, встают в круг и вместе с детьми начинают петь. Они думают, что их пение услышат мужчины-апахи, их отцы и братья в тюрьме Пикенс. Это за несколько сот миль отсюда. Представляешь, Юджин. Одним словом, дикари.

Гейтвуд не слышал рабочего, а пытался лучше разглядеть невидимую для его глаз Лозен.

— Так дело в том, Юджин, — опять начал говорить рабочий, — что во время ежедневной прогулки и мужчины, и мальчишки-апаши, которые старше двенадцати лет, начинают петь в форте Пикенс. Они надеются, что их пение услышат их женщины. Скажи мне, как можно услышать человеческий голос за несколько сот миль?

Укрытое потом лицо рабочего было похоже на плавающую восковую свечу. Но свеча не горела, а растекалась только от одной душной влаги.

Собравшиеся над фортом облака медленно поползли к кромке леса, где стоял Гейтвуд. Они еще не закрыли солнце, и день множился бликами, будто был мокрым телом огромного существа, а земля после вчерашнего дождя так и не просохла, и к самому форту местность была укрыта большими и маленькими лужами, почему-то не отражающими солнечный свет, но набухающими чернотой, как перетертый в порошок древесный уголь.

— Грязный путь еще не закончился, Лозен, — прошептал Юджин Гейтвуд.

Рабочий еще более внимательней посмотрел на Гейтвула, а затем немного приосанился.

— Правильно я сказал, — произнес он. — Та тюрьма, в которой ты, наверняка, сидел, у тебя в печенках. И вид любой тюрьмы будет сбивать тебя с толку.

Он поднялся и, перед тем как уйти, с сожалением посмотрел уже не на Гейтвуда, а на лежащие в траве ломоть хлеба и вяленое мясо.

Дежурный по форту Марион капитан Питер Вебб поднялся на каменную стену, ограждающую строения форта, и, сощурившись, ибо облака еще не закрыли полуденное солнце, посмотрел в сторону леса.

— Так кто, вы говорите, приходит, капрал? — спросил он усталым голосом.

— Какой-то бродяга, капитан, — ответил капрал, дежуривший на тюремной стене.

— Говорите громче, капрал. Из-за заунывного пения арестанток ничего не слышно.

Капрал подошел к капитану и чуть ли не на ухо сказал ему:

— Бродяга или рабочий с лесопилки. Всегда приходит, когда мы выпускаем из камер женщин и детей для ежедневной прогулки на тюремном плацу. Как только женщины начинают петь, он поднимается и стоит не шелохнувшись.

На груди капитана Вебба висел бинокль. Он взял его заученным движением и поднес к глазам.

— Кто бы мог подумать, — сказал растерянно капитан, — этот мужчина стоит совершенно неподвижно.

— Сказал же вам, бродяга, — отчеканил капрал.

Капитан Вебб все так же смотрел в бинокль.

— Бедолага, — произнес он. — Наверное, заунывная песня наших арестанток напомнила ему пение церковного хора. Парень, скорее всего, давно не был в церкви.

— Такое впечатление, капитан, — сказал рассудительно капрал, — что он только был возле церкви и слышал, как оттуда доносится пение церковного хора и прихожан. Я вторую неделю, когда дежурю на стене, наблюдаю за ним. Полностью изношенный. Не одежда, а лохмотья. И хотя он на вид еще не старый, но уже почти седой.

Лозен стояла в кругу женщин, которые, взявшись за руки, проникновенно пели. Лозен пела тоже, надеясь, что их песню — «Уходите, воины. Убегайте из тюрьмы. Вы должны сражаться» — в форте Пикенс услышат Нана, Агирре, Гиасиндо, Аллинрильо и Кавайкла. Она отчужденно и одновременно с гневом в глазах смотрела на тюремную стену, будто верила, что, если будет смотреть с ненавистью, стена обрушится. Она чувствовала, хотя и не протянула перед собой ладони, как делала раньше, когда была свободной и мечтала, что за стеной находится человек, являющийся ее другом.

Лозен усилила голос, и голоса других женщин дружно возвысились, а интонация мелодии стала требовательней и непреклонней.

Капитан Питер Вебб продолжал рассматривать в бинокль Юджина Гейтвуда.

— Мне кажется, — сказал он, — что этот бродяга молится.

Но капрал не расслышал его слов. Он смотрел на тюремный двор, точнее, не отрывал своих глаз от Лозен.

— Вы слышите меня, капрал? — спросил капитан Питер Вебб.

— Да, капитан, — ответил капрал. — Я часто смотрю на Лозен, их предводительницу. Хотя и дикарка, а красивая женщина.

— Среди апачек много красивых женщин, капрал, — вразумительно сказал капитан Вебб. — Посмотрите на Дахтесте. Она, обычно, когда женщины поют, стоит на восточной стороне плаца. Посмотрите на Гойен. Они очень привлекательные женщины и тоже были воинами, принимали участие во множестве боев и схваток.

— Что-то вы стали как бы выгораживать апачей, капитан, — несколько фамильярно, ибо разговор коснулся женщин, сказал капрал.

— Приезжает армейская комиссия, капрал. Кто-то из офицеров отставного генерала Джорджа Крука, а Крук и его офицеры уважительно относились к апачам, написал жалобу, что половина женщин-чирикахауа во время их транспортировки в арестантских вагонах из Аризоны во Флориду были изнасилованы солдатами, которые сопровождали и стерегли их. Была изнасилована и жена сына Мангаса-Красные Рукава. А это был очень известный человек среди апачей, да и во всей Аризоне.

— И что они будут расследовать, капитан? Ведь тех солдат, которые транспортировали апачек, здесь в форте нет.

— Скорее всего, сам факт надругательства или для галочки. Привезут апачам зимнюю одежду, о которой я подавал прошение еще осенью. А сейчас уже весна.

— Я знаю, капитан, — сказал капрал. — За эту зиму от холода и сырости умерла треть детей апачей.

Но Вебб уже не слышал капрала, а опять внимательно рассматривал в бинокль Юджина Гейтвуда.

Юджин Гейтвуд увидел блеск стекол бинокля, два крошечных солнечных зайчика.

— Но это не зеркало мерцающего кварца, Лозен, — прошептал он. Он слышал, как пение усилилось, и еще сильнее выпрямился.

— Странно, — сказал капитан Вебб. — Этот бродяга плачет. Его лицо залито слезами. Может статься, что парень принял за унывную песню апачей за хор ангелов.

— Моя очередь прикрыть тебя собой, Лозен, — шептал Юджин Гейтвуд, не отрывая глаз от стены тюрьмы Марион. — Ты должна мечтать.

Лозен и другие женщины, крепко взяв друг друга за руки, тихо, в такт песне, раскачивались. Зимой пришел приказ правительства США отделить от матерей всех детей апачей старше пяти лет и отправить их в интернаты. Белоглазые хотели, чтобы апачи перестали быть апачами, ибо в интернатах воспитатели заставляли детей говорить только по-английски.

Командование форта Марион никак не могло понять, куда подевались дети от пяти до десяти лет, и постоянно выводило женщин на тюремный плац, а в казематах производило обыски.

Лозен стояла и пела. Под ее юбкой пряталась шестилетняя девочка, которая присела и прижалась к ноге воительницы. У многих поющих женщин прятались под длинными юбками маленькие дети. Лозен посмотрела на Дахтесте. Они встретились глазами, в которых были одна бесконечная усталость.

«Девочка, я давно живу под твоей юбкой», — вспомнила Лозен слова старого Наны и то, как после его слов они оба смеялись. Через два года она умерла от туберкулеза.

Август 2018 — февраль 2019

СПРОСИ СВОЕ СЕРДЦЕ

1

Когда Серый Призрак оборачивался, эта женщина еще пристальней смотрела на него, будто каждый раз видела перед собой лицо нового человека. Первую половину пути они ехали на двух лошадях: он спереди, она сзади. Но на плато Алтурас Гуэмадас одна из лошадей пала. Ее выпученные глаза и искривленные агонией губы свидетельствовали, что некоторые существа всегда остаются в безмолвии и просто умирают от жажды, болезней или изнурения. Уходя в другой мир, они никому не сообщают, как им было невыносимо.

Однако, Серый Призрак сжалился над агонизирующей лошастью. Ее ноги вытянулись и задрожали, будто она хотела дотянуться до горизонта. На ощеренных зубах пузырилась пена, и там, у нее внутри, уже падал снег. Полет снежинок был ровным и бесшумным: ни малейшего дуновения ветерка, абсолютная тишина, и посреди оцепенелого пространства, как два помутившихся солнца, огромные глаза умершего животного. Выстрел донёлся, словно издали, но потом его запорошило белым цветом.

Женщина хотела закричать от возмущения. Заголосить побабски, подло и безжалостно. Но Серый Призрак пристально и выжидающе смотрел на нее. В глубине его желто-коричневых радужек появилось выражение отстранённости, да и всем своим видом он показывал, что положение сумки, которую он отвязывал от мертвой лошади, волнует его больше, чем все неистовые мысли, которые завладели сознанием женщины. Серый Призрак опустил верхние веки: под поношенной и грязной блузкой только угадывались груди, которые должны были быть красивыми. Однако он не осмелился об этом подумать.

Она сверлила его взглядом. В ее зрачках опять появилась смертельная усталость и полное равнодушие ко всему, что с ней произойдет. Женщина закрыла глаза, и Серый Призрак ждал несколько секунд, пока снова увидел ее суженные зрачки. За это время он перекинул винчестер с груди на плечо и положил ладонь на приклад. Он был отличным стрелком, и в какую бы даль женщина не уходила взглядом, там, где ее взгляд останавливался, он мог бы снять выстрелом любого. Но он пытался дать ей понять, что дело не в выстреле, а в ее помыслах, которые она не могла от него утаить, ибо более пронизательного человека, чем он, очень трудно найти.

Женщина перевела взгляд вниз, чтобы посмотреть на убитую лошадь. Затем медленно подняла глаза — с натугой, прикладывая усилие, словно двигала изношенными коленными чашечками. В ее взгляде, таком же слепом по отношению к Серому Призраку, как выбеленная под солнцем кость, появился вопрос, который апач разгадал без колебаний и сомнений: «Я такая же, Серый Призрак?» Но в глазах Серого Призрака не появилось никакого другого выражения, кроме пытливости и сосредоточенности.

Внезапно женщина забыла — хорошее впечатление она производит на своего спутника или нет. Вокруг лежала безжизненная пустыня, расплавленный воздух струился над ее поверхностью, как над жаровней, будто все павшие, когда-либо погребённые в сухой глине, стали пленниками ледящего душу однообразия, поэтому из их умолкших ртов всплывало похожее на пар дыхание, которым они из-под земли пытались отогнать стужу.

Женщина уже давно потерялась в своей жизни и ни во что не верила, однако, сидя возле погибшей лошади, вдруг захотела еще раз ощутить на ладонях прохладную росу, прозрачными бусинками собирающуюся на стеблях мексиканской травы. Она хотела жить, однако, зная суровый характер пустыни, понимала, что Серый Призрак ничем ей не обязан. К тому же его равнодушие и холодность, хотя про себя она начала называть своего спутника красивым мужчиной, его отстраненность говорили о том, что ради нее он не будет подвергать свою жизнь опасности, и, если возникнет необходимость, оставит ее на безжизненной равнине одну, а сам отправится на запад.

Одним коленом Серый Призрак касался земли. Он уже отвя- зал сумку от седла, и когда женщина подняла на него свои глаза, выпрямился, гибкий и сухощавый, но в ее радужках снова плес- нулся гнев.

— Сядешь сзади меня, — сказал он. — А там, — Серый При- зрак задумался и перевел взгляд от горизонта на суженные под прямыми лучами солнца зрачки своей спутницы, — может, при- дется убить и эту лошадь.

2

Вся равнина была укрыта низенькими кактусами чойя, ко- торые еще называют плюшевыми мишками. И если женщина имела представление об игрушках для детей белоглазых, Серый Призрак ничего о них не знал — для него равнина, которую им нужно было пересечь, вспоминала зиму или постоянно жила на- стоящей мыслью о зиме. Из-за своих густых, серебристого цвета колючек кактусы чойя казались укрытыми изморозью. На губах у Серого Призрака появилась еле заметная улыбка, но сразу же, как только раздался голос женщины, его лицо посуровело.

— Я давно не видела кактусов чойя, — сказала она. Подав- шись лицом через левое плечо Серого Призрака, она еще силь- нее прижалась к нему, и Серый Призрак сделал единственно возможное в такой ситуации: он постарался уйти в безучаст- ность, но оставил в своём сердце место для удивления, хотя по его янтарным глазам никто никогда бы не догадался, что он по- ражен или заинтригован.

Женщина подумала, что слишком плотно прижалась к спи- не Серого Призрака. У нее не возникло желания сказать: «Серый Призрак», хотя именно эти слова, как подсказывала ей интуи- ция, она и должна была произнести. Но Серый Призрак следил за кактусами чойя, росшими так густо, что среди них могли спрятаться несколько рот американских солдат.

Серый Призрак решил поехать в обход растений с серебри- стыми колючками. Он смутно догадывался, что имела в виду женщина, сравнив чойю со шитыми из материи игрушками. Но он не пустил свое воображение двигаться именно в этом русле. Солнце накалилось и было похоже на начищенную бляху армей-

ского ремня. Оно постепенно бледнело и начинало отбрасывать от себя отблеск платины, но, если бы возникла необходимость, серый Призрак выстрелил бы в эту бляху. Выстрелил бы потому, что ситуация требовала выстрела. Он послал бы пулю без надежды на свое спасение. Он поступил бы, как любой апач, который всегда сражается, кем бы ни являлся его противник.

И женщина это поняла. Некогда она знала о подобном, но потом постаралась забыть и не всегда расстраивалась, когда видела безучастный взгляд своего спутника. В кактусах чойя мог спрятаться кто угодно, так что Серый Призрак лишь смиренно принимал брошенный ему вызов. Но его молчаливое согласие участвовать в любом сражении не означало, что он не способен удивляться.

Женщина отстранилась от Серого Призрака. Она уже не прижималась к нему, а, чтобы увереннее держаться на коне, засунула пальцы за ремень апача Белой горы и сжала их в кулак. Серый Призрак почувствовал руку женщины на своей поясице — горизонт в его взгляде утратил натянутость и изогнулся. «Она возвращается, — подумал Серый Призрак, — По крайней мере, пытается возвратиться».

Но он ошибся.

3

Женщина так и ехала, держась за его ремень. Но, когда вдали показалось облако пыли, вытянула ладони из-под ремня и, крепко обхватив Серого Призрака, сцепила пальцы рук на его груди. И апач Белой горы, чувствуя, что ее тело наливается ласковым теплом, даже осязая мысли, которыми женщина блуждала возле его сознания, чувствовал себя неуверенно. Он не мог понять — опасность находится впереди него или уже миновала. Но после выяснилось, что по пустыне просто пробежало несколько вилорогов.

Однажды они заметили облако пыли, которое то появлялось, то проплыв несколько ярдов над землёй, засасывалось далью и теряло свои очертания. Серый Призрак насторожился. Он и женщина слезли с лошади и дальше пошли пешком, но его спутница, следуя за ним, снова обхватила пальцами ремень.

— Почему мы слезли с лошади? — приглушенным голосом спросила она. — Если впереди опасность, мы не сможем быстро убежать.

Серый Призрак отрицательно покачал головой.

— Ничего не случится, — ответил он.

Наконец они обнаружили следы подкованного коня.

«Белоглазый», — подумал Серый Призрак и окинул усталым взглядом горизонт. Нагнувшись, он опустил выпрямленную ладонь близко к следам, словно пытался ощутить их ауру. Следы мог оставить просто какой-то белый, заблудившийся в пустыне. Но он мог быть и разведчиком кавалеристов, а это означало, что большая группа солдат может находиться где-то поблизости. Скользя ладонью над отпечатками копыт, апач Белой горы пошел к облаку пыли. Женщина, крепко сжимая его ремень, шла за ним, немного наклонившись вперед, а лошадь — низко опустил голову, словно тоже пыталась читать следы.

Но через двадцать ярдов Серый Призрак выпрямился, и женщина догадалась, что опасности, скорее всего, нет, ибо ее провожаемый не перекинул на грудь винчестер, висевший у него за спиной.

С лица Серого Призрака исчезло выражение отрешенности. Конь встрепенулся и высоко поднял голову. Вдали снова показалось облако пыли. Оно постепенно увеличилось, но женщина видела, что апач совершенно спокоен. Она даже зашла немного наперед, чтобы заглянуть в его глаза, но тут же поспешно отступила в сторону: выражение задумчивости на лице Серого Призрака почему-то обеспокоило ее.

Тогда, возле упавшей лошади, женщина отвернулась от апача Белой горы и, устремив взгляд в сторону, где восходит солнце, до боли закусила нижнюю губу. Серый Призрак догадался, что она не хочет, чтобы он увидел в ее глазах слезы и не подумал, что она расстроилась только из-за умершего животного. Но когда она снова повернулась к нему, глаза ее были совершенно сухими, а на нижней губе выступила кровь.

Апач Белой горы осторожно притронулся рукой к ее правой запястью. Глаза женщины были доверительно распахнуты и смотрели открыто и ясно, и именно по этой причине ее чистый взгляд ничего хорошего не предвещал. Так подумал Серый Призрак. Он поймал себя на мысли, что почему-то сильно сжал руку своей спутницы.

Женщина ничем не могла объяснить спокойствие Серого Призрака: облако пыли перестало изменяться в размерах, словно там, на западном горизонте, подкованный конь упорно топтался на месте. Мнилось, что он достиг предела и не решается ни двинуться дальше, ни повернуть обратно. Но, через некоторое время, облако опять увеличилось, хотя стука копыт не было слышно.

Когда Серый Призрак нажал на курок, глаза лошади устремилась в даль, а затем начали укрываться сизоватой плёнкой, точно на потухшие зрачки опускался утренний туман, за которым солнце никогда не поднималось над землёй. В выпуклых роговицах он увидел отражение женщины. Но, поскольку отражение было крошечным, он не сумел разглядеть — какого цвета у женщины глаза. Тогда он просто отложил сумку в сторону, наклонился и посмотрел на радужки своей спутницы.

В её глазах отражалась голова лошади, но фон вокруг разбросанной гривы не имел ничего общего с цветом глины, на которой лежало несчастное животное. Он был сине-голубым, со слабым оттенком сиреневого, иногда переходящего в рдяные набухающие линии, так как солнце уже клонилось к земле и, вонзая лучами в небо, оставляло на перистых облаках длинные красные царапины.

Внезапно солнце углубилось в меняющееся облако пыли, из-за чего последнее обрело вид клубящейся массы, — крупные пылинки вспыхивали, словно кто-то бросал в пыль золотой песок или зерна пшеницы.

У женщины заныло сердце. Боль пронизала левую сторону тела от подреберья до ключицы. На несколько секунд женщина освободилась от чувства безысходности, однако, открыв рот, начала учащенно дышать, словно задыхалась. Серый Призрак резко протянул руку к её шее, отодвинул ворот блузки и впился зрачками в ямочку над ключицей. Капельки пота, которыми укрывалось углубление, рдяно вспыхнули под лучами заходящего солнца. Ошарашенная женщина посмотрела на Серого Призрака широко открытыми глазами, но он быстро поправил ворот блузки. Он не подумал о том, что у неё в груди теснятся противоречивые чувства и желания. Он уже давно об этом знал и постарался от-

вести взгляд, будто был проникнут мыслью о западном горизонте. Но в его подсознании начал зарождаться образ луны, похожей на бледное лицо с крупными красными оспинами.

Окинув глазами горизонт, он снова посмотрел на неё, — недоумённо, как на незнакомого человека, словно пытался вспомнить, кто стоит с ним рядом — распахнутый, простоволосый и стройный. Затем, задержав взгляд на ее припухшей от укуса губе, плотнее сжал свои губы и опять ушел в равнодушное созерцание облака. Он сказал очень тихо, но не шепотом, то есть, не так, а как бы соблюдая правила нависшего над ними безмолвия:

— Постарайся ступать по моим следам.

Он повернулся и уверенно пошел к облаку пыли, которое уже начало никнуть и постепенно рассеиваться. Но внезапно клубы пыли всплыли выше, а затем стало ясно видно, что облако неуклонно удаляется. «Что-то с всадником или с конем, — подумал Серый Призрак. — Они обезвожены или кто-то из них ранен».

Но наступил момент, когда облако снова застыло на месте. Оно начало рассеиваться и превращаться в серую дымку, сквозь которую как бы просачивался силуэт лошади. Что-то находилось на ее спине, однако ничем не напоминало всадника. Животное стояло, не шевелясь, повернувшись к ним правым боком. Оно смотрела на них выпученными безумными глазами, но как бы ни видело их. Через спину лошади головой вниз был перекинут и привязан к седлу труп человека, полностью высохший и мумифицировавшийся под воздействием сухого климата пустыни. Его одежда превратилась в лохмотья. Неестественно добротными выглядели почти новые коричневые сапоги с ржавыми железными шпорами.

Серый Призрак и женщина осторожно обошли лошадь. Животное оставалось неподвижным и уходило глазами в том направлении, откуда к нему приблизилось двое людей.

Привязанный к лошади мужчина был рыжеволосым. Из его спины торчало сломанное древко стрелы, которая, скорее всего, вонзилась в него после того, как он был перекинут через седло. Обезумевшая лошадь носилась по пустыне, пока высокий кактус или кустарник не обломили древко с оперением.

— Ты убьешь этого коня? — спросила женщина.

— Не знаю, — задумчиво ответил Серый Призрак.

— Но пуля для несчастного животного, — попыталась объяснить женщина, однако Серый Призрак снова повторил — не уверено, словно терялся в своих мыслях:

— Я не знаю.

Он повернулся и пошел дальше, так что женщина еле поспевала за ним, но затем, когда они прошли ярдов двести, повернулся, резко перекинул винчестер со спины на грудь, приложил приклад к плечу и, почти не целясь, выстрелил в животное, которое еле просматривалось сквозь пелену опадающей пыли. Передние ноги под ним подкосились, и оно рухнуло на землю. Животное умерло, обратившись взглядом на восток. В его глазах отражались не искрящиеся пылинки, а настоящий снег, и Серый Призрак мог дать руку на отсечение, что даже когда пыль осядет, в глазных яблоках лошади еще долго будет цепенеть снежная равнина.

4

Даже человек, который никогда не читал следы и не шел по ним, увидел бы, что женщина плутала, шарахалась из стороны в сторону, словно никак не могла выбрать направление своего побега. Сначала она руководствовалась только желанием убедать. Потом, когда кактусы чойя уже были позади, ею двигало желание утолить жажду, и она поспешила туда, где, по ее мнению, можно найти воду. Но оставив унылую равнину и взобравшись на холм, увидела безжизненную местность, на которой не росло даже одиноких кактусов. И тогда найти направление побега ей помогла давно забытая привычка, — Серый Призрак подумал бы: «Из глубины отторгнутой жизни», — и она побежала на северо-восток.

Серый Призрак догадывался, что женщина может уйти от него, хотя он ее не держал. Он просто предложил ей отправиться вместе с ним на запад и всегда смотрел ей в глаза внимательно, пытливо и с надеждой, не ощупывая взглядом ее тело, даже не задерживая свои цепкие зрачки на ее неухоженных волосах. Он смотрел ей в душу, и, тем самым, давал понять, что не будет обращать внимание на ее фигуру и ее груди, на ее одежду, даже на выражение ее лица. И в конце концов она согласилась.

Блуждая в зарослях чойи, они пересекли следы мула и обутого в тяжёлые ботинки человека. Незнакомец двинулся на север.

Он пересёк заросли полдня, а может, и день назад, так что Серый Призрак только скользнул по следам глазами и снова ушёл в свои мысли. Наконец они нашли довольно широкую площадку, не укрытую кактусами, и решили там заночевать.

Последние сутки они ничего не ели и не пили. Оставалась надежда, что на следующий день, хотя бы к вечеру, им повезет найти источник воды. Они просто расстелили скатку и легли на неё. Вечернее небо казалось более выпуклым в высь, чем дневное. Подобно тёмному главному яблоку, повернувшемуся между веками, чтобы скопить зрачок в сторону, оно смотрело на восток только что взошедшей луной и видело одну серебристую чойю и лежащих между кактусами мужчину и женщину, отражающихся на ее мерцающей поверхности перевёрнутыми изображениями. Но женщине мнилось, что это глаз погибшей лошади, и что мертвое животное постепенно забирает ее и Серого Призрака в угасающее эхо выстрела, как последнее событие, которое запечатлелось в его затухающем взгляде.

Серый Призрак все отчетливо слышал, хотя пытался делать вид, что крепко спит. Легкий шорох подсказал ему, что женщина отвязывает холщовую сумку от седла, чтобы забрать ее с собой. Потом он услышал, как женщина осторожно уходит, цепляясь одеждой за колючки кактусов, как становится все менее отчетливым легкий шелест ее юбки. Но он не открыл глаза и не вскочил на ноги. «Поблуждает в темноте между кактусами и вернется», — подумал он, но подумал не уверенно, а как об одном из вариантов развития ближайшего будущего.

Он слышал, как она безуспешно пытается взобраться на лошадь, и как та постоянно сбрасывает ее с себя, потому что приучена подчиняться только своему хозяину. Нечто вроде горестной улыбки искривило губы апача, когда женщина, в очередной раз потерпев неудачу совладать с паломиной, начала осторожно уходить от места их стоянки.

Серый Призрак проснулся перед рассветом, но женщина не вернулась. Он сделал языком щелкающий звук, и паломина, стоявшая в десяти ярдах от него, легла на землю. Стоять во весь рост и пастись лошадь Серого Призрака могла только ночью, когда никто её не сможет заметить. В светлое время суток, если Серый

Призрак ожидал опасность, он давал приказ лошади лечь, и та ложилась на бок и наполненными обидой глазами смотрела на своего хозяина.

Серый Призрак некоторое время не поднимался со скатки, тоскливо рассматривая бледнеющее небо, будто глаз мертвой лошади, которым оно и было всю ночь, начал обрастать цветом радужки белоглазого. Но Серый Призрак знал, что к полудню небеса станут наглыми и испепеляющими, как и уверенность белых людей в своей правоте и в своей непогрешимости, ведь он усвоил еще в раннем детстве, что не сомневаются только умалишенные, поэтому горделивая и упрямая самоуверенность — это нечто нечеловеческое, заскорузлое и оцепенелое.

Он не долго ехал, блуждая между кактусов по следам убежавшей женщины. Она совершенно не пыталась скрыть свои следы, и отметины ее ступней явственно проступали между кусочками чайи.

Серый Призрак выехал на холм и попытался представить, что увидела сбежавшая женщина в лунном свете. «Пепельную равнину», — подумал он, но эта мысль заставила его проникнуться еще большим уважением к женщине, ведь она, хотя и надеялась найти воду, все же направилась в страну медленной смерти, которую апачи и мексиканцы называли дорогой мертвого человека.

Серый Призрак не гнал коня. В принципе, он не пытался настигнуть убежавшую женщину. Естественно, он надеялся найти ее и понимал, что и с ее стороны должно возникнуть стремление к поиску: рано или поздно она должна проникнуться желанием вернуться, но не потому, что не нашла воду и боится погибнуть от жажды, — просто Серый Призрак, даже когда она сидела сзади него на лошади и плотно прижималась к нему, существовал как бы вскользь ее чаяниям, очень далеко от нее. Серый Призрак ни о чем ее не просил и ничего от нее не требовал, поэтому женщина в какой-то момент вдруг пришла к мысли, что он проводит над ней своеобразный эксперимент: участливый и внимательный мужчина, искренне заботящийся о её безопасности, держал себя по отношению к ней более, чем отстраненно.

Она часто думала, что, хотя находится рядом с ним, его мысли так далеко от нее, что их невозможно ни понять, ни на-

стигнуть. Это оскорбляло женщину. Ей и в голову не приходило, что отстранённость Серого Призрака была продиктована еще и тем, что он постоянно ждал опасности — погони за ними, ведь женщина, решив отправиться с апачем Белой горы, покинула места, в которых прожила более пятнадцати лет. Было очевидным, что ее исчезновение не пройдет бесследно. Но даже если бы Серый Призрак не чувствовал никакой угрозы, он все равно бы вел себя безучастно, будто женщины рядом с ним не существовало.

Серый Призрак, погладив холку коня, пустил его вниз холма. Из-за поднявшейся над пустыней пыли взошедшее солнце выглядело мутным, даже грязноватым. Оно походило на открытый верх формочки для пули, в который наливают расплавленный свинец, и Серый Призрак знал, что ничего хорошего ему ждать не следует. Свинец отвердеет, и пуля рано или поздно будет выпущена.

Серый Призрак воспринимал небо, как предстоящий выстрел, поэтому не надеялся ни на какое снисхождение и всегда искренне удивлялся, что белые люди связывают с небесами свои самые сокровенные помыслы и чаяния. Это не означало, что от неба никогда не следует ожидать ничего хорошего, а лишь подтверждало давно усвоенную апачем истину, — не обольщаться, не возносить свои грезы в заоблачную высь, где одна безжалостность. Пусть лучше потаённые надежды попытаются проникнуть за черту горизонта.

Серый Призрак прошелся взглядом по идеально ровному горизонту, словно по натянутой струне, и ощущение им новой мысли было таким же смутным, как угасающего вдалеке звука, если бы тот внезапно раздался. Мысль не обозначилась, не выкристаллизовалась, а стала предвестием своего же нечеткого начала. Да Серый Призрак в данный момент и не испытывал никакой необходимости избавиться мысль от размытости, чтобы придать ее очертаниям определённую форму: женщина пытается вырваться за пределы безжалостности. Ведь парадокс состоял в том, что настоящая безжалостность ее ожидала именно там, откуда она вместе с Серым Призраком ушла и куда, почему-то, намерена вернуться.

Тогда, возле павшей лошади, она поправила на себе юбку, а затем, чуть-чуть выпятив вперед нижнюю губу, сдула с лица

прядь. В ее глазах появилась просьба, а лицо засветилось открытостью, но взгляд Серого Призрака оставался безучастным, а на его лице не дрогнул ни один мускул.

Серый Призрак ехал по следам женщины и думал, что, когда догонит ее, увидит в ее глазах вызов, и она, какой бы изможденной не была, сдует с лица прядь черных волос. Он читал по следам, что она бежала то в одном направлении, то в другом, будто не могла окончательно решить — какое будущее ей необходимо. Серый Призрак не привык воспринимать женщин, как непредсказуемых существ, всегда находящихся во власти эмоций. Женщины апачей были такими же цельными личностями, как и мужчины. Изменчивость, лицемерие, перепады настроения в понимании Серого Призрака не были присущи настоящим людям, и у него кружилась голова, когда он постоянно поворачивал то в одну сторону, то в другую, чтобы ехать по следам убежавшей женщины. Он испытывал только чувство смятения, ибо то, что белоглазые объясняли, как женское лукавство и даже находили в этом качестве особую привлекательность, считал проявлением сумасшествия. Даже тогда, когда они с женщиной только начали путешествие на запад, он твердо верил, что она руководствовалась рассудком и всё взвесила и продумала. Поэтому он никак не реагировал на ее попытки привлечь к себе его внимание, ведь был занят самым важным делом — спасал и ее и себя от смерти. То, что белоглазые называют женской игрой и кокетливостью, он воспринимал, как безумие. А к безумному, лишенному разума человеку невозможно испытывать ничего, кроме жалости. Безумный человек лишен пола и не может вызвать к себе любопытство и заинтересованность как к мужчине или к женщине.

Если бы убежала апачка, она бы тоже вначале плутала по пустыне, чтобы сбить преследователей со своего следа или посетить в их головах ложные мысли о том, куда именно она намерена направиться. А потом она постаралась бы оставлять как можно меньше следов, чего не сделала убежавшая женщина, которая, мнилось, с таким усилием наступала на землю, будто несла на себе тяжёлую ношу.

Когда смежаешь веки и сильно нажимаешь на них пальцами, закрытый взор начинают окутывать разноцветные пятна. Нечто подобное происходит и в утренней пустыне: белесое

солнце вдруг становится фиолетовым, пурпурно-оранжевым либо разбивается, как яйцо, и обрастает разноцветными подтеками. Поэтому не стоит доверять меняющейся красоте небес. Единственное, за что пытался ухватиться своим взглядом апач Белой горы — линия горизонта, идеально натянутая и непогрешимая. Серый Призрак никогда не надеялся на мир, расположенный за небесным куполом и многими считающийся настоящим. Он чувствовал, что сокровенное находится внутри человека, так что мыслями нужно восходить не в заоблачную даль, а к своим словам, которые когда-то хотел произнести, но не осмелился этого сделать.

5

Он бы быстро догнал женщину, однако, проехав миль пятнадцать, обнаружил, что она вышла на следы мула и мужчины и сразу же направилась вдоль этих следов. Некоторое время Серый Призрак неподвижно сидел на лошади и рассматривал следы незнакомца, которые днём ранее не посчитал нужным изучить, а лишь бегло скользнул по ним взглядом. Судя по отпечаткам подошв, мужчина был выше среднего роста, массивным и плотно сбитым. Мужчина вёл мула на север, но затем вернулся по своим следам. Скорее всего, женщина позвала его. Следы также поведали, что мужчина и женщина не знали друг друга и встретились в пустыне случайно. Было хорошо видно, как они, начав разговаривать, переступали с ноги на ногу, будто чувствовали себя неуверенно. Серый Призрак натянуто улыбнулся, пытаясь разгадать, как мужчина за пять минут разговора сумел расположить к себе женщину. Ему трудно было представить человека, которому женщина, одна блуждающая по пустыне, начала бы так быстро доверять. Характер переступания, топтания на месте не был нервным: он показывал растерянность, замешательство разговаривающих, но не их страх. Наверное, мужчина не только не испугал женщину, а и в чем-то обнадежил её.

Желто-коричневые глаза Серого Призрака сузились: следы говорили, что мужчина белоглазый. Неповоротливый и неуклюжий белоглазый. Возле следов Серый Призрак обнаружил несколько, не больше горошины, шариков песка. Они уже были су-

хими, и когда апач Белой Горы, низко свесившись с лошади, осторожно прикоснулся к ним, сразу же рассыпались. Значит, у белоглазого была вода, и он поделился ею с женщиной. Женщина жадно пила, но струи стекали по подбородку и капли падали на песок, из-за чего и образовались небольшие шарики. Такие комочки песка появляются после очень редкого дождя, когда на сухую землю падает всего несколько крупных капель.

Серый Призрак спрыгнул с лошади, чтобы быть менее заметным для посторонних глаз. По следам он пошел очень медленно, постоянно окидывая взглядом пепельного цвета равнину. «Ведь что-то он ей пообещал, — подумал Серый Призрак, — если она так легко согласилась с ним идти. Да ведь она и убежала, чтобы выйти на его следы и догнать его». Но Серый Призрак ни в чем не винил женщину и сразу же начал оправдывать ее поступок. «Видно этот белоглазый мужчина чем-то привлёк её, сумел произвести на неё впечатление», — пронзила его сознание мысль, но не горизонтально к поверхности пустыни, а сверху вниз — прямо к горлу.

Серый Призрак все так же вел за поводья коня и щупал глазами каждую пядь земли у себя под ногами. Он двигался, немного нагнувшись вперед, но, подойдя к одиноко растущему кактусу золотая бочка (эхинокантус грузони), выпрямился. Он быстро obeжал глазами северо-восточный горизонт, а затем как-то удивленно и даже недоверчиво начал осматривать колючее растение. Всего за несколько секунд он узнал многое. Мужчина двигался с юга на север, но возле эхинокантуса остановился и, судя по сломанным на кактусе колючкам, набросил на него поводья. Скорее всего, он заметил на юго-востоке одиноко бредущую женщину, когда она его позвала. Он не знал, кто она такая, и следуют ли за ней, вне зоны видимости, другие люди. Он снял с кактуса поводья и вместе с мулом осторожно пошел к женщине. Пройдя ярдов двести, мужчина встретился с женщиной и, как ранее заметил Серый Призрак, они оба испытали замешательство и вели себя неуверенно.

Серый Призрак дальше не пошел и решил заночевать возле кактуса. Лежа на скатке и глядя в ночное небо, он сосал мякоть эхинокантуса. Это была единственная вода за двое суток. Она была теплой, мутновато-белой, горькой и напоминала слизь.

Серый Призрак смотрел на звёзды и вспоминал рассказ шамана западных шошонов о происхождении Млечного пути. Шамана звали Распластанная Тень. Он обладал способностью любую историю интерпретировать под умонастроение слушателя. События происходили в незапамятные времена. Мужчина приблизился к женщине, которая была матерью четырехмесячного младенца, чтобы поласкать ее. Женщина в ожидании замерла. Мужчина отодвинул ворот рубахи в сторону и нежно сжал зубами левый сосок женщины. Брызнуло молоко. Оно залило мужчине подбородок и начало стекать по его шее к правой ключице. Всё это, почему-то, происходило в небесах и навсегда запечатлелось в ночной выси.

Ещё до восхода солнца, удерживая левой рукой паломину за удила, согнувшись и блуждая правой ладонью над землёй, Серый Призрак обнаружил следы двух лошадей. Всадники нагнали мужчину и женщину, двигаясь с юго-востока. После короткой борьбы они связали их. Взрыхлённая земля говорила о том, что белоглазый сопротивлялся. Следы оставили индейские пони, ибо на их копытах не было подков. Также следы показывали, что всадники, связав мужчину и женщину, повели их на северо-запад.

«Не нужно было доверяться белоглазому», — подумал Серый Призрак о женщине. Он полдня шел по следам, и только когда приблизился к небольшому плоскогорью, сел на лошадь. Плоскогорье было укрыто мелкими и средней величины камнями, поэтому отыскивать следы было лучше, сидя на паломине, — площадь, где взгляд мог отметить какие-то изменения на поверхности почвы, становилась больше.

Опять широкий рот Серого Призрака искривила горькая улыбка: он всё ещё продолжал на что-то надеяться. Ему не нужно было быть особенно внимательным: став пленницей, женщина вернулась мыслями к нему, потому что теперь спасти ее от гибели мог только он, апач Белой горы. Оказалось, что воспоминания женщины о годах далёкой юности еще продолжали жить в ее сердце. Она не все забыла, не от всего отреклась, не все откинула от себя, как бесполезное или приносящее острую боль. Белоглазого и женщину всадники привязали веревками к седлам своих лошадей и, таким образом, вели за собой. Но женщина оказалась умницей. Серый Призрак даже хотел произнести это слово, но не по-

зволил себе и лишь плотнее сжал губы. Женщина старалась идти, наступая на стебли травы, изредка пробивающуюся сквозь каменистую почву, а также часто задевала ногами камни, будто спотыкалась от усталости. Булыжники переворачивались и открывались своей нижней стороной, ранее скрытой от лучей солнца.

Серый Призрак тоскливым взглядом обвел северо-западный горизонт, и эта ровная линия, словно натянутое лассо, пыталась подтянуть к земле только одного пленника — солнце. Но вторым пленником был сам Серый Призрак, ибо волею судьбы оказался привязанным к следам и упорно следовал по ним. Он резко повернул голову, чтобы посмотреть на восток, словно по выражению его лица северо-западное небо могло прочесть его мысли. Его взгляд был долгим и тоскливым. На скулах вздулись желваки. Но когда он снова повернулся лицом к северо-западу, на его лице была одна суровость, а в глазах — пытливость и сосредоточенность.

6

Совершенно безжизненное мексиканское селение, основанное, наверное, 100–150 лет назад, когда испанцы, а за ними и мексиканцы пытались закрепить на северных территориях. На многих домах крыши провалились, и когда Серый Призрак увидел их с высоты плоскогорья, они показались ему черепами с чёрными дырами глазниц. Заносимые песком и испепеляемые солнцем доказательства безуспешных попыток земледельцев превратить дикую местность в землю обетованную не вызвали у Серого Призрака ни чувства сожаления, ни злорадства. Он просто констатировал факт. Отраженный на роговице его глаз поселок Пануко де Коронадо разделился на множество сегментов, которые он воспринимал, словно находился в их центре, поэтому окраины селения выглядели размытыми, исчезающими в зыбкой пелене.

Серый Призрак сидел на изнуренной паломине. Подавшись своим телом немного вперед, он походил на застывшего богомола. Внимательно рассматривая селение, он не думал о себе как о существе, обладающим нечеловеческим зрением. Он настолько перевоплотился в оцепенелого хищника, фасеточные глаза которого наплывали на посёлок, как уже пойманную и расчленяемую добычу, что для постороннего наблюдателя становился невиди-

мым. Он походил на свалившийся ствол давно умершего дерева с черными кульями веток, так что проходящий в двадцати шагах от него вилорог не насторожился, не сорвался испуганно с места, а, окинув Серого Призрака базедовыми глазами, как нечто неживое и являющееся неотъемлемой частью ландшафта, медленно побрел дальше.

Серый Призрак не сосредоточивал взгляд на каком-то отдельном участке селения: местность, на которой находились покинутые дома, он видел, как целое, хотя и разделенное на части. На северной стороне поселка стояла небольшая деревянная церковь, и все, что окружало ее, для Серого Призрака внезапно сжалось в размерах или поблекло. Деревянное строение с крестом на крыше словно пододвинулось к его лицу и вырисовалось так пугающе четко, что у него закружилась голова. Возле церкви стояли две лошади и мул. Их поводья были перекинуты через перекладину, к которой привязывают верховых животных.

Серый Призрак вспомнил, что женщина довольно часто, сжимая пальцами крестик, висевший у нее на груди, закрывала глаза и что-то благоговейно шептала. «Это строение начало истории или её конец», — подумал он. Здание было сделано недавно из свежеструганных сосновых досок, поэтому светлая древесина под воздействием ветров и перепада температур еще не потемнела. Издали церковь казалась желтым соцветием ветреницы, Бог весть каким образом проросшей на этой безжизненной местности. Соцветия ветреницы превращаются в опушку из длинных белых волосков, к которым крепятся семена, и Серый Призрак подумал, что можно дождаться того момента, когда церковь превратится в легкий пух, чтобы с первым порывом ветра быть сдутой с поверхности пустыни.

Серый Призрак так же быстро вернулся в реальность, как и покинул ее. Он начал размышлять о том, что не случайно здание, обшитое свежеструганными досками, вначале не привлекло его внимание. Серый Призрак просто подумал о необычном, которое всегда вкрапляется в однообразие дней, и сравнил ранее замеченное им строение с самим собой, ведь он тоже пытался быть невидимым, а, поэтому, и недосыгаемым.

Неестественно долго он восседал на совершенно неподвижной лошади, и даже когда двери церкви отворились и из нее вы-

шел человек, продолжал бесстрастно разглядывать деревянное строение. Человек посмотрел на юг, окинул взглядом небольшое плоскогорье, но ничего подозрительного не заметил. Человек даже не подумал о том, что час или два назад на возвышенности не было никакого дерева, — только щебень и глина, полого уходящие к коричневым холмам. Человек не обратил внимания на апача Белой горы, который, проникнувшись образом застывшего богомола, начал существовать в ближайшем будущем или в недавнем прошлом. Он покинул настоящее и перестал быть частью происходящего здесь и сейчас.

Мужчина, вышедший из церкви, чтобы окинуть глазами селение и прилегающую к нему пустыню, закрыл за собой дверь и скрылся в деревянном строении, но Серый Призрак успел разглядеть его длинные и заплетенные в две косы волосы, покрой леггинс и длину набедренной повязки. «Кайова, — подумал Серый Призрак, и только после этой мысли испытал недоумение, — Но почему так далеко на западе?»

Серый Призрак не потянул лошадь за удила, а бережно пробежал подушечками пальцев по её шее. Паломина осторожно двинулась с места и словно поплыла по следам мула, индейских пони и двух людей, привязанных к сёдлам длинными веревками.

Серый Призрак перекинул винчестер себе на грудь. «Почему? — подумал он. — Если бы кайова были бдительными — они нашли бы себе пристанище в одном из полуразрушенных домов».

Серый Призрак давно уяснил: чтобы быть готовым к любым неожиданным событиям, необходимо погасить в себе мысли о них и воспринимать окружающее, словно нечто стороннее, происходящее далеко и неизвестно каким образом проявившее себя здесь. Другими словами, к опасности он относился, как к причудам своего сознания. Он внушал себе, что вокруг него только уязвлённая временем греза, и ему нет до неё никакого дела. Именно такое понимание происходящего позволяло отчужденно и без колебаний проанализировать внезапно возникшую опасность, чтобы сразу же, за доли секунды сделать все возможное для своего спасения. Но парадокс состоял в том, что, если что-нибудь происходило, Серый Призрак сразу же ощущал его как нечто незыблемое и ничему не подвластное, а действия

для своего спасения — как нечто гипотетическое и условное, но подчиняющееся правилам замысловатой игры, в которой проверялась быстрота его реакции.

Серый Призрак не смотрел на церковь прямо. Он просто блуждал взглядом по той стороне, где она прилепилась к земле. Ещё с высоты плато она показалась ему похожей на цветок ветреницы, поэтому как бы пребывала в двух состояниях, ибо облака, плывущие над ней, представляли собой то, что с нею произойдёт.

В сознании Серого Призрака не возникла прямая ассоциация пуха ветреницы с полоской облаков, растянутых светлой тесмой, но он почувствовал, что всё делает правильно, и его отстранённость от происходящего поможет ему покинуть настоящее и увидеть события, которые произойдут через десять секунд или через минуту. Он надеялся, что сумеет предвидеть момент, когда кайова снова выйдет из церкви. В принципе, пуля, которую Серый Призрак должен послать, уже летела в будущем, ибо для кайова он все еще не существовал. Воин, выглянувший из церкви, ничего подозрительного не заметил, поэтому Серый Призрак появится перед ним только на мгновение. И ошибка кайова состояла в том, что для его мировосприятия мысль об одновременном сосуществовании настоящего и будущего была дикой и пугающей. Именно по этой причине он не увидел Серого Призрака в недалеком прошлом, когда тот, находясь на плато, ушёл в воспоминания об одиноком засохшем дереве.

На периферии сознания Серого Призрака блуждала догадка: свое жильё, как и гробы, белоглазые делают из досок. Их дома бывают и каменными, подобно склепам на кладбищах мексиканских селений. То есть белые люди погребают себя еще при жизни, как бы показывая небесам, что полностью проникнуты вечным будущим.

«Земля ему пухом», — плеснулась на краю его сознания мысль — слова одного из белоглазых, провожавшего опечаленными глазами похоронную процессию. Воспоминания заставили видеть окружающее по-другому, и, наверное, именно по этой причине крест на крыше церкви словно плавал в шелесте гигантских перьев, ведь белые люди грезят о легком забвении, о парящей смерти и о невесомой памяти.

В принципе, Серому Призраку не было никакого дела до кайова, но он должен был спасти белоглазого и женщину, а также узнать, почему посреди покинутого мексиканского селения стоит новенькая церковь, светясь желтыми свежевывструганными досками.

Серый Призрак принадлежал к северо-западному подразделению народа На-Дене, которое мексиканцы, белоглазые и индейцы других племен называли апачами. Серый Призрак родился и вырос в объединении апачей Белой горы, но уже давно не считал себя его членом. Впрочем, он не идентифицировал себя и с объединениями других апачей. Ему нравились чирикахуа — племенное образование народа На-Дене на юге Аризоны и севере Мексики. Но чирикахуа не сумели разглядеть в нем своего из-за долгой вражды с апачами Белой горы. По сути, Серый Призрак был никем. Из лидеров чирикахуа только Джосани и Нана встречали его приветливо. И именно поэтому Серый Призрак, в какой-то мере продолжая считать себя апачем, как бы перестал быть представителем народа На-Дене, ведь хорошее расположение отдельных лидеров, да и некоторых воинов мог найти кто угодно — белоглазый, мексиканец, беглый черный раб, — важно, чтобы он не лгал и его сердце было открытым.

Лошадь приближалась к церкви с опущенной головой, словно изнуренное и разuverенное во всем существо. На её зрачки наплывали изображения мелких камушков и превращенной в пыль глины, а Серый Призрак, сузив глаза, уходил взглядом к кресту на крыше строения и в какой-то момент почувствовал, что воспринимает символ распятия, как силуэт всадника, находящегося на возвышенности и прижимающего к своей груди винтовку. Серый Призрак знал, что будет стрелять не в крест, словно в свое искажённое отражение, а туда, где находится дверь церкви, в замкнутое пространство, где помыслы людей, утратив текучесть и изменчивость, приобретают строго геометрическую форму и затем всплывают в виде распятия с внешней стороны строения.

Когда в пятнадцати ярдах от церкви паломина остановилась и начала блуждать глазами по желтоватым доскам, Серый Призрак еще сильнее выпрямился. Создавалось впечатление, что он, худой и исполосованный солнечными лучами, восседал не на лошади, а парил в воздухе. Он не знал, как долго оставался не-

подвижным, но двери распахнулись, и из церкви вышел кайова. Удивление скомкало его мрачное лицо на секунды полторы, ровно столько, чтобы он осознал, что перед ним находится апач Белой горы. Кайова не стоял расслабленным, не собиравшись медленно поднять правую руку, тем самым показывая, что не питает враждебных намерений к человеку, который повесил на шею винчестер стволом не к нему, степному воину, а в сторону пустыни. Он быстро выхватил воткнутый за ремень револьвер, но в эти доли секунды, когда рука вытягивала оружие и поднималась для выстрела, Серый Призрак нырнул вперед и вниз под шею паломины, будто пытался укрыться от пули. Кайова так и подумал. Он сместил ствол револьвера в сторону, но Серый Призрак, свесившись к земле, выстрелил из-под брюха лошади. Кайова ударился спиной о косяк двери, а затем начал сползать. Через несколько секунд в дверях появился второй кайова, но Серый Призрак уже успел спрыгнуть на землю и быстро перекатиться к ступенькам порога. Паломина медленно поворачивалась, чтобы уйти к прилегающему к поселку плоскогорью.

Кайова недоуменно разглядывал одинокую лошадь, потом скользнул глазами по поводьям, которые свесились и касались глины. Он не успел перевести взгляд себе под ноги, как вздрогнул от выстрела. Над церковью парил крест, словно впечатывался в голубовато-белесую высь, но Серый Призрак не считал, что стал объектом внимания небес. Он не ждал помощи ни от кого, тем более от постоянного безразличия, каким и воспринимал заоблачную даль. Предугаданное Серым Призраком событие наступило. Он сумел проникнуть взглядом на несколько секунд вперед. Второй кайова не сумел отчётливо различить даже недавнего прошлого, точнее, оно мелькнуло перед ним, однако было лишено своего содержания: лошадь от церкви удалялась налегке, без всадника.

Серый Призрак быстро отполз к восточной стене здания. Около часа он ждал, не шелохнувшись. Потом поднял камешек, заглянул за угол церкви и бросил осколок гранита к дверям. Ничего не произошло. Выждав еще минут двадцать, Серый Призрак бесшумно подкрался к двери, но заглянул внутрь строения снизу, прижавшись правым ухом к деревянному порогу.

— Ты убил двух кайова, сразу? — спросил, радостно улыбаясь, связанный сыромятным ремнём белоглазый.

Двумя месяцами ранее Серый Призрак, выехав на невысокое плоскогорье, увидел на севере одинокий викиюп, сложенный из веток пало-верде посреди разрушенного селения Гуильяпа. В тех местах, где когда-то стояли дома, зеленели небольшие холмики, поросшие кустами чапарраля. О том, что это руины селения Гуильяпа не помнил уже никто, только старый Нана.

Издали викиюп походил на перевернутое гнездо птицы. Серый Призрак, приложив ладонь к бровям, долго разглядывал наспех сооружённую хижину.

При первой встрече с Серым Призраком Нана сказал, где тот может его отыскать, если, и старик после слова «если» пристально, но и с выражением сочувствия посмотрел на апача Белой горы: «Если все будет удачно, сынок».

Викиюп словно вдавливался небесами в землю. Казалось, вот-вот, и он рассыплется. В ассоциативной памяти Серого Призрака не возникло сравнения хижины с гнездом, но из глубин сознания к янтарным радужкам всплыл образ улетающих на юг птиц, которые отчаянными криками кромсали небо, оставляя на его поверхности множество порезов, с течением времени превращающихся в лишенные листьев заросли чапарраля, свисающего своими верхушками вниз, к далекой земле.

Серый Призрак неотрывно смотрел на викиюп, но старался держать в поле своего зрения и невысокие холмики, — все, что осталось от некогда крепких каменных домов. Викиюп мог быть покинут Наной несколько дней назад, но кто знает, кому пришлось в голову скрыться от палящего солнца в хижине апачей.

Серый Призрак перекинул винчестер с плеча на грудь и, положив на приклад правую руку, держал винтовку параллельно земле, так что для человека, который бы наблюдал за ним из хижины, показался бы нескладным, наспех сколоченным распятием, вертикальный брус которого был намного толще горизонтального.

Кайова держали пленников в здании, увенчанного крестом, значит что-то должно было их связывать с распятием, хотя, возможно, и мимолетно, вскользь. Почему первый кайова, выйдя из

церкви, увидел Серого Призрака, как человека с винчестером, а не как силуэт распятия? Он сразу потянулся к оружию, за что и поплатился жизнью.

Серый Призрак настолько внимательно рассматривал викиюп, что в какой-то момент ему показалось: стоит приблизиться к хижине ярдов на пятьдесят, из нее сразу же начнут вылетать птицы. Эта мысль показалась ему отчаянной. Он ощущал ее, как самое последнее и веское доказательство, которое он может бросить в укор белоглазым, — тысячами, десятками тысяч прибывающих на землю его племени с востока — бледными, алчущими, лживыми, но твердо верящими, что в будущем их ждет глубокая братская могила, вырытая в небесах. И из нее они когда-то восстанут. Живых существ порождает земля или вода, но белоглазых создавало нечто абстрактное — сторона света, место, где начинается день. И ничего не было удивительного в том, что солнце рождаясь на востоке, в стране апачей становилось безжалостным и немилосердным.

Серый Призрак кончиками пальцев приподнял прядь волос на гриве своей лошади и сразу, словно хотел пустить по ветру перо, уронил ее. Легкая дрожь пробежала по крупу паломины. Она тронулась с места напряжённо, с усилием, будто вырвалась из забвения.

Через два месяца он окажется в подобной ситуации, правда, это будет заброшенный поселок Пануко де Коронадо. Но, увидев его с высоты плоскогорья, апач Белой горы проникнется чувством, что будущее, по крайней мере, его незначительная часть, может обнажиться пред ним. Или, скорее, сам Серый Призрак способен, сконцентрировав свою волю, хоть немного, но изменить события очевидного будущего. Он ещё ранее уяснил, что полностью неуязвимым становишься лишь тогда, когда перестаешь существовать в мировосприятии врага, поэтому и становятся неожиданными и необъяснимыми удар или выстрел, ибо они, по логике вещей, уже когда-то произошли либо время их реализации еще не наступило.

В десяти ярдах от викиюпа Серый Призрак остановился. Он решил не смотреть неотрывно на вход в хижину и отвел взгляд к низким холмикам, поросшими креозотовыми кустами.

Из викиюпа выпорхнула ласточка. Ее зигзагообразный полет прочертил на небе силуэт молнии, но высь оставалась ясной и никакой грозы не предвиделось. В полумраке хижины сидел старый Нана. На его голове была не по размеру маленькая, сплетенная из соломы и растрепанная по краям старая мексиканская шляпа, на плече висел сложенный вчетверо серапе.

— Я выпустил ласточку, чтобы ты понял, что молния и гроза только в нашем воображении, — сказал, улыбнувшись, Нана. — Как ты, сынок?

И хотя в церкви было два маленьких окна, в крестовидные рамы которых были вставлены пластинки слюды, Серому Призраку понадобилось несколько секунд, чтобы после яркого солнца его глаза привыкли к полусумраку и разглядели связанных белоглазого и женщину, сидящих на полу под распятием. Женщина выглядела растерянной, а белоглазому было все равно. Он не боялся смерти. Серый Призрак развязал женщину, а когда освобождал от пут белоглазого, тот неотрывно смотрел на него блекло-голубыми глазами, а затем, напрягши жилы на шее, сказал:

— Джарвис Хилл.

Серый Призрак никак не отреагировал на его слова. Он неплохо говорил по-английски. Научился же языку белоглазых, работая проводником у переселенцев, направляющихся в Калифорнию.

Серый Призрак, глядя на Джарвиса Хилла, кивнул на женщину и протянул руку, чтобы помочь ей подняться с пола.

— И ты решил ехать за этой женщиной? — спросил Нана.

— Я последний, кто узнал о ней, — ответил Серый Призрак.

Несколько недель назад Джарвис Хилл прослышал о неистовом пастыре, который построил церковь в одном из селений Нью-Мексико. Материал для церкви привезли на восемнадцати фургонах. Пастырь построил церковь в надежде, что некоторые из переселенцев, направляющиеся в Калифорнию, устанут от долгого пути и выберут это поселение для постоянного места жительства, ведь в нём остались почти целые дома, нужно только починить крыши. К тому же в двух из пяти колодцев всё ещё можно было брать воду. Но, как оказалось, во время постройки церкви несколько мексиканских семей, которые обитали в Пану-

ко де Коронадо, покинули его и отправились на юг. Правда, Джарвис об этом не знал. Он был воодушевлён деянием пастыря и на свой страх и риск, приобретя за последние деньги старенького мула, отправился искать селение. Когда Серый Призрак разывывал его, он выглядел счастливым.

— Иногда я думаю, что ты безумец, — сказал Нана. Он ласково посмотрел на Серого Призрака. Ласково и встревоженно.

Серый Призрак лежал возле двери, всматриваясь в полумрак здания. Он разглядел связанных мужчину и женщину. На лице мужчины блуждала довольная улыбка, а глаза светились радостью.

— Я попросил Всевышнего о помощи, и он послал тебя, — доверительно, вплетая в свой голос интонацию доверительности, — произнёс Хилл.

Серый Призрак окинул его недоверчивым взглядом. «Я не хотел тебя спасти. Так получилось», — подумал он.

Но угрюмое лицо апача не омрачило белоглазого, не заставило его задуматься. Он в самом деле был благодарен. Он случайно избежал гибели, отправившись искать селение по пути липанов, раз или два раза в год совершающий набег на мексиканский штат Чиуауа. По рассказам команчero Пануко де Коронадо находился близ границы с Техасом, недалеко от пути, по которому воинственные индейцы совершают рейды на юг. Джарвису повезло, он не попался на глаза разбойничьих отрядов, периодически рыскающих в этой части пустыни. В противном случае ему пришлось бы поплатиться головой. Но тропа тянулась по территории, где встречались мелкие озера, водой которых можно было напоить лошадей. Поэтому Джарвис, чтобы не умереть от жажды, большую часть своего пути двигался вдоль тропы. А потом он встретил женщину, пытающуюся вернуться домой, «Потому что в прошлое, как это ни прискорбно, дороги нет», — объяснила она ему.

— Он грубо к тебе относился? — спросил Джарвис, хотя уже видел по её глазам, что она не держит обиду на мужчину, от которого решила уйти.

— Он хороший человек, — отрезала женщина. — Но я устала блуждать по пустыне.

И Джарвис подумал, что может укрепиться в вере даже без здания новенькой церкви в Пануко де Коронадо, а спасая беглян-

ку. Она поразила его, даже шокировала, — такую красивую женщину ему редко доводилось встречать. Ему уже исполнилось сорок лет, и, всматриваясь в расширенные зрачки беглянки, он подумал: «А кто знает?», — может она его судьба. И когда кайова вели его связанным, восторженно разглядывал низенькие кактусы и чахлые мескито и всё сильнее взвинчивал себя мыслью, что ему повезло, что, дай Бог, он и женщина выберутся из плена, а там, после, они всегда будут вместе. Надо быть умалишённым, чтобы отказаться от такой красоты.

Даже связанным и брошенным на пол церкви он продолжал чувствовать себя счастливым. Церковь перестала его интересоваться, ведь то откровение, которое он желал испытать, отыскал в пустыне Пануко де Коронадо, уже посетило его. Он начал понимать свои блуждания по бесплодным землям, как поиск единственной спутницы. Для него она родилась в раскалённых пластах воздуха уже зрелой, величественной и без первородного греха: само безжизненное пространство подарило её ему. Его воспалённое воображение воспринимало её как творение или сам творческий акт надличностных сил. Поэтому Джарвис Хилл намеревался сделать всё, чтобы её спасти. Но в её глазах он не увидел выражение восторга или робкой надежды. Он был наивным, неисклюшённым человеком, поэтому не сумел заметить, что женщине нужен был не он, как мужчина и спутник, — она желала вырваться из пустыни, вернуться к спокойному однообразию, но всегда видеть и чувствовать, что её ценят, а в её помощи нуждаются. Осознав, что ничем не может помочь Серому Призраку, она пришла в отчаяние. Но горше всего ей было осознавать, что Серый Призрак ни в ком и ни в чём не нуждается, даже в ней, даже в её внимании. «Даже в моём понимании», — подумала она.

Джарвис думал о Сером Призраке не только как о незнакомце, спасшего его от кайова. Он видел в нём человека, который, пересекая с женщиной равнину, как бы подготавливал её встречу с ним — Джарвисом Хиллом.

Серый Призрак всё понимал: он видел, что во взгляде белоглазого нет и тени сомнения. Джарвиса не интересовало — индеец Серый Призрак или нет. Он был благодарен ему, но слишком легкомысленно и слишком снисходительно. Мысль, что Всевышний услышал его молитвы, укрепилась в его сердце. Джарвис начинал верить, что в мире ничего не происходит случайно.

От внимательного взгляда Серого Призрака не ускользнуло, с каким вызовом женщина смотрит на него. Но в то же время в её расширенных зрачках плескалось чувство раскаяния, ведь она обнадёжила апача, а, затем, не выдержав трудностей пути, убежала. «Куда можно убежать в пустыне? — думал Серый Призрак, развязывая ей руки и не отрывая взгляда от её пылающих глаз. — Куда, если не уверен?» Он не мог найти объяснение подобному поступку. Если бы женщина сказала ему, что передумала, разуверилась и хочет вернуться обратно, он бы безропотно доставил её в западный Техас, где она многие годы жила, как во сне, ибо всегда находилась во власти воспоминаний, которые воспринимала, будто свои вымыслы, будто свою изъязвленную временем мечту.

— Иногда я думаю, что ты безумец, — сказал Нана. Он ласково посмотрел на Серого Призрака. Ласково и с сожалением.

Серый Призрак лежал на пороге, всматриваясь в сумрак здания. Под распятием сидели связанные мужчина и женщина. Мужчина улыбался.

— Я надеялся, что некоторые переселенцы осядут в этом селении, и здесь я начну новую жизнь, — сказал белоглазый.

«Всех, кто останется в Пануко де Коронадо, убьют команчи или их союзники кайова», — подумал Серый Призрак.

Нана поднял голову и посмотрел выцветшими глазами, которые в сумраке викиюпа казались подёрнутыми сероватой плёнкой. В его внутреннем видении апач Белой горы стоял посреди снежной равнины. И даже если над белесой далью висело солнце, старый чирикахауа воспринимал его чужим и равнодушным.

— Я долго думал о ней, — сказал он. — Тебе придется часто находиться среди белоглазых. А они любят много говорить, как мертвые в огромной могиле, которым не осталось ничего, кроме шепота.

Они странно выглядели — женщина и этот белоглазый, когда Серый Призрак смотрел на них снизу, прижавшись щекой к порогу. А когда он освобождал их от пут Джарвиса Хилла, жен-

щина отводила в сторону глаза. Даже после беглого взгляда на убежавшую можно было понять, что Джарвис Хилл произвёл на нее впечатление. «Неужели так внезапно? Ничего не сказав?» — пытался не терзать себя подобными мыслями апач Белой горы.

Она вскинула глаза на Серого Призрака — жгучие, требовательные, взволнованные, но на радужки из глубины её чувств просачивался слабый отблеск замешательства.

Растирая запястья, Джарвис Хилл сказал, что вместе с женщиной доберётся до ближайшего городка, из которого на восток отправляются дилижансы.

— Её убежище на востоке, — уточнил Джарвис. — А то, что она решилась уйти с тобой, было временным смятением души. Это от одиночества.

Женщина, не сводившая глаз с Серого Призрака, кивнула в знак согласия.

— До ближайшего селения сто сорок миль по пустыне, — наконец произнёс Серый Призрак.

— У меня есть фляги, — сказал уверенным голосом Джарвис Хилл.

«Воды в них хватит на два дня и только людям, но не лошадям и мулу», — подумал Серый Призрак и сделал неопределённый жест, мол, — «Это вам выбирать».

Он покинул хижину, обуреваемый противоречивыми чувствами. Паломина стояла в ожидании, готовая выполнить любую команду своего хозяина. Серый Призрак легко вскочил на лошадь, перекинул винчестер с груди на спину, а, когда удалился шагов на сто от викиюпа, заметил, что из-за ближайшего холмика выезжает всадник. Одной рукой он управлял своим конём, другой удерживал за удила трофейного кавалеристского скакуна. Это был Джосани. На нём не было налобной повязки, его густые волосы наплывали на плечи, словно всадника захлёстывала глубина, но находящаяся далеко вверху.

Серый Призрак обошёл четыре колодца, прежде чем нашел воду. Напившись и напоив паломину, выехал на плоскогорье, откуда бросил долгий взгляд на селение. В пятидесяти ярдах от церкви Джарвис Хилл рыл ножом яму. Женщина, стоя рядом с ним на коленях, ладонями выгребала из ямы взрыхленную зем-

лю. Рядом лежали два мертвых кайова, которых Джарвис и женщина перенесли к яме для погребения. «Нана был прав, — подумал Серый Призрак, — у них все начинается с могилы».

На плоскогорье он обнаружил небольшую впадину, где и решил отдохнуть. Во время дождей в ней собиралась вода, а после того, как испарялась, почва ещё долго оставалась влажной, что дало возможность прорасти редким кустикам ползучего пырея. Растения уже высохли и были прибиты ветром к земле, но с колосков зерна ещё не осыпались. Серый Призрак отпустил паломину пастись, а сам обошёл края впадины. Он нашёл две норы сусликов, которые казались давно покинутыми, но всё равно поставил возле них силки, затем спустился на дно впадины и лёг спать. Засыпая, Серый Призрак держал в уме для дальнейшего разворачивания мысли своё зрительное впечатление от Джарвиса и женщины. Он был уверен, что с наступлением темноты они отправятся на восток и будут ехать всю ночь.

Солнце стояло ещё довольно высоко, когда Серый Призрак проснулся. Он сразу обошёл места, где поставил силки. Попавшийся в петлю суслик был жив. Царапая лапками глину, зверёк пытался вырваться. Серый Призрак убил его, ударив колодкой ножа по голове, освежевал и зажарил на слабом огне.

Заходящее солнце казалось родимым пятном, а само небо величественным и заносчивым ликом, однако полностью лишённым индивидуальных черт.

Серый Призрак, переступив порог церкви, выжидаяще посмотрел в глаза своей спутницы. На Джарвиса он не обратил внимания: это был просто белоглазый. В расширенных зрачках женщины он тщился найти ответ на вопрос, который так и не решился задать. Но она смотрела на него, как на человека, с которым необходимо считаться — больше ничего.

Пытаясь выглядеть равнодушным, небрежно развязывая узлы на руках Джарвиса, он словно вытягивался в высоту, становился ещё более стройным и именно поэтому ещё более одиноким.

Джарвис Хилл болтал без умолку, а Серый Призрак, размышляя, что путешествие на восток сопряжено с опасностями, услышал лёгкий шум за стенами церкви и резко повернулся лицом к окну. Женщина не ожидала, что, переводя взгляд в сторону, он посмотрит на нее, поэтому не приготовилась. «Не слукави-

ла», — подумала она. В ее глазах уже не было выражения вызова. Она смотрела на апача Белой горы вопросительно, с укором, даже с надеждой, а в это время светлое пятно окна за ее спиной очертил силуэт стервятника.

— Так быстро почуяли мертвую плоть, — растерянно произнёс Джарвис и, словно ожидая подтверждения своим словам, посмотрел на женщину. Но и в этом случае она не успела приготовиться, — укоризна и надежда в ее глазах не исчезли, однако она, совладев с собой, нервно повела подбородком и отчужденным взглядом окинула и Серого Призрака, и запнувшегося Хилла.

— Они мёртвые, — сказал Джарвис. — Убитые язычники.

Серый Призрак чувствовал, что женщина желает задать ему вопрос, но начать говорить с другой, непонятной стороны, с точки зрения людей, среди которых она прожила многие годы. Уже намереваясь покинуть здание церкви, он внезапно сказал, чем вызвал нескрываемое удивление на ее лице. Ее губы задрожали, она глубоко вздохнула и как бы поперхнулась.

— Наверняка ты тоже убивала, правда, давно, — сказал апач Белой горы и направился к распахнутым дверям.

Вечером он спустился с плоскогорья в поселок, отыскал следы, оставленные двумя лошадьми и мулом, и отправился на восток. Западная сторона неба начала укрываться звездами. Серый Призрак подумал о них, как о вспыхнувших под лучами солнца пылинках, и, если бы на его глаза внезапно нахлынул яркий свет, они бы зажглись желто-оранжевыми радужными оболочками — печальные, пытливые и сосредоточенные.

Залитая луной равнина выглядела намного меньше той, что представляла перед глазами, когда была освещена дневным светом. Она напоминала просачивающееся в землю платинового цвета пятно не более 500–600 ярдов в диаметре. За его пределами начиналось царство мрака, и только возле луны купол неба выныривал из забвения и выглядел холодным и монолитным, словно выкованным из темной стали, укачивающей на своей поверхности лужицу расплавленного серебра. Другими словами, залитая лунным светом равнина предстала перед взором Серого Призрака, как дно огромного колодца, вход в который светился в недосягаемой высоте.

Постепенно звезды померкли, точно небо, узрев внизу живое существо и выпустив из себя множество светящихся коготков, снова втянуло их в свою плоть. Лишенная растительности и укрытая лунным светом пустыня начала преобразаться. Она уже походила на бледное брюшко лягушки, а сама луна напоминала пузырь на ее шее, который раздувается, как только животное начинает стрекотать. Однако не было слышно никакого стука копыт, даже шороха. И хотя Серый Призрак видел подобное множество раз, он придержал паломину и некоторое время оставался неподвижным. Он ясно видел следы, несколькими цепочками уходящие к восточной цитадели мрака. Он догадывался, что лучше размышлять о глубине, как о брюшке крохотного существа, а не пытаться осмысливать платинового цвета пятно, как далёкий и незыблемый металл. Луна подёрнулась цветом весеннего снега, хотя не нужно было сильно напрягать воображение, чтобы представить, что рано или поздно небо начнёт крошиться и опадать серыми металлическими снежинками.

Они появились внезапно. До какого-то момента две лошади и мул сливались с густой темнотой, и Серый Призрак их заметил всего в ста ярдах от себя. Они стояли, не шевелясь, и словно испарились своими сероватыми телами в высь. Мнилось, что животные загляделись на землю цвета белых вод, а лежащие возле них мужчина и женщина были их отражениями на глади лениво текущей реки.

Серый Призрак долго смотрел на Джарвиса и женщину, пока не удостоверился, что с ними все в порядке. Белоглазый мог бы заметить апача, когда переворачивался на другой бок, ибо от остывшей земли его тело пронизывал холод. Он даже, когда переворачивался, на несколько секунд разомкнул веки, но силуэт Серого Призрака с нависшим над ним лунным диском показался ему кистью руки, пальцы которой сжимали серебряную блестящую монету: сквозь сон Джарвис Хилл мог узреть только желаемое будущее, но не очевидное, не то, что произойдет в реальности.

Отъехав немного на запад, апач Белой горы расстелил шерстяную скатку. Когда он ложился на нее, невольно, сверху вниз прочертил глазами восточное небо. На поверхности луны выри-

совывалось темное пятно, похожее на фигуру человека, то есть ночное светило, всасывая в себя раскинувшуюся под ним равнину, видело только одно живое существо, и это существо, мужчина или женщина, подняв руки, держало над своей головой старое мексиканское седло.

Серый Призрак проснулся перед рассветом. Он достал из седельной сумки кусок выделанной кожи, вырыл ямку в глине, застелил ее кожей и налил туда из фляги воды. Дождавшись, когда лошадь выпьет всю воду, заставил ее лечь на землю и лишь затем сделал несколько глотков. Все это время он старался наблюдать за восточной стороной пустыни. «Слишком размягченный, — подумал Серый Призрак, — этот Джарвис Хилл», ведь вначале было очевидным, что белоглазый решил передвигаться в пустыне только по ночам. Но привычка взяла свое: Джарвис будет путешествовать на восток в светлое время суток, чтобы ложиться спать, когда на пустыню опускается прохлада. Он вообще привык все делать днем, поэтому здесь, на раскаленной равнине, у него быстро закончится вода.

Серый Призрак увидел, как поднялись с земли мужчина и женщина, как они жадно припали к флягам, и как мужчина, опорожнив содержимое одной фляги в свою шляпу, пытался таким способом напоить лошадей. Но о муле он не вспомнил. Когда прошлым вечером белоглазый направился на восток, Серый Призрак был уверен, что тот хорошо осознает, какие опасности таит в себе пустыня, поэтому и решил передвигаться по ночам. Но Джарвис Хилл так не думал. Он, в самом деле, попытался, но привычка отдыхать по ночам взяла верх. И, скорее всего, Джарвис действительно надеялся, что день предоставляет путнику больше возможностей разглядеть вдали источник воды.

Серый Призрак подождал, когда мужчина и женщина отъедут так далеко, что исчезнут за восточным горизонтом, и только тогда позволил паломине подняться на ноги. Он накинул на спину лошади скатку, чтобы она меньше страдала от лучей солнца, а сам, вырыв неглубокую яму, лег в нее, прикрыл лицо распрямленной налобной повязкой и постарался максимально засыпать свое тело песком. Везде, куда ни глянь, не встречалось никакой растительности, поэтому Серый Призрак не опасался, что кому-то взбрдет в голову пересекать пустыню на этом участке.

Он долго лежал, пытаясь уснуть, но солнце жгло немилосердно, песок насыпался за ворот рубахи и, прилипнув к телу, вызывал неприятные ощущения.

Ближе к полудню, плотно сомкнув веки, но утопая зрачками в алых и малиновых пятнах, что липкой патокой наплывали на его сознание, он, наконец, начал проваливаться в состояние дрёмы.

— Может не стоит тебе отправляться так далеко на восток, сынок? — спросил Нана, а Серый Призрак, чувствуя себя в низеньком викиюпе неуютно, разглядывал задымленные своды хижины и пытался найти для старого чирикахуа веские и убедительные слова.

Женщина оглянулась. Ее память словно растворилась в бело-оранжевой пелене. И хотя пелена постепенно исчезла, женщине не удалось увидеть Серого Призрака.

— Он не будет нас преследовать, — сказал Джарвис. — Он апач, и для него женщина, какой бы прекрасной она ни была, не имеет ценности. Ты или другая, — ему всё равно.

Женщина удивленно посмотрела на него.

— Он обо мне заботился, — холодно ответила она, и в канву рассуждений Джарвиса вплелась нечаянная мысль. «Эта жара...», — потекли его размышления к гортани: он начал думать только о том, что горло пересохло, а источники воды не удастся отыскать. Дальше, воспламенившись алым, его мысли потеряли логическую нить, однако поплыли к рассудку. В его сознании они оттенили однообразие пустыни, но он всё равно, движимый упрямством, чувствовал себя значимым и исключительным, поэтому вспышку алого цвета воспринял как следующее звено своих рассуждений.

Женщина это почувствовала и, то ли для того, чтобы внести сумятицу в размышления Джарвиса, то ли, наоборот, чтобы заставить его дальше хвататься за мысль, твёрдо произнесла:

— Он ни о чем не думает. Точнее, он думает, но не так, как ты, Джарвис.

— И какова его мысль? — спросил Джарвис Хилл. Он вдруг осознал, что они стоят на месте: лошади остановились, а мул, застывший в неестественной позе, смотрит перед собой угасающими глазами, в которых уже ничего не отражалось, не было даже отсветов пылающего солнца.

Женщина задумалась, но, отнюдь, не потому, что не сумела подобрать слова для ответа. Она просто вспомнила, что многие годы ей приходилось сталкиваться с жестокими или чёрствыми мужчинами. Она пыталась постоять за себя, однако за это ей всегда приходилось расплачиваться.

Несмотря на невыносимую жару, Джарвис оставался довольным собой: высокий угрюмый апач отдал ему женщину без сопротивления, даже не пытался возражать или обменять ее на какую-то вещь. И все потому, что церковь накрыла их своими сводами, так что язычник, который осторожно вошел в её полумрак с приготовленным для стрельбы винчестером, вел себя, словно загипнотизированный. Джарвис Хилл даже не пытался ничего доказывать, он только внимательно следил за женщиной и Серым Призраком. А тот выглядел погруженным в свои собственные мысли и выглядел невозмутимым. Но, как думал Джарвис, именно так и ведут себя индейцы, когда пытаются скрыть свои чувства. Вначале Хиллу казалось, что женщина нужна Серому Призраку, иначе зачем он рисковал своей жизнью и отправил на тот свет двух несмышлёных кайова. Несмышлёных, потому что решили, — совершить набег, чтобы забрать у мексиканцев скот или захватить заложников, они могут вдвоем, без большого отряда воинов. В принципе, Джарвис никогда бы не догадался, что Серый Призрак апач. Об этом ему сказала женщина.

От внимания Джарвиса не ускользнуло, что женщина с вызовом посмотрела на Серого Призрака, но тот попытался сделать вид, что не заметил её взгляда. И Джарвис улыбнулся, ибо почувствовал, что сумеет отстоять свою спутницу. Да и женщина уже поведала ему, что хочет уйти от Серого Призрака и вернуться к комфортной цивилизованной жизни. Он бы никогда не догадался, что, возможно, женщина таким образом даёт шанс апачу спастись без нее, без обузы, а также пытается удостовериться в его искренности, ибо желала узнать правду — нужна она ему или нет.

Чтобы чувствовать себя более уверенно, а также придать своему голосу интонации убедительности, Джарвис иногда поглядывал на женщину. Если его взгляд был внезапным, он замечал, что выражение вызова в ее глазах исчезало, а сама она становилась задумчивой.

— Она решила остаться со мной, — наконец-то сказал Джарвис Хилл. В это время он не видел лица женщины. Он невольно, чтобы не сталкиваться своими глазами с глазами апача, перевел зрачки на окно. Мутное стекло отражало лицо его спутницы. Джарвису хватило пронизательности заметить, что женщина смотрит на него очень внимательно и не пытается спрятать недоверчивость в своих широко открытых глазах. Однако он решил, что женщине просто очень неприятно, ведь он сам принимает за нее решения, а нужно было и ей дать возможность самой сделать выбор, хотя она его уже сделала, ибо несколькими часами ранее прошептала ему:

— Ты сможешь отвезти меня на восток? Конечно, если все будет удачно.

Отражение лица в окне было неясным и не очерченным. Джарвис, скорее, догадывался о выражении ее глаз, но Серый Призрак еле заметно улыбнулся и как бы сдернул себя завесу безучастности. Серый Призрак подумал, что белоглазый пытается разглядеть в окне истинную сущность женщины, как сам он, апач Белой горы, стремился в глазах мертвой лошади заметить нечто, что избавило бы его от чувства вины. И если бы Джарвис не сосредотачивал взгляд на отражении женщины в окне, он бы увидел облака и понял бы, что все мимолетно, как и настроение его новой знакомой.

Серый Призрак, медленно повернувшись, пошел к дверям, а, спустя двадцать минут, Джарвис, оттаскивая вместе с женщиной тела мертвых кайова от церкви, бегло взглянул на удаляющегося к плоскогорью одинокого всадника. Джарвис Хилл не сумел подавить в себе чувство растерянности, поэтому и спросил:

— Как ты думаешь, что он чувствует?

Его вопрос возмутил женщину, но он так и не догадался — почему?

— Он ничего не чувствует, — сказала она, бросив гневный взгляд на Хилла. — Он апач Белой горы.

И Серый Призрак, когда вновь с наступлением темноты поехал по следам двух лошадей и мула, поймал себя на мысли, что Джарвис никогда не сможет понять суть женщины.

Сначала его взгляд натолкнулся на мула. Животное, почуяв человека, перестало плестись на восток, повернулось и медленно пошло к Серому Призраку. Его глаза не отражали лунный свет и выглядели черными дырами на опущенной к земле голове. Из ноздрей шел пар, который был намного светлее лунного света, а Серый Призрак, пытаясь предугадать события, подумал о стуже и о надтреснутом льде. Да мул и в самом деле ковылял к нему, словно ему приходилось ступать по ледяной корке, которая вот-вот должна под ним проломиться. Мнилось, что как только мул уйдет под лед, исчезнет и залитая луной равнина, а на внезапно разросшемся серебряном диске заплещется огромная полынья.

«Ему не давали пить, — подумал Серый Призрак. — Воду берегли для лошадей».

Создавалось впечатление, что мул не видит Серого Призрака. Он остановился и словно прирос к поверхности пустыни, еле-еле шевелились только его ноздри. Проезжая мимо мула, Серый Призрак внимательно осмотрел его. Мул должен был умереть, поскольку уже двое суток шел по пустыне без воды. Выстрел милосердия для несчастного животного расколол бы ночь на несколько миль вокруг, и когда бы ее края срослись, и темень восстановилась, в ней бы еще долго плавало, пульсируя затихающим эхом, состояние присутствия на равнинах разумного существа.

Удалившись от мула ярдов на пятьдесят, Серый Призрак оглянулся. Животное медленно поворачивалось к нему. Его глаза, постепенно окунаясь в лунный свет, становились мутными, как пятна на тающем снегу. Мул попытался пойти за Серым Призраком, даже сделал несколько неуверенных шагов. Из-под его копыт начала всплывать пыль. Подобно укрытым бельмами глазам она закатывалась под брюхо, как под верхние веки.

До рассвета оставалось не меньше часа, но восточная сторона неба посветлела, — там, ближе к местам обитания белоглазых, пустыня снимала с себя темную одежду. Вспыхнув, как кружочек конфетти, Венера окрасила пространство в предвкушение радости: бледно-зеленый, почти салатный оттенок неба напоминал о чем-то домашнем и праздничном. Но Серый Призрак так не по-

думал: перед началом дня его состояние настороженности и пытливости поглотили все другие чувства, которые могли бы иметь место, если бы апач Белой горы был белоглазым.

Четыре темные точки на востоке сначала выглядели не больше проколов, оставленных иголкой, но стоило восходящему солнцу только краем задеть начинающийся день, от них скользнули по земле голубоватые тени. Джарвис попытался побольше набрать в свои легкие прохладного утреннего воздуха, но диск солнца уже оторвался от земли, и равнины моментально погрузились в зной. Лицо Хилла омрачилось, в глазах появилось выражение недоумения. Женщина, чиркнув по лицу Джарвиса зрачками, взволнованно прикоснулась к его руке, а пустыня вокруг подернулась лиловым оттенком, словно ее поверхность набухла венозной кровью.

Серый Призрак вошел в церковь, не обращая внимания на сияющее от радости лицо белоглазого, но поймал себя на мысли, что глаза находящегося возле распятия мужчины должны отражать его, апача Белой горы, точно по центру радужек, потому что смотрели прямо и не мигая. Однако, на самом деле, радужки Джарвиса были чистыми, правда, в уголках глаз отражался светлый прямоугольник окна, а в самом окне мутно вырисовывалось отражение его самого. Серый Призрак и виду не подал, что озадачен или удивлен, ведь, по логике вещей, на оконном стекле должно было проступить отражение женщины.

И белоглазый об этом догадался, он сумел почувствовать, что вошедший человек думает не о нем, да и не о женщине. Впрочем, Джарвис Хилл так и не осознал, что, на самом деле, Серый Призрак представлял собой проекцию событий недалекого прошлого, поскольку пытался быть незамеченным, как бы ускользающим от взгляда. Серый Призрак увидел в окне события, которые произойдут через несколько минут, почему и постарался уйти в состояние отрешенности. А когда это будущее наступило, он не мог освободиться от мыслей о вызове в глазах женщины.

С восходом солнца поднялся ветер. Серый Призрак дотянулся взглядом к шагающим далеко впереди мужчине и женщине. Джарвис Хилл вел за поводья обессиленных лошадей. Серый Призрак знал, что даже он, апач Белой горы, сумеет продержаться без воды на день или два дольше, чем Хилл и женщина. Необходимо было до вечера, в крайнем случае, до утра отыскать воду.

К полудню ветер усилился. Серый Призрак приказал паломине лечь спиной к ветру. Обвязав лицо налобной повязкой, он свернулся в позу эмбриона и прижался к брюху лошади. Буря длилась несколько часов. Вырисовалось небо — белое, обескровленное, как умытое лицо покойника.

Серый Призрак долго смотрел в сизую пелену, но его янтарные глаза не отражали посеревшее солнце: в глубине радужек, будто на затягивающейся ране, медленно просыпался коричнево-бурый цвет вечернего светила, которое потухающим взором окидывало изнуренную бурей равнину. Это была мнимая новизна, иллюзорный бег времени, ибо ничего не изменилось: пустыня выглядела такой же безжизненной и бесконечно одинокой.

Серый Призрак поднес к губам флягу. Остатки жидкости плеснулись на ее дне, как испуганная мысль о смерти, но апач был уверен, что нечто аналогичное должно происходить и в сознании Джарвиса Хилла. Женщина же была другой: она несколько раз умирала, но не рождалась заново, а восставала ненавистью и воспоминаниями о своем детстве, наверное, единственному периоду в ее жизни, когда ей не нужно было бороться, выживать или стойко сносить лишения.

— Сынок, — сказал Нана. Он сидел возле Чиуауа, а Джосани, как всегда, высился стражем на коне. В светло-серых глазах Чиуауа виделась бездонная и безвыходная глубина, но они были и ясными. Однако Серый Призрак не обольщался их открытостью, ибо он, апач Белой горы, всегда оставался для Чиуауа чужаком.

Серый Призрак выпил несколько глотков, а остальную воду отдал лошади. После он опять прилег. Он лежал неподвижно, вытянув руки вдоль тела, так что любому, кто посмотрел бы на него со стороны, показался бы изнуренным человеком. Но он просто ждал. Если Джарвис и женщина не найдут воду, они умрут через 10–12 часов. Серый Призрак точно знал, что у них уже закончилась вода, ведь если воды не осталось у него, апача Белой горы, как мог ее сберечь белоглазый, — легкомысленный, не умеющий себя сдерживать человек?

Было очевидным, что обессилевший от жажды мул пытался прибиться к нему, как к своему спасителю, как к Всевышнему всех несчастных мулов. Измученному животному можно было вскрыть яремную вену и напиться крови, но его черные, как про-

валы глазницы говорили о слепом стремлении к жизни. Чувство, которое испытывал Серый Призрак при виде изможденного мула, не было похоже на жалость. В душе апача не возникло никакого участия. Серый Призрак уважал животное, но отстраненно, издали, поэтому и оставил ему шанс спастись, хотя был полностью уверен, что через несколько часов мул погибнет.

— О ней невозможно догадаться, — сказал Нана. — И как ты к ней подойдешь, Серый Призрак? Скажешь: «Я — Серый Призрак?» Она вряд ли поймет тебя.

Апач Белой горы поднял глаза. Они были грустными, желто-коричневые радужки напоминали цвет затухающего кострища.

— Я понимаю, — сказал он. — Путь на восток настолько далекий, настолько длинная дорога памяти о ней. Той памяти...

— Да, сынок, — прервал его Нана. — Память о ней далеко. То, что мы помним, жалкие крохи. То есть память о ней там, где и она. Ты понимаешь меня? Память о ней нужно найти. И только полностью приблизившись к памяти женщины, ты сможешь вспомнить женщину такой, которая поверит тебе и не отторгнет тебя.

Отъехав от Джосани ярдов на сто, Серый Призрак оглянулся. Джосани высился стройный и невозмутимый, удерживая правой рукой кавалерийского коня. Его волосы развевались на ветру, взгляд был спокойным, как вода на дне индейского колодца.

10

Серый Призрак разглядел их еще издали: неподвижные тела, над которыми дымились пылинки, поднимаемые с земли редкими порывами ветра. Лошади виднелись на северо-востоке. Животные еле передвигали ноги, в принципе, они достигли состояния несчастного мула, ожидавшего от Серого Призрака помощи. Их крупы напоминали два деления на циферблате огромных часов. Стрелки на них уже отмерили время для жизни и остановились, но их образ не запечатлелся в сознании апача. Сначала он проверил — дышат ли мужчина и женщина. Жизнь в их телах еле теплилась, распухшие и потрескавшиеся губы напоминали крошечных и перетянутых бинтами мумий, из которых все равно выступала кровь.

Серый Призрак оставил паломину возле Джарвиса и женщины, а сам направился к одной из разбредшихся лошадей. Ее выпуклые бока были изрезаны выпирающими сквозь кожу ребрами, будто она носила в себе темницу, из которой и вырвется на свободу слепая смерть. Лошадь стояла, вытянув шею и всасывая в свои выпуклые глаза сизые лучи луны. Иногда по ее телу пробегала дрожь. Взяв лошадь за удила, Серый Призрак потянул её к Джарвису и к женщине. Сняв с Джарвиса шляпу, полоснул лошадь по шее ножом, а, когда она упала, встал на колени, чтобы подставить шляпу под горячую струю. Он подождал, чтобы шляпа наполнилась до краёв, затем припал губами к шее животного и долго пил кровь. После он пытался напоить лежащих, но напрасно: они не приходили в себя, а кровь начала загустевать. Он словно запечатал их рты тёмной вязкой краской. Ничего не оставалось, как отложить шляпу в сторону. После он вырезал со спины лошади филейную часть и завернул её в кусок кожи.

Он сел возле Джарвиса и обвел усталым взглядом равнину. Другой конь пытался двигаться на северо-восток. Он прошел ярдов двести и только потом повалился на землю. Из-под его тела поднялась легкая пыль. Она вспыхнула в лунных лучах и напомнила Серому Призраку одно из представлений белоглазых, фанатично верящих в то, что в теле обитает душа, и что сразу после смерти она отлетает на небо. Но белоглазые считают, что у животных нет души. Он устало улыбнулся: смерть коня очертила в его сознании не только мысль о представлениях белоглазых, — Серый Призрак понял, что в их мировосприятии нет справедливости для живых существ. Всё живое, кроме человека, они ограничивают в возможностях. Серый Призрак не раз слышал разглагольствования белых людей о том, что, возможно, и у индейцев нет души, а, если есть, то она после их смерти уносится в преисподнюю. Что же касается животных, то, по мнению белоглазых, у этих созданий нет ничего, кроме тела, страха, ужаса, жажды, голода и страданий. И после смерти их ждет полное забвение.

Болезненное стремление ограничивать все и вся уживалось с твердой верой в беспредельность, вечное существование после смерти.

Серый Призрак достал из седельной сумки маленькую тарелку, сделанную из тыквы. Порывшись в вещах женщины, нашел оловянную миску. Нужно было собрать много камней и, желательно, плоских. Серый Призрак долго обходил местность вокруг, поднимал встречающиеся ему булыжники, внимательно осматривал их и, если они оказывались пригодными, относил, чтобы сложить возле Джарвиса и женщины. Холодный ночной воздух подействовал на них благоприятно. Они очнулись и молча смотрели в ночное небо, не делая ни малейшей попытки подняться. Женщина смотрела, не мигая, будто была заколдована бледным одиночеством луны.

Серый Призрак вырыл три небольшие ямки, в две из которых поставил тарелки, а в третьей устелил дно своей налобной повязкой. После начал складывать над ними плоские камни таким образом, чтобы первый пласт камней был опущен к тарелкам под углом в двадцать градусов. Затем он положил ещё один круг камней на уже разложенные камни. Потом он положил на второй круг небольшие камешки, чтобы, когда начнет выкладывать следующий круг, большие камни как можно меньше соприкасались с нижним рядом камней и по их обращенным к земле поверхностям свободно стекали капельки росы. Таким образом он соорудил три сужающиеся к верху горки камней высотой около двадцати пяти дюймов. Своей конфигурацией они чем-то напоминали маленькие елки с очень коротким и толстыми ветками. Перед рассветом на камнях выступит роса, и, поскольку все камни были положены под углом, капли росы будут стекать на те камни, что расположены ниже, и так до самих тарелок. Возможно, что на дне тарелок на два-три глотка наберется воды.

Луна миновала точку полночи на небе и уже опускалась. Серый Призрак, который присел отдохнуть и долго сидел неподвижно, поднялся, чтобы проверить камни. Они блестели от конденсировавшейся на их поверхности влаги. Камни необходимо было подносить к Джарвису и к женщине, чтобы они могли слизывать с них влагу. Сначала они никак не реагировали, как Серый Призрак ни старался. Он поочередно прикладывал влажные камни к губам Джарвиса и женщины. Мнилось, что их широко открытые глаза были залиты не лунным светом, а каким-то дья-

вольским молоком, — ледяным, ядовитым и горьким, как сок молочая. Апач Белой горы пытался хоть что-нибудь разглядеть в радужках мужчины и женщины, но увидел в их глазах нечто чуждое, о чем не имел ни малейшего понятия и никогда бы не смог объяснить. словно две крошечные медузы заняли место склер. Их как будто бы подталкивало снизу безжизненной глубиной, и Серый Призрак почувствовал, что такое может происходить только вне пределов его понимания.

Наконец белоглазый и его спутница начали осознавать, где находятся. еле-еле двигая языками, они начали обсасывать камни. Худо-бедно, но Серый Призрак вывел Джарвиса и женщину из беспмятства. Они уже могли говорить, правда, слабым, едва слышимым голосом, поэтому, как считал Серый Призрак, их кончина отсрочивалась на несколько часов.

Они могли бы попытаться ему что-то сказать, но умолкли и только смотрели на склонившегося над ними мужчину, будто находились от него на далеком расстоянии, и будто каждый из них видел не апача Белой горы, а кого-то другого, который заставлял глаза одного наполняться недоумением, а другого — тоской.

Чтобы Джарвис и женщина не окоченели, Серый Призрак накрыл их своей скаткой, расстелив ее поперек их тел.

Вспомнив, что одна из горок камней почти разобрана, Серый Призрак снова сложил камни так, чтобы по ним могла стекать вода.

Утром, когда блеснул край солнца, молниеносно освежив равнину и сделав ее поверхностью кроваво-бурой, Серый Призрак принялся разбирать горки камней. Сначала он разобрал верх горки, сложенной над налобной повязкой, стряхивая росу с верхних камней на нижние. Затем он подошел к Джарвису и, вытянув из-за пояса нож, отрезал рукав его рубахи чуть выше локтя. Даже те камни, с которых была стряхнута роса, Серый Призрак досуха вытирал отрезанным рукавом. Когда он снял все камни, сложенные над налобной повязкой, рукав был мокрым. Сначала Серый Призрак выжал влагу из налобной повязки себе в рот. Хватило на два глотка. Потом он выжал воду из рукава в рот женщине, положил рукав на ее губы и сказал, что она может его сосать.

Таким же способом он разобрал и две остальные горки камней, стряхивая с них росу на нижние камни и после вытирая их налобной повязкой. Дно тарелок поблескивало собравшейся в них влагой. В каждой глотка четыре, не больше. Серый Призрак дал воду Джарвису и женщине и снова выжал влагу из налобной повязки себе в рот.

Небо было похоже на выцветшее и застиранное полотно. Пятном высохшей крови шевелилось невзрачное солнце. Однако жара была невыносимой. Казалось, что тела белогоглазого и женщины отбрасывают не тени, — возле лежащих, как над пустотой, была распластана полупрозрачная вуаль, и за вуалью находился некто, абрисами своего тела похожий на Джарвиса или же на его спутницу.

Паломина стояла, широко расставив ноги, будто уже уплывала на шаткой льдине в необозримые просторы смерти. Но Серый Призрак никогда бы не позволил себе ее убить даже выстрелом милосердия. У него не было желания оставлять беспомощных белогоглазого и женщину, хотя он догадывался, что, в случае, если ему удастся спасти их, в душе Джарвиса не появится и капельки благодарности. Во-первых, потому, что свое спасение он будет приписывать Всевышнему, к которому взывал. Во-вторых, по мнению Джарвиса апачу это ничего не стоило, ведь индейцы семижильные. Они вообще не испытывают боли и не способны сопереживать.

Серый Призрак, стараясь не смотреть на двух обессиленных людей, поискал вокруг глазами. Ему необходимы были предметы, из которых он сможет соорудить опоры для временного тента. Камни лежали недалеко. Он сложил из них горку около ярда высотой. Затем пошел к мертвым лошадям и принес седла, которые водрузил одно на другое в полутора ярдах от горки. Серый Призрак укрепил один край своей скатки на горке камней, а другой привязал к седельным ремням. Получился низкий навес, под которым можно было укрыться от солнца.

Серый Призрак ничего не сказал мужчине и женщине, но с паломиной тихо и доверительно разговаривал. Он попытался ей разъяснить, что ничего для нее не может сделать. Апач Белой горы просто попросил ее ждать, а сам, перекинув винчестер через

плечо и захватив с собой все фляги, и свои, и Джарвиса, отправился на северо-восток, ведь лошади ночью двигались именно в том направлении, значит, возможно, что-то почувяли.

Джарвис залез на четвереньках под тент. Он натянуто улыбнулся женщине, словно искал с ее стороны поддержку и понимание, но она обожгла его черными глазами, а затем, перевела взгляд в сторону Серого Призрака.

Серый Призрак все это видел, но думал только о том, как найти воду. Джарвис его не интересовал и, возможно, если бы тот умирал, он бы обошелся с ним, как с несчастным мулом. И никто бы не узнал, а Серый Призрак не смог бы себе объяснить, почему пожалел пулю.

11

День так и оставался полотном, натянутым над безучастной равниной, — грязновато-белый, унылый и слишком низко распластанный над землей, чтобы не чувствовалась глубина высоты. Но жара усиливалась. Солнце, вначале невзрачное, обрело четкие контуры и зависло, излучая бесконечную тоску и тотальное одиночество, будто пустыня была могилой, куда мог проникать только раскаленный взгляд высшего существа.

Серый Призрак знал, что женщина неотрывно смотрит на него, но делал вид, что находится в пустыне один. Уже уходя, он скользнул взглядом по Джарвису и женщине, но глаза его оставались совершенно равнодушными. Выражение растерянности в его желто-коричневых радужках появилось только тогда, когда он посмотрел на паломину.

В пустыне удаляющийся или приближающийся человек всегда ирреален. Его искажающееся под воздействием марева тело может говорить только о бессилии человеческого существа перед безучастностью вездесущего неба.

Лошади пытались уйти на северо-восток, значит их что-то тянуло туда. Поэтому Серый Призрак пошел в этом направлении. Его суженные глаза словно вспаривали колеблемую зыбь марева, но за пеленой открывалось безжизненное поле одиночества, и мнилось, что тень, отбрасываемая человеком, животным или кактусом — это единственное, что способно узреть солнце, а все остальное для него не существует.

У человека притупляются чувства и теряется острота восприятия, когда он долго передвигается по однообразной местности. Наступает момент, когда ему кажется, что он топчется на месте, ведь вокруг ничего не изменилось. Но Серый Призрак отмечал любые, даже самые незначительные детали: песок переходил в глину или изменялся в оттенке, встречающиеся камни иногда были разной породы и разной формы, поэтому каждый новый участок пустыни для него был неповторимым.

Серый Призрак внимательно изучал землю под ногами, пядь за пядью. Когда глаза уставали, наблюдал за пустыней, а затем бросал взгляд на горизонт. Набредая на камень или на небольшие скопления камней, он тщательно осматривал их. Полдень уже оплывал над пустыней полной безнадежностью, камни, встречающиеся на пути Серого Призрака, блекли и словно мимикрировали своей поверхностью под цвет широких участков равнины. Но потом и они исчезли и до самого горизонта тянулась плоскость красноватого песка.

Серый Призрак долго брел по песчаной равнине и видел только иногда вскидывающиеся маленькие смерчи, но одна деталь заставила его застыть на месте. В десяти шагах от него бледнело удлинненное пятно, похожее на высохший след, который оставляет после себя улитка. Это были волокна паутины, растянутой над небольшой норкой. Норка была вырыта на участке, усыпанном мелкими, не больше монеты камешками, поэтому стенки норки не обсыпались. К одному из волокон, словно темная росинка, было приклеено высохшее тельце мухи. Серый Призрак встал на колени. Он заглянул в норку, но ничего в ней не увидел. Поискав глазами вокруг, нашел принесенный ветром сморщенный листочек мескито. Казалось, что Серый Призрак раздумывает, что делать с этим листочком, но он просто искал место на паутине, к которому хотел прикоснуться. Кончиком листочка он потрогал паутину ближе к норке, и почти сразу из темного отверстия показалась черная вдова. На ее огромном брюшке явственно вырисовывался узор красных песочных часов. Не поднимаясь с колен, апач Белой горы окинул пустыню долгим внимательным взглядом. Пауки живут там, где есть насекомые, которые попадают в их сети. Вокруг, куда ни доходил взгляд, не встречалось ни одного камня, даже величиной с детскую ладонь.

Мухи же находят воду или на камнях, покрывающихся утром росой, или высасывая ее из мякоти плодов либо влажной почвы. Но камней нигде не было, и Серый Призрак не заметил ни одного кактуса или стеблей опунции.

Важно было не прозевать, не пройти мимо места, где вода подступает близко к поверхности земли. Серый Призрак пожалел, что не взял с собой паломину. Став на спину коня и вытянувшись во весь свой рост, он мог бы более тщательно осматривать местность вокруг. Но, с другой стороны, паломина бы полностью выбилась из сил, и неизвестно — удастся ли найти воду, а, если удастся, хватило бы воды лошади, белоглазому и женщине?

Если бы не черная вдова, предупредившая своим появлением, что источник воды может находиться недалеко, Серый Призрак не заметил бы места, над которыми вился рой крошечных пустынных мух. Он бы просто шел на северо-восток по прямой, но после обнаружения паучихи исследовал равнину, двигаясь по диагонали то к южному горизонту, то к северному, ведь источник воды мог быть где угодно. Рой мух вился низко над землей в раскидистой широкой котловине. Дно котловины находилось ниже поверхности остальной пустыни дюймов на десять, и пустыня опускалась ко дну впадины покато и незаметно, ибо диаметр почти круглой котловины был не менее трёхсот ярдов. Хотя бока впадины еле-еле понижались, это давало возможность воде во время редких дождей медленно стекать по пологим склонам и скапливаться на дне. С течением времени вода испарялась, но почва, где была лужа, еще много дней оставалась влажной. На поверхность впадины выходил суглинок, а места, укрытые песком, на ее склонах встречались редко, что тоже способствовало воде во время дождей стекать, не впитываясь в почву. Иногда из суглинка выпирали небольшие камни, вымытые потоками воды.

Если бы Серый Призрак не заметил вьющегося над землей роя мух, он бы пересек котловину и даже не подумал бы, что ее склоны покато понижаются. На дне впадины виднелись несколько, выступающих из земли камней. Именно возле них роились мухи. На почве с северной стороны камней сидела бледно-жёлтая бабочка. На первый взгляд земля не выглядела мокрой, но моты-

лѣк сосал воду из почвы, так что какое-то ничтожное количество влаги оставалось в перемешанной с песком глине. Вполне возможно, что в глубоких слоях земли еще оставалась вода.

Серый Призрак сразу же принялся рыть ножом яму в том месте, где сидел мотылѣк. Чем глубже становилась яма, тем более влажной становилась почва. На глубине ярда и десяти дюймов из глины начала просачиваться вода. Серый Призрак намочил в воде налобную повязку и сразу выжал ее себе в рот. Так он сделал несколько раз, а затем принялся ждать, когда в яме накопится столько воды, что ее можно будет набирать во фляги.

К вечеру апач Белой горы наполнил водой все фляги — и свои, и Джарвиса. Он зарыл яму, принес несколько камней и уложил их полукругом с южной ее стороны, чтобы камни затеняли влажное место. Нагруженный полными флягами, он пошел на юго-запад. Он шел быстро, отмеряя расстояние широкими упругими шагами, а когда солнце закатилось, и первая прохлада поползла над равниной, перешел на бег.

В сумерках его тело казалось пятном, которое образуется абрисом невзрачного куста чапарраля, и для любого, кто посмотрел бы на него со стороны, он оставался незамеченным.

Он дышал только через нос, чтобы меньше израсходовать влаги, да его с самого детства так и учили. Апачу Белой горы было пять лет, когда его разбудили на заре, приказали набрать в рот воды и указали на высящийся в полумиле от селения одинокий кедр. «Ты должен пробежать к кедру и обратно, и обязательно принести сюда воду во рту».

На пути к кедру никаких источников воды не было, а возле кедра сидел старый и седой как лунь Ква-Син. Увидев Серого Призрака, он только кивнул головой и ушел взглядом к селению. Серый Призрак повернулся и побежал обратно, а Ква-Син улыбнулся, но мальчик уже этого не увидел. До шестнадцати лет его будили каждое утро и увеличивали расстояние, которое он должен пробежать. Давали набрать в рот воды и говорили, куда он должен добежать и вернуться, дыша только через нос, чтобы уже в селении выплюнуть воду. «Запомни, — говорили ему, — враг может убить твоего коня. Может случиться, что поблизости не окажется никого, кто бы мог тебе помочь. Твои ноги — твои са-

мые лучшие друзья, сынок». И Серый Призрак бегал. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, он мог пробежать тридцать, пятьдесят, шестьдесят миль, не останавливаясь.

Равнина меркла, просто растворялась, словно уходила на дно огромного темного колодца. И лишь когда взошла луна, силуэт бегущего Серого Призрака снова обрел четкие очертания.

Серый Призрак знал, что во время долгого бега ни в коем случае нельзя думать о расстоянии, которое осталось пробежать. Необходимо подавить в своем сознании мысли о конце пути и о прекращении изнурения, и только внушать себе, что бег будет длиться бесконечно, а также попытаться вспомнить о чем-то хорошем и ласковом, чтобы постоянно держать его образ перед своими глазами.

Серый Призрак бежал легко — не усиливая темп бега и не убавляя его. Казалось, что усталость никогда не сможет овладеть его телом. Худой, жилистый, он дышал ровно и глубоко и не видел ни диска луны, ни мерцающую равнину. Он видел глаза женщины. Утром, когда он направился на северо-восток в поисках воды, женщина немного приподнялась, уперлась локтями в землю и долго смотрела ему вслед. Следила за ним, пока он не исчез за горизонтом, а затем, обессиленно опустилась на землю. Но глаза ее оставались широко открытыми, задумчивыми, обеспокоенными, и в них уже нельзя было разглядеть ни дерзкого вызова, ни растерянности.

Серый Призрак не убавил темп бега, даже когда разглядел впереди импровизированный тент. Равнина дышала, клубилась наплывами лунного света, будто бы все пространство вокруг представляло собой расплавленное серебро, а темные пятна и черточки на нем, как-то камни или лежащие неподвижно мужчины и женщина, являлись деталями оттиска, рисунком, который после отчеканят на остывшем металле.

Джарвис заметил бегущего. Для него он был похож на разрез в светящемся полотне, что распласталось над пустыней и иногда укрывалось зыбью, словно небо стягивало с себя отражение равнин, сминало в складки и отодвигало в сторону луны: одновременно с ночным светилом двигался её антипод — тёмный, продолговатый, истлевающий разорванными краями и из-за этого

увеличивающийся. К Джарвису, волоча брюхо и задние лапы, подползал койот. Проплешины в его шерсти переливались под светом луны, точно покалеченное тело животного выплакивало отчаяние и безысходность. Добравшись до шляпы, койот принялся поедать взявшуюся комками кровь, сначала хватая её пастью, а затем, с натугой проглатывая.

Серый Призрак, резко остановившись над лежащими, опустился на колени. Глаза и лицо его были спокойными. Он выглядел задумчивым, ушедшим в самого себя, будто просто присел посмотреть на уползающего койота. Луна качнулась, вспыхнула и выплеснула еще одну порцию своего сияния на покинутую Богом местность. На ее поверхности снова вырисовались пятна. Своей конфигурацией они напоминали тело умирающего от жажды мула.

Да Серый Призрак и не знал — найдет он воду или нет. Собирая фляги, свои и Джарвиса, он ничего не объяснял. Он знал, что вернется, но ему и в голову не пришло успокаивать двух изнуренных людей. Он повесил пустые фляги на плечо, все на длинных кожаных ремнях.

Джарвис выглядел испуганным и даже пытался что-то сказать, но голос его был тихим, как шелест песчинок на теле пустыни во время легкого утреннего ветерка, так что апач ничего не услышал или сделал вид, что не разобрал слов белоглазого. Он испытывал только одно чувство — покинутости. Он всегда себя так чувствовал, но данное состояние всегда усиливалось, когда рядом с ним находились другие люди.

Утренняя пустыня с темнеющими на ней трупами лошадей окрасилась в красные тона и походила на картину, на которой живописец пытался изобразить мрачную атмосферу скотобойни. Женщина смотрела на Серого Призрака широко открытыми глазами. Апач Белой горы уходил на северо-восток. Оторвавшееся от земли солнце воспламенило рдяным его правую сторону тела, которую на фоне красной пустыни невозможно было разглядеть. Казалось, что Серый Призрак постепенно истаивает, съедается сиянием багровых лучей. Наступил момент, когда только по уменьшающейся черточке можно было догадаться, что вдалеке двигается человек.

Женщина перевела наполненные тревогой глаза на длинную черту горизонта, но потом успокоилась, поскольку уже не могла разглядеть удаляющегося Серого Призрака: апач исчез, а значит, в её понимании, стал невидимым для врагов.

12

Команчеры, которые продали ее в Техасе за седло и пару серебряных шпор, дали ей имя Сезария. Ее купила зажиточная семья Бакеров, почти каждый год приводящая на свет по ребенку, а каждые три года навсегда прощающаяся с одним из своих отпрысков.

Ее сначала приковывали цепью к кольцу, вмурованному в сложенный из булыжников очаг. Металлическое кольцо на шее и металлическое кольцо в очаге, между которыми тянулась цепь, и когда женщина поворачивалась, цепь лязгала об пол, вымощенный желтоватым песчаником. Когда Сезария не приглядывала за выводком детей, не стирала, не готовила еду и не управлялась по хозяйству, она всегда сидела возле очага прикованной. Всеми силами она пыталась представить, что огонь в очаге — это закат, дом — ночь, а цепь на ее шее — горизонт. И тогда она уходила мыслями во времена своей юности. Было нечто абсурдное в том, что ее приковывали к очагу, нечто вопиющее и противоестественное всему ее мировоззрению, ведь ее с раннего детства учили взламывать горизонт, преодолевать его, бросать ему вызов, и до пленения ей бы и в голову не пришло, что линия горизонта может висеть тяжелым грузом на шее. Может это и сломило ее — куда бы она не пыталась направиться, горизонт тянулся за ней и лязгал по каменному полу.

В самом начале ее пути на запад, еще до того, как пала лошадь, Серый Призрак изредка подъезжал к ней, брал осторожно за руку и очень тихо говорил:

— Уже нет ничего, чтобы сдерживало тебя. Теперь ты снова та, кто преодолевает горизонт.

Серый Призрак уходил на северо-восток. Пустые фляги раскачивались на его плече. Женщина, приподнявшись на локти, провожала его тревожным взглядом. Даже когда она решила уйти с белоглазым, все равно втайне надеялась, что апач Белой горы не держит на нее зла. И как лихорадочно и поспешно она ни

ухватилась за Джарвиса Хилла, в ее душе все равно оставалось сомнение, мысль о том, что она вряд ли сможет вернуться к той жизни, которой жила последние пятнадцать лет.

Ее жизнь состояла из унижений, но с течением времени она смирилась. Серый Призрак никогда с ней долго не разговаривал: одно, два слова — вот и все, но она не жалела, что поехала с ним. И так же решительно, встретив Джарвиса Хилла, понадеялась на этого белого мужчину, ведь он постоянно молился. А за пятнадцать лет она уяснила немного истин. Одна из них — когда ее хозяева молятся, им в это время не до нее. Значит с ней не будут грубо обращаться.

Спокойное лицо и внимательные глаза склонившегося над ней Серого Призрака могли бы поведать о чем угодно, но только не о его желании спасти её, а вместе с ней и белоглазого. Женщине казалось, что он все делает машинально, и то, что другой человек расценил бы в его поступках, как стремление прийти на помощь, выручить, было похоже на заученные действия, как-то: ежедневное подтягивание всадником седельного ремня или неосознанное движение руками, когда после ветра или долгого сна приглаживают ладонями волосы на голове.

И команчero, которым воины-кайова продали женщину за выдавшее виды шомпольное ружье, постоянно насиловали ее. Даже во время молитвы. Случалось, что кто-то из них начинал креститься и взывать к Пресвятой Деве Гваделупской, но другие в это время могли задрать на Сезарии юбку и начать по очереди овладевать ею. Ее привязывали к колесу фургона, от которого несло зловонием начинающих разлагаться невыделанных бизоньих шкур. Команчero купили у кайова и шкуры, намереваясь продать их в Мексике. Перед тем, как выменять Сезарию за старое ружье, команчero долго выпытывали у воинов — будет ли ее кто-либо выручать? Станут ли искать ее или мстить за нее?

— Нет, — отвечали кайова. — Мы нашли её в одном из заброшенных мексиканских поселков.

Они безбожно лгали, и команчero об этом догадывались, ибо, по их мнению, что еще можно ожидать от безбожников, от раскрашенных дикарей? Но позарились на ее молодость и красоту. Ее обкручивали веревкой таким образом, чтобы руки бы-

ли полностью прижаты к телу, а затем привязывали веревку к заднему борту фургона. Так она и дошла до Техаса, — одна кожа и кости, в изорванной в лохмотья липкой и дурно пахнущей одежде, со спутанными в колтуны волосами. И никто бы, посмотрев на нее, никогда бы не догадался, что она была красивой девушкой.

— А если она попытается убежать и ей это удастся? — спрашивали у кайова команчero.

А кайова ухмылялись:

— Она не будет от вас убегать, чтобы навсегда вас покинуть. Она попытается освободиться от пут только для того, чтобы нескольким из вас перерезать глотку. Она не уйдет, не отомстив, так что ее легко будет поймать.

Команчero хохотали и так и не догадались, что ее безучастный и смиренный вид говорили только об одном: купленная ими девушка терпеливо ищет возможности убить хотя бы одного из них.

Ее приобрела зажиточная чета, чтобы возложить на неё обязанности приглядывать за детьми и управляться по хозяйству. Женщину звали Гертруда и она каждый год выбрасывала в мир из своей утробы по ребёнку. Ее мужа — Клайв. Клайв приказал Сезарии вытянуть руки перед собой. Он туго связал ей кисти, оставил конец веревки длиной ярда в полтора, и, дернув веревку, повел женщину за собой.

Они проходили мимо продавших ее команчero. Один из них разглядывал серебряные шпоры и пытался крутить на них звездообразные колесики. Сезария специально сделала вид, что полностью выбилась из сил. Она шла за Клайвом шатающейся походкой и часто спотыкалась. Рыжебородый команчero, увидев ее, отложил шпоры на борт фургона. В его глазах не было вины — одно любопытство. Но когда Сезарию, которую тянул за собой Клайв, повело в сторону, и она споткнулась и ударилась головой о борт фургона, он расплылся в улыбке. Он не успел вспомнить об ухмыляющихся воинах-кайова и об их предупреждении. Согнутая пополам женщина пыталась разогнуться. Команчero схватил ее за волосы, чтобы оттолкнуть. Но она успела двумя ладонями снять шпору с борта фургона и полоснуть команчero по шее острым колесиком. Если бы ей удалось ударить чуть выше, она бы

убила его, вскрыв ему шейную артерию. Но, поскольку она была согнута, удар пришелся чуть ниже, однако колесико все равно рассекло шейные сухожилия и сломало ключицу. Команчero хоть и выжил, но на всю жизнь остался калекoй, поскольку уже не мог поворачивать голову из стороны в сторону.

Другие команчero сразу схватились за оружие, но револьверы вытянули и находящиеся поблизости мужчины городка и сам Клайв.

— Товар продан, — сказал один из них. — Убирайтесь.

В этот же день команчero ушли из городка, а Клайв навсегда запомнил эпизод со шпорой. Он приковывал Сезарию к каменному очагу, как собаку, но никогда не осмеливался поднять на нее руку.

13

Джарвис не решился спросить, почему Серый Призрак так много воды отдал паломине, когда людям грозит смерть от обезвоживания. Вытерев ладонью мокрый подбородок, он поднялся, чтобы сделать несколько неуверенных шагов.

— На северо-востоке вы можете найти место, где есть вода, — сказал Серый Призрак, — Нужно только вырыть яму. Я это место отметил камнями.

Серый Призрак резанул желто-коричневыми глазами по лицу Джарвиса Хилла. Прежде чем сесть на паломину, отцепил от кучи камней свою скатку. Женщина следила, как он усердно сворачивает шерстяное одеяло, не спеша привязывает его к седлу. Он снял с плеча наполненные водой фляги, положил их возле Сезарии, а себе оставил одну, которую засунул в седельную сумку.

Серый Призрак был уже в седле, а лошадь повернулась и пошла на запад. Женщина смотрела ему в спину. Она знала, что, по обычаю, по правилам вежливости апачей Серый Призрак должен полубернуться, кивнуть головой и произнести ее имя. Но он ещё ни разу не обращался к ней по её прежнему имени, а произносить имя Сезария не решался. Она надеялась, что он хотя бы тихо скажет: «Джарвис», но Серый Призрак уезжал на запад, словно никого позади себя не оставлял.

Женщина стояла и смотрела. В лунном сиянии Серый Призрак выглядел, как одно из пятен на поверхности ночного светила, которое странным образом очутилось на земле.

— Апач Белой горы, — сдержанно сказала она.

Серый Призрак остановил коня, но не повернулся. Женщина подошла к нему. Положив правую руку на луку седла, перевела на него свой взгляд. Серый Призрак сузил глаза и попытался проникнуть зрачками как можно дальше, где сияние луны исчезало в темноте. Некоторое время он сидел, не шелохнувшись, затем легко спрыгнул с паломины, и только тогда женщина увидела перед собой его глаза — внимательные и недоверчивые. Его медовые радужки остановились на ее лице всего на несколько секунд. Внезапно она почувствовала сильные руки Серого Призрака на своих бедрах. У нее перехватило дыхание, сознание качнулось и расплескалось, но не мыслями, а предчувствием, достигшим предельной осознанности.

Она хотела еще раз произнести: «Апач Белой горы», но только обессиленно выдохнула воздух.

Серый Призрак, легко подняв женщину, посадил ее на лошадь. Подобрал поводья, он медленно повел коня к западному горизонту. Но женщина дождалась его глубокого голоса, убедительного и успокаивающего:

— Паломина ослабла и не сможет везти на себе двух людей.

Джарвис стоял, подавшись телом немного вперед. Он что-то шептал, еле-еле шевеля потрескавшимися губами, а затем, увидев, что Серый Призрак и женщина растворяются в сизой дымке, поднял с земли полные воды фляги и заковылял за апачем Белой горы.

Когда цепь отсоединяли от кольца, вмурованного в очаг, Сезария не становилась освобожденной. Конец этой же цепи привязывали к кандалам на ногах, и Сезария, управляясь по хозяйству, передвигалась осторожно и неуклюже, волочила за собой кандалы и постоянно лязгала металлом. Граница находилась слишком близко: территория без закона, где можно было встретить отряды кайова или команчей, начинались в тридцати милях от города. В целях торговли в места кочевий диких племен проникали только команчеры, являющиеся выходцами из штата Чиуауа. У них была договоренность с вождями, и, в принципе, единствен-

ный товар, который они привозили на индейскую территорию, — устаревшее оружие и никому не нужные безделушки. Остальное — рулоны ситца и ворохи бус — для отвода глаз.

В первый год рабства у Бакеров Сезария родила ребенка — мальчика.

— От команчоро? — не то спросил, не то констатировал Клайв, но позволил своей рабыне кормить ребенка. Мальчик прожил пять месяцев и умер, когда наступило индейское лето, осины обожгли желтым огнем небеса, а в воздухе летали длинные нити паутинок, — все будущие горизонты, которые никто из белоглазых не покорит и не взломает. Трехлетний сынишка Бакеров Пол привязался к Сезарии и к ее ребенку. Он постоянно бегал возле нее, старался помогать, поэтому Сезария полюбила его, как родного сына. Но когда Полу исполнилось шесть лет, он начал сторониться ее. Случалось, что, по отношению к ней, он вел себя цинично и грубо, но Сезария прощала ему: свою любовь к умершему сыну она перенесла на этого мальчика, и, если бы решила тогда молиться, в ее молитвах звучали бы просьбы к Господу наставить Пола на путь истинный.

В принципе Серый Призрак просто исполнял свой долг так, как его понимал, как его долгие годы учили. Его лицо не было похоже на бесстрастную маску, когда он присел возле женщины и поднес полную флягу к ее губам. Он просто измотался, смертельно устал, и тот край сознания, которым он продолжал контролировать свои поступки, высвечивал только одну мысль — о долге.

Джарвис попытался подняться. Недоверчивыми глазами он смотрел на флягу, полную воды, а Серый Призрак думал, что, когда бежал по ночной пустыне, сумел предугадать ближайшее будущее до мелочей, поэтому его ничего уже не может удивить. Но когда он поднес горлышко фляги к губам женщины, женщина губы не разомкнула, хотя умирала от жажды. Ее взгляд был очень спокойным и своими истоками пребывал в воспоминаниях о её детстве и юности. Женщина приподнялась на локти. Опираясь одной рукой о землю, другой взяла Серого Призрака за руку, но в глазах ее не было просьбы, да это и не было прикосновением, выражающим чувство благодарности. Мнилось, что она знала, какой именно долг Серый Призрак приходится исполнять, поэтому и старалась помочь ему сделать его поступок завершённым и безупречным.

Раньше она не задумывалась о том, сколько ему лет, ей было важно лишь одно, — Серый Призрак и она подходят друг другу по возрасту. Как мужчина и женщина. Но он был красивый мужчина. Она смотрела на его спокойное лицо и внимательные желто-коричневые глаза. «Ему лет 40, — подумала она. — Не больше». В черных, как воронье крыло, волосах начали пробиваться седые нити, и женщина вспомнила о бабьем лете и подумала о ночи бабьего лета, когда умер её сын.

Серый Призрак отлично понимал, что нельзя спешить. Низ фляги он опустил к правой скуле женщины. И только тогда она, немного вытянув губы и не отрывая от него взгляда, сделала маленький глоток. Легкое удивление плеснулось в теплой осени его радужек. Женщина еще сделала маленький глоток. Она пила медленно, держась своей рукой за руку Серого Призрака. Она пила так, словно не умирала от жажды, а просто решила пригубить какой-то напиток. Потом она слегка кивнула головой. Если бы сознание Серого Призрака было пустыней, равниной без конца и края, двумя светилами, которые бы освещали эту равнину, были бы глаза женщины. И тогда она еле услышала, еле уловила смысл слов, словно апач Белой горы произнес их в своем прошлом, а сейчас только вспомнил:

— Ты ничего не забыла. Твоя память о далеких днях свежа.

Он просто вспомнил эти слова своими губами, и вспомнил их еле слышно, еле уловимо. Женщина попыталась ему улыбнуться, но увидела, что он уже не смотрит на нее, а уходит взглядом к западному горизонту.

Нана не случайно выбрал Гуильяпу для последней встречи с Серым Призраком. Последней, если апач Белой горы решит отправиться на восток. Только спустя много дней Серый Призрак осознал, почему Нана назначил встречу в покинутом мексиканском селении. Разрушенные и занесенные песком дома напоминали могильные холмики на кладбищах белоглазых. Правда, погребенные под песком и глиной строения выглядели слишком большими для могил, но, если смотришь на них издали, кажется, что пред тобой раскинулось последнее прибежище, место успокоения белых людей. Серый Призрак об этом подумал, когда въезжал в городок Пануко де Коронадо, и мысль была удачной,

потому что она возвращала в минувшее, что и пытался сделать апач Белой горы — предстать перед кайова событием из их прошлого, о котором они забыли или не догадались вспомнить.

Нана достал из-за спины узел.

— Это мексиканская одежда, — сказал старик. — Тебе придётся заезжать во многие селения белоглазых. Постарайся выдавать себя за мексиканца, сынок.

Серый Призрак не оборачивался, чтобы узнать, продолжает ли идти за ним Джарвис Хилл, — он оставил ему достаточно воды в нескольких флягах, а куда двигаться, белоглазый волен выбирать сам.

Женщина окидывала горизонт таким же пристальным взглядом, каким Серый Призрак уходил в сторону западного неба. Вместе с внезапным теплом, которое разлилось по груди, к женщине пришла мысль, что у нее самой щеки так же запали, как у апача Белой горы, что ее рот стал таким же широким, как у Серого Призрака.

А Серый Призрак вел лошадь за поводья, и когда вскидывал на женщину янтарного цвета глаза, испытывал чувство замешательства, ведь, если ему не показалось, Сезария пытается вести себя так, как это делают апачи, находясь в военном походе или пересекая враждебную территорию. Серый Призрак начал надеяться, ибо подумал, что женщина подражает ему. «Она вспоминает...» Но ему показалось, он обманулся, потому что стоило солнцу подняться достаточно высоко, чтобы погрузить равнину в жару, женщину перестал интересовать далекий горизонт. Она все чаще ловила себя на том, что смотрит только на Серого Призрака, на его волосы, обрезанные ножом под каре, на его сильную руку, которой он сжимал поводья.

В ее жизни невольницы Серый Призрак появился внезапно. Она давно смирилась со своей судьбой, к тому же уже прошло несколько лет, как на ее ноги не надевали кандалы. Граница с каж-дым годом отодвигалась все дальше на запад, и нужно было не один день проскакать на лошади, чтобы достигнуть индейской территории. К тому же Сезария привязалась к мальчику, сыну Клайва. Материнский инстинкт, женская потребность заботиться о ком-то перечеркнули все остальные желания. Прошлое выглядело туманно и размыто, словно на нарисованную акварелью

картину плеснули воду, а рука Серого Призрака, ведущего паломину за поводья, четко и выразительно, поэтому женщина в прямом смысле подумала, что апач Белой горы сомнет горизонт, как уздечку, и дернет, и поведет за собой безжизненное пространство, всю пустыню, которая, возможно, и не была им побеждена, но прониклась уважением к красивому мужчине. Так подумала женщина. Как только ее посетила эта мысль, она сразу, обидевшись на саму себя, плотнее сжала губы.

Серый Призрак догадывался — какие мысли будоражат сознание Сезарии, но не испытывал радости, поскольку Сезария многое забыла из своей жизни до пленения. Он рассчитывал: пройдет один или два месяца, и женщина станет самодостаточной. Другими словами, она не будет нуждаться в помощи какого-либо мужчины и сможет выжить в любых условиях и в любом месте. «Да ведь она и выживала в долгом плену, — подумал Серый Призрак. — И не мне ее учить». Но, на самом деле, подобные мысли являлись лишь внешним проявлением его рассуждений — краем сознания или его бахромой. Постоянные размышления о женщине не облекались в слова, даже проговоренные про себя. Он не надеялся, а поступал так, как должно. И никто не сидел на изнуренной паломине, которую он вел за поводья, и никто не ковылял за ним в образе Джарвиса Хилла, ибо, и Серый Призрак хорошо это понимал: если подумаешь, что ты не один, если понадеешься — все пропало, ничего не получится. Надежда убивает способность предугадывать события будущего, потому что становится желанным будущим, а не возможным.

А женщина, возвышаясь на паломине, переводила взгляд от его правой руки, сжимающей поводья, к его голове. И ей было хорошо. Редкие седые нити в его волосах она воспринимала, как знаки отличия, как информацию о том, сколько горизонтов и невозможного Серый Призрак сумел преодолеть. Когда он полностью поседеет, а это случится через много-много лет, все горизонты будут взломаны, по крайней мере те, на которых сужались его янтарные глаза. Полностью седая голова апача — это испещренное символами преодоления пространство прошлого. И тогда уже не будет ничего, ибо исчезнет само пространство. И, возможно, о Сером Призраке вспомнит только высокая Белая гора, но только как об апаче Белой горы.

Серый Призрак, откинув голову немного назад, остановил зрачки на лице женщины. Он догадывался о ее мыслях, точнее чувствовал всплески тепла и отчаянья в ее сердце. «Так думают о гибели», — решил он.

Серый Призрак не верил в бесконечное существование души после смерти и воскресение тела, как об этом говорили почти все белоглазые. Апачи считали, что Творец, создав мир и, обустроив его для людей, удалился, предоставив людям возможность самим решать свою судьбу. Он наделил апачей терпением и мужеством, и поэтому никакой другой помощи они не должны от него ждать. Они не должны надеяться. И эту пустоту, состояние жизни без надежды чувствовала женщина и наполнялась желанием опустить свою руку на плечо Серого Призрака. И именно из-за того, что в душе апача нет места надежде, женщина не сразу решалась убежать из неволи и поехать с Серым Призраком. Она была уже достаточно долго в пути с апачем Белой горы, чтобы понять: он ни от кого не ожидает помощи. А Серый Призрак подумал, что после смерти его не будут ждать ни зеленые холмы охоты, в которые верят племена Великих равнин, ни нескончаемый лучезарный праздник, на который уповают белоглазые, — будет лишь абсолютная пустота, и если от сознания Серого Призрака что-то и останется, то оно будет проявлять себя, как короткие вспышки, во время которых он сможет увидеть наполненные тревогой глаза женщины и услышать ее слова, которыми она попытается обуздать свой порыв: «Апач Белой горы...»

Скорее не Джарвис плелся за Серым Призраком и женщиной, а Серый Призрак старался не выходить из его поля зрения. Он не испытывал к нему жалости, он делал это ради женщины, поскольку понимал, что женщина чувствует ответственность за своего недавнего попутчика. Но если бы случилось, что никакой женщины не было, а за Серым Призраком ковылял Джарвис, апач Белой горы вел бы себя точно так же, — он бы помог белоглазому выбраться из безводной местности, ибо твёрдо верил, что не смерть должна находить человека, тем более смерть от обезвоживания организма, а человек обязан выбирать вид своей гибели. И хотя Джарвис был недостойн такого выбора, апач Белой горы оставлял ему шанс.

Серый Призрак старался не оборачиваться и не смотреть — отстал белоглазый или нет. Это делала женщина, и, если бы с Джарвисом в самом деле что-то случилось, он начал бы отставать или свалился на землю, Сезария бы сообщила, что тот нуждается в помощи.

От внимания Серого Призрака не ускользнуло, как женщина пила воду, как смотрела на него, как, сделав глоток, откидывала голову немного назад и блуждала глазами по его лицу. С каждым глотком ее ладонь все сильнее сжимала руку апача, но она не навязывала ему себя и не пыталась его удержать. Серый Призрак все понимал. Она слишком долго находилась в плену и каждый день слышала слова из священной книги белоглазых. Серый Призрак тоже слышал слова из Библии, и смысл многих из них нравился ему, но он никак не мог уяснить, почему человек должен чувствовать себя рабом Творца, и что это за Творец, который создал для себя рабов, пусть иногда они еще считают себя и его детьми. Дать жизнь ребенку, чтобы сделать его невольником, — в этом было нечто абсурдное, вопиющее и совершенно лишенное правды: Божество, которое способно сделать все, да и сделавшее, ибо по его воле родился этот удивительный мир, создает для себя беспрекословных и бесправных существ.

Серый Призрак, поднимая Сезарию, чтобы посадить ее на паломину, удивился — насколько она легка. Но он не подумал о ней, как о щуплой женщине. Сезария была высокой, всего на полтора дюйма ниже апача Белой горы. Серый Призрак ничего не знал о гравитации и силе тяготения. «Просто она поддалась мне, — подумал он. — Из-за уважения или в знак благодарности».

Длинная тень Джарвиса иногда добежала до ног паломины. Солнце только начало всходить, поэтому даже небольшие возвышенности, как камни или холмики земли, отбрасывали от себя неестественно длинные тени, из-за которых пустыня становилась словно бы испещренной темными линиями и больше походила на рисунок, созданный техникой графики, а не на настоящий мир.

Но Джарвис видел хорошо, очень отчетливо Серого Призрака и женщину. Он часто молился, шептал слова благодарности Всевышнему и просил того позаботиться о язычнике — апаче Белой горы. «Где она, Белая гора? — думал он в перерывах между молитвами. — Блеснет ли снегами вдали ее вершина?»

Когда солнце поднялось высоко, Серый Призрак, прикопав приклад винчестера в земле, соорудил из своей скатки косой тент. Тень прикрывала только половину тела, но этого было достаточно, чтобы хоть как-то уберечься от жары. Серый Призрак закрыл глаза и попытался уснуть. Он знал, что может спать спокойно: чтобы дать ему возможность отдохнуть, Сезария будет следить за пустыней. Уже проваливаясь в сон, он услышал легкий шорох шагов Джарвиса. Белоглазый, встав на четвереньки, неуклюже заполз под тент. Он постарался лечь так, чтобы никому не мешать, но всё равно прижался к левому плечу Серого Призрака, — тень от скатки укрывала только его голову и верхнюю часть тела. Серый Призрак разомкнул веки, — на него смотрели внимательные черные глаза. Женщина слегка кивнула. Ее цепкий взгляд ушел далеко на запад, где несколько приближающихся черных точек начали превращаться в стервятников.

Серый Призрак просыпался несколько раз. В первые секунды после сна воспринимал висящее над ним одеяло, как набухшее пылью и песком небо. В целом, он проспал часа три, но не сразу поднялся, а, приподняв голову, сказал, чтобы женщина периодически двигала ногами, ибо падальщики могут принять их неподвижные тела за трупы. Притронувшись к плечу Джарвиса и разбудив его, женщина передала ему слова апача Белой горы. И когда Джарвис, еще не полностью проснувшись, спросил — «Зачем? Пусть себе стервятники кружат», — ответила:

— Если стервятники кружат на одном месте, значит они обнаружили убитых или раненых людей. Если кто-то находится в пределах нескольких миль, он заметит птиц и направится сюда, чтобы узнать, что случилось.

Тени стервятников на неровной поверхности пустыни выглядели мохнатыми, будто по равнине ползли огромные черные гусеницы, утыканные ворсинками. Сами же птицы с распластанными крыльями напоминали зависшие в небе кресты, и Джарвис, сложив ладони под подбородком и исподлобья наблюдая за ними, пробормотал текст из Писания. Серый Призрак все еще лежал. Он снизу смотрел на приподнявшегося белоглазого, поэтому

видел лишь его белки глаз, похожие на голубиные яйца. В который раз мысль Серого Призрака не облеклась в слова, а мелькнула светлой полоской над горизонтом. Ровная, как натянутая тевина, она разорвалась и исчезла.

Показавшийся край луны был чистым и белым, словно набежавшая на веко слеза, и мнилось, что низ неба выдавливает из земли овальную льдину, которая покоилась там ещё с незапамятных времён. Женщина хотела что-то сказать. Она притронулась ладонью к руке Серого Призрака, ожидая от него распоряжения или просто спокойных слов, но начал говорить Джарвис, быстро и проникновенно, приводя в пример цитаты из Нового Завета, однако Серый Призрак даже не попытался вникнуть в их смысл. Белки глаз Джарвиса влажно вспыхивали. Он говорил о ночи, которая наступит после смерти, но которая является бесконечным днём. Его слова не оставили в сердце Серого Призрака ни капли надежды: «До ночи нужно поджарить конину», — подумал он.

Женщина ушла взглядом к западному небу и уже могла не переводить глаза на Серого Призрака, — там, где высь ровным краем вонзалась в землю, она видела апача Белой горы. Видела мысленно как человека, который постоянно движется от одного горизонта к другому. Поэтому единственным подобием креста, при виде которого Сезария перестала вспоминать Библию, однако понимала, что следование за этим подобием распятия только и даёт надежду на спасение, был Серый Призрак, когда перекидывал винчестер с плеча на грудь и держал его параллельно земле.

Серый Призрак, отвязав скатку от ствола винтовки, дернул ее. Нижний край, прижатый к земле несколькими камнями, освободился: одеяло, на мгновение распластавшись, опало и стало похоже на смятую стену плато Могольон, севернее которого и обитали апачи Белой горы.

Женщина ходила за Серым Призраком по пятам. Она помогла ему напоить паломину, а когда апач Белой горы привязывал скатку к седлу, стояла возле лошади и гладила ее по шее. Она старалась предугадать дальнейшие действия Серого Призрака, чтобы хоть чем-то ему помочь, поэтому он, бросив на нее быстрый взгляд, удовлетворительно подумал: «Она пытается предугадать события будущего».

Джарвис рассматривал пространство вокруг себя, словно пытался определить, в каком месте пустыни оказался. К его мокрой от пота спине налип песок. Сероватое пятно своими контурами напоминало проплешины на диске луны, и Серый Призрак отвернулся, потому что перед ним открывалось слишком много знаков, которые он не мог, да и не хотел разгадывать. Однако, отвернувшись, он оказался лицом к лицу с женщиной, и постарался хотя бы в этой ситуации спокойно отреагировать на труднообъяснимое. Он сделал вид, что проверяет — хорошо ли натянута подпруга, но женщина стояла, выпрямившись, и взгляд ее не был осуждающим. Серый Призрак не посмел догадаться, что она надеется, да ведь она и не должна была надеяться, как ни на что не надеялся он сам. Прядь волос прилипла к её щеке, будто обозначая путь от земли к небесам, от широких скул к широко открытым глазам, от дыхания к мысли. И когда он поднимал Сезарию и садил на паломину, укоряя себя за то, что начинает надеяться, ибо вот-вот должно было плеснуться в ее глазах что-то, что он не сможет моментально объяснить, по крайней мере, не размышляя, принять, как давно ему знакомое, как необходимое ему, на ее радужках отразилась безупречно ровная линия горизонта, и женщина была легкой, воздушной, словно апач Белой горы поднимал одно платье.

Солнце проскальзывало за землю, низенькие деревца мескито, увядая по своим краям оранжевой каймой, походили на разобщённых путников, слепо ковыляющих к западной стороне неба.

Перед тем, как снять скатку и воткнуть винчестер в землю, Серый Призрак предложил Сезарии флягу с водой. Ее руки не сделали ни одного торопливого движения. Она бережно приняла флягу с его рук и сделала несколько маленьких глотков. Затем, полоснув Серого Призрака пронизательным взглядом, вернула ему флягу. Еле заметный кивок его головы женщина восприняла, как знак одобрения. Но он не взял флягу с ее рук, а глазами указал, чтобы она дала попить белоглазому. Сезария отдала флягу Джарвису. Она не отрывала глаз от Серого Призрака, но слышала, как громкими глотками вода уходила в горло Джарвиса. Не поворачиваясь, она протянула руку немного назад и оторвала флягу от его губ. Серый Призрак указал глазами на седло, к которому были привязаны еще несколько фляг. Сезария поняла. Она закинула ремень фляги за ляжку седельной сумки и туго его стянула.

Проходя мимо редких деревьев мескито, Серый Призрак иногда наклонялся, чтобы отломать или подобрать сухие ветки. Женщина полуобернулась, чтобы указать Джарвису рукой на кусты. Он тоже начал собирать ветки.

Ближе к ночи Серый Призрак, сняв женщину с коня, принялся разжигать огонь.

Жареную конину они ели молча, тщательно пережевывая.

16

Что бы подумал Нана, если бы Серый Призрак оказался перед ним в компании белоглазого? Он бы долго смотрел выцветшими от старости глазами. Его зеленоватые зрачки сужались бы и расширялись, и их медленная пульсация воспроизводила бы зарождение мысли, в которой бы не было места ни жалости, ни сочувствию.

— Тебе придется трудно, сынок, — сказал Нана. — Но ты сам вызвался.

— А может это мы подтолкнули его сделать этот поступок? — спросил Чиуауа, тоже рассматривая мир светлыми глазами, но только серыми. — Но тебе не стоит рассчитывать, Серый Призрак. Даже мое огромное желание принять тебя, чтобы ты стал чирикахуа, даже огромное желание Наны и Джосани никогда не возьмает силы, ибо все остальные наши воины враждебно относятся к апачам Белой горы. Вы, однажды, нас предали. Вы перестали сражаться и начали служить разведчиками в армии белоглазых.

— Чтобы выслеживать нас, людей красной краски, — добавил Нана.

— Почему же никто из ваших мужчин или юношей не пытается сделать то, что намерен сделать я?

— А они не знают. Им не известны подробности. Ведь о том, что случилось, рассказал нам ты. За тобой и право. Другое дело, если бы ты отказался. И потом, Серый Призрак, не слушай Чиуауа. Он может ошибаться как любой человек. Может стать, что после твоего поступка наконец-то между нами и апачами Белой горы наступит мир.

Они сидели в давно покинутом викиюпе. От покрытия остались только толстые ветки, между которыми тонкими полосами

виднелось небо. «Так в вечернее время выглядит пустыня, укрытая длинными тенями», — подумал Серый Призрак. Нана внимательно смотрел на него, а затем сказал:

— Потому что небо — это пустыня, сынок. Только еще более безжизненная. На земле, какая она ни есть, можно найти источники воды. Я никогда не понимал белоглазых, которые уповают на небеса, где ничего, кроме жажды, нет. Ведь небо — это обитель солнца.

17

Под светом луны особенности ландшафта только угадывались, словно прячущееся за вуалью лицо. Равнина вытягивалась, разрасталась в сторону востока, а бледно-голубые радужки Джарвиса Хилла сливались с цветом склер, как будто их заволакивало чем-то мутным. Мерещилось, что выбеленная равнина простиралась до самых его потаённых мыслей. И его мысли постепенно иссякали, как и лунный свет, который на западе разбивался о чёрную стену неба.

Серый Призрак именно так и подумал. Другими словами, в его сознании родилось представление о рассудочной деятельности белоглазого, как о тусклом и постепенно иссякающем свете, который окружают поля мрака и равнины забвения. В понимании апача лишь невыразительное и еще не оформленное могло становиться зародышем мысли, и поэтому сама мысль, едва появившись, ослепляла. И наиболее полной, и яркой она становилась за чертой горизонта, куда человек мог проникать только своим воображением.

До поселка Пануко де Коронадо добирались несколько дней. Паломина немного окрепла, питаясь редкой мексиканской травой. У неё должно было хватить сил для рывка. Сезария отказалась ехать верхом. Она предложила Серому Призраку передвигаться в седле, чтобы лучше осматривать горизонт, тогда как сама шла бы рядом. Апач отрицательно покачал головой, его ладони крепче сжали уздечку, а на лице появилось выражение, будто женщина своими словами прервала привычный ход его мыслей.

Но постепенно лицо Серого Призрака снова становилось строгим и замкнутым, и только иногда его внимательный взгляд, который он устремлял прямо за запад или окидывал им равнину, говорил о том, что апач заметил нечто подозрительное.

Джарвис тоже стал лучше себя чувствовать, но все равно плёлся сзади, пытаясь соблюдать дистанцию между собой и Сезарией. Хотя его память не была удаленной в глубины, на самом ее дне, как раненое животное, ворочалось предчувствие, что все, в чем ему раньше удавалось находить душевную опору, здесь становится совершенно бесполезным. Он не испытывал тщеславия или высокомерия, не чувствовал себя посрамленным, но относительно уверенности и сомнения как бы потерял годы и превратился в неопытного мальчика, который не задает вопросы, — Серый Призрак все равно бы никак на них не отреагировал, а, сощуривав янтарные глаза, пропустил бы мимо своих ушей.

Из-под копыт паломины поднимались лёгкие облачка пыли. Они были похожи на пар, выдыхаемый в морозный день. Серый Призрак заметил, что взгляд женщины уходит к ногам лошади. Он почти догадался, о чем она думает, но не спросил ее, а только недоуменно вскинул брови. «Пар превращается в паломину, хотя она его и создала, — попытался он отвлечься от раздумий о прошлом Сезарии, но мысль о снеге, который ступает сам, идёт по своей воле, не давала ему покоя.

— Снегопад, уходящий к небесам? — спросила женщина. — От раскаленной пустыни в высь?

Уголки губ Серого Призрака вздрогнули. Зрачки женщины полностью растеклись по черным радужкам. Мнилось, что она утратила способность различать предметы и должна протянуть перед собой руку, как и делает незрячий человек, когда пытается передвигаться в незнакомом месте. И она в самом деле начала приподнимать правую руку, но ладонь Серого Призрака скользнула по ее запястью.

Джарвис иногда догонял их, то есть принимал осознанное решение не плестись сзади. Он хотел участвовать хоть в каком-нибудь разговоре, просто желал перекинуться словом, пусть даже пустым и ничего не значащим. Однако, стоило ему начать двигаться вровень с ними, он видел только их замкнутые и отрешенные лица.

Вокруг ничего не изменилось, — пустыня выглядела такой же однообразной и тоскливой, но Серый Призрак поднял предупредительно руку.

— Поселок находится в часе пути, — сказал он.

Возле невысокого плоскогорья, подступающего к Пануко де Коронадо с юга, Серый Призрак словно обжег женщину своими желто-коричневыми радужками, в которых она увидела такое смиренное одиночество, что у неё перехватило дыхание. Повернувшись к Джарвису Хиллу, она попыталась найти на его лице хоть какое-то выражение смятения, чтобы удостовериться, что ради этого человека стоит рисковать, но, задержавшись глазами на его искривлённых губах, перевела взгляд к западному горизонту, поднимающемуся к небу волнистой линией, которая будто двигалась и как бы замирала зигзагообразным размахом кнута.

Джарвис поспешно кивнул: он догадался.

18

Серый Призрак, подержав некоторое время руку на шее паломины и дождавшись, когда она повернет к нему голову и его лицо отразится в ее огромных глазах, одним прыжком оказался в седле, но поехал медленно, очень медленно, — лошадь двигалась мягко и осторожно, будто ступала по савану, растянутому над бездной. Пыль из-под копыт не поднималась, а на поверхности пустыни оставались лишь четкие, как отчеканенные, вмятины от копыт, и глаза апача Белой горы не задерживались ни на одном предмете, ни на одном участке: его взгляд не был сосредоточен даже на черте горизонта, а растекался по западному склону неба, которое, в принципе, было ничем иным, как продолжением пустыни, только синей и снизу укрытой бордовыми мазками, образованными лучами заходящего солнца.

Ничего не случилось, ничего очевидного или явственного, но паломину начало водить из стороны в сторону, словно она полностью выбилась из сил и должна повалиться на землю. Немного влево, затем немного вправо на широко расставленных и вот-вот обязанных подогнуться ногах, — медленно, неестественно медленно. И что-то удерживало ее, как будто она постоянно прислонялась к твердой стене, которая появлялась то сле-

ва, то справа от нее, пока, покачивая гривой, лошадь, наконец, не исчезла в длинном коридоре, образованном невидимыми стенами. Но она не растаяла, не испарилась, подобно дыханию зимой, — как Джарвис не вглядывался, паломина и всадник ничем не отличались от бурого мазка, оставленного лучами солнца на западном небе. Однако Сезария догадалась: для Серого Призрака являлось первостепенным быть незамеченным со стороны поселка, а не с высоты плоскогорья, где находились она и Джарвис Хилл.

Бордово-оранжевые лучи обтекали размытые силуэты Серого Призрака и паломины, а затем тонкими сияющими нитями тянулись дальше на восток, к темному, как скала, монолиту неба.

— Он исчез, — прошептал Джарвис. — Как ему это удалось?

Женщина хотела ответить, то есть поделиться своей догадкой или прозрением, ибо она ясно видела, что несколькими минутами ранее Серый Призрак не приближался к поселку по прямой: хотя лошадь пошатывало, апач Белой горы постоянно тянул удила в правую сторону, и паломина неуклонно смещалась к северу. Внизу было только одно место, из которого лучше всего было наблюдать за плоскогорьем — новенькая церковь, и Серый Призрак старался выглядеть для наблюдателя, который бы смотрел на плоскогорье со стороны церкви, кустиком чапаррала, облитым лучами заходящего солнца, или одной из неровностей ландшафта, которая в солнечном свете выглядела более матовой и бархатистой, чем на остальных участках, ибо от Серого Призрака и его коня лучи не отражались, как от поверхности всего плоскогорья, искрящегося кристаллами кварцита.

Серый Призрак ехал не выпрямившись, не пригнувшись к шее паломины, а свесившись влево, поэтому любой разведчик, как бы пытливо не всматривался, смог бы только разглядеть невнятное, буроватого цвета пятно, похожее на старое, обломившееся в полутора ярдах от земли дерево. Но он никогда бы не подумал о Сером Призраке и об лошади, как о сломанном стволе, а заметил бы на покато поднимающемся плоскогорье вымытое дождями углубление, в которое не попадали лучи заходящего солнца. Эффект исчезновения усиливался еще и тем, что апач Белой горы находился на фоне плоскогорья, а не на фоне неба. В сознании наблюдателя могло бы зародиться со-

мнение, но лишь при условии, если бы он часом или двумя часами ранее тщательно изучил бы все особенности поверхности плоскогорья, а поэтому полностью, во всех деталях, помнил недавнее прошлое.

Серый Призрак мог бы дождаться ночи и только тогда въехать в Пануко де Коронадо, однако вероятность напороться в темноте на отряд кайова, решивший заночевать возле колодца, была очень высокой. Он должен был удостовериться, что в покинутом селении никого нет. Он не боялся, что его могли заметить в светлое время суток, хотя сделал все возможное, чтобы оставаться невидимым. Даже будучи обнаруженным, апач Белой горы мог сделать рывок и ускакать далеко от того места, где находились Сезария и Джарвис Хилл. Ночью он бы вернулся за ними и забрал с собой, чтобы либо выждать, когда враги покинут поселок, либо обогнуть Пануко де Коронадо и продолжит путь на запад — без воды и надежды.

Пануко де Коронадо находился у подножия плоскогорья. С возвышенностей, расположенных на юге и юго-востоке, он открывался сразу, внезапно, и создавалось впечатление, что линия горизонта обрывалась, обнажая ландшафт, который расположен уже за нею. Поэтому у многих людей, подъезжающих к Пануко де Коронадо с юга или с востока, возникало именно такое ощущение — свершившегося. Именно по этой причине сумасшедший пастор, хотя и неосознанно, выбрал для своей церкви место, которое после изнурительного путешествия по пустыне открывалось глазам странников, как доказательство, что усердные молитвы обязательно помогут достигнуть территории, где высь соприкасается с твердью. Но для Серого Призрака небо с улиц заброшенного поселка выглядело таким же, как и в пустыне, и находилось на такой же высоте, не дальше и не ближе.

— Потому что небо — это та же пустыня, сынок, — говорил ему Нана.

Серый Призрак въехал в поселок, свесившись с лошади и прижимаясь к её шее, нашептывая ей на ухо слова о последнем рывке, если в таковом возникнет необходимость. Пануко де Коронадо стал недосыгаем для лучей заходящего солнца. Он будто провалился ниже дня, ушел за пределы времени — лилово-

темно-зеленый, поэтому любой человек, зашедший в поселок, но не запечатлевший в своей памяти особенности улиц и разрушенных домов, принял бы Серого Призрака за кучу камней, образовавшуюся из обрушенной стены.

Чтобы стать полностью невидимым для глаз врага, Серый Призрак старался быть отсутствующим. Он не думал об опасности и не загадывал ничего наперед, а только внушал себе, что Пануко де Коронадо не существует. Но он не воспринимал посёлок, как иллюзию. Он просто отсутствовал, а, если где-то и пребывал, то вне зоны, просматриваемой из селения. Он перестал быть всадником, вообще человеком. Любой, даже хорошо знавший Серого Призрака, увидел бы вместо него тусклое, с размытыми краями пятно, и только опытный чирикахуа, если бы таковой оказался в поселке и внезапно остановил свой взгляд на лилово-зеленой тени, постарался бы войти в состояние, будто сам он отсутствует, а существует только его суженный зрачок. Он начал бы внедряться зрачком в сердцевину тени, терпеливо и безучастно, и тогда, возможно, на фоне полуразвалившегося дома всплеснулся бы алыми контурами апач Белой горы.

Джарвис смотрел на погружающийся в сумерки поселок. Он ожидал, что Серый Призрак вот-вот появится, вынырнет либо в конце улицы, либо возле церкви, но ничего не было. И только скосив глаза на женщину и отметив про себя, куда уходит траектория ее взгляда, догадался, где следует искать апача Белой горы. Он хотел спросить: «Как ему это удается?». Но промолчал.

Пануко де Коронадо выглядел темным озером, выдыхающим из себя купол небес, но одновременно он напоминал объект или явление, который небеса воспринимали, как единственно реальными. Другими словами, и селение, и вьсь являлись производным друг друга, то есть представляли собой небо вообще.

Джарвис снова покосился на Сезарию. Она продолжала внимательно разглядывать поселок.

— Серый Призрак станет видимым, лишь только кто-то обнаружит себя в Пануко, — сказала женщина. — Или если в селении никого не окажется.

— Почему? — спросил Джарвис.

— Потому что мы должны думать о Сером Призраке не сейчас, а тогда, когда мы о нём не думали.

Поселок наполнялся сгущающимися сумерками, словно глухая ночь вначале должна была зародиться на его улицах, а затем, разросшись, укрыть собой все пределы пустыни.

Строение церкви уже не напоминало цветок ветреницы, а выглядело отрезком светлой материи, опускающимся в глубину темных вод: в полумраке раздувался и опадал парус, который постепенно затягивал на дно бескрайнее и еще просматриваемое пространство равнин.

Серый Призрак погладил шею паломины. Он не хотел возвращаться мыслями в поселок, хотя уже находился на его окраине. Кусок светлой материи плавно ускользал вниз, но придонное движение воды должно развернуть его, от чего он станет почти невидимым, по крайней мере, для желто-коричневых глаз.

Серый Призрак выпрямился: ассоциация была слишком очевидной, — на дно небес опускалось отражение его медового цвета радужек. Если бы Серый Призрак улыбнулся — разочарованно или насмешливо — он бы перестал быть отсутствующим, и в полумраке селения сразу бы стал доступным для любого выстрела.

«Лучше не возвращаться», — постарался не подумать он, и как только отогнал эту мысль, почувствовал себя оставленным за пределами самой глубокой, самой пронизательной памяти. Серый Призрак уже находился нигде, и его бы никто не заметил, даже если бы он начал носиться по улицам Пануко де Коронадо, — просто ветер прошелся низко над землей и взметнул пыль.

Серый Призрак даже не предполагал, что, садясь в седло, бросит быстрый взгляд на женщину.

Лошадь повернула голову к прильнувшему к ней всаднику. В ее доверчивых глазах отразился Серый Призрак, но не один: он восседал на паломине.

Серый Призрак не позволил себе рассуждать о том, что это могло бы значить, но почувствовал, к чему это может привести. Его прыжок был плавным, он скользнул над крупом лошади, касаясь лицом её гривы, но успел бросить взгляд на Сезарию. Глаза женщины метнули горячий блеск, а волосы качнулись, словно над пустыней ударил и сразу поник ветер. И все это длилось одно мгновение, но Серый Призрак заметил мельчайшие детали. Чув-

ство опустошенности, которое вначале заполнило его сердце, он вначале принял за собственное желание стать отсутствующим. Однако стремление превратиться в невидимого смешалось с чувством недоумения, что и заставило его сердце биться тревожнее. Он понимал, что любой белоглазый, заметив подобное поведение женщины, испытал бы радость и надежду, поскольку все говорило бы ему о том, что она гордится им. Но апача Белой горы это только настораживало. Женщина-чирикахау никогда бы не испытала тщеславия из-за того, что мужчина, к которому она равнодушна или который просто ей помогает, решил ради нее riskовать своей жизнью. Она бы оценила его намерения и была бы безмерно ему благодарна, но радости, трепетного отклика в ее сердце такой поступок не вызвал бы. Всеми своими силами она попыталась бы уберечь мужчину от ненужного риска, пусть даже тот был необходимым в подобной ситуации. Она предложила бы ему обсудить, как, например, более безопасно въехать в Пануко де Коронадо, как свести опасность к минимуму, и, если бы мужчина все равно решил рискнуть, думая, что это единственный выход, в ее глазах была бы только тревога, а не торжество.

Серый Призрак не испытывал радости, ибо Сезария не возвращалась, хотя последнее время ему казалось, что она приближается.

Нет, мысль, даже самая мимолётная, не коснулась сознания Серого Призрака. Он в самом деле въехал в поселок опустошенным и, касательно любого переживания, чувствовал себя отсутствующим. Но в затылок ему дышало нечто, что он назвал бы предугадыванием или предупреждением, потому что не нуждался в восторге женщины, в ее сопричастности с ним. Настоящая апачка тоже провожала бы его взглядом, но полным озабоченности и даже страха. Она бы не стояла, выпрямившись, будто сама бросала вызов судьбе, а присела бы и, возможно, перебирала пальцами песок, делала бы нечто, что могло бы отвлечь ее от тревожных мыслей и немного успокоить. И если бы рядом с ней находились люди или один человек, ради которых собирался riskовать мужчина, они присели бы рядом с ней, прижались бы друг к другу, словно бы вросли в землю, — даже таким способом соучаствуя процессу исчезновения их спасителя из поля зрения любого врага и любого наблюдателя.

Безмолвный, покинутый, забытый Пануко де Коронадо все равно таил в себе опасность, присутствие чужого. Еле различимый на фоне полуразрушенных домов Серый Призрак в самом деле пребывал в прошлом, а, если бы иначе, его мог бы заметить каждый.

До строения церкви оставалось ярдов сто пятьдесят. Через полуоткрытую дверь длинным прямоугольником чернело внутреннее помещение. Серый Призрак медленно повернул паломину вокруг своей оси, его глаза разбежались по Пануко де Коронадо, растеклись по всем его полуразвалившимся домам. Серый Призрак все запечатлел в своих зрачках, даже прошедший день, но не как визуальный образ: канувшее в его восприятии присутствовало подобно наитию или предчувствию. Если бы взгляд Серого Призрака наполнился усталостью, будто стал тяжёлым и, чтобы поднять его или перевести в другую сторону, требовалось бы усилие, это означало бы, что там, где остановились зрачки апача, находится что-то подозрительное, удивительное или непредвиденное.

Серый Призрак перевел взгляд на восточную сторону поселка. Он не напрягся в ожидании опасности, но овладевшее им чувство опустошенности стало интенсивней. Его зрачки медленно пульсировали, — то заполняли собой радужки, то обнажали глаза, точно те становились незрячими и одним медовым цветом воспринимали окружающее пространство, как густой клубящийся туман.

Серый Призрак поехал вдоль условной траектории своего взгляда. Он не управлял паломинкой: она сама предугадывала, на каком объекте её хозяин мог бы сосредоточить свое внимание, если бы не отсекал внешнее, как непроглядную пелену, а от образов будущего попытался бы ускользнуть в свои воспоминания.

Медленно, очень медленно он перекинул винчестер со спины на грудь. Его зрачки перестали пульсировать. Он почувствовал: нечто похожее на срезанные зеленые стебли словно ретушью наполнило туман его прошлого: под стенами дома зеленела бы сочная трава, если бы было достаточно света, чтобы ее разглядеть.

Серый Призрак не пытался что-либо узнать, однако, по мере того, как опускал свои ничего не видящие глаза вниз, его зрачки

сужались, а ощущение одиночества усиливалось, будто ему удалось не просто исчезнуть из пространства селения, — его вообще никогда не существовало.

Возле дома паломина подняла голову. Своей позой она показывала, что готова быстро сорваться с места и перейти на бешеный галоп. Серый Призрак, свесившись к земле, прошелся ладонью по траве. Верхушки стеблей были срезаны зубами коня, и произошло это часа два или три назад.

Серый Призрак ощупал траву, словно находился за пределами поселка, и о прикосновении зеленых стеблей к своим пальцам не думал, а ощущал его, как одно из возможных проявлений времени — утраченного или не наступившего, но никогда не являющегося настоящим. Однако, выяснив, что в поселке совсем недавно находился какой-то человек, мог позволить себе вернуться, перестать быть отсутствующим. Он выровнялся, попытался окинуть Пануко де Коронадо взглядом, но сдержал себя. В течение нескольких минут он походил на изваяние, восседающее на лошади, которая принялась жадно поедать траву.

В сознании Серого Призрака не родилась конкретная мысль: если трава сощипнута, значит должны быть следы того, кто это сделал. Он опустил глаза. Справа налево осмотрел землю около дома. Следы он заметил не сразу, — необходимо было усилие, чтобы сконцентрироваться на участке возле северной стороны дома. Рельеф следов вырисовался внезапно — отпечатки копыт коня. К дому подходили две цепочки следов. Одна тянулась от церкви к полуразрушенной стене, другая уходила к западной стороне поселка. Серый Призрак был уверен, что незнакомец въехал в Пануко де Коронадо с севера. Если иначе, апач увидел бы или почувствовал следы, когда въезжал в поселок с юго-востока, оставив на плоскогорье своих спутников. Осмотрев церковь, незнакомец направил коня к домам, что тянулись вдоль восточной стороны улицы. Обнаружив там траву, он дал своему коню возможность немного попасться, но, соблюдая осторожность, не спешил. Решив, что его конь достаточно поел зеленой травы, направился на противоположную сторону улицы.

Серый Призрак сначала поехал по следам к церкви. Долго смотрел в черный просвет полуоткрытых дверей, но в строение не зашел. После вернулся к дому, возле которого росла трава, и снова поехал по следам, ведущим к западной стороне поселка.

Все произошло именно так, как он и предполагал. Незнакомец проник в поселок с севера, зашел в церковь, потом поехал на восточную сторону улицы, где обнаружил траву и позволил своему коню пощипать зелёные ростки. Видно, он обладал хорошим чутьем или что-то знал о Пануко де Коронадо, потому что источники воды на восточной стороне поселка не искал, а сразу поехал к колодцу, расположенному на западной стороне селения, наполнил фляги и напоил коня. Следы от колодца вели на запад, в пустыню.

Вряд ли кто-нибудь посещал заброшенное селение после незнакомца. Серый Призрак мысленно проследил цепочку следов, теряющуюся на западе. Конь незнакомца не выбился из сил, поступь его была уверенной и легкой. «Подкованный конь белоглазого», — подумал Серый Призрак. Он бросил задумчивый взгляд в сторону плоскогорья, которое нельзя было разглядеть, ибо оно сливалось с чернотой небес, просто на нем не мерцали звезды.

Женщина не могла его увидеть, как и он ее. Джарвис что-то шептал — самозабвенно, вдохновляясь каждым произнесенным словом. Сезария сосредоточила взгляд на Пануко, — не на какой-то конкретной точке в гуще тьмы, а на самом явлении, которое можно было бы назвать — заброшенное мексиканское селение. Она слышала шепот Джарвиса. Нельзя было сказать, что она не обращала внимания на его слова. Если бы возникла необходимость, нечто подозрительное, она бы сразу услышала все звуки, которые бы раздавались вокруг нее. Ее зрачки уходили в пучину темноты, и в какой-то момент она почувствовала, что ничего не чувствует. Она не смогла бы даже сказать, где сейчас находится, ибо стала отсутствующей. Ей это удалось, но она об этом не подумала. Она уже ни о чем не думала и ничего не видела, а пыталась оказаться рядом с Серым Призраком.

Шепот ускорился, стал захлебывающимся. Джарвис молил Господа, чтобы тот оградил Серого Призрака от опасности. Иногда мрак перед глазами женщины словно пропитывался в землю, и на его месте появлялась полоса мутного света. Но в этом свете Сезария тоже ничего не видела. У нее заныло в груди, но она не подумала о том, что, став отсутствующей, перестала где-либо находиться. Она присутствовала нигде, если иметь в виду мест-

ность, пространство, лежащую в темноте пустыню. Но она находилась возле своего сердца, и именно ее сердце обязано было узреть Серого Призрака, различить его посреди непроглядной ночи, среди безвыходной тьмы.

Сердце Сезарии стало бескрайним и, одновременно, замкнутым на образе апача Белой горы и его лошади. Но вряд ли силуэт Серого Призрака мог бы вырисоваться возле её сердца: просто оно, как только бы он приблизился к плоскогорью, впустило бы апача в себя. И оно уже его облекло, — женщина непроизвольно отвела в сторону правую руку, ибо сердце наполнилось болью.

Если бы Джарвис сумел об этом догадаться, он бы подумал, что женщина протянула руку в сторону, чтобы уравновесить щемящую боль под левой ключицей, ибо ее сердце словно съедало ее тело и тянуло его вниз. Но женщина об этом не думала. Она ничего не видела. Ее глаза были широко открыты, вокруг радужек налилась кровью сетка прожилок.

— Серый Призрак, — тихо сказала женщина. Ее слова прозвучали без утвердительной или вопросительной интонации, и они не являлись облекшимися в членораздельную речь воспоминаниями. Она называла, произносила то, что сдавливало ее сердце.

— В поселке никого нет, — раздался глубокий голос Серого Призрака. — Сегодня мы напьемся воды.

19

Сезария не сразу обратила на него внимание — худой, в расширяющихся возле щиколоток мексиканских штанах и с накинутым на плечи серапе он стоял напротив товарной лавки, в которой она часто покупала продукты. Его можно было принять за мексиканца, но что-то настораживало ее. Он держал руку на холке соловой лошади и смотрел на прохожих и на улицу городка Андрус как на нечто несуществующее, задержавшееся своим изображением над краем равнин, чтобы проплыть, колеблясь, к горизонту и растаять в сизой пелене.

Она увидела его, когда он уходил взглядом вдоль улицы. Она не смогла бы с уверенностью сказать, что перед ней стоит индеец, облачившийся в мексиканскую одежду. Его волосы

были обрезаны под грубое каре, редкие седые пряди блеснули под солнцем, на мгновение вырвав сознание женщины из действительности и внедрив его в ненавязчивый и ласковый свет бабьего лета.

Когда Серый Призрак еще не увидел ее, она могла бы сказать, что в Андрус заехал мексиканец, однако сильно похожий на индейца. Но стоило ему перевести на нее взгляд и остановить на ее лице свои желто-коричневые радужки, она сразу стала уверенной в том, что перед ней индеец, и не из тех, которые околачиваются возле поселений американцев в поисках подачки. Это был житель пустыни — сухопарый, выше среднего роста, бог весть каким образом оказавшийся в городке Западного Техаса.

Прошло несколько лет, как ее уже не приковывали к очагу и не надевали на ноги кандалы. Она свыклась, даже начала находить хорошие стороны в своей жизни невольницы. Да и невольницей она уже не была. С течением времени семья, купившая ее у команчero, привыкла к ней, и она как бы стала для них их дальней родственницей, приехавшей к ним, чтобы приглядывать за своими племянниками и племянницами.

Но как только Серый Призрак остановил на ней свой взгляд, она руку могла дать на отсечение — индеец, воин, и ее не могла обмануть его поношенная мексиканская одежда.

Ежедневная работа с утра до позднего вечера отвлекала ее от мыслей о прошлом. Ее судьба была трудной, даже ужасной. И хотя семья, купившая ее у команчero, уже несколько лет относилась к ней, как к родственнице, в ночное время, лежа в постели и уходя зрачками в потолок, она часто испытывала приступы внезапной тревоги и отчаянья, однако после сна, принявшись за повседневные обязанности, чувствовала себя намного лучше, и даже случались моменты, когда она, остановившись посреди комнаты или посреди двора, начинала перечислять преимущества своей жизни в Эндрюсе. Преимущества в сравнении с той жизнью, которая была до пленения. Унылые серые дни, но сытые и лишённые опасности. Единственными врагами, постоянно подкрадывающимися к ней, были мысли о старости, — нужна ли она будет семье Бакеров, когда Клайв и его супруга покинут этот мир, а их отпрыски женятся и выйдут замуж?

Жизнь у Бакеров, даже когда их отношение к ней улучшилось, и она, в принципе, уже не являлась их рабыней, притупляла желания и заставляла искать удовлетворение в монотонности, то есть в уверенности, что в будущем не будет пыток и не будет голода, а крыша над головой и хозяйство спасут от лишений.

Однако, посмотрев Серому Призраку в глаза, она почувствовала его одиночество — самодостаточное и всепоглощающее, ибо он не пытался от него избавиться, однако и не нес его, как свой крест. Одиночество для него было естественным состоянием, чем-то, о чем он серьезно не задумывался и о чем никогда не жалел.

Серый Призрак на несколько секунд опустил глаза. Он не хотел, чтобы женщина подумала о нем, как о дерзком мужчине. Его взгляд был спокойным, но в задумчивых и внимательных глазах проступало легкое недоумение. И вдруг она поняла, что этот худой индеец, облачившийся в поношенную одежду белых, одним своим присутствием предоставляет ей возможность вспомнить все.

У нее перехватило дыхание, но она быстро взяла себя в руки, переложила корзинку с продуктами с одной руки на другую, повернулась и заспешила домой, стараясь отогнать от себя мысль, что вела себя слишком откровенно, внимательно разглядывая незнакомого мужчину. Однако позже она поняла, что эта мысль была второстепенной, даже, скорее, обманчивой, ибо старалась этой мыслью успокоить себя. Однако, отбросив мысль, она испытала чувство, будто впустила в свое сердце пустыню, безграничную и раскаленную, с одним единственным разумным существом, пересекающим ее просторы на изнуренной лошади.

— Серый Призрак, — сказала женщина бесшумно появившемуся перед ней апачу Белой горы, а сама подумала: «Серый Призрак».

Она отвела взгляд от странного человека. «Надо спешить домой», — ударила в голову мысль — тяжело, безжалостно, словно за женщину думал кто-то другой, которому было наплевать на ее чувства.

Она заторопилась к своему дому. Накрахмаленные юбки шуршали, точно старая змеиная кожа, и Андрус в самом деле заволокло пеленой, подобной цвету чешуек на коже змей, от которой эти животные каждую весну избавляются. Но Андрус не пы-

тался ускользнуть в пустыню и, когда женщина, спотыкаясь от быстрой ходьбы, окинула городок взволнованным взглядом, тот не выглядел помолодевшим.

Она была уверена, что худой мужчина провожает ее долгим взглядом. Но она ошиблась, — Серый Призрак лишь бегло посмотрел ей вслед. Правой рукой он машинально подтянул подпругу на паломине, а через несколько секунд уже был в седле и натягивал удила.

«Этот человек издалека, — подумала Сезария. — Господи, из каких же он далеких краев?» Ей казалось, что Серый Призрак неотрывно смотрит ей вслед, не может оторвать от нее глаз, но апач Белой горы, развернув паломину, медленно поехал в противоположный конец городка.

Женщина сдула прядь, упавшую на ее лицо. Но прядь снова упала и качнулась перед глазами, как длинный хобот далекого смерча.

Она была уверена, что встретила человека из пустыни, из диких территорий. Жизненный опыт подсказывал ей, что человек из пустыни почти ничему не удивляется. И не потому, что все постиг. Скорее, по той причине, что многое прочувствовал и множество раз размышлял о тех явлениях и событиях, которые никогда не сможет постигнуть, — длинный хобот смерча, высохший источник, пустая фляга, пуля или стрела врага дают ему возможность познавать мир, но по-другому, не так, как это делают белые американцы.

Она винила себя, поскольку, только заметив мужчину, не отвела от него взгляд. Ее зрачки блуждали по его лицу всего лишь доли секунды, но ей этого хватило, чтобы сразу определить, что он не мексиканец, хотя и пытается себя выдавать за вакеро из Соноры или Чиуауа.

В его спокойной позе, в его стройном сухопаром теле невозможно было разглядеть претензию на величавость, присущую индейцам Великих Равнин. Его поза говорила об одном — никого вокруг него нет, только опасные фантомы. Хотя он и носил имя — Серый Призрак, в нём самом ничего не говорило о призрачности или зыбкости. Скорее все, что окружало его, для него имело призрачную природу. И день он измерял не временем, а поступком либо усилием, которое необходимо было приложить, чтобы этот день миновать.

Она выдала себя, и худой индеец это заметил. Он слишком привлек ее внимание, и теперь она уходила сконфуженной и ошарашенной. Она надеялась, что пройдет некоторое время, и ее сердце успокоится, но внезапно жар нахлынул на ее лицо: «Удивительный мужчина, — подумала она и сразу, — Зачем же я так? Ведь я его совсем не знаю».

«Ничего, кроме правды, — подумал Серый Призрак, удаляясь к южной окраине Андруса. — Она должна узнать всю правду. Стоит ей только захотеть».

И она успокоила себя: внезапная мысль заставила кровь отхлынуть от лица, зрачки снова сузились, и Сезария уже могла бросать взгляд куда хотела, даже в бесконечную даль, поскольку все равно ничего не могла там разглядеть, кроме пелены. В ее сердце снова закралось сомнение, и к лицу опять подступила кровь, заставив щеки вспыхнуть румянцем.

Но позже она часто хваталась за мысль, заставившую кровь отхлынуть от лица, — было бы глупо, совершенно неестественно и вопиюще неприлично проигнорировать присутствие незнакомца, похожего на индейца, не обратить внимание на его прямой и пытливый взгляд, ибо с ней такого никогда не случалось, и ей не приходилось сталкиваться лицом к лицу с человеком, который бы ничего от нее не хотел, выглядел задумчивым и предлагал медовым цветом своих радужек, скорее всего, только одно: ничего не забывать и продолжать надеяться.

И как только она услышала голос Серого Призрака, он возник перед ней на неподвижном коне, будто никуда не уезжал, будто ночь состояла из бесчисленных черных пластов, которые невидимая рука бесшумно перетасовывала, пока, наконец, один из них с изображенным на нем апачем Белой горы не застыл вертикально на плоскогорье. Совершенно безучастный, погруженный в свои мысли Серый Призрак высился возле женщины, и она с недоумением подумала — как паломина могла так бесшумно подойти по каменистой местности, а затем застыть изваянием? На фоне укрытой мраком долины Серый Призрак, одетый в вылинявшую ситцевую рубаху, выглядел светлым силуэтом, способным, если понадобится, сразу раствориться в темноте. Он в самом деле походил на серого призрака, поэтому женщина, стараясь отыскать своим взглядом его глаза, спросила:

— Почему тебя так назвали? За умение появляться внезапно?

Его широкие губы плотно сжались. По повороту головы Серого Призрака женщина определила, что он посмотрел на Джарвиса, уже переставшего молиться.

— Я не думал об этом, — произнес апач Белой горы. — Все апачи умеют бесшумно передвигаться — в пустыне, в горах, в густых зарослях. Белоглазые и мексиканцы называют меня Амидайо.

— А как называешь себя ты?

— Ты, — ответил серый Призрак. — Я называю себя — Ты.

Женщина кивнула, — мол, она все поняла, и лишь на следующий день отчаянье снова сжало ее сердце: «Но ведь бесшумно подошел не он, а его лошадь», — подумала она.

20

Рассвет напоминал стаю трепещущих рыб, приближающихся к пепельному началу дня. В какой-то момент их тела слились чешуйками в одну лоснящуюся полосу, и лишь затем появился багровый край солнца, похожий на разверстую жабру: день, едва наступив, начал задыхаться.

Сезария ехала за Серым Призраком, который шёл впереди, ступая мягко и бесшумно. До самого рассвета она не могла сомкнуть глаз, вслушиваясь, как посапывает Джарвис, и как безмолвно, словно бездыханный, лежит апач Белой Горы. Поступь паломины была плавной и монотонной. Веки Сезарии становились тяжёлыми, и она в полубезытии начинала клониться к луке седла.

Проснувшись, быстро выпрямлялась, чтобы не упасть, сонно открывала глаза и облегченно вздыхала: стройное тело Серого Призрака перечеркивало ее радужки подобно вехе или знаку, которые она не должна была выпускать из поля своего зрения.

Джарвис вел паломину. Он иногда поглядывал на женщину, приподняв вверх подбородок, но, пытаясь заглянуть ей в глаза, видел в них лишь отражение Серого Призрака, над которым трепетали ресницами верхние веки Сезарии. «Черное крыло, — всплывала в его сознании мысль. — Латинский крест, горизонтальный брус которого парит и трепещет». Джарвис втягивал в легкие раскаленный воздух. «Свят, свят, свят, Господь Бог Вседержитель, Который был, пребудет и есть», — слетало с его губ.

Во время плена у команчери Сезария постоянно чувствовала себя изнуренной. Пищу ей давали редко: кто-то из мексиканцев вспоминал, что пленнице тоже необходима еда. Кусок маисовой лепешки обычно оказывался у нее под ногами, и ей приходилось наклоняться и поднимать его из пыли. Но как только она выпрямлялась, сразу же неловко раскидывала в стороны руки, чтобы сохранить равновесие и не упасть: голова кружилась, а взгляд заволакивало пеленой. Перед глазами роились светлые точки и пятнышки, и только спустя несколько минут, когда зрение восстанавливалось, Сезария могла различать на теле пустыни мельчайшие детали.

Выйдя из состояния полудремы Сезария открывала глаза, но Серого Призрака видела в том же цвете, как и блеклые фигурки, всплывавшие у нее перед глазами, когда она была пленницей и ей приходилось поднимать с земли пресные тортильяс.

«Почему ему дали имя Серый Призрак?» — подумала Сезария. Она попыталась продолжить свои рассуждения, но ее мысль соскользнула со слепящей поверхности дня, и если и давала о себе знать, то из глубин полузабытья, уже будучи отодвинутой на край памяти. Однако, только как мысль о причине, по которой апача Белой горы называли Серым Призраком.

Сезария наклонилась, чтобы прошептать на ухо паломине ласковое слово. Огромные глаза лошади были сфокусированы на Сером Призраке. Рубашка на его теле трепетала от легких порывов ветра и изменялась в цвете от темно-серого к снежно-белому, из-за чего апач казался истаивающим. Ветер словно стачивал его тело, словно каждое его дуновение отрывало от Серого Призрака небольшие кусочки, чтобы после восстановить его целиком, но уже в другом месте. Почти так и произошло, хотя, на самом деле, Серый Призрак просто слился своей вылинявшей рубашкой и старыми хлопковыми штанами с цветом небольшой возвышенности.

Поднявшись на ее вершину, он не выпрямился во весь рост, а осторожно, пригнувшись, приподнял над ней голову. Прямо перпендикулярно на запад уходили две цепочки следов — человека и лошади. Поступь лошади была неровной, она часто останавливалась и будто увязала копытами в почве, оставляя глубокие, как бы расползающиеся в стороны следы. «Незнакомец торопится,

хотя и спешил, чтобы поберечь коня», — подумал Серый Призрак. Повернувшись назад, он долго смотрел на восток, но не заметил никаких признаков погони.

Возвышенность представляла собой небольшой конусообразный вал, растянувшийся с севера на юг ярдов на шестьсот. В самой высокой точке он достигал высоты не более тридцати футов. Незнакомец перестал интересоваться Серого Призрака. Он и раньше не вызывал в нем сильного любопытства, просто апач остерегался, что на этого человека охотятся. Не важно, кем были преследователи, и не важно, кем являлся незнакомец — все они несли с собой опасность.

Если пойти по западному склону каменистой возвышенности на север или на юг, можно скрыть следы и ускользнуть от людей, которые гонятся за незнакомцем. Увидев, что на запад от возвышенности уходят следы только одной лошади и одного человека, преследователи решают, что те трое людей и два коня, оставившие следы с восточной стороны возвышенности, разделились. Ведь до возвышенности тянулись не только следы коня незнакомца, но и следы паломины, а также следы Джарвиса и самого Серого Призрака. Преследователи могут подумать, что два человека и лошадь пошли по каменистому склону на север или на юг, а третий со своей лошадью продолжил путь на запад. И дай Бог, чтобы они не догадались, что до возвышенности одна из лошадей двигалась с сидящим на ней всадником.

Серый Призрак надеялся, что следы из-за ветра через некоторое время станут размытыми, и те, кто пытаются догнать незнакомца, если они не апачи, вряд ли сумеют определить, что до возвышенности на одной из лошадей сидел всадник.

На западном склоне возвышенности Серый Призрак, достав из седельной сумки четыре куска кожи, обмотал ими копыта паломины. Не обмотанные копыта могли оставить на камнях царапины или, если это песчаник, раздавливать его на множество кусков. Опытный следопыт сразу бы заметил поцарапанные или раздробленные копытами булыжники, даже если бы лошадь была неподкованной.

На юг вдоль возвышенности все пошли пешком, чтобы отягощенная всадником паломина не оставляла следов. Серый Призрак попросил Сезарию и Джарвиса идти только по участкам, которые полностью укрыты камнями.

Миновав возвышенность, они снова оказались на доступной всем глазам равнине. Никого не было, никаких признаков, что в пустыне в радиусе

нескольких миль еще кто-то пытается существовать.

Женщина смотрела перед собой, но взгляд ее не был постоянным. Она осматривала местность впереди себя, словно преследовала ее, но из-за усталости делала это рывками: ее взгляд летел к какому-то близкому объекту и, коснувшись его, возвращался к зрачкам. Перед глазами Сезарии возникал только образ пустыни, лишенный каких-либо признаков и особенностей. Она опять бросала взгляд — дальше, как забрасывают на речную гладь рыболовную сеть, и, охватив им участок пустыни, подтягивала к себе, словно воспоминание, которое сразу же начинало исчезать: площадь, охваченная взглядом, по мере приближения к зрачкам уменьшалась, а затем просачивалась сквозь сетчатку глаз, как в пористый лед. Поэтому Серый Призрак, идущий впереди, виделся Сезарией по-разному. Иногда ей казалось, что он находится в двадцати ярдах от нее, а иногда она его видела исчезающей черточкой на горизонте.

— Сезария, — сказал Серый Призрак, появившись перед ней внезапно, будто у ночи, в ее недостижимой высоте таилось множество изображений, которые она иногда роняла на землю, и в данный момент решила опустить перед глазами женщины Серого Призрака. Мрак, заполнявший Пануко де Коронадо, ощущался густым и тягучим, как патока. Женщина растерянно улыбнулась, услышав голос апача Белой горы. Она подумала, что в такой темноте он не заметит ее улыбку, но он заметил.

Дойдя до участка, где начинали расти редкие деревца паломверде, Серый Призрак остановился. Подойдя к нему, остановились Сезария и Джарвис. Взгляд паломины растекся по низкорослым растениям, но в ее глазах листья и тонкие ветки не отражались, — только стволы, словно частокол, словно столбики корраля, которыми пустыня норовила оградить смутные чувства изнуренного животного.

Вода, стекающая с возвышенности во время дождей, образовывала временный ручеек, который, добежав до небольшой котловины, разливался и увлажнял почву, что дало возможность вырасти полутора десяткам низкорослых деревьев. Возле неко-

торых паловерде, особенно с северо-восточной их стороны, виднелись кустики щерицы с уже засохшими метелками, на которых темнели маленькие красно-коричневые зерна.

Серый Призрак размял одну из метелок в мелкую массу. В его ладони блеснули зёрнышки, диаметр которых был не больше 1,2–1,5 мм.

Солнце словно бы сделало долгий выдох, и над пустыней разлилась еще более невыносимая жара. Подойдя к паломине, Серый Призрак просто погладил ее. Лошадь повернула к нему голову. Она все поняла. Медленно, даже вяло начала переходить от одного паловерде к другому. Если находила щерицу, съедала ее.

Женщина подумала, что ей удалось предугадать намерение Серого Призрака. Придерживая нижний край юбки одной рукой, другой она пыталась отделить семена от измельченной метелки, но апач остановил ее.

— Постараемся хоть что-то собрать поздно вечером, — сказал Серый Призрак. Он указал глазами на невысокое, но раскидистое паловерде.

— В его тени будем отдыхать до сумерек.

Его голос был тихим, но лишенным спокойствия, тем более безмятежности: слова окрашивались еле уловимой интонацией настороженности. Женщина посмотрела в сторону, а потом снова перевела зрачки на жёлтые глаза Серого Призрака.

Решили дежурить по очереди, — сначала Джарвис, через два часа Сезария и последним апач Белой горы.

Серый Призрак дал команду паломине лежать. Лошадь нашла себе место возле соседнего деревца. Из-под склонившихся веток ее глаза будто напозлали на людей и окутывали их другим временем, которое не наступит.

Сезария не удержалась. Поднявшись с земли, она подошла к лошади и заглянула ей в глаза. Она думала, что на роговицах глаз паломины должен отразиться паловерде с раскидистой кроной и лежащий в ее тени Серый Призрак.

Джарвис взмахнул рукой, — мол, что случилось? Сезария подняла руку и вяло опустили ее, дав понять, что все в порядке.

В глазах паломины отражалась рослая крепкая лошадь, устало бредущая по идеально плоской пустыне.

Солнце коснулось края земли, когда Серый Призрак, присев на одно колено и окидывая взглядом пустыню, разбудил своих спутников.

Сразу же, перекинувшись несколькими словами, начали собирать семена щирицы, которые высыпали в подол юбки Сезарии.

Переход от света заходящего солнца к свету, который начала изливать поднимающаяся луна, произошел незаметно: дневное светило уже теряло пустыню из поля своего зрения, а ночное ещё не могло её тщательно разглядеть. «Почему?», — внезапно подумала Сезария.

— Что находится там, по ту сторону солнца и луны? — спросила она.

— Пустыня, только еще более безжалостная, — ответил Серый Призрак.

Щирицы собрали самую малость. Семян, если их отобрать от массы размельченных метёлок, набралось бы не больше пригоршни. Достав из холщовой сумки косынку, женщина высыпала в нее семена и сделала маленький узелок.

Серый Призрак стоял ярдах в десяти. Облитый лунным светом он казался высеченным из льда. К нему, как заколдованная, медленно приближалась паломина. Небо выглядело заплетенным множеством слоев паутины, — ни одной звезды, только на севере, ближе к поверхности пустыни можно было увидеть несколько огоньков, словно там кто-то рассыпал крошечные крупинки золота.

Серый Призрак разделил остатки воды, не забыл и о паломине. Для последнего рывка, если в нем возникнет необходимость, оставил четверть фляги — на всех.

— Огонь разожжем утром, когда его не будет видно, — сказал он.

Сезария пыталась уловить выражение его глаз, но Серый Призрак смотрел на запад. Когда же он бегло взглянул на нее, его глаза оранжево вспыхнули, точно луна, скользя по ночи, как огниво, высекла пламя.

— Будем двигаться на запад, — сказал апач Белой горы. — Параллельно следам незнакомца.

Паломина внезапно застыла. Вытянув шею, она стояла на полусогнутых ногах.

Серый Призрак сделал тихий щелкающий звук, — лошадь легла на землю. Затем коротким жестом он показал, что нужно лечь всем, и пустыня перестала уходить к горизонту телами трех странников. Прижавшись к земле, Серый Призрак смотрел в направлении возвышенности. Женщина тоже посмотрела туда. Она увидела, что там что-то двигается.

— Это всадники, — сказал Серый Призрак, догадавшись, какой вопрос женщина хотела ему задать.

— Те, что преследуют незнакомца? — спросила Сезария.

— Наверное, — ответил Серый Призрак.

Для неопытного взгляда на возвышенности ничего не происходило. Человек, который не запомнил, как выглядят ее контуры, не увидел бы ничего подозрительного. Только обладающий хорошей визуальной памятью смог бы разглядеть, что в лунном свете вершина возвышенности постепенно изменяется, будто представляет собой разостланное полотно, что ветхо, истлевая и еле-еле колеблясь, проплывает над её верхним абрисом.

«Десять или двенадцать всадников», — подумал Серый Призрак.

Цепочка верховых сползла вниз, как змея, и исчезла в тени вершины. Если бы луна поднялась выше, ее лучи осветили бы западный склон возвышенности, но она ещё пребывала юго-востоке и постепенно уменьшалась, словно сила тяготения переместилась с пустыни в небеса, и выроненное светящееся яйцо, из которого должен был родиться новый мир, неумолимо удалялось в глубины космоса.

Из тени на освещенную лунной равнину вышел человек, чтобы посмотреть — есть ли на земле какие-нибудь следы. Пройдя ярдов пятьдесят на запад, он вскрикнул, хотя его голос еле донесся до Серого Призрака и его спутников. Человек поднял предупредительно правую руку, но опустил ее медленно, без напряжения. Потом он нагнулся и долго смотрел себе под ноги, нюхал почву и просеивал сквозь пальцы песок. Разогнувшись, он опять вскрикнул.

Серый Призрак знал, что из-за дневного ветра, пусть и слабого, от следов незнакомца и его лошади мало что осталось, но только не для индейского разведчика.

— Кайова или команчи, — прошептал он. Женщина жала кулаки: прошло много лет, но она хорошо помнила жестоких и по-детски легкомысленных воинов-кайова.

Разведчик вернулся к возвышенности, где сразу исчез в глубокой тени. Серый Призрак предполагал, что преследователи советуются, куда ехать, — прямо по следам на запад или, учитывая, что к возвышенности подошли два коня и три человека, повернуть на север либо на юг. Если они повернут на юг, то через несколько минут выедут на освещенную луной равнину и быстро достигнут места, где спрятались Серый Призрак и его друзья. Отправившись на север, они поедут вдоль тени и неизвестно — вернуться ли обратно.

— Если они поедут на юг, — сказала женщина, — мы увидим их слишком поздно, чтобы уйти незаметно.

Луна постепенно приближалась к середине южного неба, а западный склон возвышенности освещался, будто тень была водой, которая испарялась или отступала и на своем месте оставляла сероватую почву, укрытую клочьями высыхающей пены.

— Рано или поздно эти люди вернуться, пройдя на север некоторое расстояние и не обнаружив никаких следов, — сказал Джарвис.

Серый Призрак окинул проповедника недоуменным взглядом, но тут же, отдав должное его взволнованному голосу, уважительно кивнул.

Полчаса, не поднимаясь с земли, ждали появления всадников, но кайова или команчи уехали на север. Серый Призрак сделал языком щелкающий звук, — паломина вынырнула из тени, образованной кроной паловеردة.

На запад пошли один за другим: Серый Призрак вел за собой паломину, за паломиной шла Сезария, замыкал цепочку Джарвис.

Обвязанные кожей копыта почти не поднимали пыли: лишь только нога паломины касалась земли, вокруг неё образовывался белый окаем, словно лошадь выдавливала из почвы густой вязкий сок, который ещё несколько секунд держался над отпечатком круглым беловатым валиком. Проходило время, и пыль впечатывалась лунными лучами в песок, однако продолжала фосфоресцировать, как бы очерчивая колеблемые мраком вмятины.

«Прах, которая становится светом луны», — подумала Сезария. Она надеялась, что когда-нибудь продолжит разговор с апачем Белой горы о луне, как о глазном яблоке, блуждающим множеством радужных оболочек по поверхности пустыни, будто в канувшем времени, где всё рассеяно, затуманено и размыто, — чёткость приобретает одна лишь попытка ночного светила вспомнить поверженное под нею безграничье. Поэтому луна наливалась стерильным и мертвенным светом, представляя собой единственную мысль о грядущем, а всё остальное — равнина, кутающиеся в пелену невзрачные растения и истаивающий в темноте простор изображали давно миновавшее, всё то, что диск луны тщетно пытался вспомнить. Затерявшись глазами на юго-восточной стороне пустыни, Сезария постаралась забыть о преследователях, выбросить их из своей памяти, и уже перед рассветом, когда Серый Призрак остановился и дал команду отдохнуть, поделилась с ним своими мыслями. Он внимательно выслушал ее и очень серьезно, тихим голосом произнес:

— Главное — удалить себя, — сказал Серый Призрак, но, заметив, что Сезария не поняла его слова, добавил. — Из памяти преследователей.

— А разве это возможно, Серый Призрак?

— Когда им о тебе ничего вокруг не напоминает, они начинают тебя забывать.

Женщина улыбнулась, но улыбка ее была блуждающей, случайно коснувшейся лица.

— Тогда меня забыли, — сказала она, — ведь ничто не напоминает обо мне.

— О тебе напоминает все, — ответил Серый Призрак. — Помнят даже то, что о тебе не знают.

Рассвет был похож на таяние весенних снегов, с той лишь разницей, что талые воды, всю ночь наполнявшие небеса, подтягивались к светлой кромке на востоке и увеличивали ее. Она расталась над землей полосой грязноватого снега, тогда как пространство над пустыней, заволакиваемое сизым, наполнялось предчувствием снегопада, который начнет падать от равнины в

вьсь. Некоторое подобие удаляющихся в небо снежинок вдруг вспыхнуло над равниной, как озарение, и сразу погасло: край солнца, выглянув из-за горизонта, будто прорезал плоть, внедрившись из недр материка, из глубин подземелий в живое и трепещущее, — пустыня, как вспоротая брюшина, мгновенно окрасилась в лиловые и красные тона.

Плавно, словно находился в пустыне один и оглядывался на далекое воспоминание, Серый Призрак повернулся и бросил долгий взгляд на восток, где сизая пелена еще колебалась над краем земли, частично скрывая за своими мутноватыми наплывами черту горизонта и все, что могло бы над горизонтом вынырнуть.

Джарвис тоже посмотрел на восток. Далекие паловежде, еще недавно выглядевшие снежными холмиками, светились разветвлением оранжевых веток, будто их пожирал адский огонь. «Господи, Боже мой», — прошептал он.

Сезария стояла между ними, между апачем и белоглазым. Лицо ее было обращено на север, но периферийным зрением она замечала и Серого Призрака, и уповающего на Всевышнего Джарвиса Хилла. Она тоже посмотрела на восток. Траектория ее взгляда могла бы упруго коснуться траектории взгляда Джарвиса. Но взгляд Джарвиса переходил от одного паловежде к другому, будто заблудился, поэтому Сезария своим взглядом слилась с траекторией взгляда апача: зрачки Серого Призрака расширились, шевелящаяся на востоке даль посветлела и начала приближаться. Он не успел подумать, что женщина красивая, — мысль о привлекательности Сезарии не окрасила его сознание удивлением, а проплыла перед глазами — медленно, еле-еле заметно, что заставило его подумать о совершенно другом. «Наверное, я старею», — отпрянул он мыслями в своё будущее, но сразу же сфокусировал глаза на восточной стороне пустыни.

Отряд кайова или команчей. Серый Призрак пришел к такому выводу только по едва различимому внешнему виду человека, отошедшего от возвышенности. Остальные всадники находились в её тени. Когда же они были на вершине, мнилось, что за камни зацепилась старая змеиная кожа, а сама змея, обновленная, рожденная заново, давно уползла в ночь.

Близко к полудню над равниной образовалось марево — длинный и выцеживаемый из горизонта белесый взгляд, который был способен различать одну только красную жару.

Взобравшись на паломину и став на ее спину, Серый Призрак внимательно осмотрел равнину. Ничего не предвещало беды, если не считать, что Сезария и Джарвис вряд ли смогут продержаться без воды до следующего дня.

Взгляд скользил по поверхности пустыни, как по льду, — не за что было зацепиться — ни камня, ни кочки, лишь далеко на западе виднелись несколько кустиков баккариса, похожих на заблудившиеся среди зноя клочья сумерек. Серый Призрак решил остановиться возле чахлах растений, чтобы в их тени дожидаться вечера. Ближайшее место, где можно было найти воду, находилось возле возвышенности, которую он и его спутники покинули вчера. Вода, стекающая по ее склонам во время дождей, образовывала ручеек, который после пересыхал, но у его истоков, возле камней возвышенности, можно было найти место, где воды находились близко к поверхности земли. Однако Серый Призрак не мог туда вернуться: неизвестные люди, уехав на север и не найдя там никаких следов, обязаны были повернуть на юг. Поэтому ничего не оставалось, как дойти до кустиков баккариса и, втиснувшись под их слабую тень, переждать время до вечера.

И Сезария, и Джарвис догадались, что Серый Призрак для стоянки выбрал участок с баккарисами. Вся дорогу от Пануко де Коронадо они стойко переносили жажду и усталость, но лишь только надеялись на близкий отдых, силы начали их покидать. Каждое шаг давался с невероятным трудом, у мыслей не было последовательности, и они не уходили в пространство сквозь суженные зрачки, а сминались слепящим светом, и уже там, где сияло сияние, забывались полностью. Рот, бронхи и легкие обжигало раскаленным воздухом: пустыня множилась и разрасталась, оплодотворяя всё, даже живое, зачатками своих будущих пространств.

Но Сезария всеми силами старалась не уронить себя в глаза Серого Призрака. Закусив нижнюю губу до крови, она упорно двигалась за апачем Белой горы, а Джарвиса водило из стороны в сторону, словно кристаллический эмбрион пустыни, который поселился у него в груди, искал место, где, появившись на свет, умножит безжизненные простоты еще одной печальной красотой, состоящей из нагромождения камней или участков перемещающегося песка.

Поджав под себя ноги, паломина могла лежать не более трех — четырех часов. Серый Призрак приказал ей лечь. Лошадь потянулась к своему хозяину доверчивым взглядом. Ее ослепленные солнцем глаза ничего не видели перед собой, кроме силуэта Серого Призрака и бело-оранжевой пелены.

Подобрав несколько сухих палок, Серый Призрак воткнул их в землю, после наклонил ветки баккариса с желтоватыми листьями. Удерживая их концы возле земли, вопросительно посмотрел на Сезарию. Она только бегло взглянула на апача, отделила ладонью прядь от своих волос и одновременно достала из холщовой сумки короткий нож. Серый Призрак отрицательно покачал головой. Сезария кивнула, но за те доли секунды, пока наклонялась, чтобы отрезать край юбки, вспомнила свою первую встречу с апачем Белой горы.

Она отрезала от юбки полосу, разорвала ее на несколько кусков, которыми привязала верхушки веток к воткнутым в землю колышкам. Образовалось подобие шалаша. Такой же заслон от солнца соорудили и над паломиной. Из-под листьев выглядывали только ее передние ноги и голова.

Солнечные лучи проникали сквозь зазоры между листьями, окрашивая желтоватыми разводами лица и тела людей. Всем троим пришлось прижаться друг к другу, чтобы втиснуться в тень, но заснуть никто не мог: чувствовали себя совершенно опустошёнными. Иногда Сезария размыкала веки с длинными и влажными ресницами, похожими на волоски росянки. Серому Призраку казалось, что маленькие ночные птицы, спящие на глазах женщины, тщетно пытаются взлететь.

Мысли Сезарии удалялись в воспоминания о способности апачей становиться невидимыми. Ей несколько раз посчастливилось наблюдать, как некоторые из воинов-апачей исчезали посреди белого дня на совершенно открытой равнине. Но так близко и воочию с чудом опустошения пространства от только что находящимся в нём человека столкнулась на примере исчезновения апача Белой Горы.

Сидя на паломине и удаляясь от Пануко де Коронадо на запад, постоянно упираясь взглядом в идущего впереди Серого Призрака, она хотела, но медлила задать вопрос: как ему удалось исчезнуть перед въездом в поселок? ведь темнота еще не наступила.

— Как тебе это удастся — исчезать? — наконец решилась она.

Но Серый Призрак словно не слышал ее вопроса и продолжал идти. И тогда она напонила о своем вопросе словами, которые произносила, чтобы обратить на себя внимание:

— Апач Белой горы, — сказала Сезария, сощутив черные глаза.

Серый Призрак не оглянулся. Он все так же монотонно двигался к западному горизонту, однако, начал говорить:

— Все дело во времени. Нужно покинуть настоящее, уйти из всего, что тебя окружает.

— Это не объяснение, — засмеялась Сезария.

— Вот видишь, — сказал Серый Призрак и остановился. Он повернулся к ней, но как-то нерешительно, даже опасливо. Однако она подумала, что он ведет себя предупредительно. Серый Призрак смотрел на неё с таким выражением в глазах, словно она была далеко, и он не мог разглядеть её лица.

— Задав мне вопрос об исчезновении, ты думала о времени. Не конкретно о времени, а пыталась скоротать время, занять себя разговорами со мной. Ведь так?

— Да, — ответила Сезария.

— Если можно занять время, — продолжал объяснять Серый Призрак, — наполнить его, значит есть возможность время сделать пустым, не наполненным событиями.

Сезария настолько серьезно воспринимала его слова, пытаясь представить пустоту времени, что не увидела, как он к ней подошел. То есть, на самом деле, она видела его, но приближение Серого Призрака к себе не осознавала: он приближался к ней за пределами ее размышлений о его высказывании.

Он пристально смотрел на нее желто-коричневыми глазами и весь был полон внимания.

— Чтобы исчезнуть из настоящего, нужно его опустошить для тех, кто наблюдает за тобой или может наблюдать. А для этого необходимо стать никому не нужным, абсолютно никому. Для этого мало проникнуться подобной мыслью или подобным ощущением. Нужно стать для них не тем, кем ты есть, каким тебя могут запечатлеть глаза любого.

Сезария положила свою руку на его ладонь.

— Для этого необходимо быть изгоем, никому не нужным. Я правильно говорю? — спросила она. — Это удастся лишь людям, о которых никто никогда не подумает даже как о своих врагах.

— Серый Призрак ничего не ответил. Он повернулся и пошел, а паломина, окунув отражение его тела в свои глаза, последовала за ним.

Сезария опять тихо засмеялась.

— Когда ты въезжал в Пануко де Коронадо, я думала о тебе, — ее голос стал требовательным. — Думала о тебе, когда меня и Джарвиса взяли в плен кайова, и когда ты решил узнать, есть ли кто-нибудь в поселке или нет. Я была наполнена мыслями о тебе. Ты не мог исчезнуть, ты находился в настоящем!

Серый Призрак не обернулся, но громко произнес:

— Ты размышляла обо мне, представляя свое будущее. А мы с тобой только что говорили о настоящем.

«Да ведь я его впервые и увидела в Андрусе, как вестника из прошлого», — подумала Сезария.

23

Наступало только начало вечера. Солнце клубилось мелкими огненными языками, как зажженный комок шерсти, но Серый Призрак об этом только подумал, ибо еще не открыл глаза, а о низко склонившемся светиле догадался по вялому теплу его лучей. Он все так же оставался неподвижным, но уловил частое дыхание паломины. Она всем своим видом показывала, что хочет подняться: передние полусогнутые ноги то подтягивала к себе, то выдвигала немного вперед.

Серый Призрак открыл глаза: потемневшее восточное небо мазнуло густой тенью по роговице его глаз, словно прошлось по ним акварелью. Его взгляд остановился на лошади. Она умоляюще смотрела на него, а затем перевела свои глаза на восток.

Серый Призрак бережно положил руку на лежащих рядом Джарвиса и Сезарию. Проснувшись, они хотели подняться, но услышали:

— Чшш., — и остались лежать, встревоженно рассматривая нависшие над ними ветки баккариса.

Серый Призрак, присев на одно колено, как бы нехотя, словно восточная сторона пустыни надоела и докучала ему, ушёл взглядом в ее сторону. Равнина дышала спокойствием, однако, хотя горизонт оставался чистым, мерещилось, что над одним из его отрезков день запаздывал уходить, либо та его часть, что была раскинута над паломверде и над оставленными апачем и его спутниками следами, так и осталась низко парить над землей и не спешила просачиваться в загустевающую синевой восточную сторону неба.

А потом началось кажущееся приближение восточного горизонта и западной стороны пустыни. Серый Призрак знал об этом явлении, помнила о нём и Сезария. Она выжидаяще посмотрела на апача Белой горы, но полураскрытые потрескавшиеся губы выдали ее, ибо поведали Серому Призраку, что женщина пытается ему сказать: «Можешь рассчитывать на меня и на Джарвиса».

Происходящее на востоке вряд ли выражало себя визуально, но зоркие глаза могли заметить странные изменения в заливаемой красным светом пустыне. Прозрачность пространства оставалась прежней, как и в середине дня, просто воздух над восточным горизонтом словно вспушился, словно его кто-то выдохнул, вытолкнул оттуда, из стороны темнеющих небес, и только спустя несколько минут над землей вырисовался край белого пятна, будто угасающий день решил там и остаться.

— Облако пыли, — сказала женщина.

Серый Призрак кивнул, но глаза его уже не рассматривали восточную сторону равнины, — к северу и к западу от одиноких баккарисов тянулась глинистая и местами покрытая песком и мелкой галькой равнина, поросшая кольцами низенького чапарала. На юге было меньше растительности и больше песка.

— Если мы пойдем на юг, — сказал серый Призрак, — то оставим много следов. Пойдем на северо-запад.

Жестом он подозвал к себе паломину. Поднявшись, она начала прядать полусогнутыми ногами, словно была не уверена, что сможет пойти.

Сезария обошла кусты. Возле самой земли в центре отрастающих стеблей наломала тонких сухих стеблей, однако не лом-

ких, а ещё сохраняющих гибкость. Преследователи, если только они не будут дотошно рассматривать основания кустов, вряд ли смогут определить, что кто-то недавно отламывал от баккарисов ветки.

Серый Призрак отвязал согнутые ветки от колышков, распрямил их, а колышки воткнул себе за пояс.

Соорудив из сухих стеблей метелку, женщина разровняла все места возле баккарисов, где она и ее спутники ходили или лежали.

— Если это кайова, они все равно увидят, что здесь были люди и лошадь, — сказал Серый Призрак. — Ты напрасно стараешься.

Он повел паломину не прямо на северо-запад, а петляя между росшим кольцами чапарралем, от одного участка, укрытого галькой, к другому. Сезария, проигнорировав замечание Серого Призрака, еще некоторое время шла сзади всех и пыталась заметить следы, но, выбившись из сил, воткнула метелку в центр густого креозотового куста.

Сезария и Джарвис еле держались на ногах и часто ступали не на следы Серого Призрака, а просто двигались на его силуэт. Отойдя ярдов семьсот от кустов баккариса, апач Белой горы решил посадить Сезарию на паломину.

Солнце уже закатилось за землю, но продолжало окрашивать небо бордово-розовым цветом. Визуально все выглядело так, будто сумерки лежали на равнине сиреневым пластом, истонченным на западе и утолщающимся на востоке: ночь надвигалась клином, острый конец которого выбивал из-под западного горизонта тускнеющие остатки дня.

Переход от сумерек к почти белоснежному ощущению слепоты произошел так быстро, что ошеломленный Джарвис застыл на месте, ибо если бы не было длинных теней, отбрасываемых неровностями равнины, все вокруг выглядело бы однообразным: пустыня сливалась с бледным пространством, — и песок, и камни, и чапарраль, и воздух над ними представляли собой одну постепенно мутнеющую субстанцию. Мнилось, что длинные тени, точно разломы, ведущие в недра земли, постепенно выпускали на поверхность пустыни мрак преисподней.

Серый Призрак услышал шорох одежд, за которым последовал глухой удар, — женщина упала с коня. Но длинная тень, отбрасываемая ею, когда она сидела в седле, еще продолжала тянуться бесконечной полосой.

Серый Призрак понимал, что не должен сосредотачивать свое внимание на тени, — внутренним взглядом он возвратился во время знакомства с Сезарией: она, широко открыв глаза от удивления, внезапно зарделась и ушла, и тёмная полоса, перекроившая тело пустыни от ног паломины к западному горизонту, исчезла.

Сезария пыталась подняться. Брызнувшие искрами кварцитовые песчинки высветили её лицо, которое показалось Серому Призраку укрытым тающими снежинками.

Он бережно поднял ее. Глаза женщины были испуганными. Черные радужки, как два потухших, но еще сохраняющих тепло уголька, излучали одиночество, поэтому Серый Призрак не посмел догадаться, что глаза женщины могут быть испелены.

Он посадил Сезарию в седло, но продолжал идти рядом, придерживая её за руку. Когда же оглянулся, — истлевающее в свете луны тело Джарвиса еле проглядывалось далеко на юге. В сознании Серого Призрака не прошли чередой слова: «Он не выдержит», — апач об этом знал, и подобное умозаключение возникло как следствие давней привычки быть готовым к любым поворотам судьбы. Это не означало, что Серый Призрак не был взволнован. Он сам еле держался на ногах, поверхность пустыни перед его глазами вздувалась и опадала, словно огромные ломающиеся льдины, но он смотрел на извивы трещин, как на письма или знаки, говорящие об утрате, а также тщетности заглянуть в душу другого человека.

Случалось, что женщина что-то шептала, но Серый Призрак не мог разобрать смысл ее слов. Мнилось, что ослабевшая паломина пытается избавиться от тяжести на своей спине, — Сезария, прильнувшая грудью к шее лошади, начинала сползать с седла, но рука апача Белой горы удерживала ее. И когда женщина открывала глаза и понимала, что она продолжает двигаться по пустыне, поверхность равнины не вздыбливалась подобно ломающимся льдинам, а представляла собой печальное и детализиро-

ванное отражение неба, но мысль о том, что небесных высот невозможно достигнуть, а можно только молиться о приближении к ним, не преследовала ее.

Серый Призрак, придерживая рукой Сезарию, посмотрел на юг. Луна ослепила глаза, взгляд апача растворился в ее лучах и не мог достигнуть далеко ковыляющего Джарвиса.

Серый Призрак мысленно представил затерявшегося в лунном свете белоглазого. Он присел, положил голову на колени и, оградив ногами свет луны, разглядел под собой клочок глины как место отсчета, от которого и должен двигаться, чтобы снова обрести способность все различать.

Женщина снова начала сползать с седла. Ее опущенная рука коснулась плеча апача — вяло, как и секунду спустя ее волосы, скользнувшие по лицу Серого Призрака. Падение Сезарии было смягчено телом апача Белой горы, но она все равно больно ударилась правым бедром о слежавшуюся глину, перевернулась на спину, однако продолжала прижимать ладонь к плечу Серого Призрака.

Затененный ногами клочок земли не спасал. Серый Призрак снова посмотрел на юг, но ничего не увидел, кроме старости Сезарии, словно свет луны опал на его лицо ее поседевшими волосами. Он не догадался, что она доживет до преклонных лет, и ему не стало менее тревожнее на душе, потому что тревоги он не чувствовал, и его мозг не сверлила мысль о том, что необходимо спасти Сезарию и Джарвиса. Он не испытывал жалости, но огромное чувство долга и выработанное за долгие годы жизни в пустыне правило не бросать никого в беде заставляли его прилагать максимум усилий для спасения людей. Подобная моральная установка оберегала от отчаяния и заставляла делать все, что и положено делать, когда находишься на бесплодной равнине, а рядом от обезвоживания угасают близкие друзья.

Серый Призрак ничего не видел впереди, кроме мутной пелены. И тогда он, повернувшись, приподнял голову женщины, чтобы лицо ее было обращено к югу.

— Тебе нужно посмотреть на юг, — сказал он. — Просто посмотреть на юг.

Испачканные пылью и кажущиеся седыми волосы обрамляли изможденное лицо. Серый Призрак ушёл взглядом в зрачки Сезарии и, может, почувствовал, что такими слепящими ночами пустыня вспоминает всех, кто пытался пересечь ее унылую бесконечность, и песок или глина вспучиваются на ее поверхности и обретают черты внешности тех, кто сгинул на лишенных воды равнинах. Седоволосых из-за пыли и света луны. И глаза их осыпаются и текут, как песок, а взгляд не вибрирует, как натянутая тетива, не протянут в даль, а переплетается с лучами луны, превращаясь в паутину или в полупрозрачный саван.

Но лицо и глаза Сезарии были живыми, наполненными вниманием. Серый Призрак, держа ладонь под затылком женщины, повернул ее голову, чтобы в чёрных радужных оболочках отразилась луна. Лучи, коснувшись склер, вспыхнули, а затем ушли в глубину зрачков, высветив усталый, но внимательный взгляд Сезарии. В ее глазах ничего не отражалось, были видны только пытливость и сочувствие.

Серый Призрак знал, что в беспредельной унылости седины, когда даже небо на западе клубится мутно-молочным светом и наполняется предчувствием изморози, ему необходимо оттолкнуться взглядом от реально существующего, от видимого, а не рожденного воображением, поэтому он не отрывал от лица Сезарии своих глаз.

Она поняла, что ему помог ее взгляд, но не догадалась, что он не ищет в ее глазах поддержки, что ему был нужен лишь черный цвет среди белесо-сизого пространства, ибо только так он мог вернуть себе способность замечать даже мельчайшие особенности пустыни. Втайне Серый Призрак надеялся, что в ее глазах отразится затерявшийся на юге Джарвис, ведь она оставалась единственным человеком на земле, у которого исчезновение странного белоглазого могло вызвать чувство тревоги.

Но газа ее были ясными и пытливыми, и, хотя в них не отражался Джарвис Хилл, картина залитой лунной равнины на ее радужках уже не выглядела слепящей. Поэтому, приблизившись к Сезарии, можно было наблюдать плоскость пустыни до самой стены южного неба, где луна уже сместилась немного на запад.

— Где Джарвис? — спросила Сезария.

— Я не смог его увидеть. Перед глазами все расплывалось.

«Потому что Джарвис решил, что приблизился к небесам и находится среди облаков», — шевельнулась в сознании Сесарии внезапная мысль, а умозаключение Серого Призрака, проникшего чувством удивления, навсегда оставило в его памяти предположение: «Значит Джарвис тоже способен исчезать, становиться отсутствующим...»

Они попытались засмеяться, но лишь подобие улыбок пробежало по их губам.

Повернувшись, Серый Призрак ушел взглядом на юг, — на фоне южного неба возникла фигура бредущего Джарвиса.

Сесария опустила голову на землю, а ладонь Серого Призрака, отдалившись от волос женщины, все еще осыпалась искрающимися песчинками кварцита.

А, затем, ладонь исчезла. Сесария попыталась приподнять голову, ведь тогда бы она увидела то, на что надеялась — хотя и изнуренное, но решительное лицо апача Белой горы, но ее взгляд выхватил из пространства пустыни только ноги Серого Призрака, направившегося помочь Джарвису.

Паломина легла возле Сесарии. Луна уменьшилась, но свет ее стал более пронзительным и уже не наполнял равнину белесой пеленой — все различалось четко, если говорить об абрисах объектов, но сами объекты потеряли объем, будто их вырезали из тонких пластин серебра. Мнилось, что, став ещё более холодным и бесчувственным, ночное светило вспомнило, как выглядела пустыня прошлой ночью, поэтому и очертило неровности равнины с предельной точностью.

Серый Призрак устоял на ногах, но Джарвис повалился на колени, и волосы женщины снова задержали тенью ее глаза.

Серый Призрак перевел взгляд вверх: небо обсасывало диск луны, как леденец, и постепенно становилось похожим на матовое стекло, словно по ту его сторону находилось другое пространство, освещённое мягким рассеянным светом, а равнины представляли собой только издержки творения, которое так и не стало завершённым, ибо пустыня не имела пределов и нигде не заканчивалась.

Серый Призрак снял с паломины седло, а Джарвиса попросил посадить Сесарию спиной к лошади. Ножом вырыл в земле

ямку, куда воткнул приклад винчестера. После, утрамбовав почву и удостоверившись, что винчестер крепко держится в земле, положил седло в трёх ярдах от ямки, отвязал скатку, и одну из лямок, с помощью которой прикрепляют поклажу, закрепил кольшком. Короткое лассо он привязал к другой лямке, натянул его и обкрутил вокруг ствола. Проверив, что верёвка туго натянута, спокойно разделся. Оставшись в одной набедренной повязке, поёжился от холода.

Джарвис, выжидающе посмотрев на Сезарию, повернулся к ней спиной. Он тоже разделся, но жилетку оставил на земле, а рубашку и штаны вручил апачу Белой горы.

— Да, жилетка не подойдет, — согласился Серый Призрак.

Джарвис остался в одних подштанниках. Он снова скосил глаза на Сезарию.

— Сядешь на мою жилетку, чтобы не было холодно, — сказал он Сезарии.

— Я сяду на мою сумку, — ответила Сезария.

Она еще некоторое время сидела, но, словно что-то вспомнив, упрямо мотнула головой, стянула с себя блузку, а затем, сняла юбку. Лучи луны, ударившись об ее обнаженное тело, как бы пали и растеклись по коже мерцающим свечением. Зеленые панталоны в лунном свете переливались оттенками синевы, будто женщина разрежала телом слой парящей над пустыней воды.

Серый Призрак равномерно развесил одежду на натянутом лассо.

— Апач Белой горы, — произнесла Сезария. Она сидела, подтянув к животу колени и прикрыв ладонями груди. Казалось, что ее обращение было предназначено залитой луной равнине, а не Серому Призраку. Серый Призрак выпрямился. Он не повернулся к Сезарии, а Джарвис подумал, что Серый Призрак пытается понять, что могло затаиться в ее голосе.

— Мы на тебя не смотрим, Сезария, хотя ты красивая женщина, — сказал Джарвис Хилл. Он взглянул на Серого Призрака, как бы ища у того поддержки своему высказыванию.

— Мне холодно, — ответила Сезария.

Серый Призрак развернул скатку, а холщовую сумку, вытаскивая из нее миску и узелок с семенами щиряцы, подал Сезарии.

Дрожащие от холода, они плотно прижались друг к другу и к животу лошади. Скатки хватило накрыться всем. На небе не горела ни одна звезда, — оно отливало цветом закаленной стали и выгнуто уходило в серо-синюю высь. Луна еще дальше сместилась на запад. Темные пятна подрагивали на ее диске, словно были живыми организмами, наблюдаемыми через освещенный объектив микроскопа.

Пространство над пустыней стало совершенно прозрачным. Желто-коричневые глаза Серого Призрака обрели в лунном свете цвет черненого серебра. Он ссунулся телом вниз, чтобы в живот паломины упиралась только его голова, и ментально уснул.

24

Проснулся Серый Призрак через сорок минут. До рассвета было еще далеко, но луна склонилась ниже, из-за чего даже незначительные неровности пустыни отбрасывали от себя длинные черные тени.

Осторожно, чтобы не разбудить Сезарию и Джарвиса, Серый Призрак поднялся, высыпал в оловянную миску щирцу из узелка, рукояткой ножа растолок семена в кашеобразную массу. Получился комочек не больше перепелиного яйца, но размолотые семена испускали запах масел, что должно было привлечь к ним какое-то изголодавшееся животное. Держа миску в руках, долго смотрел на запад, потом на север, и все не мог решить, в каком направлении ему пойти. Решил направиться туда, где, как ему казалось, креозотовые кусты должны расти гуще, чем на остальных участках равнины. Чтобы согреться, он пошел очень быстро, хотя понимал, что из-за этого растрчивает свои последние силы.

Он прошел около полумили и остановил свой выбор на кустах чапаррала росшими кольцами диаметром в три-четыре ярда. Серый Призрак нашел участок, укрытый ровным слоем песка, осмотрел его, а затем положил возле куста комочек из слепленной кашицы. Отойдя ярдов на семьдесят, залег на соседней, окруженной чапарралем площадке.

Животные пустыни, пьющие воду, а не восполняющие потребности влаги в организме другим путем, как свойственно не-

которым змеям и насекомым, посещают источники ночью или перед восходом солнца; днем же пытаются переждать жару, затаившись в тени или зарывшись в песок. Но Серый Призрак не мог ждать до рассвета, — на заре он должен быть рядом с Сезарией и Джарвисом, чтобы дать им хоть какую-то воду, хотя бы один глоток. Животное, которое отыщет комочек из размолотых семян, оставит на песке свои следы. Если у человека в пустыне нет воды, но есть еда, он должен сдерживать себя и в никоём случае не употреблять пищу, ибо ускорит процесс обезвоживания своего организма. Животное, мучимое жаждой, но что-нибудь съевшее, будет испытывать еще большую жажду, поэтому должно напрямик направиться к известному ему источнику воды.

Когда Серый Призрак вернулся на стоянку, купол неба оставался таким же металлически холодным, точно пустыня находилась под огромным колоколом, глубокий стон которого отбрасывал безмолвное эхо в виде укрытого пятнами диска луны.

Серый Призрак бесшумно подошел к паломине, но Сезария и Джарвис уже проснулись и смотрели на него какими-то расплесканными глазами, словно апач находился везде, в какую сторону пустыни ни посмотри.

Прижавшись к Сезарии и к паломине, Серый Призрак попытался уснуть, но прежде, чем сон смежил свои воспаленные веки и перестал видеть апача Белой горы, вспомнил все особенности ландшафта на пути к чапарралю, где оставил приманку.

Предрассветный холод пронизывал тело до костей, а луна на западе, очистившись до полного отчуждения ко всему, до хищной непорочности, начинала постепенно блекнуть и вот-вот должна была раствориться в серых оттенках начинающегося утра. Она подрагивала, как живой сгусток, словно в самом деле из всех живых существ, заблудившихся в пустыне, высасывала костный мозг и обрекала их на гибель.

Одежда во время предрассветного холода пропиталась сконденсированной на ней влагой: на складках густым бисером белела роса, точно стаи звезд, так и не загоревшись на ослепленном лунной небе, нашли себе подобие человеческого тепла.

В оловянную миску Сезарии Серый Призрак выжал из рубашек и блузки влагу. Он поднес миску к губам женщины, но она не брала ее.

— А вы? — спросила Сезария. — Ты и Джарвис?

— Пей, — сказал Серый Призрак.

Воды в миске собралось не больше, чем на глоток. Сезария неестественно долго держала миску в руках и смотрела на перекатывающийся по ее дну крошечный сгусток: на стенках посуды остался тонкий слой масел от истолчённых семян щиряцы, а Серый Призрак подумал: «Так все исчезает, чтобы дать возможность родиться другому».

Сезария выпила воду, не зажмурился глаза, не опустив взгляд в миску, а неотрывно смотрела на апача Белой горы, будто тот мизер влаги, который должен продлить ее жизнь на несколько часов, давал живительную силу и Серому Призраку.

Помогая друг другу, Джарвис и Серый Призрак, выжали в миску влагу из своих штанов. Так же, как и Сезарии, Серый Призрак протянул миску Джарвису.

— Сначала ты, — прошептал Джарвис.

— Оставь мне половину, — ответил Серый Призрак.

Создавалось впечатление, что Джарвис не решается выпить выжатую из одежды росу. Он так же, как и Сезария, пристально посмотрел в глаза апача. Он сделал крошечный глоток и большую половину воды оставил Серому Призраку.

Серый Призрак оценил его поступок и кивнул в знак благодарности.

Диск солнца показался над краем земли, как из родовых путей макушка младенца, и день вспыхнул, задрезжал яркими переливами света, будто вот-вот должен был обрушиться на равнины, остановить время и отодвинуть даль за пределы просматриваемого пространства.

— Оденьтесь, — сказал Серый Призрак. — Влажная одежда приостановит на некоторое время выделение пота из ваших тел.

Джарвис подумал, что это отсрочка смерти: два часа или три — не все ли равно, но, застегивая ремень, продолжал надеяться на чудо спасения.

Паломина поднялась. Она зашаталась, словно стала воплощением наступившего дня — покинутого и изнуренного.

Одевшись, Джарвис и Сезария снова сели на землю и накрылись скаткой, разросшиеся кольцами креозотовые кусты переливались коричнево-зеленым цветом и были похожи на застывшие огромные круги на желтовато-белой воде.

Серый Призрак опустил на спину паломины седло. Нагнувшись, подтянул потуже подпругу. Когда же выпрямился, перед его глазами поплыли черные круги и светлые мушки, словно он, не смыкая век, нырнул в мутную реку. Серый Призрак старался стоять ровно, внушая себе, что в нем еще есть силы и он все выдержит.

Дождавшись, когда взгляд очистится, вместе с Джарвисом посадил Сезарию на паломину. Накрыв женщину скаткой, Серый Призрак пошел слева от лошади. Он придерживал Сезарию, чтобы она не упала. Шерман, схватившись за стремя, пошел справа от паломины.

Серый Призрак направился к чапарралю, возле которого оставил размолотые семена щерицы. Влажная одежда прилипла к его телу, из-за чего он казался выше ростом, и даже, если бы появились враги и ему необходимо было исчезнуть, он бы не смог этого сделать, как бы не старался, ведь Сезария и Джарвис думали только о нем и видели только его. Но Серый Призрак смотрел сквозь всплывающую туманом мысль о спасении и видел только гибель, которую нужно будет безропотно принять.

Он еще издали заметил, что комочек из размолотых семян исчез, но не обольщался, ибо питающий надежды может совершить множество ошибок: недоглядеть, вспугнуть, просто чего-то не учесть. Он остановился и снова попытался внушить себе, что ничего хорошего не произойдет, — по небу плыли редкие облака, как ошметки, оставшиеся после искромсанного рассветом лунного света, значит подобная участь ожидает и наступивший день, и всех живых существ. Почувствовав, что может отстраненно анализировать окружающее его, снова пошел к чапарралю, но не перестал сжимать пальцами юбку Сезарии. Паломина старалась идти бесшумно и делала такие же осторожные шаги, как и ее хозяин.

Следы возле чапарраля еле различались на песке, однако по ним можно было определить, что животное пришло с северо-востока. Их оставил тощий и малорослый койот, но время щенков давно миновало, значит семена щерицы подобрало животное, которому не меньше, чем половина года.

Не дойдя до кустов шага полтора, Серый Призрак замер. По следам он определил, что койот, проглотив кашницу из семян, не

которое время лежал. Значит животное выбилось из сил и ждало, когда в его помутневших от голода глазах лунная ночь вспыхнет ярче и превратит кусты и камни на теле пустыни в узнаваемые объекты.

Серый Призрак сказал Джарвису, что пройдет немного на северо-восток, а потом вернется. Он хотел узнать, как двигалось животное, пока не нашло пищу. Цепочка следов была неровной: иногда койот сворачивал к большим кольцам креозотовых кустов, скорее всего услышав или почуяв, что там находится какое-то насекомое. Обычно койоты охотятся на грызунов, но, когда их поджидает голод, не брезгают другими продуктами, будь то ягоды, плоды кактусов, кузнечики, даже падаль.

Вернувшись к месту, где животное проглотило кашицу, Серый Призрак позволил себе снова стать самим собой и не взирать на происходящее отчужденно.

Сезария дернула за удила, — западный горизонт вздрогнул, будто качался на воде, а Джарвис сильнее сжал ладонью левое стремя.

Цепочка следов бежала на запад. Если не учитывать, что койоту приходилось огибать высокие кусты, путь его был прямым, как стрела. Обычно, никуда не сворачивая, животное в пустыне движется к источнику воды или к своему логову.

Присев на одно колено, Серый Призрак пощупал песок. Затем набрал пригоршню песка в ладонь и долго пропускал его сквозь пальцы, однако ничего не говорило о том, что неделю или две назад здесь прошел дождь.

Солнце висело на расстоянии двух ладоней от земли. Оно еще не обжигало, но пустыня умолкла, приготовившись к жаре, — не было слышно ни одного шороха, даже кварцитовый песок не скрипел под ногами, а только вспыхивал искрами по краям ступней светящимися колкими ресницами, словно люди шли по местности, где звезды пережидают день, чтобы с наступлением ночи удалиться в темноту небес. Не встречалось никаких растений, кроме креозотовых кустов, — далеко на западе трудно было определить цвет их полошущихся в солнце листьев.

Серый Призрак вспомнил, как Сезария упала с лошади и вспыхнувшие вокруг ее тела песчинки кварцита засветились в

свете луны и кружились над ее рукой, которую она к нему протянула. Поднимая ее и неся на руках, Серый Призрак подумал, что в сознании погибающего человека мысли роятся, как тысячи крохотных огоньков — все одинаковые и быстротечные под равнодушной поступью ночи, которая всегда движется из бесконечности в бесконечность. И как только он посадил ее на лошадь, сразу же почувствовал, что на этих безжизненных равнинах единственной точкой отсчета, как мыслей, так и пространства, могут быть только искренние глаза женщины. Он перевел свой взгляд на Сезарию, а она, словно предугадав его желание, немного приподнялась, опираясь о луку седла, и обожгла его на удивление невинными, даже всполошенными глазами. Она надеялась на него.

Солнце плыло над землей на высоте трех ладоней. Круги креозотовых кустов, укрытые глянцевыми листьями, отдавали желтым светом. Каждый из них казался нимбом, излучающим тихое ненавязчивое свечение, однако ничего общего не имеющее со святостью. Мнилось, что кольцами живой изгороди равнина обозначала места для будущих могил.

С какого-то момента кусты чапарраля, росшего далеко на западе, начали увеличиваться, точно за ними не было уже ничего, кроме светлой стены неба.

— Что там? — спросил Джарвис.

— Через полмили должен быть обрыв, — ответил Серый Призрак.

В глазах Джарвиса застыл вопрос.

— Сухое русло ручейка или реки, восточный берег которого лежит выше, нежели западный.

Джарвис ничего не понял, но удовлетворился ответом Серого Призрака, потому что тот говорил спокойно и рассудительно.

Через полмили плоскость равнины оборвалась. Она на полтора ярда возвышалась над пустыней, уходящей дальше на запад. Высохшее русло ручейка проходило как раз под обрывом и до полудня оставалось недоступным для солнечных лучей.

Следы, оставленные койотом, показывали, что он шел над обрывом, пока не достиг места, где восточный берег был пологим. Там он спустился на высохшее русло и повернул направо.

Расстояние между следами стало шире — животное перешло на бег, и это говорило о том, что оно или почувствовало опасность, или впереди его ждал источник воды.

Под невысоким обрывом на дне высохшего ручейка лежала лужа. Глубина ее была не более 2–3 дюймов. Лужа маслянисто лоснилась, будто пустыню в этом месте освежали. Вертикально нависший берег своим верхним краем, как режущей кромкой, стремился к влажной голубизне неба, на поверхности воды пятном сукровицы качнулось размытое отражение солнца, а мысль в сознании Джарвиса превратилась в подрагивающий сгусток, — живой, уязвимый и не имеющий ничего общего с логическими рассуждениями.

Молча, не сговариваясь, словно само солнце размышляло за них, Джарвис и Серый Призрак помогли Сезарии спуститься с лошади.

От лужи исходило слабое зловоние. Но в ней не было ни мертвых животных, ни насекомых. Песок возле воды был испещрен разнообразными следами, большинство из них оставили выючные крысы.

Серый Призрак плюнул в лужу, чем вызвал недоумение на лице Джарвиса. Слюна рассасывалась на поверхности воды около минуты.

Сезария, сидящая возле восточного берега и наблюдающая за действиями Серого Призрака, внезапно опустила голову на колени.

— В чем дело? — спросил Джарвис.

— В пригодной для питья воде слюна быстро растворяется, ответила Сезария.

— Значит этой водой можно отравиться? — снова задал вопрос Джарвис.

— Мы не будем пить воду прямо из лужи, а выроем колодец, — ответил Серый Призрак.

Сначала яму в двух футах от лужи рыл Серый Призрак. Хилл, обуреваемый противоречивыми чувствами, стоял возле него, но потом принялся усердно помогать.

Берег, возвышающийся над лужей, состоял из известняковых выходов, которые уходили под дно русла, укрытого нанесен-

ным во время дождей и ветра песком. Серый Призрак знал, что известняки, обычно, пронизаны глубокими трещинами, сквозь которые грунтовые воды выдавливаются на поверхность земли.

Яму рыли широкою, чтобы в ней мог поместиться человек. Когда углубились в землю на пятнадцать дюймов, из дна начала просачиваться вода. Джарвис взял флягу, но Серый Призрак остановил его. Он подвел паломину к яме, чтобы та напилась воды, а Джарвис подумал, что Серый Призрак в первую очередь заботится о своей лошади, и лишь потом о своих спутниках.

— Нет, — сказал Серый Призрак, — догадавшись о причинах замешательства Хилла. — Если лошадь откажется пить воду, вода в самом деле непригодна для питья.

Паломина, хотя и была изнурена жаждой, внюхивалась и шевелила губами. Прошло несколько минут, прежде чем она опустила в яму голову и начала пить.

— Значит вода не опасна? — спросил Шерман.

— Лошадь умирает от жажды, — ответил Серый Призрак. — В обычной ситуации она бы никогда не пила такую воду. Ты же видел, что она долго не решалась.

Паломина с шумом втягивала в себя воду. Бока ее вздымались и опадали, вены на ногах набухли, словно она собиралась сорваться на быстрый бег. Выпив всю воду, скопившуюся на дне ямы, она подняла голову. Ее глаза на выкате казались неестественно темными. Она отошла в сторону и застыла, вонзившись взглядом в пылающее пространство.

Серый Призрак достал из седельной сумки миску, еще одну миску и платок — из холщовой сумки Сезарии. Отойдя ярдов пятьдесят от лужи, набрал в одну миску чистый песок, а в другую мелкую гальку. Вернувшись к яме, высыпал в платок гальку, а сверху гальки — песок. Он подозвал к себе Джарвиса и сказал ему, чтобы тот набирал в миску воду из ямы и медленно ее выливал на песок в платке. Сам платок с песком и гравием Серый Призрак держал над другой миской. По мере наполнения миски мутной жидкостью, утоляли жажду, затем наполнили водой все фляги. Так они провозились до полудня, и только потом позволили себе отдохнуть. Обрывистый берег уже не отбрасывал тень, и им пришлось лежать на солнце, укрывшись намоченной в воде скаткой.

Нужно было взобраться на левый берег и уже оттуда окинуть взглядом восточный горизонт. Отряд кайова должен был идти по их следам и вряд ли повернет назад или свернет в сторону, да и до источника воды всадников слишком долго возвращаться. Если они не попытались докопаться до грунтовых вод возле нескольких деревьев баккариса, то уже двигаются по равнине, укрытой кольцами креозотовых кустов.

Проспав около трех часов Серый Призрак и его спутники снова напились вдоволь воды, а потом засыпали яму и разровняли песок, — по крайней мере, когда кайова доедут сюда, им придется потратить время на рытье индейского колодца и долго ждать, когда в нем соберется вода.

Солнце слепило глаза, продвижение на запад воспринималось тремя путниками, как приближение к месту, где красные огненные языки слизывают людей, — в пустыне, глядя на заходящее солнце, ничего другого невозможно придумать, и надвигающаяся темнота казалась Джарвису глубокой утробой, на мясистых стенках которой капельками звезд выступают кислотные соки для переваривания всего живого.

Впереди шла Сезария, ведя паломину за поводья, за ней Джарвис. Шествие замыкал Серый Призрак. Лошадь берегли для последнего рывка.

Сумерки надвинулись не сверху, а просачивались из глубин земли, будто исчезающий день, удаляясь на запад, стягивал с поверхности пустыни пылающую одежду.

Сезария остановилась. Ее правая рука плавно поднялась и указала ладонью на север. В стройном теле женщины чувствовались собранность и осторожность. Ярдах в шестистах на севере параллельно им двигался человек. Он вел коня за поводья, и, хотя в сумерках трудно было разглядеть отдельные детали, все же Серый Призрак заметил, что человек и лошадь сильно устали и с трудом передвигают ноги.

— Белоглазый, — тихо сказал Серый Призрак. Он не забыл о незнакомце, по следам которого им пришлось некоторое время идти. С какого-то момента, когда ему и его друзьям

пришлось срочно искать источник воды, он подумал, что незнакомец в этой части пустыни не спасется и, скорее всего, уже умирает от жажды.

Серый Призрак, бросив на незнакомца быстрый взгляд, отвернулся и ушел зрчками на восток, где сиреневый цвет сумерек становился темно-лиловым. На восточной стороне пустыни все выглядело прежним, каким и обязано быть в последние минуты угасания светлого времени суток.

Определение «прозрачность» отнюдь не подходило к сиреневому цвету, все больше и все гуще заполняющего пустыню, но, все же, Серый Призрак воспринимал их прозрачными. Он ничего не мог в них разглядеть, но угадывал по их оттенку, что они чисты, как глубокая вода, в толще которой ничего не происходит.

Сумерки не колыхнулись, как будто со стороны восточного неба их толкнула некая сила, однако, хотя выглядели незыблемыми, начали утрачивать свою единообразность, но не в самих себе, а заронив сомнение в сознание апача Белой горы. Восточный горизонт исчез, а небо на востоке мутилось различными оттенками темного цвета, будто набухало венозной кровью.

Серый Призрак перевел взгляд на незнакомца. С такого расстояния и в такое время суток невозможно было разглядеть его лица, но незнакомец посмотрел именно на него, а не просто в его сторону. Он поднял руку и задержал ее параллельно земле. Ладонь его указывала на восток. Серый Призрак кивнул, хотя сомневался, что незнакомец заметит движение его головы. Он опять ушел глазами в глубь восточной пустыни и медленно, как во сне, перекинул винчестер со спины на грудь.

Восточная сторона равнины еще сильнее помутнела, но несколько ярких точек показались в самом низу неба. Четыре всадника гнали своих лошадей во весь опор на застывших на фоне заходящего солнца Серого Призрака и его друзей, и только несколькими секундами позже в тишину ворвался глухой топот копыт.

— Паломина, возможно, выдержит, — сказал Серый Призрак. — Кто-то из вас должен спастись.

Сезария не сдвинулась с места. Ее черные глаза негодующе блеснули, но рисунок бровей говорил о растерянности и замешательстве в ее душе.

— Если понадобится, — в правой седельной сумке револьвер, — коротко бросил Серый Призрак. Он уже не смотрел на Сезарию, а внимательно наблюдал за приближающимися всадниками, словно подтягивал к своему сознанию мысль о неминуемой гибели.

Далеко на севере незнакомец заставил лечь своего коня, чтобы за его телом спрятаться от пуль.

Вокруг не было ни одного бугорка, ни одной кучи камней, притаившись за которыми можно было вести стрельбу, поэтому Серый Призрак лег возле чапарраля, чтобы, сделав выстрел, молниеносно скрыться за его ветками.

Гул копыт усиливался, и возрастала уверенность, что спустя несколько минут, когда топот заполнит все пространство пустыни, над равниной возникнет еще одна плоскость бесконечного песка, щетинящаяся креозотовыми кустами, но только перевернутая, нависающая над землей, словно ее отражение. Однако, лишь только она ляжет тяжестью на равнины, умножив их безысходность, топот копыт исчезнет, а всадники медленно поедут на восток, оставив среди полузасохшего чапарраля четыре бездыханных тела.

Кони периодически перепрыгивали кусты, и всадники взлетали над равниной, — их головы в алых налобных повязках и вскидывающимися над плечами волосами мерещились красногрудыми ястребами, вцепившимися когтями в крупы лошадей и неизвестно какой силой приподнимающими их над землей.

Для выстрела они находились еще слишком далеко. Серый Призрак, прижавшись щекой к прикладу винчестера, не фокусировал взгляд, — его глаза растекались по четырём движущимся силуэтам, но думал он о каждом из них отдельно.

Выстрел, скорее, не прозвучал, а расколол монолит равнины идеально ровной трещиной, которая сразу же и сомкнулась, брызнув алой кровью: один из нападающих, раскинув в стороны руки, начал уплывать назад, медленно заваливаться на бок, а потом рухнул в пыль и стал невидимым, горела красным лишь его налобная повязка.

Остальные три всадника резко остановили скакунов, а, через секунду, уже мчались назад. Один из воинов нагнул. Он на пол-

ном скаку поднял убитого и перевалил его через круп коня. Другой воин, сделав небольшую дугу, подхватил за удила лишившуюся наездника лошадь и поспешил за своими товарищами.

Всадники были по пояс обнажены: их умащенные жиром тела блестели в последних отсветах дня, как будто восточное небо находилось далеко внизу, и на него падали, постепенно уменьшаясь, сгустки расплавленной меди.

«Карабин спрингфилд, — подумал Серый Призрак. — Только выстрел из спрингфилда мог убить человека, находящегося на таком далеком расстоянии». Он посмотрел на север, — над лошадью незнакомца, выглядящей темным пятном, истлевало облачко дыма. Апач обернулся, чтобы узнать, где Сезария и Джарвис, но они уже растворились в семерках или спрятались за чапаралем.

Внизу западного неба полоскалась розовая полоса. В её центре краски сгустились, из-за чего она казалась вогнутой за горизонт. Задержавшись на ней взглядом, Серый Призрак подумал о ямочке над ключицей Сезарии. В виски гулко ударила кровь. Будто бы устыдившись своих мыслей, он опустил глаза, когда же вновь скользнул взглядом над равниной, заметил на фоне светлого неба поднявшихся с земли Сезарию и Джарвиса.

Женщина взмахнула рукой, — мол, все в порядке. Серый Призрак, повернувшись на север и воздев руку ладонью вперед, дал понять незнакомцу, что он ему благодарен.

Медленно, даже бережно повесив спрингфилд на плечо, незнакомый мужчина тоже поднял руку. Наверное, он что-то сказал своему коню, потому что полуобернулся; конь встал и, помотав головой, отряхнул с гривы песок.

Незнакомец направился к Серому Призраку. По мере приближения он постепенно растворялся в темноте, в которую, как в воронку, всего за несколько минут были затянуты сиреневые сумерки. Серый Призрак постарался не думать о том, что день — это пулевая рана, тогда как ночь — наваждение ствола, который после выстрела покрывается внутри гарью от сожженного пороха. В ночь заглядывают, как в длинную черную утробу, на противоположном конце которой в абсолютной слепоте наливается дрожью изгиб курка.

Незнакомец подходил все ближе и ближе, но лицо его не открывалось, — невозможно было разглядеть ни глаз, ни бровей, ни потрескавшихся губ. Он шел медленно, — сказывались физическое перенапряжение и обезвоживание организма. Однако, если бы он был полон сил, все равно бы приближался к Серому Призраку, не торопясь: любая поспешность могла бы насторожить апача Белой горы.

Над облаком блеснул край луны, глаза коня незнакомца, казавшиеся черными дырами, осветились и наполнились мольбой: измученное существо взирало на Серого Призрака, как еще на одного своего хозяина.

— Хороший выстрел, — сказал Серый Призрак.

Мнилось, что луна пытается вскарабкаться на облако — равнина робко подернулась серебристым светом, затем потускнела и снова вспыхнула, словно именно она руководила движением ночного светила.

— Они мчались прямо на тебя, а меня не заметили, — сказал незнакомец. Он произносил слова, перемежая их длинными паузами, как будто интервалы тишины, воплощающиеся в его плотно сжатые губы, должны были приносить в высказывание дополнительный смысл.

Мужчина снял шляпу, словно набросил на свое изнуренное лицо лунный свет, а Серый Призрак подумал, что так ожидают выстрела, то есть больше ни на что не надеются.

— Кайова вернутся, — сказал Серый Призрак. — Возможно, они уже сейчас подкрадываются.

«Наверное, нам следует идти на запад», — подумал незнакомец, а Серый Призрак хотел сказать: «Куда мы ни повернем, они все равно найдут нас по нашим следам».

Конь незнакомца сделал несколько шагов к апачу Белой горы. Его глаза состояли из темного дыма или ночных облаков, и он в своих чувствах и стремлениях уже пересекал другую равнину, не столь безжалостную, как та, на которой находился.

Светлое пятно, образованное отсветами солнца, исчезло. В глаза ударила луна. Сезария и Джарвис, стоящий возле паломины, виделись, как тлеющие листья бумаги, которые оранжево угасали по своим краям.

С востока донеслось шуршание и слабое потрескивание, словно сквозь креозотовые кусты просачивались произносимые шепотом слова, а сам чапarrаль начал сбрасывать на землю мясистые листья.

Незнакомец молниеносно снял с плеча карабин.

— Сова, — сказал Серый Призрак. — И ящерицы успели от нее спрятаться.

— А, может, кайова? — спросил незнакомец.

Черная тень с пылающими глазами пронеслась над ними и сразу сгорела в сияющем диске луны.

Сезария и Джарвис на появление незнакомца отреагировали безучастностью, да и трудно было разглядеть, что выражали их глаза. Когда они повернулись и их лица осветились луной, на них лежала печать смертельной усталости.

Подошел Серый Призрак.

— Этот человек, — он указал глазами на незнакомца, — сделал хороший выстрел.

— Сержант Юджин Гейтвуд, — представился незнакомец и протянул для рукопожатия руку.

— Серый Призрак, — сказал Серый Призрак, пожав руку сержанта, а когда, вслед за Джарвисом, Сезария произнесла свое имя, Гейтвуд задержал на ее лице свой взгляд. Луна заполнила его глаза. В ее лучах они стали желтыми, как у апача Белой горы.

26

Они пошли на запад, но и Сезарии, и Гейтвуду с Хилом казалось, что им приходится топтаться на месте, — однообразие равнины, ее безобъектность не давали ощущения передвижения в пространстве, только по мере ухода луны на юго-запад равнина освещалась ярче и будто бы погружалась вниз, уходя все дальше и дальше от высокого алмазного неба.

За три часа до полночи решили разделиться. Гейтвуд и Джарвис пошли на север. Сделав большую дугу, они должны вновь оказаться на западе в полутора-двух милях от того места, где покинули Серого Призрака и Сезарию.

Серый Призрак и Сезария пошли на юг и, тоже двигаясь дугой, через некоторое время должны были встретиться с Гейтву-

дом и Джарвисом. Следы, идущие в разные стороны, должно вести преследователей в замешательство, по крайней мере, озадачить их. Если Гейтвуд услышит стрельбу, он поспешит с Джарвисом на помощь Серому Призраку и Сезарии. Если Серый Призрак услышит выстрелы, он постарается вместе с Сезарией помочь сержанту Гейтвуду и подойдет к кайова с их тыла. Но если ничего не случится, и Серый Призрак достигнет места встречи, он должен прокричать койотом, чтобы дать понять сержанту, куда тому нужно двигаться.

Сезария повела паломину. Равнина, освещаемая поднимающейся луной, раздвигала свои пределы, хотя и не казалась безграничной. Все вокруг дышало спокойствием и умиротворением. Ночь дышала луной, поэтому купол неба раздувался, а его нижние, прикасающиеся к пустыне края, растягивали ее, — тени укорачивались, а холмики и небольшие скопления камней вылепливались в странных существ, которые подминали под себя свою снятую черную одежду.

Серый Призрак шел за Сезарией, винчестер держал перед собой, параллельно земле, и, если далекий горизонт иногда наводил на мысль о широте жизни, ибо обыденное сознание всегда отодвигает в подернутую дымкой даль размышления о гибели, к апачу Белой горы стык неба и тверди приблизился вплотную в виде короткого, раскачивающегося на плече отрезка, который он бережно прижимал к груди, чуть ли не лелеял, как единственную свою возможность спастись.

На условленное место пришли раньше Хилла и Гейтвуда. Равнины, впаянные в лунный свет, выглядели неподвластными течению времени, и когда Серый Призрак прокричал койотом, его голос не растекался вдоль плоскости пустыни, а был погашен выпуклыми в высь небесами, будто над чапарралем образовалось пространство вакуума.

Серый Призрак приказал паломине лечь, а Сезарию попросил наблюдать за северной и западной сторонами пустыни. Сам же, присев на одно колено, ушел взглядом на юго-восток, хотя был уверен, что ничего подозрительного там не заметит, поскольку, если кайова пошли по его следам, то давно уже спешили, оставили со своими лошадьми одного воина и пытаются приблизиться незамеченными. Обычно посылают вперед одного

или двух разведчиков и, лишь после, дождавшись их возвращения, решают, как поступать дальше. Но кайова знали, что убегающие от них люди измотаны и не могли уйти далеко. Поэтому вряд ли воины станут дожидаться следующей ночи, чтобы напасть на Серого Призрака и его спутников.

В подобной ситуации, когда воины уверены, что противник уступает им в численности, пытается от них ускользнуть и находится поблизости, по следам, низко пригнувшись, крадетсЯ один человек. Чуть поодаль, справа и слева от него осторожно идут воины на расстоянии 50–100 ярдов друг от друга. Крадущийся по следу рискует больше всех, ибо именно он, если враг не спит и ожидает нападения, напорется на засаду. Если начнется перестрелка, враг будет сосредоточен только на обнаруженном им разведчике, не догадываясь, что справа и слева к нему подкрадывается ещё несколько человек.

Серый Призрак опасался, что все кайова погонятся за ним и за Сезарией, ибо её следы — следы женщины. Воины сразу это определяют и обольстятся, ведь, по их мнению, им придется меньше рисковать, отпор им окажет только один мужчина, а добычей может стать женщина, возможно, привлекательная. Но, с другой стороны, апач Белой горы понимал, что, если кайова уже давно преследуют Гейтвуда, они могут все направиться по следам сержанта. В таком случае Гейтвуд и Хилл рискуют больше, нежели Серый Призрак и Сезария, то есть возможность спасти Сезарию увеличивается.

— Они идут, — прошептала Сезария, одновременно притронувшись к плечу Серого Призрака. — Джарвис и Юджин.

На матовой стене неба появилась еле заметная черточка, но, минута за минутой, и черточка начала увеличиваться, будто ее постоянно подводили карандашом. Мнилось, что спустя некоторое время, должен появиться рисунок или, хотя бы, легкий набросок Гейтвуда, Хилла и понурого коня, но они возникли неожиданно, полностью очерченными, однако приближались так медленно, будто свет луны тугой рекой тек им навстречу, и им приходилось преодолевать напористые и безмолвные воды.

Серый Призрак еще раз прокричал койотом. Услышав его сигнал, Хилл и Гейтвуд ускорили шаг, а через несколько минут подошли.

— Они нападут этой ночью, — сказал сержант. — Они понимают, что мы не могли уйти от них далеко. Они потеряли своего товарища и кипят злобой.

— Юджин, — сказал Серый Призрак, — ты, Джарвис и Сезария уйдете на юго-запад. По какому бы следу кайова не пошли, даже разбившись на две группы, они придут к месту, где мы сейчас находимся. Я буду постоянно наблюдать за северной стороной пустыни, а шумовые ловушки поставлю на юге и на юго-западе. Скорее всего, все кайова пойдут по моим следам и следам Сезарии, ведь следы Сезарии — следы женщины.

Гейтвуд бросил задумчивый взгляд на Серого Призрака.

— Наверное, — сказал он. — Ты хочешь поставить шумовые ловушки именно там, где сам бы решил подкрадываться, если бы враг оказался на твоём месте.

— Да, — ответил Серый Призрак. — Мне нужна прядь волос.

Сезария отрезала прядь своих волос и подала их апачу Белой горы. Приняв прядь, Серый Призрак попросил своих спутников сделать из тоненьких веток чапаррала две метелки, чтобы ими разравнивать следы на песке, сам же отсек ножом вилкообразную ветку толщиной с большой палец, потом, присев на одно колено, скрутил из волос Сезарии двухрядовую леску. Он брал по несколько волосков, прикладывал к их концам еще несколько волосков, а после скручивал на бедре ладонью.

Проверив леску на прочность, Серый Призрак насобирав возле кустарника сухих и очень ломких веток. Он распорядился, чтобы Гейтвуд и Шерман наблюдали за пустыней, а Сезарию попросил взять одну из метелок и следовать за ним. Он пошел на юг вдоль своих следов и следов Сезарии, но ступал в полуярдах слева от них. Пройдя ярдов восемьдесят, нашел участок, где его следы, следы Сезарии и паломины проходили с восточной стороны высоких кустов. Удостоверившись, что этот участок хорошо просматривается с того места, где стояли Гейтвуд и Хилл, разложил сухие ветки на расстоянии четырех дюймов одна от другой.

Площадка с разложенными на ней сухими ветками находилась рядом с креозотовым кустом и была шириной пол ярда, а длиной около ярда. Все ветки Серый Призрак присыпал тонким

слоем песка, а затем, взяв из рук Сезарии метелку, разровнял ею песок. Он снял мокасины и, стоя на коленях и осторожно ставя обувь на разровненную метелкой почву, оставил на ней следы. Он попросил и Сезарию снять сапоги, и тоже оставил на песке отпечатки их подошв. Слегка надавливая кулаком, а затем, поворачивая кулак, постарался оставить следы, похожие на отпечатки копыт лошади.

Во второй половине ночи луна сместится на северо-запад, и тень от кустарника накроет участок с ложными следами. И к кустарнику, и дальше от него тянулись настоящие следы Серого Призрака, Сезарии и паломины. Крадущийся по этим следам почувствует, что враг должен находиться где-то рядом, ибо будет учитывать покрытое убежавшими расстояние после перестрелки. Еще задолго до места, где Серый Призрак присыпал песком сухие ветки, разведчик начнет приближаться очень осторожно и будет держаться тени кустов. Он станет подкрадываться или низко пригнувшись, или ползком.

Услышав хруст сломавшейся ветки, на которую кайова наступит ногой, надавит рукой или всем телом, если начнет ползти, Серый Призрак сделает выстрел в тень возле куста дюймов на двадцать выше от земли, а затем в подножие чапаррала.

Назад Серый Призрак и Сезария пошли по тем следам, которые оставили несколькими минутами ранее. Сезария тщательно разравнивала за собой следы метелкой. В обычной ситуации любой разведчик-индеец заметит, что по песку прошли охапкой веток, но оставалась надежда, что подкрадывающийся кайова, чувствуя близость врага, лишь бегло станет осматривать явные следы у себя под ногами и будет сосредоточен на тех объектах, которые находятся впереди него, поскольку там может затаиться его противник.

Гейтвуд понял, что именно Серый Призрак приготовил разведчику-кайова, и еле слышно произнёс:

— Дай Бог, чтобы сработало.

— Теперь я поставлю сигнальную ловушку в семидесяти шагах от того места, где только что присыпал сухие ветки, — сказал Серый Призрак. Заметив вопрос в глазах сержанта, он хотел объяснить, что воин, который будет подкрадываться недалеко от разведчика, постарается держаться от идущего по

следам немного на юго-западе, шагах в пятидесяти или в ста, однако подумал, что сержанту все понятно и без его слов. Но Гейтвуд не понял.

— Почему ты хочешь ставить ловушку слева от пути продвижения разведчика? — спросил он.

— Представь, — сказал Серый Призрак, — что тебя ожидает засада после стычки, которая произошла недавно в полутора милях на востоке. Ты идешь по следам врага. Твой враг сделал крюк: пошел на юг, потом на юго-запад, а после повернул на север. Время, которое миновало после стрельбы, и расстояние, которое прошел твой враг, подсказывают тебе, что он должен затаиться где-то поблизости. С какой стороны ты начнешь к нему подкрадываться, учитывая, что один из твоих друзей уже идет по его следам прямо на север?

Гейтвуд кивнул и начал рассуждать вслух:

— Мой враг ожидает нападения с юга, ибо он, сделав крюк, пошел с юга на север, — губ сержанта коснулась задумчивая улыбка. — Также мой враг учитывает, что часть его друзей пошла на север, поэтому я, то есть мы, наш отряд, могли разделиться. Очевидно, что мой враг, помимо южной стороны пустыни, будет наблюдать за ее восточной и северной стороной.

— И недостаточно уделять внимание юго-западу и западу.

— Да, — сказал Гейтвуд, — тем более, что луна сместится на юго-запад и будет слепить моему врагу глаза, когда он будет смотреть в ту сторону.

Молча, только окинув своих спутников взглядом, Серый Призрак взял с рук Сезарии метелку и пошел на юго-запад, где в семидесяти ярдах от того места, где он присыпал ветки песком, близко друг к другу с юга на север тянулись несколько кустов чапарраля, — кайова, подкрадывающийся к нему с юго-запада, будет стараться находиться в тени этих кустов.

Возле сросшихся кустов Серый Призрак отрезал от ранее заготовленной ветки три колышка. Один длиной двенадцать дюймов, другой пять, и третий, самый тонкий, три дюйма. На концах длинного и среднего сделал одинакового размера зарубки. Затем разрезал леску на две неравные части. Из середины кустов наклонил самую высокую ветку в направлении с юга

на север, привязал к ней короткой леской маленький колышек с зарубкой. Длинный колышек зарубкой кверху воткнул у основания чапаррала, согнул сильнее ветку и прикрепил колышки друг к другу, наложив их зарубкой на зарубку. Это была самая высокая ветка куста, и, когда она распрямится и воспарит над другими ветками, её можно будет заметить издали. Оглядев конструкцию, Серый Призрак осторожно привязал длинную леску к согнутой ветке, протянул её под острым углом к земле в сторону от куста на ярд, воткнул самый короткий колышек, обкрутил леску вокруг него и придавил её конец небольшим камешком. Стоило воину-кайова задеть леску, протянутую над землёй от согнутой веки, конструкция из двух веток, соединённых зарубками, разрушится, и ветка распрямится. К своим спутникам Серый Призрак возвращался, пятясь назад и тщательно разравнивая метелкой следы за собой. Подойдя к паломине, он приказал ей подняться, снял с нее седло, отсоединил от седла седельные сумки и скатку, чтобы снова водрузить их на спину лошади и закрепить на ее теле коротким лассо. Он оставил себе одну флягу, а остальные передал Сезарии.

— Вам лучше уходить на северо-запад, а потом на запад, — сказал он Гейтвуду. — Если начнется перестрелка, я попытаюсь ускользнуть на паломине и сначала поскачу вслед за вами. Там, где вы замели следы, останутся только следы моей лошади. Все кайова будут на лошадях. Если сейчас они решили подкрадываться, то своих лошадей оставили не далее двух миль отсюда. Конные воины не любят долго передвигаться пешком, и погонятся они только за мной. В пустыне останутся только следы паломины и следы их коней. А вы для кайова исчезнете.

Серый Призрак умолк, раздумывая, потом снова сказал:

— Как только услышите выстрелы, сворачивайте на запад. И постоянно замечайте за собой следы. Если мне удастся уйти от кайова, завтра они все равно возобновят преследование, но преследовать будут одного меня. Я тоже перед рассветом направлю паломину на запад, однако держаться от вас буду на милю севернее. Иногда мы будем видеть друг друга, очень далеко, еле различать. Сигнал — крик койота. А там — будет видно. Если я все учел и все правильно рассчитал, то часа через час-полтора они начнут подкрадываться. Уходите.

Гейтвуд почувствовал, что Серый Призрак что-то не договаривает. Он пытливо всматривался в глаза апача, но тот, бросив встревоженный взгляд на Сезарию, вернулся желто-коричневыми радужками к сержанту, — усталыми, напряженными, словно Гейтвуд находился далеко и Серый Призрак не мог разглядеть выражение его лица.

Гейтвуд не отвел глаз от глаз Серого Призрака, а когда заметил, что в желто-коричневых радужках исчезла настороженная пытливость, посмотрел на Сезарию, вернулся зрачками к апачу Белой горы и произнес:

— Я позабочусь о ней.

Повернув своего коня и пройдя с ним ярдов двадцать, Гейтвуд остановился. Он подумал, что у него есть карабин и два револьвера, а у апача Белой горы только винчестер. К тому же револьвер был и у Сезарии. Вернувшись к Серому Призраку, сержант протянул ему револьвер.

— Я плохо владею револьвером, — сказал Серый Призрак.

— Это оружие, — ответил Гейтвуд. — И оно тебе понадобится.

Луна достигла самой высокой точки своего пути. Южное небо, которое в полдень изливало жару, в полночь рассыпало по равнине тоскливый серый свет. Удаляющиеся на северо-запад Гейтвуд, Сезария и Джарвис в свете луны, которая светила на них с юга и освещала лишь левые стороны их тел, казались расколотыми надвое фигурками: одни половинки были воткнуты в сжимающееся в лед лунное сияние, другие остались лежать на земле.

Серый Призрак бросил быстрый взгляд вслед своим друзьям, словно хлестнул по пустыне: свет луны на мгновение стал ярче, до рези в глазах, а затем угас до пепельных оттенков неба и равнины. «От усталости», — подумал Серый Призрак. Он сделал шаг в сторону, чтобы скрип песка под ногами вернул его к реальности, но песчинки лишь безмолвно вспыхнули, ибо пустыня долго взирала на луну и закрыла глаза именно там, куда ступил апач Белой горы.

Пределы пустыни на западе и на севере постепенно становилась прозрачнее и явственнее, из-за чего стена неба отодвигалась дальше.

Серый Призрак, взрыхляя почву ножом, соорудил с северной стороны креозотового куста холмик. На середине холмика, с юж-

ной его стороны, приладил седло, но так, чтобы человеку, наблюдающему за холмиком, показалось, что седло прикреплено к лежащей на боку лошади. Затем он отвел паломину немного на запад и заставил лечь за невысоким чапарралем. Время поджимало, но апач все равно, опустившись на колени, наклонился к голове лошади, и, глядя ей в глаза, несколько минут гладил ее. Потом вернулся ближе к сооруженному им холмику, но тщательно замел следы за собой. Метелку заткнул себе за ремень.

В двадцати ярдах слева от него над верхними ветками креозотового куста виднелось седло, в пятидесяти ярдах справа лежала паломина. Куст чапарраля, за которым Серый Призрак спрятался, был невысоким, с редкими толстыми ветками. Корни куста вспучивали почву и образовывали нечто в виде низенького бруствера. Апач лёг за ним и, просунув винчестер между веток, приготовился к нападению. Он блуждал взглядом по широкому участку пустыни от северной ее стороны до юго-западной, но особенно пристально следил за местами, где поставил сигнальные ловушки. Периодически поворачивался и смотрел на север, ибо, если кайова разделились и часть из них пошла по следам Гейтвуда и Джарвиса, опасность следовало ожидать и с северной стороны равнины.

Сезария знала, что Серый Призрак не верит в существование после смерти. Творец дал апачам целеустремленность и силу воли, а сам удалился из этого мира, предоставив и чирикахау, и апачам Белой горы самим устраивать свою судьбу. Она понимала, что более одинокой смерти, чем смерть апача, в мире не существует. Она шла за Гейтвудом и думала, что, если Серый Призрак погибнет, его ничего не будет ожидать. Возможно лишь, что над ним, облитый лунным светом, целую вечность будет стоять сержант Юджин Гейтвуд и постоянно, словно прорубая своими словами лед, произносить: «Я позабочусь о ней, Серый Призрак».

На юге из-за слепящего света луны трудно было что-либо разглядеть. Чтобы не пропустить хоть какие-то изменения на равнине, Серый Призрак начинал переводить взгляд от участка земли у себя перед глазами к южному горизонту. И чем дальше он уходил взглядом, тем размытее, схематичнее выглядели кусты чапарраля: серо-белый песок и тускнеющие на нем чахлые растения выглядели равниной раздробленных костей, над ко-

торыми темно-серым цветом дымилась плоть нависшего над пустыней существа — чужого, бессмысленного и необъяснимого. Стоило поднять глаза чуть выше — и сознание, а, вместе с ним, и способность различать, растворялись в лунном сиянии, из глубин которого могло появиться что-угодно, даже трепетное, близкое сердцу, но оно все равно высасывало мозг и забирало бдительность.

Погруженная в лунный свет картина равнин оставалась все той же. Но над поверхностью пустыни лучи загорелись ярче, и Серый Призрак сощурил глаза, ибо был уверен, что это не зрительная галлюцинация. Пространство наполнилось еле слышимым треском и частым щелканьем, будто луна была терракотовой миской и в ней перекатывались шарики льда: где-то в двухстах ярдах от Серого Призрака кто-то потревожил гремучую змею. Это мог быть только воин-кайова или койот, вспугнувшие ядовитую тварь. Сработала совершенно другая шумовая ловушка, о которой апач ничего не предполагал, но для прицельного выстрела было слишком далеко. Треск продолжал растекаться над пустыней, и единственное, что можно было определить — из какой стороны света он доносится, но не точное его местонахождение.

Вся южная сторона пустыни наполнилась дребезжащим звуком, исходящим из трещотки гремучей змеи. Серый Призрак был уверен, что никто не поднимется и не побежит: воин, вспугнувший гремучую змею, замрет на месте, а потом постарается осторожно отползти от нее либо отсечь ей голову ножом.

Дребезжание внезапно умолкло, словно шум, воспроизводимый вибрирующим хвостом змеи, представлял собой монотонное падение града на поверхность льда, но лёд мгновенно растаял или испарился.

Участок, где лежали сухие ветки, постепенно зарастал тенью; сквозь круглое окошко луны, заделанное мутным стеклом, прорисовывались просторы безнадежности и страха.

Лишь только послышался треск ветки, Серый Призрак выстрелил. Он взял немного выше, чтобы пуля прошла на высоте двух с половиной футов над тенью, а через секунду выстрелил в само черное пятно. Послышался сдавленный крик. Серый При-

зрак быстро отполз на несколько ярдов влево, ближе к холмику с седлом, но не отрывал глаз от куста, на котором согнул ветку. Она плавно распрямилась, как рука спящего, и еще не достигла предела своей высоты, как в тень возле куста ушло две пули, — одна почти на уровне верхушки выровнявшейся ветки, другая — в черную заплату на земле.

Апач Белой горы перекатился вправо, на северо-запад. Серую пелену прокололи несколько оранжевых вспышек, и лишь потом послышались выстрелы. Одна пуля вонзилась в седло. Скрываясь за кустами чапарраля, Серый Призрак отполз на запад, ближе к паломине. Лежа на спине, он приподнял голову, — северная сторона пустыни безмолвствовала, иногда лишь в сизой дымке загорались искрами песчинки кварцита.

На юге тугой светлой лентой хлестнуло по низу неба: высь вонзилась в равнину, а затем немного подалась назад, обнажив блеск своего острия. Серый Призрак прижался ухом к земле. Он уловил слабый гул, — мнилось, что глубоко в ночи тектонические плиты, на которых покоилась равнина, вздрогнули и начали оседать. Раздвинув ветки креозотового куста, Серый Призрак скользнул к паломине. Топот копыт нарастал. Вены на шее лошади вздулись, заползли под кожей, будто выпученные от страха глаза животного были связаны с ними и кровотоком, рдяными толчками передавали в сердце картины ужаса, по которым шараялся взгляд верного Серому Призраку, но ничего не понимающего существа. Серый Призрак обнял лошадь. Ласковые слова, которые он начал шептать ей на ухо, немного успокоили ее.

Он лежал сзади паломины, прижавшись к ней всем телом. Пули взрыхляли песок на холмике, а некоторые вонзались в седло. Серый Призрак ждал, когда кайова израсходуют магазины своих винтовок и примутся заталкивать в них патроны.

Паломина водила глазами по северному небу, к которому удалялся свист пуль. Сезария оглянулась — в ее восприятии бесконечность пространства на востоке рвалась и превращалась в лохмотья, словно была изношенной одеждой, и поэтому для апача Белой горы оставалось все меньше и меньше места для спасения. «Проклятые кайова», — подумала она, а Гейтвуд притронулся к ее руке, но лицо его было затемнено широкополой шляпой. Молчание нарушил Джарвис.

— Сезария, дай мне револьвер, — сказал он. — Я помогу Серому Призраку, отвлеку нападающих.

Гейтвуд отрицательно покачал головой. И снова его лицо осталось скрытым в глубокой тени: луна на мгновение осветила подбородок и губы сержанта, плотно сжатые, обрамленные сверху усами.

Серый Призрак закинул правую ногу на круп паломины, а левую согнул в колене, чтобы ею оттолкнуться. Он с силой выдохнул воздух из легких, лошадь напряглась и сразу же, поднимая приросшего к ней человека, оторвалась от земли, словно была вытолкнута пустыней. Взметнулась пыль, точно до того, как встать на ноги, паломина была укрыта полуистлевшей простыней, а когда белесые клочья опали, Серый Призрак уже мчался на юго-запад, свесившись с правой стороны лошади. Наблюдающие за северной пустыней кайова увидели лишь убегающее животное. Но, проскакав около трехсот ярдов, паломина исчезла, — одно овальное облако пыли, похожее на кокон шелкопряда, вспыхнуло белым цветом и с каждой секундой удалялось.

Свист нескольких пуль пронизал холодное сияние луны: одна срезала прядь на гриве паломины, другая сделала дыру в голенище высокого мокасина, но ноги не задела. Проскакав полмили, апач Белой горы перевел лошадь на шаг, затем остановился и, не оборачиваясь, начал вслушиваться. Вначале далекий топот копыт докатывался до него, как шелест ленивой волны. Ветра не было, но все равно потоки прохладного воздуха блуждали над пустыней и постепенно оседали в мало-мальски низинных местах.

Холод сбежал вниз по рубашке Серого Призрака, но, когда его следующий наплыв снова обволок тело, а в мокрую от пота спину дохнуло льдом, шум от топота копыт, ранее стелившийся над землей, вскинулся и, вонзившись в поверхность равнины, подмял ее под себя: перспектива пустыни на севере исказилась, а далеко чернеющий чапарраль на мгновение приблизился и стал беззащитнее.

Паломина выдохлась: дальше убежать не было смысла. Серый Призрак отвел ее на семьдесят шагов в сторону и заставил лечь за креозотовым кустом. Возвращаясь на прежнее место, он замел за собой следы, а метелку спрятал между веток ближайшего куста.

Топот приближался. Серый Призрак, взрыхлив землю ножом, соорудил за кустом чапарраля подобие бруствера, хоть какую-то защиту от пуль, однако ожидать преследователей лег в пяти шагах от насыпанного им холмика. Он посмотрел в сторону лежащей за кустом паломины, а когда перевел взгляд на восток, увидел мчащегося всадника.

Серый Призрак знал, что всадник не один — об этом говорил стук копыт нескольких коней, но кайова после вчерашней перестрелки решили не рисковать и напрасно не подставлять себя под вражеские пули. Они скакали по следам паломины один за другим, три или четыре человека. Кайова мчались по участку пустыни, укрытому глиной. Тонкий слой нанесенного ветром песка встречался только местами, поэтому гул от ударов копыт то нарастал, то ослабевал. Пыли почти не было. Лишь когда лошади пересекали участок, занесенный песком, из-под их копыт брызгали светящиеся кварцитовые песчинки, словно кайова скакали на подкованных лошадях по каменистой пустыне, из которой подковы высекали искры.

Серый Призрак ждал, чтобы кайова приблизились к нему ярдов на двести. Только с такого расстояния можно было сделать удачный выстрел. Он целился в лошадь, потому что во всадника мог не попасть. Он только видел глубокую, очерченную тень в виде несущегося на него коня: всадник прижимался к шее скакуна и был почти невидим. Его волосы сливались с гривой. При каждой скачке конь закидывал голову вверх, и от света луны его глаза наполнялись перламутром.

Серый Призрак нажал на курок, но конь продолжал мчаться. Всадник резко откинулся назад и в сторону. А через несколько секунд показался свесившимся с правой стороны коня. Он все еще удерживал в руках винчестер, но ствол касался земли, сталь задевала иногда встречающуюся гальку и из земли взлетали короткие оранжевые пучки.

Серый Призрак выстрелил еще раз, но промахнулся. Лошадь повернула влево, чтобы, проскакав по короткой дуге, умчаться назад. Всадник исчез, а его конь, хотя и выглядел движущимся пятном, открылся глазам апача от головы до хвоста. В любом

случае Серый Призрак должен был попасть или в скакуна, или в свесившегося воина. Поскольку ствол винтовки задевал землю, рука кайова была полностью распрямленной.

Серый Призрак учел длину руки и, сместив ствол винчестера выше и немного влево, выстрелил в центр крупы коня. Конь шарахнулся, однако развернулся и начал уноситься на восток: стало видно свесившегося всадника, но Серый Призрак не знал — ранил он коня или скачущего на коне воина.

Показались еще два всадника. Они быстро осадили лошадей, повернули их и поскакали вдогонку раненому кайова, но один из всадников послал пулю в сторону Серого Призрака. Она пролетела в ярдах двадцати от него и далеко позади срезала ветку чапаррала. Ветка еще не коснулась земли, как кайова превратились в три черных подрагивающих сгустка, которые восточная сторона неба постепенно подтягивала к себе и сжевывала. Через несколько секунд кайова исчезли, лишь крохотный отрезок восточного горизонта продолжал выбрасывать из себя брызги искр.

Серый Призрак прождал еще полчаса, сжимая винчестер и внимательно рассматривая пустыню. Луна перекатилась на западную сторону неба. От сковавшего равнину холода листья креозотовых кустов подернулись светлой пленкой, образовавшейся от сконденсированной на них влаги. Они приобрели пепельный свет пустыни, и перед рассветом, словно из проколов, на их поверхности выступят крохотные капельки росы.

Серый Призрак окинул взглядом ближайший куст: он не знал — брать с собой метелку или оставить её. Ранее с ним никогда такого не случалось. Он всегда все делал слаженно и уверенно, а в своих намерениях был непоколебим. Нельзя сказать, что раньше ему не доводилось испытывать чувство смятения. Но во время долгих переходов в пустыне или в стычках с врагами он редко бывал растерянным и подавленным, ибо руководствовался давно усвоенными привычками, да и его навыки и опыт всегда подсказывали ему, как поступать дальше. Он никогда не хотел никого убивать, и если приходилось это делать ради своего спасения или спасения близких людей, он объяснял свои действия необходимостью, хотя все равно испытывал чув-

ство подавленности и одиночества, — в его сознание всегда закрадывался вопрос: почему подобное выпало совершить именно ему — апачу Белой горы?

Мрачное состояние его души после боя окружающими воспринимались как проявление хладнокровия и расчетливости. Но это было далеко не так. Он никогда не мог дать внятный ответ на вопрос — какой хотел бы видеть свою судьбу. Но он точно знал, что необходимо терпеть. Терпение и собранность настолько стали частью его поведения, что он не воспринимал себя каким-то исключительным. Такими были многие апачи, ведь Творец наградил их мужеством и силой воли, а сам удалился из этого мира, предоставив возможность апачам самим решать свою судьбу. И, сколько себя помнил, Серый Призрак решал свою судьбу, как и положено мужчине народа на-дене. Он провел немало времени среди мексиканцев и белоглазых и уже очень долго сопровождал Сезарию, а это подрывало уверенность, сминало в нем чувство безропотного принятия любых невзгод.

Он присел, обхватил колени руками, а винчестер положил справа от себя. В небе ныла луна, опустошала равнины и оставляла их один на один с безнадежностью, как будто была пулевым отверстием, которое пронизало высь, и пустыня должна лишиться последних признаков жизни, только люди и лошади на её унылой и бесконечной поверхности. И не важно, кто они — Серый Призрак со своими друзьями или воины-кайова, — ночное светило все равно заставит их страдать.

Приподняв голову над кустом, паломина потянулась жалобным взглядом к апачу Белой горы. Серый Призрак не сразу поднялся, чтобы пойти к лошади. Он еще долго сидел, словно взвешивал, стоит ли прилагать усилия, чтобы спастись от кайова, но все равно остаться среди пространства, мучимого жаждой. Наконец, сокрушенно улыбнувшись, отвязал от пояса флягу, поднялся и побрел к лошади. Потом, сосредоточив взгляд на северном небе, сделал щелкающий звук. Паломина поднялась. Кварцитовые песчинки, как блески, побежали вдоль ее тела вниз. Он вырыл небольшую ямку, устелил её набедренной повязкой, а затем, наполнил ямку водой. Лошадь пила осторожно, не отрывая глаз от своего хозяина.

Серый Призрак и сам выпил несколько глотков из фляги и уже намеревался пойти на юг, но вспомнил, что метелку оставил спрятанной среди веток креозотового куста. Он вернулся к месту, где стрелял в кайова, вытянул метелку, замел за собой следы и, оказавшись возле паломины, кивком головы дал ей понять, в каком направлении нужно двигаться. Лошадь стояла, застыв в нерешительности, но, поняв или догадавшись, что от нее требует хозяин, или ее желание совпало с желанием Серого Призрака, побрела на юг. Пятясь за ней, Серый Призрак разравнивал за собой свои следы и следы копыт, хотя знал, что кайова все равно его найдут. Пройдя таким образом ярдов триста, заткнул метелку за пояс и поспешил за лошадью, надеясь только на ее чутье, ибо его знания и опыт уже ничем не могли ему помочь.

Он шел прямо на диск луны, рядом с паломиной, положив руку на ее холку. И лошадь, и Серый Призрак казались спроецированными на равнину лунными пятнами, которые, как и само ночное светило, с восходом солнца исчезнут.

В абсолютной тишине все равно чувствовалась поступь приближающегося дня с его убивающей все живое жарой. И когда еще не взошедшее солнце, подобно копыту, наступило за скрытую за горизонтом копну напитанных ядом растений, из отравы которых разольется марево, светлая, словно сок молочая полоска начала заливать низ неба мертвенной, синевато-белой чистотой, и только тоскливый крик койота, оказавшегося один на один с надвигающимся зноем, колыхнул безмолвие: край солнца, как лоснящаяся беззубая десна, показался над землей, и небо беззвучно проговорило о начале невыносимой жажды.

26

Гейтвуд замер. Конь сделал еще два шага, пока поводья, за которые вел его сержант, не натянулись. Покрасневшие глаза животного уходили в одну точку на западном горизонте, по телу пробежала дрожь.

Остановились Джарвис и Сезария. Они пытались выглядеть невозмутимыми, и, хотя серое утро сделало их лица еще более обескровленными, глаза ожили, ибо у каждого в сердце затеплилась надежда.

У них был только один разговор с того времени, как они покинули Серого Призрака. Они не прерывали свою ходьбу, не оборачивались, чтобы посмотреть друг на друга, — Сезария видела спину Гейтвуда, Хилл — ниспадающие на плечи волосы Сезарии, а Гейтвуд — лишь одно неумолимое око луны, которая взирала на равнину несколькими расплывчатыми зрачками и держала поверхность пустыни в гипнотическом оцепенении. Вокруг ступней вспыхивали песчинки, словно люди шли по тонкому льду, молниеносно покрывающемуся под ногами множеством мелких трещин.

— А если с Серым Призраком случится непоправимое? — спросил Джарвис.

Гейтвуд пристально посмотрел в даль, пытаясь уйти взглядом ниже диска луны, но его ожидание растечься зрачками в бесконечном пространстве натолкнулось на вороненую сталь неба.

— Я вернусь и похороню его, — ответил сержант.

— Мы вернемся, Юджин, — поправил его Джарвис.

— Серый Призрак умеет исчезать. Если он захочет, его никто не увидит — сказала Сезария.

— Правда? — Гейтвуд обернулся. Он не верил Сезарии. И его взгляд стал обеспокоенным.

— Это правда? — задал он вопрос уже Джарвису.

— Кто знает, сержант, — ответил Хилл. — Но мы слышали крик койота.

Поднимающееся солнце постепенно уничтожало пепельный цвет равнины: длинные тени, отбрасываемые чапарралем, создавали видимость хранящейся на поверхности пустыни влаги, словно стоило вонзить пальцы в песок — сразу ощутишь прохладу, говорящую о близости воды. Именно из-за синих теней появлялись мнимые признаки поднявшихся из глубин вод, но, спустя короткое время, становилось очевидным, что не равнина стала открытой и незащищенной, — само дневное светило обнажилось в своем бесстыдном желании лицезреть бесконечную картину смирения и угасания.

Распущенные волосы Сезарии просвечивали лучи солнца, и Гейтвуду привиделось, что ее лицо обрамлено изгибающимися язычками огня, хотя в глазах все ещё оставалась запе-

чатленной ночная пустыня — черные радужки в голубовато-белой изменчивости склер. И Гейтвуд догадался, что своим сознанием Сезария пребывает в том времени, когда Серый Призрак попросил позаботиться о ней. «Это взволновало бы любую женщину», — подумал сержант, но сказал совершенно другие слова:

— Пойдем на северо-запад. Ведь только так мы сможем увидеть Серого Призрака.

Он повернулся и пошел, но уже не тянул коня за поводья: тот сам последовал за своим хозяином.

Гейтвуд торопился, ибо хотел до наступления зноя увидеть апача Белой горы: ближе к полудню равнину начнет заволакивать полупрозрачной пеленой.

Солнце еще дальше оторвалось от земли, и первые ростки марева, как бледные водоросли, уже колыхались и подрагивали над равниной, словно пустыня стремилась в высь.

— Сержант, — сказала Сезария и умолкла, но Гейтвуд, скорее, не услышал, а вспомнил ее голос. Направляя коня на северо-запад, он не прекращал думать об этой женщине, и ему показалось, что он оставил Сезарию и Джарвиса далеко позади себя: стоит ему оглянуться, он увидит их на краю равнины, изнуренных, еле передвигающих ноги. Но Сезария стояла в десяти шагах от него. Инструктированная перламутром рукоятка револьвера, выглядывающая из-за её пояса, горела на солнце и напоминала сломанный серп луны. Джарвис смотрел недоверчиво, и не нужно было обладать изощренной проницательностью, чтобы догадаться, что он полностью на стороне Сезарии и сделает все, что она потребует.

— Нужно напоить коня, — прозвучал голос Сезарии так близко, словно она вплотную приблизилась к сержанту и ее горячее дыхание коснулось его лица.

«Это потому, что я сам этого хотел», — подумал Гейтвуд и, немного выждав, кивнул. Он пытался разглядеть в глазах Сезарии хоть что-то потаенное, не имеющее ничего общего с усталостью или с чувством долга.

Конь ещё не допил воду, вылитую Гейтвудом из фляги в оловянную миску, как Джарвис произнес:

— Никого не видно, а марево уже начинает стелиться над пустыней. Мы давно слышали крик койота, но никого нет.

— А если это не Серый Призрак? — спросил Гейтвуд. — Если то, что мы слышали, крик настоящего койота?

Он заметил в глазах Сезарии укор и пожалел, что позволил себе усомниться.

Хилл поправил на себе одежду, неизвестно зачем. Прошелся пальцами по пуговицам рубашки, проверил — правильно ли лежит воротник. В его светло-голубых глазах отражались облака, которых на небе не было, поэтому Сезария решила, что внутренне её спутник сосредоточен на северной стороне пустыни, уже начинающей укрываться сизой завесой.

В размышлениях Гейтвуда тоже появились мысли, похожие на умозаключение Сезарии, но первые наплывы марева не могли придать глазам Джарвиса выражение столь слепого упорства, которое овладело им: решимость увидеть Серого Призрака во что бы то ни стало говорила только о том, что Хилл не ставит под сомнение способность апача становиться невидимым. Поэтому он надеялся, — сейчас вот, десять секунд или двадцать, в пятидесяти ярдах от них возникнет худой индеец в синей налобной повязке, а за ним и чалая, осторожно ступающая лошадь.

Гейтвуд придержал коня, а, когда подошли Сезария и Джарвис, повернул на север. Постоянно наблюдая за восточной и западной сторонами пустыни, сержант начал замечать некоторые различия во внешнем виде растений. На западе равнины зеленый цвет встречался чаще, чем на ее восточной стороне, представляющей собой почти бесплодные земли. На востоке виднелся только росший кругами чапарраль, но это растение хорошо переносит сухой сезон, поскольку его корни уходят в глубину ярдов на восемьдесят и всегда достигают влаги. Единственное, что мешает кустарнику выжить — скальные породы и скопления камней, которые не дают корням дотянуться до грунтовых вод.

Серый Призрак и паломина словно находились за стеной дождя и монотонно, заливаемые потоками, брели по широкому мелководью: яркое солнце, совершенно безоблачное небо, колышущаяся над землей полоса ливня без радуги, тугие светящиеся струи, внезапно возникающие на высоте двести ярдов как

бы из ничего, и ударяющиеся в землю с такой силой, что заливаемый ими апач Белой горы и его лошадь то исчезали, будто съедаемые кислотой, то появлялись и разрастались, но только в своих отражениях на мелководном плёсе.

Серый Призрак провел ладонью по шее паломины. Он ничего ей не сказал. Она повернула голову влево, и сразу ее глаза стали задернутыми отразившимся в них солнцем.

27

Их почти невозможно было разглядеть — Сезарию, Джарвиса и Гейтвуда. Южная сторона неба стала абсолютно белой. Мерещилось, что солнцу не хватает простора — ни необозримых равнин, ни нависшей над ними выси. Оно набухало, вздрагивало, как огромная пылающая медуза, оказавшаяся в водоеме, который стал для нее слишком мал: многочисленные щупальца безвольно свисали к земле и только над поверхностью равнины слабо шевелились, тем самым создавая эффект трепещущего марева. Но четыре изнуренных существа, из которых солнце пыталось высосать их последние силы, упорно преодолевали колышущуюся пелену, пока, наконец, Серый Призрак не увидел их полностью, уже вышедших из меняющейся и трепещущей стены.

Сезария сузила глаза, — мерцающие контуры паломины и Серого Призрака стали непрерывными и отчетливыми, хотя все еще были залитыми маревом. Она подняла руку и так и держала ее, пока не увидела, что апач Белой горы, повернув лошадь, пошел к ним, затем побежал и разомкнул струи колышущегося ливня.

Они тоже побежали к Серому Призраку, но быстро выдохлись, а, когда приблизились, хотели обнять его, но холодный взгляд апача и совершенно безучастное лицо оборвали их порыв, — каждый просто подал ему руку, только Сезария положила на плечо Серого Призрака ладонь, скользнула пальцами вдоль его груди, но потом, опустив руку и словно не зная, что с нею делать, произнесла:

— Апач Белой горы.

— Пройдем еще немного на юг, — сказал Серый Призрак, — и отыщем подходящее место, чтобы переждать зной.

— Там, южнее, растений больше, чем здесь, и они выше, — сказал Гейтвуд.

— Мескито, — ответил Серый Призрак.

Это в самом деле оказались деревья мескито. Они росли далеко друг от друга, но покрывали значительную площадь. В принципе, сколько хватало глаз, равнина до западного горизонта была утыкана ими, лишь иногда встречались низкорослые кактусы.

Они не долго искали дерево, чтобы отдохнуть в его тени, но учли движение солнца и набросили на ветки скатки Гейтвуда и Серого Призрака в том месте, чтобы передвижение тени постоянно скрывало их от палящих лучей.

Серый Призрак предложил сгрести накалившийся верхний слой почвы. Получилось нечто широкой и мелкой ямы. Дежурить решили по очереди: Сезария, Джарвис, потом Гейтвуд, и последний Серый Призрак. Лошадей отпустили искать траву.

Серый Призрак смертельно устал, но, прежде чем уйти в сон, вспомнил свесившегося с лошади кайова. Он разомкнул веки — далекая полоса марева показалась ему обвисшей частью выси: синий купол волочил ее по земле и полоскал в солнечном свете, обольщая живых существ ложным приближением недосягаемого.

— Выстрелы были удачными? — спросил сержант.

— Не знаю, — ответил Серый Призрак, но как раз об этом Гейтвуд и подумал.

Сезария сидела в нескольких шагах от спящих. Лошади, как замороженные, переходили по кругу от одного дерева мескито к другому. Сезария в их базедовых глазах отражалась наполовину врытой в землю, — именно такая мысль приблизилась к сознанию Джарвиса, когда он, как от внутреннего толчка, проснулся. Он подумал, что, подобно растениям, к солнцу сквозь песок и глину должны пробиваться живые существа, когда-то заблудившиеся в бесплодных равнинах. Они застывают наполовину вырытыми из земли, и каждый из них смотрит туда, откуда ожидает опасность или спасение. «Нет, — подумал Джарвис, — сначала человек становится погребенным в сиянии солнца и лишь затем в земле». Он не мог при-

нять свои мысли, то есть боялся на них положиться как на логический довод, поскольку все могло быть совершенно иначе: пустыня — это область земли, которая максимально приближена к небесам, в принципе, внедрена в небеса, поэтому именно из ее глубин будут возрождаться из праха все, кто однажды был покинут небесами.

Но Сезария протянула руку и потрясла Джарвиса за плечо, — Серый Призрак и Гейтвуд стояли возле лошадей. Полдень давно миновал, и Джарвис, недоуменно рассматривая мескито, вспомнил, что дежурил после Сезарии, а, затем, снова уснул. Он хотел подумать: «Зачем?», однако не позволил себе: апач Белой горы и сержант Гейтвуд выглядели усталыми, но злыми и собранными.

И они снова пошли на запад. Как объяснил им Серый Призрак: «В поисках места, где можно найти воду».

Впереди шёл Серый Призрак, за ним, пошатываясь, ступала паломина, за паломинкой подрагивающими ноздрями тянулся конь Гейтвуда, потом сам Гейтвуд и Сезария. Джарвис замыкал шествие.

Небо перестало выглядеть монолитным и однообразным в своей синеве. Мало-помалу оно устилалось полосками удлинённых облаков, похожих на рубцы, которые возникают на месте зажившего ожога.

Но потом облака растаяли, и только раскалённый добела металл высился над пустыней — незыблемый, отстранённый, однако прободная язва, коей и мерещилось солнце, заставляла усомниться в существовании вечности, и Сезария загадывала желание, — что бы она сказала Серому Призраку, если бы он согласился её выслушать? Может именно поэтому она почувствовала присутствие чужого: её мысли о Сером Призраке внезапно разорвались в клочья, а перед ней вырос он сам, удаляющийся на запад, словно в брешь между бесконечностью и забвением. Она оглянулась: Джарвис смотрел себе под ноги и шёл, ритмично ступая, будто слушал какой-то мотив и пытался находиться в пределах его звучания, поскольку в границах слышимости мелодии оставалась надежда на спасение. «Это лучше, чем слушать одно шуршание песка», — подумала она.

Серый Призрак шёл легко и плавно, словно скользил над поверхностью пустыни.

Движимая предчувствием внезапной опасности, Сезария обогнала Гейтвуда. Он вскинул на неё внимательные глаза, подумав, что она хочет о чем-то поведать апачу Белой горы, но Сезария приблизилась к паломине и заглянула ей в глаза. В них отражался Серый Призрак, однако находился он не в полутора ярдах от лошади, как и было на самом деле, а двигался далеко, возле самой кромки западной пустыни.

Не сбавляя темп ходьбы, Серый Призрак, полуобернувшись, бросил взгляд на Сезарию и на паломину. Женщина не знала, о чём конкретно подумал апач Белой горы, но была уверена, что её действия он воспринимает, как естественные, даже необходимые. Возвращаясь мимо Гейтвуда на своё место в цепочке, Сезария замедлила шаг, — слишком пристально смотрел на нее сержант, а движения его стали скованными и неуклюжими. Она просто пропустила его мимо себя, глядя ему в глаза, и стёрла в них выражение сосредоточенности. Впрочем, своё замешательство Юджин Гейтвуд попытался скрыть за внезапной мыслью.

— Лошадь чувствует сильнее, чем мы, — сказал он, хотя его слова больше походили на вопрос, чем на умозаключение.

Песок слабо шуршал под ногами. На изредка встречающихся деревцах мескито уже закручивались высохшие стручки. Иногда апач Белой горы, проходя мимо растений, пробовал пальцами плоды. Сезария и Гейтвуд внимательно наблюдали за ним, ибо знали, что мескито индейцы Юго-Запада употребляют в пищу, но монотонный шелест песка под ногами внезапно ослаб, и Сезария, оглянувшись, увидела, что Джарвис стоит к ним спиной и указывает рукой на восток.

— Кайова? — еле слышно произнесла она, но её слова всё равно прозвучали, как команда, и Серый Призрак и сержант Гейтвуд остановились.

На восточной стороне неба появился длинный порез, из которого, играя глянцем и вскипая различными оттенками серого, опускалось марево. На нём подрагивал продолговатый блик. При тщательном рассмотрении он приобретал вид мед-

ленно едущего всадника. Каждое волнообразное движение марева приподнимало к своему наивысшему пределу верхнюю половину ездока, то есть его самого и голову лошади. И тогда нижняя половина, лошадь без головы, продолжала двигаться сквозь маслянистый блеск листьев чапарраля. Но затем меняющееся марево сращивало всадника и лошадь, которая сразу же становилась выше своих естественных размеров, ибо удлинялась на всю высоту трепещущей стены.

— Что это? — спросил Гейтвуд

«Воин может находиться слишком далеко», — подумал Серый Призрак, а сержанту ответил, что это пустыня.

«Пласты раскалённого воздуха», — догадался Гейтвуд, но, в таком случае, всадник мог находиться совсем рядом.

Глаза Сезарии были широко открыты, словно она медитировала, глядя на апача Белой горы.

Серый Призрак прикоснулся к руке Сезарии и попросил её, чтобы она собрала лошадей и держала их возле себя.

— Господи, да они уже нападают, — сказал Джарвис, а Гейтвуд ему ответил:

— Помоги Сезарии.

— Но мне нужно оружие, — сказал Джарвис твёрдым голосом. Он сверлил глазами Серого Призрака, однако выражение настойчивости в его глазах постепенно исчезло: высказывание Сезарии: «Ты не умеешь обращаться с оружием» на несколько минут повергло его в замешательство. Ища поддержки своим словам, Сезария вопросительно посмотрела на апача Белой горы.

— Без оружия во время боя проще спрятаться, — сказала она. — А если начнёшь стрелять, станешь доступным и уязвимым.

— Это так? — спросил Хилл.

— Да, это так, — ответил Гейтвуд. — Это очень серьёзно, Джарвис.

— Всё равно, — возразил Джарвис. — Без оружия я чувствую себя совершенно беззащитным.

Всадник отделился от трепещущей поверхности: марево волнообразными движениями словно вытолкнуло его из себя, но он просто медленно ехал — выпрямившийся, с раскрашенным красной краской лицом.

— Апач Белой горы, — обратился к Серому Призраку Джарвис. Он стоял подавленный, настороженный, а воин-кайова, покинув колеблющуюся полосу, въезжал в пространство пустыни, как во вздутое и прозрачное образование, возникшее на поверхности меняющейся стены: местность, расположенная к западу от играющего глянца, казалась ограниченной в своих размерах и рано или поздно обязана была схлопнуться и исчезнуть в светящейся пелене, ибо всё вокруг казалось продолжением зыбкого и иллюзорного, даже люди и лошади.

Маслянистые листья чапаррала отражали солнечные лучи и напоминали укрытых хитином насекомых — прадавних, реликтовых, забытых, собирающихся роями возле траектории будущего выстрела, который обязательно должен был прозвучать.

— Нет, — сказала Сезария, — не нужно, Джарвис.

Серый Призрак положил ладонь на рукоятку револьвера, чтобы отдать его Хиллу.

— Он никогда не воевал. Ты думал об этом? — спросила Сезария.

— Да ведь и ты не воевала, — сказал Джарвис. — Но Серый Призрак отдал тебе свой револьвер.

Серый Призрак опустил глаза. Слова Сезарии поставили его в тупик, но он не намерен был в минуты опасности терять время, чтобы дать понять Хиллу и внимательно наблюдающему Гейтвуду, что не пытается отдавать приказы Сезарии, что Сезария сама по себе, просто он ответственен за неё. Сквозь его опущенные ресницы радужные оболочки излучали мягкий медовый свет, будто апач искал понимания или участия, поэтому Гейтвуд догадался, что никакого объяснения не последует. Серый Призрак, окинув Сезарию и Хилла грустным взглядом, коротким взмахом руки отправил их к лошадям. И они пошли — Джарвис, растерянно блуждая зрачками по деревьям мескито, Сезария — плотно сжав губы, уверенная в своей правоте.

«Если повезёт, спасёмся», — подумал Гейтвуд, а Серый Призрак стоял вполоборота к мужчинам, что ввело Джарвиса в заблуждение, ибо он понадеялся, что апач Белой горы всё ещё взвешивает слова Сезарии и, возможно, поступит вопреки её доказательствам.

— Серый Призрак, — тихо позвал Гейтвуд.

Серый Призрак поднял глаза на кайова.

— Я подожду его, — сказал он, а, затем, повелительным голосом: «Джарвис!» и вытянул из-за пояса револьвер.

Хилл виновато улыбнулся. Он мельком взглянул на Сезарию, но она перестала обращать на него внимание и уходила взглядом к приближающемуся всаднику.

Подойдя к Серому Призраку, Джарвис долго не решался взять протянутый ему револьвер, поэтому война-кайова Сезария видела между апачем Белой горы и Хиллом.

Серый Призрак, держа револьвер рукояткой вперёд, не смотрел на Джарвиса, а наблюдал за воином: вот-вот, и чужой всадник должен был разомкнуть их руки, но только для Сезарии. Она была уверена, что стоит воину «миновать» апача и Джарвиса, он сразу же исчезнет, ведь в его позе не было ничего враждебного и вызывающего, — неестественно выпрямленный, с безвольно опущенными вдоль тела руками он напоминал одно из проявлений пустыни, которая внезапно подёрнулась воспоминанием, что некогда её пересекал странный человек, великолепно ориентирующийся на местности, но не сумевший освободиться от тисков своей памяти.

Джарвис взял револьвер, но Сезария никак на это не отреагировала, — взмахнув рукой, она глазами указала Серому Призраку, что будет находиться слева от него. Серый Призрак согласно кивнул.

— Прятаться нет смысла, — сказал он, и единственное, что решил сделать Гейтвуд, это тоже делать вид, что ничего не произошло.

Не сказав друг другу ни слова, а только переглянувшись, они медленно побрели на запад — впереди Джарвис, ведущий лошадей за поводья, сзади Серый Призрак, по бокам его на расстоянии шагов десяти Сезария и Гейтвуд. Серый Призрак перекинул винчестер на грудь, Сезария вытянула из-за пояса револьвер.

Джарвис постоянно оглядывался, словно боялся, что его друзья исчезнут, но они двигались ровным шагом, готовые в любой момент применить оружие, — понурые, собранные и в то же время смиренные, безропотно принимающие любой поворот событий.

Всадник приближался. Уже можно было разглядеть его лицо, мрачные глаза, распухшие ладони. Все: и Гейтвуд, и Сезария, и Хилл сконцентрировали своё внимание на Сером Призраке, хотя пытались не смотреть на него. Лишь только под ногами лошадей переставал скрипеть песок, они останавливались и застывали в напряжении. Они понимали, что всадника как бы и нет, что, может, его движущееся изображение просто полощется миражом, и что апач Белой горы знает о воине-кайова больше, нежели они, поэтому набрались терпения и ждали, что конкретно предпримет Серый Призрак. Джарвису хотелось, чтобы кто-то произнёс хотя бы одно слово, и он не выдержал.

— А если кайова выстрелит нам в спину? — спросил он.

— У него нет оружия, — ответил Серый Призрак.

Сезария и Гейтвуд буравили глазами всадника, который находился уже в шагах пятидесяти от них. Винтовки они не увидели, но у воина могли быть револьвер, боевая палица или томагавк. Его измученный конь делал рывкообразные движения ногами, будто пытался танцевать, и у Сезарии иссякло терпение, — она навела на кайова револьвер и прицелилась.

Втайне Гейтвуд был благодарен Сезарии: он сам хотел приложить карабин к плечу и взять воина на мушку, но боялся, чтобы Серый Призрак не подумал, что у него сдали нервы. Сезария своей осторожностью предоставила ему возможность лицезреть врага, а не двигаться, подставив тому свою спину, ведь Серый Призрак ничего конкретно не предпринимал, не делал попыток спрятаться или ускользнуть от одинокого всадника. Он не дал приказ залечь за чапарралем, чтобы встретить врага выстрелами, держал себя хладнокровно и невозмутимо.

Но одновременно в сердце Гейтвуда росло чувство доверия к Серому Призраку. Кому, как не апачу Белой горы знать, что необходимо делать среди покинутой равнины, даже если враги обступают со всех сторон? И не нужно задавать вопросы, на которые, вполне возможно, Серый Призрак не сумеет или не захочет ответить.

Гейтвуд прицелился — конь кайова мерно ударял копытами по земле, а сам всадник смотрел на сержанта глазами, пол-

ными боли и отчаянной надежды. Однако Серый Призрак, перекинув винчестер себе за спину, плавно провёл ладонью параллельно земле. Гейтвуд так и не понял, кого пытался успокоить апач — его и Сезарию, растерянного Джарвиса или приближающегося воина.

Пятна запёкшейся крови на плече и на руке кайова говорили о том, что он был дважды ранен. Одна пуля раздробила левое плечо, и Серый Призрак подумал: «Тогда его и откинуло назад и немного в сторону». Правая рука была разворочена под локтем.

Гейтвуд хотел спросить: «Значит выстрелы были удачными, апач Белой горы?», но промолчал. Начал говорить Серый Призрак:

— Хороший день, — сказал он по-испански. Ты знаешь этот язык?

Кайова перевёл на него глубоко запавшие глаза.

— Да, — хрипло ответил он. — Научился у команчиро.

— Ты решил забрать пулю на себя? — снова спросил Серый Призрак.

Кайова ничего не ответил, только ещё сильнее выпрямился. Он устремил глаза к горизонту, окружающему в пустыне путников, как натянутая тетива, тогда как выстрелом или стрелой всегда является огнедышащее солнце. После некоторого молчания он сказал:

— Моё имя.., — Но Серый Призрак прервал его:

— Мне всё равно, как тебя зовут. Мы не будем тратить на тебя пулю. Ехал на запад, так ведь?

Серый Призрак, развернув коня кайова головой на восток, хлопнул его по крупу рукой. Тот, встрепенувшись, попыталось дотянуться губами к ладони своего хозяина, отражение которой в выпуклых глазах животного напоминало кровавый диск луны.

— Иди, — процедил сквозь зубы апач Белой горы.

Воин ничего не понимал. Он окинул лица людей умоляющим взглядом, но, когда перевёл зрачки на Серого Призрака, его глаза уже были подёрнуты выражением полного равнодушия ко всему происходящему.

— Иди, — повторил Серый Призрак, и конь пошёл, неестественно высоко поднимая передние ноги.

Воин пытался повернуть коня, но Серый Призрак снова ударил животное. Так происходило несколько раз. Убедившись, что кайова будет постоянно поворачивать своего коня, ударяя пятками по его бокам, Серый Призрак махнул рукой на затею отправить воина обратно на восток.

«Они полночи гнали лошадей, — подумал Серый Призрак, — то атаковали меня, то уходили от выстрелов».

— Моё имя, — прошептал воин, но Серый Призрак опять прервал его.

— Ты надеешься на лёгкую смерть, — сказал он.

— О чём вы говорите? — спросил Юджин Гейтвуд.

— О его друзьях, которые в любой момент могут нас атаковать.

— Но они нас не видят, — ответил Гейтвуд.

— Они тоже изнурены, но рано или поздно догонят нас, — сказал Серый Призрак.

Гейтвуд подумал, что после встречи с воином-кайова Сезария держится в стороне и не выпускает из рук револьвер. От его цепкого взгляда не ускользнула её собранность, поэтому единственным объяснением такого поведения сержант посчитал желание Сезарии постоянно быть начеку, выполнять роль сторожевого, то есть стать полезной. Но она слишком умело держала револьвер, а за местностью наблюдала по правилам военного похода. В сознание сержанта закралась мысль: «Неужели Серый Призрак научил её воевать?», но, встретившись глазами с глазами Сезарии, постарался не размышлять о её способностях, а просто задержал взгляд на её красивом лице. Однако, осознав, что слишком бесцеремонно рассматривает её, перевёл взгляд на восток.

Серый Призрак снова ударил коня кайова, но тот продолжал следовать за ним, животным чутьем почувствовав, что теперь его хозяин апач Белой горы. Кайова, запрокинув голову назад и упёршись взглядом в небо, начал петь тоскливую песню воинов.

— Мы могли бы убить коня кайова, — сказал Гейтвуд. — Ведь у нас нет никакой пищи.

— Употребление мяса делает жажду невыносимой, — ответил Серый Призрак. — К тому же этот конь несёт всадника, который решил забрать пулю на себя. Это его последнее желание.

Багровый диск овладел западной стороной неба — красные полосы на щеках кайова вспыхнули, будто солнце поставило на его лице своё клеймо. Ноги коня прикрывали кусты чапаррала, и казалось, что животное и растения передают друг другу пятна красной и зелёной краски, поэтому и сам кайова обязан превратиться в рисунок, на который даже самый отчаянный воин не решится потратить пулю.

И Серый Призрак не скрывал, что ему хотелось именно этого. Через несколько дней после знакомства с Сезарией он узнал от неё, что с ней сделали кайова шестнадцать лет назад, поэтому желание заставить воина с безвольно опущенными руками почувствовать бессмысленность своего поступка, который тот расценивал, как бесстрашный, заставляло Серого Призрака пустить на самотёк события, сутью которых являлисьдвигающиеся на запад люди. Один из них хотел забрать пулю на себя, другие желали, чтобы все вражеские пули миновали их.

Сумерки ещё не наступили, но перетекающий в вечер день уменьшался и мерк: пятна краски, которыми казались кусты чапаррала, высыхали, и только кайова, хотя его лицо уже трудно было разглядеть детально, утрачивал признаки плывущего по воде рисунка и становился реальным.

Серый Призрак внимательно осматривал встречающиеся на их пути деревца мескито. Когда на глаза попадались сухие стручки, срывал их. Он никого не просил помочь ему собирать плоды, но Гейтвуд и Сезария последовали его примеру: сержант собирал стручки в свою шляпу, Сезария — в холщовую сумку. Периодически Гейтвуд и Серый Призрак высыпали семена мескито в сумку Сезарии.

Джарвис, ведя лошадей, постоянно оглядывался. Наполненными удивлением глазами он смотрел на восточное небо, как на нечто, что не подвластно законам логики и здравого смысла.

Когда день потерял отчётливость, но всё ещё просматривался, а мутные наплывы ночи можно было разглядеть только на его далёких окраинах, Серый Призрак перестал собирать плоды мескито. Он просто шёл и ждал.

Пустыня стала исполосанной лиловыми тенями. Окрашенные пурпуром верхушки мескито цеплялись за последнюю кровь, бегущую между длинных полос из поддрагивающего горнила заката.

Всадник начал сползать с коня. Он пытался удержаться, сжимая ногами круп своего скакуна, но силы покидали его. Он продолжать петь заунывную песню и иногда поглядывал на Серого Призрака. Сказывались выучка и недюжинная физическая сила воина, — его тело уже сползло вниз, но согнутой в колене левой ногой он всё ещё держался за спину коня. Правая рука его свесилась точно так же, как и ночью, когда Серый Призрак выстрелил и ранил его, ладонь задевала песок: поднимающаяся пыль, окрашенная лучами заходящего солнца, постепенно окутывала собой человека и медленно бредущее животное. Наконец заунывная песня оборвалась, пыль поднялась выше, была видна только голова коня, а, когда песчинки опали, воин лежал на земле. Его конь, повернув голову к Серому Призраку и его спутникам, иссякал взглядом, — красные глаза, залитые лучами заходящего солнца, постепенно тускнели, приобретая оранжевый, а, затем, и бледно-жёлтый цвет. Как только солнце зашло за землю, они полностью погасли.

Первой остановилась Сезария. Серый Призрак сделал ещё несколько шагов, прежде чем замереть на месте. Гейтвуд и Джарвис, надеясь, что апач в своих действиях следует определённой логике, повторили за ним все его движения и лишь затем неподвижно застыли.

Серый Призрак смотрел на запад. Он знал, что увидит, если бросит взгляд на выбившегося из сил коня, который, чем сильнее суживать на нём зрачки, будет быстрее истлевать в сгущающихся сумерках.

Те несколько секунд, в течение которых Серый Призрак подошёл к лежащему кайова, в восприятии Хилла длились неестественно долго. Предчувствие подсказывало ему, что апач вскинет винчестер и выстрелит, наконец-то удовлетворит просьбу воина и позволит ему забрать пулю. Присев на одно колено, Серый Призрак прикоснулся подушечками пальцев к шее лежащего. Он осторожно отнял руку от воина, словно от

свернувшейся гремучей змеи. Однако только Джарвису удалось заметить в глазах Серого Призрака вопросительное выражение. Казалось, что он спрашивает у своих спутников разрешения.

Мнилось, что вечер постепенно отстаивается, подобно грязной воде, но осадок опадал не вниз: просматриваемый пласт воздуха находился над самой землёй, тогда как то, от чего он ранее мутнел, запечатывало выпуклую высь и делало её непроглядной. Однако после из мрака пробилась бледные ростки звёзд, луна фосфоресцирующей улиткой поползла по своему проторенному пути, и Млечный путь заискрился, точно оставленный ею влажный след.

Расположенные на востоке деревца мескито виделись, как узоры на ситце. Они то отчётливо выделялись на почерневшем небе, то сливались в одну массу, будто материя с рисунками сминалась в складки. Но полотно вновь распрямлялось, чтобы открыть глазам Серого Призрака и его друзьям шевелящиеся письмена, как если бы вместо растений, мерцающих розовато-изумрудными листьями, были связанные в охапки тоненькие палочки, качнувшиеся на поверхности воды.

Поднявшись на ноги и опустив винчестер стволом вниз, апач выстрелил. Пуля подняла фонтанчик песка. Крошечная воронка, образовавшаяся на том месте, где свинец ушёл в землю, тёмным зрачком сверлила низко нависшие небеса.

— Это та пуля, которую кайова хотел забрать на себя? — спросил Гейтвуд, держа карабин перед собой и не снимая палец со спускового крючка. — Но почему ты выстрели в землю, а не в воздух?

— Звук от выстрела в даль совершенно другой, чем от короткого полёта пули, — сказала Сезария. Её чёрные глаза влажно блестели, ладонь медленно гладила рукоятку револьвера, воткнутого за кожаный ремень, будто женщина оказалась по пояс в воде, и ленивая рыба скользнула вдоль её тела чешуей.

— Кайова подумают, что этот воин забрал пулю, — прошептал Джарвис.

Посмотрев пристально на Гейтвуда, Серый Призрак спросил:

— Ты готов расстаться с кителем и шляпой?

Сержант хотел спросить: «Зачем?», но постоянная мыслительная установка во всём полагаться на апача Белой горы взяла верх.

— Как скажешь, Серый Призрак, — сказал он, а Серый Призрак объяснил, что им нужно посадить мёртвого кайова на коня и привязать к крупу животного таким образом, чтобы тот не падал во время езды. Однако предварительно необходимо на него надеть китель и шляпу, чтобы издали казалось, что на лошади едет белоглазый, синий мундир.

— Ты выманишь у кайова одну только пулю, может, две, — сказал сержант и сразу пожалел, что произнёс эти слова: сам он не знал, что делать, но хорошо понимал, что невозможно бесконечно ускользать от десяти закалённых воинов, тем более дать им полноценный отпор. «Нас только два человека, умеющих владеть оружием», — снова дал знать о себе страх, и Гейтвуд перестал думать, точнее, анализировать и делать выводы с точки зрения сержанта американской кавалерии. Сняв с себя шляпу и китель, он вручил их апачу Белой горы.

Воин был широкоплечим, высоким и ужасно тяжёлым. Им всем четверым пришлось одевать его, а затем затаскивать на коня. Отойдя немного в сторону, Серый Призрак отломал две ветки мескито с развилками вверху. Он сделал из них нечто в виде костылей, которые развилками приладил к подмышкам умершего кайова. Сначала к палкам привязали самого воина, используя его налобную повязку и ремень. Верёвку, которой ветки привязали к коню, сделали из порезанных на полосы леггинсов кайова. Чтобы в глаза не бросались его длинные волосы, их стянули у него на затылке. Пришлось срезать ещё одну ветку и, засунув её за воротник синего кителя, привязать к ней голову мертвеца.

Сезария и Гейтвуд были обеспокоены тем, что Серый Призрак будет идти рядом с конём кайова и поэтому станет доступным для выстрела.

— Я буду находиться от мустанга достаточно далеко, — успокоил своих друзей Серый Призрак.

После короткого разговора пришли к согласию, что Сезария и Джарвис продолжают идти на запад, даже когда услышат выстрел.

Гейтвуд решил не оставлять Серого Призрака, держать его в поле своего зрения и красться шагах в двухстах от него на юге или на юго-западе, чтобы, если кайова будут смотреть в его сторону, луна слепила им глаза.

Серый Призрак оставил себе флягу, в которой была меньше всего воды.

Сначала сержант Гейтвуд пошёл на запад вместе с Джарвисом и Сезарией, и только когда они оказались на участке пустыни, где глина была твёрдой, а оставленные на ней следы в лунном свете были почти незаметными, направился на юг. Он намеревался сделать дугу и вернуться обратно к апачу, но двигаться на запад параллельно с ним на расстоянии успешного выстрела, который можно сделать в лунном расплывчатом свете.

Сам же Серый Призрак, ожидая, пока его друзья удалятся шагов на семьсот и растворятся в мутной лунном свете, присел возле коня. Кайова возвышался над неподвижно стоящим конём, как памятник сгнувшему всаднику, неизвестно чьими руками воздвигнутый среди равнин.

Конь стоял с опущенной головой, морда находилась в тени, но в выпуклых глазах отражался блеск кварцитовых песчинок, словно в его памяти запечатлелся только образ звёздного и бесконечного неба. Поэтому земля, которую он почти касался ноздрями, виделась ему чужой и далёкой, — во всяком случае, если бы он был способен мыслить, как человек, лишённой чувства жалости.

Апач плеснул немного воды в сложенную чашечкой левую ладонь. Конь сразу потянулся к его руке, — далёкие искры в его глазницах загорелись и исчезли, а небо над пустыней наполнилось ещё большим мраком. Он сначала втянул в себя воду с ладони Серого Призрака, а затем облизал всю руку. В его омрачённых глазах отразилось падение капель из горлышка фляги. Серый Призрак специально держал флягу высоко, на уровне плеча. Он слегка наклонил её, и несколько капель, окутавший в полёте ртутью, образовали на песке тёмные горошинки.

Джарвис до последнего момента надеялся, что апач Белой горы сядет на паломину и поедет навстречу преследующим их кайова. «Всадника нужно похоронить, иначе — это надругательство», — не давала ему покоя мысль. Серому Призраку необходимо было направиться навстречу воинам, и, чтобы стать невидимым, использовать свет луны. Джарвис представлял, как в глазах кайова лошадь апача начнёт блуждать из стороны в сторону, будто сдвигая лунные лучи или расщепляя лунный свет. И в какой-то момент Серый Призрак перестал бы отражаться на роговицах глаз воинов, и выстрелами из прошлого или неочевидного будущего всех бы изсразил.

По мере того, как Сезария осматривала равнину, отблеск луны в её глазах то усиливался, то уходил к истокам взгляда, словно женщина пыталась подавить в себе даже слабую надежду на спасение. Но Джарвис почувствовал, что она продолжает искать выход, хотя, возможно, просто грезилла об искусстве становиться невидимой для глаз врагов. Однако Джарвис не подумал о том, что Сезария уже давно уяснила — Серый Призрак способен исчезать лишь при условии, когда память о нём соскальзывает на край сознания преследователей и присутствует там, как нечто невыразительное и неоформленное.

Сезария хотела попросить Джарвиса, чтобы он не думал о Сером Призраке, но, догадавшись, что он был бы рад завести с ней разговор об искусстве исчезновения, ничего ему не сказала, ибо сама пребывала мыслями возле апача Белой горы. Когда они направились на запад, Серый Призрак стоял возле коня с мёртвым всадником. Казалось, он о чём-то разговаривает с высоким кайова. Ещё 100 или 150 шагов, и всадник уже не отличался от силуэтов мескито, возле которых стоял худой человек в выцветшей ситцевой рубашке.

Серый Призрак пытался разглядеть лицо кайова, но оно спряталось под тенью широкополой шляпы. Сердце апача не съедало чувство вины, в его душе не появилось ни капли сомнения. Он поступал рационально, с его точки зрения — наиболее действенно в сложившейся ситуации с умершим воином. Наступила минута, когда ему показалась, что он стоит перед деревом мескито, но конь, запрядав ушами, сделал к нему шаг и

прикоснулся губами к горлышку фляги. Немного отойдя от коня, он пролил на землю несколько капель, и они снова отразились в глазах животного, словно его память уходила в другой мир, где не было звёзд, а из неба постоянно падали сияющие сгустки. Конь был сильно изнурён, однако пошёл на запах воды. Серый Призрак побежал. Когда между ним и конём было около трёхсот шагов, сдвинул заглушку в горлышке фляги и пролил воду на песок.

Ноздри коня шевелились, глаза смотрели широко и растерянно, каждое движение давалось ему с трудом, но он упорно, пошатываясь, следовал за Серым Призраком.

Отбежав ещё на двести ярдов, Серый Призрак перешёл на шаг. Он двигался пригнувшись, чтобы даже низенькие деревца мескито могли скрыть его от глаз кайова. Через пятьдесят-шестьдесят шагов опускал флягу горлышком вниз и процеживал на землю несколько капель воды.

Конь смутно вырисовывался вдаль, часто исчезая за ветками низкорослых деревьев или сливаясь с тёмным восточным небом, но, когда выходил на открытый участок пустыни и освещался луной, приближался серым пятном, точно равнина несла на себе изгибающийся холст с изображённой на нём сединой.

Всё вокруг замерло и насторожилось, только небо, нашёптывая пустыне ночь, округляло губы, артикулируя налитую мертвенным светом луну, и любой выстрел, если бы он прозвучал в это время и разрезал темноту светящейся траекторией пули, можно было бы расценивать, как попытку вернуть в окутанное мраком пространство линию горизонта.

Серый Призрак сделал все, что мог. Уезжая на запад через медленное плато, которое вкрадчиво, еле заметно возвышалось над равниной, поэтому и мнилось, что равнина все ещё продолжает тянуться к горизонту, не хотел оглядываться, чтобы бросить взгляд на городок Андрус. Он две недели прожил в этом городке. С утра проезжал мимо овощной лавки,

чтобы попасться на глаза Сезарии: обычно в это время она приходила за покупками. Они встречались глазами и, затем, провожали друг друга внимательными взглядами, будто каждый из них был воспоминанием о далёких, но незабываемых днях. Они не стремились к этому. Так получалось, что им приходилось вести себя, будто никого, то есть особенного человека, вокруг них не было. Они настолько прониклись мыслью, что ничего не произошло, и они друг друга раньше никогда не видели, что, если иметь в виду Серого Призрака, Сезария для него являлась привидением, а, если взять Сезарию, Серый Призрак был ее давно уничтоженной мечтой, поэтому жители Андруса не обращали на них внимания. Наверное, Сезария уже тогда сумела догадаться, что апач Белой горы обладает способностью становиться невидимым.

— Никогда не бросайся в глаза, сынок, — говорил ему На-на. — Старайся быть незаметным.

Возможно, ей просто так хотелось, чтобы никто в Андрусе не мог увидеть её погибшую мечту — ни белоглазые, ни мексиканцы, ни околачивающиеся на его улицах спившиеся индейцы.

Иногда Серый Призрак что-то покупал. Обычно — простую еду: вяленое мясо и хлеб, а ночевал на берегу небольшого ручейка, который огибал городок с востока и терялся в бесплодных южных равнинах. Серый Призрак раскатывал скатку, ужинал, а затем, положив руки под голову, долго смотрел в звёздное небо, ибо тогда он считал, что звёзды — это следы от копыт небесных вилорогов, которые они оставили, напившись воды из сияющего водопоя луны.

Серый Призрак знал, что сделал всё, что было в его силах. Он не мог позволить себе просто подойти к Сезарии и представиться: мол, я апач Белой горы, ведь жители городка не обращали на него внимания ещё и по той причине, что он не заговорил ни с одной женщиной. Ради Сезарии он не должен был никого настораживать: её положение вольноотпущенной было слишком зыбким и неустойчивым, — любое подозрение могло бы заставить её бывших хозяев ужесточить своё отношение к ней. Они могли запретить ей ходить за покупками или, чего больше, полностью ограничить её свободу.

Серый Призрак знал, что белоглазым верить нельзя, ибо они не спрашивают своё сердце, и поэтому подсказки им ждать неоткуда. Подсказкой для них является мнение окружающих их людей. С точки зрения Серого Призрака это было безумием. Для Серого Призрака всё, что окружало его, было живым, имело душу и сознание. Живым существом были и кустик чапаррала в пустыне, и сама пустыня. Серый Призрак всегда учитывал их настроение. Наверное, так белоглазый учитывает погоду, когда собирается в поле пахать землю. Но белоглазый никогда не учитывает мнение дня или поля, даже если догадывается о нём. Он не спрашивает своё сердце.

Когда время изогнулось, чтобы устремиться к началу дня, и ушло за полночь, Серый Призрак начал проливать на землю по одной капле, прикрывая горлышко фляги большим пальцем.

Начинающая убывать луна окровавленно застыла, но шелест листьев и трав не смог бы уловить даже самый острый слух. Хотя растения выглядели поникшими и умиротворёнными, над равниной распластывалось предзнаменование равнодушия и утраты: ветви деревьев, а также стебли трав постепенно избавлялись от своей кривизны и как бы распрямлялись, привнося во внешний облик пустыни расчётливую строгость чертежа, на котором отражены траектории выстрелов, однажды расколовших безмолвие необозримого пространства, или, в будущем, обязанных обрушить его тишину. Кайова вырисовывался, как незабываемый всадник, воплощающий собой слепое упорство и одиночество.

Где-то на юге, не далее, чем в трёхстах или в четырёхстах шагах должен был затаиться Юджин Гейтвуд. Но он, скорее всего, ориентируется по безмолвно едущему воину и, относительно местонахождения апача, крадёт на юго-востоке. Серый Призрак перевёл взгляд на юго-восток. Он был уверен, что Гейтвуд будет неукоснительно следовать намеченному плану. Отстранённо, ни на чём конкретно не фокусируя взгляд, он попытался сосредоточить своё внимание на участке, расположенном в четырёхстах — четырёхсот пятидесяти шагах от мёртвого кайова. Апач Белой горы не долго ждал, — конь побрёл к нему

по следу пролитых на землю капель воды. Конь не преодолел и тридцати ярдов, как высокая ветка на одном из мескито начала медленно наклоняться. Её движение можно было заметить, только не отрывая от неё глаз. При беглом взгляде никто, даже опытный охотник, ничего бы не заподозрил.

Ветка была не самой высокой и выбрана с расчётом, чтобы от взгляда с востока быть прикрытой другими ветками, которые выше её. Но если смотреть на неё с северо-запада, её наклон должен происходить на фоне тускнеющей луны. Ветка так же медленно выровнялась, затем согнулась и снова вернулась в своё первоначальное положение.

30

Конь брёл на юго-запад. Левая сторона его крупа, как и левая сторона тела всадника, по которым расплёскивались лунные лучи, подёрнулись грязно-розовыми язычками пламени, — за похожими на чёрные дыры глазами в самом деле отверзалась могила, в которой истлевали труп лошади и привязанный к ней мёртвый человек. Может именно таким образом пустыня переводила свои глаза от одного объекта к другому: мысль, которая могла бы пройти далеко от сосредоточенности Серого Призрака, даже намного дальше, чем его желание полностью сконцентрироваться на восточной стороне равнины и на месте, где спрятался Гейтвуд, всё равно была воспринята им, как повествующая о тщетности усилий. Просто пустыня двигала глазами — разновеликими и по-разному зоркими, — убывающим диском луны и похожими на неё светлой стороной тел коня и мёртвого кайова. Глаза были направлены друг на друга, и мерцающий шевелящимся огнём всадник казался отодранным от поверхности ночного светила, где он когда-то находился в виде чёрных пятен. И поэтому Серый Призрак почувствовал, что Гейтвуд рискует больше, чем он сам, ведь на сержанте сфокусировался мрак — тот, который в земле, и тот, что из небес.

Костлявый воин прикоснулся указательным пальцем к курку, как к высунутому из пасти животного влажному языку.

Из-за ночного холода на металле сконденсировалась влага, и палец скользнул по короткой дуге вниз. Мушка блуждала, да и, если замирала, её трудно было разглядеть на фоне западного неба. Воин вспомнил, как его учили стрелять, когда он был десятилетним мальчиком. Жилистый старик, Дым В Высоких Глазах, обнимал его сзади, чтобы тоже приложиться щекой к прикладу, слиться своим взглядом с его взглядом и направить мушку на цель. Ещё двадцать лет назад, будучи стеснительным ребёнком, воин начал воспринимать каждый свой выстрел, как слаженные действия трёх разных существ: его самого, Дыма В Высоких Глазах и ночного зверька, в которого во время наведения мушки на цель превращалась винтовка. Три взгляда, соединённые в безупречную прямую, делали выстрел смертельным. «Нажимай на курок так, чтобы существо из мрака не укусило тебя, когда ты ласкаешь его язык», — говорил Дым В Высоких Глазах.

«Рано или поздно, но кто-то из них обязан выстрелить», — подумал Серый Призрак. Он невольно, удерживая эту мысль за пределами своих чувств, начал размышлять о выстреле, как о невзрачном животном, которое чёрными бусинками глаз рассматривает людей из сумрака креозотовых кустов. Выстрел должен прозвучать, и кайова заберёт на себя пулю своего соплеменника. Ошибка воина состояла в том, что он воспринимал выстрел, как одноразовое действие. Но выстрел нужно было подпустить к себе и приласкать.

«Выстрел находится где-то далеко», — старалась успокоить себя Сезария только этой мыслью, а Гейтвуд, научившийся у Серого Призрака на короткое время отстраняться от действительности, пробежал безразличным взглядом вдоль залитого луной пространства. Он стоял на коленях и всё ещё сжимал распрямленную ветку мескито. Совсем рядом лихорадочно билось крошечное сердце. Именно так случается после одинокого, но рокового выстрела: на пустыню обрушивается звенящая тишина, однако в её средоточии, в самом незащищённом, в самом podatливом месте пульсирует, угасая, тень эха, хотя звук летящей пули, вспоровшей безмолвие, уже растёкся к далёким краям пустыни и укрыл грязными пятнами листья чапарраля.

В полутора ярдах от Гейтвуда сидела вьючная крыса. Сердце зверька стучало так часто, что, казалось, его тельце пробивает мелкая дрожь. Она смотрела на Гейтвуда бессмысленными глазами ничтожной твари. Взгляд её был до такой степени пустым, что сержант почувствовал, как к его горлу подступает тошнота.

Мелкая тварь воплощала собой выстрел от начала и до конца: внутренние органы, по которым циркулирует кровь, жаркое тельце, сокращение мышц — для всего этого хитросплетение боли, страха и желания служили завершением глаза, лишённые какого-либо выражения.

В небе оранжевой жаброй дышала луна, но костлявый воин подумал о ней, как о голове убитого, с которого был снят скальп. За мушкой на стволе винтовки он следил, не напрягая зрения, а сосредоточившись на другом своем естестве — безучастном и бесконечно одиноком. Это естество было проникнуто Дымом В Высоких Глазах. Воин ждал его слов, пытался уловить еле слышимый шёпот возле своего правого уха: «Теперь нажимай на курок, сынок». И только когда ему показалось, что голос старика прозвучал, он стал полностью отстранённым. Руками и взглядом воин как бы проник в другое время, однако обязан был делать все таким образом, словно ничего не знает ни о синем мундире, удаляющемся верхом на запад, ни об этом гиблом месте — иссушенном, лишённом жизни, не имеющем ничего общего с сочными прериями, на просторах которых он вырос и прославился, как непревзойдённый стрелок. Он просто набрёл, блуждая мыслями, на это пространство под луной.

Всадника трудно было разглядеть, почти невозможно. Только иногда, когда мертвого кайова не скрывала тень от высоких мескито, левая сторона его тела начинала истлевать ползущим желтоватым светом.

Переливающийся бликами ствол винтовки. Появляющаяся на фоне западного неба мушка, похожая на пятнышко от капли воды на чёрном песке.

Воин старался не размышлять, а равнодушно, не теряя пытливости, нащупать взглядом всадника. Так бывает, когда ловишь руками рыбу в мутной воде. Её никогда не поймает,

натолкнувшись на неё пальцами, — она сразу ускользнёт. Необходимо почувствовать её, к ней не прикасаясь. Уловить слабые колебания воды, исходящие от её плавников, и лишь затем сомкнуть ладони.

Ярдах в пятидесяти позади костлявого воина притаились ещё два кайова. Воин стоял на одном колене, приладив винтовку на развилку, которой заканчивалась сухая четырёхфутовая ветка, воткнутая в землю.

Ещё ранее, опасаясь, что коня может заметить враг, он заставил его лечь возле себя. Синий мундир мог быть приманкой, и, вполне возможно, кто-то из его друзей затаился недалеко от отряда кайова.

Конь лежал неподвижно, но дико вращал глазами. Из ноздрей выходил пар, словно ночь, которую можно было исчислить временем, но нельзя измерить пространственными координатами, давила на животное своей тяжестью. Затуманившись непроглядной глубиной его глаз, она наблюдала начало своего исчезновения в виде раздувающейся и испаряющейся во мраке паутины. Но кайова, затаившийся позади костлявого воина, пар из ноздрей коня воспринимал, как предзнаменование выстрела, конечная цель которого — предельная ясность. Ясность, как явление, лишённое любой двусмысленности. Поэтому в воздухе витала предтеча дня, которая ничем не отличалась от воспоминания о канувшем дне, ибо удачный выстрел делает невозможным возвращение сражённого к жизни. Выстрел высвечивает, обозначает и закрепляет. А пар из ноздрей лошади — воспоминание о безжалостном дне, что, как лоскутья тумана, подхватывается и уносится потоками холодного воздуха. Он всегда будет ускользать в ночь светящейся сеткой паутины, похожей на смятый отпечаток кристаллической структуры льда.

Воин выдохнул воздух, обозначив паром перед собой пространство, где находилась мушка и, нажав на курок, направил маленькое животное в силки, представляющие собой сияющую бездну, где послушный зверёк, к языку которого только что прикасались, окажется среди невыносимого света. Он будет там метаться и кричать, пока его не раздавит белоснежная глыба бесконечности.

Синий мундир проступил на западном небе всего на одно мгновение и снова провалился в темноту. Воин опустил глаза. Он надеялся, что, когда поднимет их, бледнолицый будет валяться в пыли, а его конь неуклюже топтаться на месте, будто переходил реку и между его ног заструились липкие водоросли. Небо, словно огромное, переполненное мраком горло, постоянно сглатывало луну.

Гейтвуд видел, как качнулся всадник. Глянцевые листья чапаррала внезапно померкли и как бы перестали существовать. Чёрные ветки хлестнули высоту. Мелкая тварь, повизгивая, семенила по песку, и лишь затем до ушей сержанта долетел звук выстрела.

На скулах Серого Призрака вздулись желваки, Сезария скользнула взглядом по восточной стороне пустыни. Звёзды в её глазах размазались в длинные траектории света, а под ложку наклонившегося Джарвиса надавила рукоятка заткнутого за пояс револьвера.

Все три затаившихся кайова оставались неподвижными, только у того, кто выстрелил, вздрагивала прядь волос на правом виске. Он оглянулся — две пары глаз сверлили его лицо. Но он бросил взгляд мимо них, и воины тоже оглянулись, но не увидели ничего, кроме мутнеющего пеплом неба.

«Ничего, сынок», — прошептал кайова слова, которые, обычно, говорил ему Дым В Высоких Глазах. Зев ствола снова остановился на синем мундире, который, мнилось, вытекал из него, как содержимое из бутылочного горлышка. Но когда Серый Призрак ушёл взглядом к одному из деревцев мескито, где находился костлявый кайова, определив его местонахождение по вспышке выстрела, он подумал о зеве, как о чёрной воронке, из которой вилась наружу спиралью седая и растрёпанная прядь. Выстрел раздался, когда она ещё не развеялась, а разворачивалась перед стволом, как обескровленное лицо слепого и покинутого всеми человека, и костлявый воин ощутил, что расцвет уже начинает дышать ему в затылок.

Серый Призрак остановил взгляд на мёртвом кайова. Тень, которую он казался, вспыхнула, словно сухой мох от искры ог-

нива, но лучи луны, упирающиеся во всадника, брызнули от поверхности его тела лишь на мгновение: надломившись, они снова в нём увязли, из-за чего конь и привязанный к нему человек подёрнулись фосфоресцирующим свечением.

Кайова начал клониться влево. Он вот-вот должен был свалиться с седла, но его падение остановилось, — силуэт человека оцепенел в наклоне под 45 градусов к поверхности земли.

Гортанный крик, как и, ранее, выстрел, счесал листья на креозотовых кустах, и ветви снова прямыми линиями вонзились в небо, которое тут же извергло на землю глянцевого мерцание замерших в падении капель.

Воин вскочил на ноги. Он ждал. На вытянутой шее перекачивалось адамово яблоко, глаза округлились в недоумении, но всадник, побыв наклонённым к земле не более тридцати секунд, сорвался в пыль.

Два кайова, что лежали позади костлявого воина, медленно поднялись, словно выросли из земли. Красные полосы на их лицах давно высохли и не отражали лунный свет. Мнилось, что их глаза отделились от верхней части лица и плавают в пустоте.

Глубокая пыль погасила удары копыт. Глаза двух кайова сфокусировались на скачущем коне. Над спиной скакуна вздувалась и хлопала шерстяная накидка. Один из кайова шархнул взглядом от юго-западной стороны пустыни к поглощающей лунный свет высоте. Костлявый воин, держась руками за гриву, а коленом упираясь в петлю, свисающую с левой стороны коня, выпрямился и воспарил, словно был подтянут за волосы глубоким куполом небес.

«Пуля перебила палку, к которой был привязан мёртвый кайова», — подумал сержант Гейтвуд.

Конь упавшего кайова, постояв с опущенной головой, пошёл вокруг лежащего в пыли воина. Он двигался против часовой стрелки. Повернувшись боком к югу, устремил взгляд навстречу скачущему к нему всаднику. Мелкая дрожь пробежала по его телу.

Всадник заметил синего мундира, лежащего в пыли, но не сводил взгляд с глаз его коня, как будто выдавленных из голо-

вы и смотрящих из мира, где одно только илистое дно, а поверхность вод исчезает с каждым желанием достигнуть её. Мерещилось, что конь намерен втянуть в свои глазницы весь тягучий мрак восточного неба, которое пододвинулось к нему и расположило между ним и собой скачущего кайова. Воин мчался во всю прыть, боясь не успеть за временем: посреди пустыни лежал бездыханный бледнолицый, а равнина за скачущим уже начинала укрываться сизой пеленой. И когда он осадил коня над убитым, а пыль и песок брызнули и поплыли между ног коня, долго смотрел на мёртвого человека, словно того сразила не пуля, а ночь избавилась от него, сбросив с высоты своего беспамятства.

31

Длинные и тягостные дни. Если не считать время, когда Серый Призрак по утрам приезжал в Андрус, чтобы встретиться глазами с Сезарией, он отдыхал возле ручейка и, не спеша, чинил свою одежду. Чтобы скоротать ожидание, он сделал из ветки ясеня крошечный лук, который можно было натянуть, придерживая тетиву большим и указательным пальцами. Также он выстрегал маленькие стрелы и прохладными вечерами стрелял ими в ближайший кустик осоки.

Иногда Сезария приходила к магазину с конём, чтобы закупить много продуктов. Тогда мешки с мукой и корзины с овощами она привязывала к седлу скакуна, но не садилась на него, а вела под удила. Случалось, что Сезария не появлялась, и Серый Призрак, для постороннего наблюдателя медлительный, флегматичный мексиканец, понуро уезжал из города.

В воздухе пахло дождём. Сквозь низкие тучи иногда прорывалось солнце, и кремовый вязкий свет заполнял городок.

Серый Призрак не спеша вёл паломину по той стороне улицы, где находился магазин. Он ни на что не надеялся, но и не позволял себе быть разуверенным. Свет был густым, как желе. Парило. Строения городка выглядели липкими, словно облитыми маслом. Изредка с запада доносились звуки грозы.

«Главное — не торопиться», — думал Серый Призрак. Он рассчитывал пройти возле коня Сезарии, когда сама Сезария,

кинув поводья на привязь, зайдёт в магазин. Он должен просто пройти вдоль магазина и успеть за то время, когда Сезария будет делать покупки, будто бы поправить седло на своей лошади или, нагнувшись, поднять упавшую шляпу. И лишь затем уехать из города.

Он как раз рассеянно смотрел себе под ноги, когда Сезария, выйдя из-за угла бревенчатого дома, немного замедлила шаг.

Она испытывала чувство смутения каждый раз, как только встречала этого человека со странными жёлто-коричневыми глазами.

Он всегда выглядел невозмутимым, но иногда в его глазах появлялось выражение смущения и растерянности, будто он давно знал Сезарию и испытывал перед ней неловкость за какой-то свой прежний проступок: незначительную вину, досаду, может, что-то ещё, — недостаток внимания, но не грех, как его понимают белоглазые, ибо он никогда не совершал подлости и никогда никого не предавал. И будто вина перед Сезарией возникла в нём тогда, когда она его не знала. И чувство раскаяния за прежнюю невнимательность проявилось в нём именно сейчас, когда Сезария, но только визуально, познакомилась с ним.

Ощущение лёгкой тошноты, состояние головокружения, хотя она была сильной женщиной и никогда не теряла самообладания. Но в жёлто-коричневых глазах незнакомца можно было прочесть просьбу о прощении. Сезария, как только встречалась с ним взглядом, всегда хотела спросить: «За что мне тебя прощать?», ведь она совершенно не знала его. Но одновременно она догадывалась, что они одни из немногих людей на земле, которые, впервые встретившись, способны многое вспомнить друг о друге. «Вспомнить в своём прошлом или в ещё не наступившем завтра», — подумала Сезария и замедлила шаг.

Прощупывая взглядом восточную сторону пустыни и, пытаясь увидеть или восседающего на коне кайова, или крадущегося Серого Призрака, Сезария робко, недоверчиво улыбнулась. Джарвис вырос перед ней — неуклюжий, подавленный. Из губ его слетел испуганный шёпот: «Что? Что случилось?» А затем с интервалом в четверть минуты прозвучало несколько выстрелов, которые вызвал на себя мёртвый воин.

«Вот оно что», — попыталась Сезария продолжить мысль, которая не отпускала её и становилась всё более навязчивой. — Он научился находиться в другом времени, когда впервые увидел меня». Она продолжала размышлять, что его способность становится невидимым — не следствие сражений с белоглазыми или мексиканцами, а дар, который он окончательно обрёл, когда всеми силами пытался находиться в её прошлом, в её годах до пленения, где его, естественно, никогда не было. Но он так сильно этого желал. Он так сильно к этому стремился, как и Сезария. Но только она пылала желанием стать смыслом его будущего, тогда как он всеми силами стремился, чтобы прошлое, в котором его для Сезарии никогда не существовало, объяснило его присутствие в настоящем. В настоящем, где Сезария не могла бы оторвать от него глаз.

Сезария шла за покупками, и как только завершила на главную улицу города, почувствовала, что её ноги наливаются тяжестью: ей навстречу, ведя коня за удила, шёл апач Белой горы. Но тогда она не знала, что он апач. Она догадывалась, что этот мужчина из пустыни, и была почти уверена, что никакой он не мексиканец, а стройный, сдержанный в своих поступках индеец, совершенно отрешённый, и только для пытливого, опытного взгляда — сконфуженный, немного растерянный и деликатный.

Он снова обжёг её свои взглядом. Его жёлто-коричневые радужки заставили Сезарию мысленно покинуть пространство городка и оказаться на территории, где каждый уходит к горизонту один, а не в толпе или в группе. Но ей показалось, что, пересекая черту горизонта, далеко на западе ехали два всадника, одним из которых была женщина. Сезария одновременно испытала сладкое чувство свободы и страх одиночества, но старалась выдержать грустный взгляд красивого мужчины. «Надо бы с ним завести разговор», — подумала она, но сразу отбросила эту мысль: незнакомец всем своим видом давал понять, что не промолвит и слова.

— Потому что ты вряд ли сумеешь объяснить, сынок, если она за столько лет не попыталась уйти из плена, — говорил ему Нана. — Хотя, ты сам догадаешься, что необходимо делать. Она должна почувствовать.

Но Сезария набралась решительности и уже разомкнула губы, чтобы спросить: «Кто ты?»

Паломина Серого Призрака споткнулась. Это была уловка, о которой Сезария не догадалась. Ей и в голову не пришло, что лошадь может быть так изошрённо обученной, чтобы, услышав тихий щёлкающий звук, слетевший из губ апача, остановиться либо лечь на землю.

Серый Призрак наклонился, чтобы посмотреть, что с ногой паломины. Он пощупал её ногу, пробежал возле копыта пальцами.

Сезария уже зашла в магазин. Серый Призрак снял шляпу, будто от духоты, ведь парило и в нескольких милях от города шёл дождь.

Серый Призрак повесил шляпу на луку седла и повёл лошадь дальше, однако не прошёл и двадцати ярдов, — шляпа соскользнула на землю в тот момент, когда он проходил мимо коня Сезарии. Для наблюдающих за улицей из окон магазина его прикрывал конь Сезарии, а для нескольких зевак, находящихся на улице, он был скрыт телом паломины. Серый Призрак поднял шляпу, стряхнул с неё пыль. Его глаза были опущены вниз, а, когда он поднял их, нечто вроде выражения досады появилось на его лице. Он пересёк улицу наискось, снова нагнулся, чтобы осмотреть задние ноги паломины, что-то выдернул из шерсти возле копыта, репей или занозу, похлопал лошадь по холке.

Сезария вышла из магазина, держа в руках двадцатифунтовый мешок муки и корзину с овощами. Стараясь выглядеть невозмутимой, осмотрелась по сторонам. Серый Призрак находился на противоположной стороне улицы. Он поправлял седло и не видел Сезарию. Нечто вроде слова слетело с её губ, но она взяла себя в руки. Подойдя к своему коню справа, привязала к седлу мешок с мукой. Вернулась обратно, чтобы пристегнуть ляжками корзину с левой стороны седла. Серый Призрак проверял — крепко ли привязана скатка.

Сезария вскинула руку, словно хотела обозначить слово, которое не решалась произнести, но губы шевелились беззвучно. Она несколько раз переводила обескураженный взгляд от гривы своего коня к апачу Белой горы, но затем, осознав, что

своим поведением может привлечь внимание пешеходов, сделала шаг и оказалась вплотную к шее животного. Между прядями гривы висели пять веточек не больше двух дюймов каждая. Две из них были связаны в виде креста, три соединены в треугольник веревочкой, сплетённой из свежих волокон крапивы. Один её конец заканчивался маленькой петлёй, другим был обкручен буроватый камешек. «Письмо апачей, — пронзила сознание Сезарии мысль. — Послание из пустыни».

Она резким движением сорвала палочки, вырвав из гривы прядь, к которой они были привязаны. Конь вздрогнул и резко повернул к ней голову. Она держала палочки в руках всего несколько секунд, а затем быстро спрятала их под блузку. Вскинув влажные и удивлённые глаза, посмотрела на Серого Призрака. Он уже сидел на лошади и разворачивал её, как-то неуклюже натягивая удила. Он не ударил пятками по её бокам. А вместе со стременами переместил ноги немного назад, будто готовился к прыжку. Фыркнув, паломина пошла, высоко подняв голову. Серый Призрак оглянулся. Он увидел залитое слезами лицо женщины. Он смотрел так же, как и обычно при каждой мимолётной встрече с ней — ласково и немного растерянно. Кивком головы указал в сторону, где за городом шёл дождь, похлопал паломину по шее и поехал на запад.

— Сынок, в сердце не будет радуги, если в глазах не было слёз, — сказал старый Нана. — Просто нужно быть искренним.

Серый Призрак проехал от города около двадцати миль. Он выбрал открытый участок, хорошо просматриваемый с разных сторон пустоши. Пустил паломину пастись, а сам собрал дрова для костра. Он долго сидел, блуждая взглядом по восточной стороне равнины, иногда вскакивал на ноги и бесцельно ходил. Огонь развёл уже вечером, в сумерках. Отошёл немного в сторону от костра, чтобы переодеться. Когда облачился в одежду апачей и стянул волосы налобной повязкой, не мигая смотрел на лежащую на земле мексиканские куртку и слегка расклешённые штаны. Они были необходимы ему, если бы он решил вернуться в город. Но он сделал всё, что было в его силах.

Сезария могла привыкнуть к жизни белоглазых и не откажется поехать с ним. Серый Призрак не надеялся, но ждал — всем сердцем, хотя приготовился к равнинам с пустым горизонтом. Он сделал всё, что мог.

Постепенно темнело. Звёзды выступили на небе, как крошечные капли росы, но вспыхнувший серп месяца, похожий на язык лукавого, начал их жадно слизывать. Внезапно, словно по одной команде, в темноту ворвалось пение сверчков, точно равнина была погружена на огромный поскрипывающий фургон и дребезжала разбросанными по ней булыжниками и полями гальки.

Серый Призрак не знал, сколько ему придётся ждать. Возможно, что, промаявшись возле костра до рассвета, положит седло на спину паломины, подтянет подпругу и, не оборачиваясь, поедет в сторону заходящего солнца. Не потому, что почувствует в сердце пустоту. Может случиться что угодно: кто-то помешает Сезарии или её задержат неотложные дела, нечто, что она не сможет резко оборвать.

Он решил ехать строго на запад и через каждые три-четыре мили оставлять незаметный для глаз чужого знак — надломленные стебельки злаков или несколько увядших листьев на кусте, а между ними веточку и прядь травы, не растущей возле растения, ставшего основой для послания. Следы копыт паломины будут отчётливо видны, так что преследователи, если таковые найдутся, не будут рыскать глазами по сторонам и вряд ли заметят письмо апачей.

Он переоделся, чтобы Сезария, решив поехать с ним, ещё издали могла определить, что это он, Серый Призрак, а не какой-то одинокий мексиканец или отставший от торгового каравана команчero. Правда, Сезария не знала его имени, но она должна сразу заметить, что там, вдали, этот мужчина, приехавший к ней из её будущего.

Серый Призрак привык к горизонту, давно смирился с мыслью постоянно блуждать в центре непреодолимой петли, опоясывающей землю. Привык до рези в глазах всматриваться в даль, не размышляя о том, что линия стыка неба и тверди своим

отражением всегда разрезает его жёлтые радужки, делит каждую на два полукруга, словно он, апач Белой горы, всегда должен воспринимать мир, как тот, за пределы которого невозможно вырваться, однако необходимо пытаться это сделать. Хотя в мироощущении Серого Призрака брэнное и немислимое вполне могли перетекать друг в друга.

Иногда на равнинах ему доводилось встречать одинокого путника. Сквозь завесу марева идущий человек всегда виделся Серому Призраку, как удлинённая бусинка, подрагивающая на длинной натянутой нити у неба на груди. Работая проводником караванов, направляющихся в Калифорнию, он наслушался проповедей белоглазых, даже несколько раз рассматривал их священную книгу. Находясь под впечатлением рассказов переселенцев, он принимался искать на линии горизонта подрагивающий крестик. Но все путники, которых находил его взгляд, напоминали собой балансирующую на натянутой нити чётточку. В религии апачей крест являлся священным знаком. Он символизировал четыре стороны света: юг, север, восток и запад. Крест же белоглазых Серый Призрак понимал, как знак, показывающий не расположение пространства, а разделение миров, — брэнного и существующего в грёзах. Если на далёкого путника смотреть сквозь призму мировосприятия белоглазого, человек на горизонте поражает своей одномерностью. Он напоминает приманку на рыболовной леске. «Завлечь душу», «Ловец душ», «Послушный агнец», «Добрый пастырь», то есть вакеро, обхаживающий стада скота — всё это не прошло мимо ушей апача Белой горы и понималось им, как нечто, предназначенное для наивных людей. Терминологию пастырей и проповедников он понимал по-своему: у апачей Творец создал мир и удалился, а у белоглазых собирает души возле себя, чтобы возложить на них ответственность за ним самим сотворённый мир.

Серый Призрак сидел в шагах восьми от костра. Ударов копыт ещё не было слышно, но приближение всадника он определил по поведению паломины, которая, замерев и вытянув шею, ушла взглядом в ночь: смутные образы, рождённые её острым обонянием, постепенно обрели вид лошади и сидящего на ней всадника.

Поднявшись, Серый Призрак подошёл ближе к костру. Поднял прутик, чтобы ним пододвинуть в огонь потухшую хворостину. Затем выпрямился. Он опять подумал, что слишком рано переделся.

Отсветы огня лизнули глаза коня, остановившегося шагах в пятидесяти от Серого Призрака. Длинные волосы всадника обрамляли скрытое в темноте лицо рыже-коричневой дымкой. Пролетела минута или две, но всадник не приближался. Серый Призрак перевёл взгляд на костёр, чтобы снова пододвинуть полубогоревшую ветку. Он не знал, что делать дальше. Сесть невозмутимо возле огня означало бы, что ему всё равно. Направиться к всаднику, пусть даже и медленно — обнаружить своё нетерпение. И апач просто застыл в полуобороте к языкам пламени.

32

Худой кайова возвышался на коне. Его голова была опущена. К левой стороне луны прижимался зарождающийся день, смертельно бледный, как лицо прокаженного. Воин поднял руку с винтовкой, чтобы издать победный клич, но крика не прозвучало, а винтовка нырнула прикладом вниз. Синий мундир лежал ничком, его ноги до колен прикрывала набедренная повязка, ноги были обуты в рваные мокасины. Согнувшись, воин повис над землёй и коснулся мёртвого кайова.

Два остальных кайова стояли возле своих лошадей и были готовы в любой момент помчаться к своему товарищу, чтобы разделить с ним победу. Они глубоко дышали, словно готовились не к скачке, а к изнурительному бегу. От лошадей шло тепло, как из обжитого жилища, а ночь обнажилась и цепенела от седой и мутной поступи приближающегося к ней рассвета. Лучи луны шевелились, заставляя листья мескито загораться мелкой дрожью, — предтеча дня походила на затравленного пернатого, которое растопырило перья, но не могло взлететь. Серый Призрак знал, каким будет крик птицы, предвещающий утреннюю зарю. Он окинул глазами равнину — секунда или доли секунды, и восток перерезала линия горизонта.

Воин потянул лежащего за воротник мундира. Будто из земли к нему опрокинулось восковое лицо соплеменника. Отчаянье, перехватившее горло кайова, не позволило ему излиться в вопле. Минута или две, и лишь потом голубоватая полоса ударила по равнине, словно настигнув её. Из просматриваемого предела пустыни неслись два всадника.

Гейтвуд увидел, как возле одинокого деревца внезапно появился Серый Призрак. От взгляда кайова его прикрывали ветки мескито, но правой стороной тела он был открыт для глаз сержанта. На ситцевой рубашке, как на атласной ткани, переливался свет луны, создавая зрительную иллюзию продолговатой проталины, за которой открывалось застывшее время. Но Серый Призрак не желал о нём размышлять: в его волосах поблёскивали нити никеля — холодного, сияющего, как сама старость, ослепляющая глаза.

Гейтвуд пригладил свои давно не стриженные волосы. Повизгивающий зверёк исчез. Сержант осмотрелся, — мысль о выстреле всё ещё не покидала его.

Серый Призрак взял худого кайова на прицел. Воин что-то почувствовал. Ослабившись, он подумал, что прятаться нет смысла, хотя не заметил ничего подозрительного. Ни одна веточка мескито не качнулась, однако воину привиделось, что листья одного дерева подёрнулись стальным блеском. Гейтвуд завороченно застыл. Он почти был уверен, что мысль худого кайова начинает виться спиралью, как нарез в винчестере Серого Призрака, но вряд ли воин догадается, что некогда она превратится в седую прядь на его виске, и именно первая седина озарит его сознание мыслью о тщетности и утрате. И это случится много после, потому что Серый Призрак не выстрелит.

Апач Белой горы в самом деле некоторое время держал кайова на прицеле, но потом опустил ствол. Худой воин пришёл в себя — к нему неслись на полном скаку два его товарища.

Ещё один крик отчаяния, — тяжёлый, мутный и пугающе безысходный медленно взвился в высь, но затем схлынул и растёкся над поверхностью равнины. Померещилось, что листья креозотовых кустов набухли, словно изнутри наполнились вяз-

кой кровью, и сразу истончились до острых режущих краёв. Это заставило Сезарию вернуться в реальность: растерянно оглянувшись, она отпрянула от ближайшего куста чапаррала, словно тот мог её исполосовать тысячью лезвий. Она не увидела воинов-кайова: до них было шагов 600, и для её глаз их стройные тела терялись в рассеивающейся темноте. Но и Джарвиса она не заметила, поэтому оглянулась назад, подумав, что он обогнал её и спрятался за кустами.

Свет приближался не только с востока, но и просачивался на поверхность пустыни из недр земли, как если бы высь высасывала его и с каждой минутой углубляла и раздвигала пределы неба, которые, только лишь день усилится, должны были отшатнуться от равнины навсегда.

Сезария снова устремила свой взгляд на восток, — к воинам и к Серому Призраку бежал Джарвис. Бежал быстро, задыхаясь, сжимая в правой руке револьвер.

«Зачем? — подумал Гейтвуд. — Зачем он это делает?», а Серый Призрак прошептал: «Надо было убить кайова...».

Ни сержант, ни апач Белой горы не могли позволить себе крикнуть, чтобы Джарвис перестал бежать и спрятался, иначе они бы выдали себя, и кайова сразу бы определили их местонахождение. К мёртвому воину подъехало три человека, но в кустах чапаррала могли прятаться ещё несколько человек. Кричала только Сезария: «Остановись!», но Джарвис Хилл словно летел на крыльях. Не замедляя бега и вытянув руку перед собой, он стрелял в сторону воинов.

Кайова, которые уже ехали на восток и вели за собой коня с телом их товарища, остановились. Худой воин махнул рукой, показывая, чтобы остальные продолжали двигаться дальше, а сам спрыгнул с коня. Он моментально исчез, но его лошадь, стоящая возле дерева мескито, была видна отчётливо.

Худой воин держал винтовку за правым плечом. Он внимательно смотрел на приближающегося Джарвиса и ничего не мог понять. Его мысли крутились вокруг пули. Он догадывался, что всё дело во вражеской пуле, которую хотел забрать на себя его товарищ.

У Джарвиса закончились патроны, но он продолжал бежать, держа револьвер перед собой. Воин поднялся. Он ещё не

мог разглядеть лицо бледнолицего, но пытался представить, как выглядит этот безумец. На северо-западе в двухстах шагах от него над низеньким мескито показалась рука, сжимающая винчестер, и сделала три полукруга вправо и влево. Гейтвуд тоже это увидел. Вскинув спрингфилд, он направил его на худого воина. Он сделал это на всякий случай, потому что не мог понять, почему Серый Призрак обнаружил себя.

Воин вывел коня на открытый участок. Он всё делал спокойно и неторопливо, будто находился в пустыне один. Он специально повернулся спиной к тому месту, где находился апач Белой горы, поправил накидку, затем взлетел на коня и, уже восседая на его спине, качнулся, — стройно выпрямленный и невозмутимый.

Серый Призрак сделал шаг в сторону и стал открытым для глаз и для выстрела. Его седые пряди блеснули, побежали к плечам, а затем исчезли в чёрном цвете волос. Воин опустил глаза, точно пытаясь что-то разглядеть на земле. Шагах в шестидесяти от него остановился тяжело дышащий Джарвис. Воин окинул его взглядом — без пренебрежения, но и без должного уважения, которое в пустыне может требовать любой путник, а не только враг. Глаза кайова были равнодушными. Он словно смотрел из глубины столетий, и всё, что в данный момент происходило в пустыне, было для него настолько мимолётным, что не стоило внимания. Но мозг оплавил мысль: «Выстрел?» Он скрестил руки перед собой, а затем резко раскинул в стороны. Потом одну руку согнул в локте.

«Язык жестов», — подумал Гейтвуд. Он знал только несколько знаков из этого языка. На нём могли общаться воины Великих равнин, а большинству представителей племён Юго-Запада, в том числе и западным апачам, к которым принадлежал Серый Призрак, данный язык не был известен. В языке жестов одним движением руки можно было передать информацию, которая, если бы была выражена словами, тем более на любом европейском языке, потребовала бы несколько предложений. Например, «Поля охоты на бизонов ждёт зима. Оставайся на месте. Жди решения». Подобное сообщение предназначалось бы только для своего соплеменника, но из другого клана

или подгруппы, и только в том случае, когда между подгруппами были прохладные отношения, мяса на зиму запасли недостаточно, большинство мужчин находятся вне стоянки в поисках дичи, а ждущий приглашения дал понять, что он не посланец и не несёт важного сообщения. Естественно, были и жесты, которые сообщали: «Опасность» или «Сверни направо».

Серый Призрак мог не знать язык жестов, употребляемый племенами прерий от Альберты до Техаса. Однако он что-то прочертил кистями рук перед собой, — воин немного откинулся назад, будто наслаждался лёгкой скачкой в прохладный и ласковый день.

«Пуля заблудилась, — сообщил Серый Призрак. — Её никто не должен искать».

Всеми фибрами души воин почувствовал одиночество пули, которую уже никто не хотел забирать на себя. Кайова поднял правую руку в знак мира, потом сомкнул руки над головой, образовав ими овал, что означало любопытство. Он еле-еле натянул поводья — конь вяло и нехотя пошёл к Хиллу. Джарвис боялся шевельнуться. Он не видел Серого Призрака и не догадывался, что воин разговаривал языком жестов с апачем Белой горы. Он думал, что воин сообщает что-то ему, но ничего не понимал и стоял, как кол, вбитый в землю. Револьвер он держал в опущенной руке.

Воин всё явственней вырисовывался на фоне светлеющего неба. Джарвис не испытывал страха, но после лихорадочного возбуждения чувствовал себя лишённым последних сил. Его мозг сверлила мысль об ирреальности происходящего. Он настолько был поглощён приближающимся к нему кайова, что забыл о молитвах. Воин был красивым молодым мужчиной, худым и стройным. Его лицо было серьёзным, а взгляд отчуждённым. Мягкое погружение копыт в песок, неторопливая поступь коня заставляли Джарвиса думать о том, что он очутился в месте, где бег времени отсутствует: в прошлом ничего не происходило, а будущее не наступит.

Равнина подёрнулась белесой стылостью. Мескито и креозотовые кусты выглядели, как бредущие сквозь забвение недавние аморфные существа, поблёскивая чешуёй цвета серого обсидиана.

Хилл не двигался, только ресницы, подрагивая и набрасывая трепещущую тень на зрачки, делали всё, что окружало его, выплывающим из клубов тумана или укрытым ветхостью и рутиной канувшего.

Воин сделал вокруг Джарвиса широкий круг — уныло и безразлично. Слегка двигалась только его левая рука, которой он удерживал поводья. Он не осматривал Джарвиса, а блуждал глазами между похожей на пепел равниной и находящимся в её центре человеком.

Серый Призрак стоял спокойно, с опущенными руками. Винчестер висел у него за спиной.

Джарвис старался смотреть в даль, на восток, который ещё не порозовел, а напитывался густой сединой, словно время перед восходом солнце обессилило.

Закинув карабин за спину, Гейтвуд размеренной походкой направился к Джарвису и к передвигающемуся по кругу воину, но не спускал глаз с Серого Призрака.

Солнце ещё не показалось, но над восточным горизонтом начала разливаться сукровица, и мнилось, что внизу неба переворачивается во влаге освежёванное тело нового дня.

Они встретились глазами — Гейтвуд и худой кайова, будто смотрели рассеянно перед собой и ничего не замечали кроме своего прошлого. Однако слабое движение верхних век воина подсказало Гейтвуду, что кайова отдаёт ему должное, пускай он и является его недавним врагом. Гейтвуд слегка кивнул. Воин проехал в двух ярдах от него и, хотя двигался навстречу восходящему солнцу, сержант знал, что разуверенный и обиженный кайова направляется в минувшую ночь, а он, сержант американской кавалерии, навстречу зарождающемуся дню.

— Пойдём, — сказал он Джарвису, приблизившись к нему. — И спрячь револьвер.

Джарвис выглядел задумчивым. Он ещё некоторое время стоял неподвижно. Гейтвуд удалился от него шагов на пятьдесят, и лишь тогда Джарвис, засунув револьвер за пояс, медленно повернулся, чтобы его взгляд, впечатывающийся в удаляющегося кайова, навсегда оставил в себе впечатление легкомысленного отношения к смерти и пристального внимания к несущему

ственным поступкам и событиям. Хилл не знал, что для худого кайова огромное значение имели слова Дыма В Высоких Глазах, которые воин всегда вспоминал, когда чувствовал неуверенность. Но Джарвис догадался только о воспоминании, о способности внушать себе, что самый дорогой человек находится рядом и всегда посочувствует. Он повернулся и побрёл вслед за Гейтвудом.

Воин, придерживав коня, разрезал воздух взмахом рук: «Когда-нибудь сразимся. Сейчас не время».

«Хорошо», — прочертил по небосводу ладонью Серый Призрак.

Сезария вернулась к лошадям. Встревоженно переводила взгляд от одной лошади на другую, хотя, когда ушла глазами к Серому Призраку, её взгляд стал негодующим.

Гейтвуд подходил к апачу всё ближе и ближе. Он пристально смотрел на Серого Призрака, выглядевшего подавленным и усталым. Винчестер висел у него за спиной стволом вверх. Поднимающееся солнце разомкнуло горизонт малиновым цветом. Розоватые отблески упали на ствол винчестера, а сержанту померещилось, что из-за спины апача ударил ввысь столб света. Гейтвуд проследил глазами скольжение лучей, отразившихся от стали.

— Безупречный выстрел, — прошептал он.

— Самый лучший, — криво улыбнулся Серый Призрак. — Пуля никого не убьет.

— Это так, — согласился Гейтвуд, но растерялся и не знал, что сказать дальше. Сзади шуршал ногами по песку Джарвис. Он тоже не сводил глаз с Серого Призрака, но апач только бегло прошёлся по нему зрачками, легко, даже лениво повернулся и пошёл упругой походкой к Сезарии.

— По-моему, всё получилось, как нельзя лучше, — с извиняющимися нотками в голосе сказал Джарвис.

Серый Призрак шёл впереди Гейтвуда и Хилла, и они не увидели выражение его глаз. В них плеснулось недоумение, но через секунду погас интерес ко всему окружающему.

Гейтвуд служил в кавалерии уже несколько лет, однако никак не мог понять смысл боевых действий индейцев равнин,

ведь они считали, что в схватке не столь важно убить врага, как прикоснуться к нему. Это напоминало опасную спортивную игру, где проверялись сила, смелость и ловкость. Правда, нередко, для некоторых эта игра заканчивалась плачевно. По мнению Гейтвуда Серый Призрак и худой кайова довели данную игру до её эстетической завершенности, к тому же придав ей морально-этический, даже трансцендентный смысл. Но если бы сержант произнёс свои размышления вслух, Серый Призрак сильно бы удивился: позволив привязанному к коню мертвецу ехать на восток, он преследовал только одну цель — подавить боевой пыл воинов-кайова, лишить их уверенности, внести сумятицу в их мысли и чувства, чего он, в принципе, и добился. Правда, худой воин сумел достойно выйти из сложившейся ситуации, но это тоже входило в планы Серого Призрака, — закончить нападение кайова таким образом, чтобы у них возникло чувство вины, которое вырвало бы их из настоящего и разбросало каждого по-отдельности в их незащищённом и доверчивом прошлом. «Нет, — подумал сержант Гейтвуд, — Серый Призрак не строил никаких комбинаций, кроме плана выжить. Он слишком рационален и пугающе хладнокровен».

Серый Призрак в самом деле ни о чём таком не помышлял. Он просто считал, что кайова был недостоин забрать пулю на себя, для него это было бы слишком большой честью. Он не придавал такого значения пуле, как худой воин, но уважительно относился к выстрелу.

Гейтвуд не решался поделиться с Серым Призраком своей догадкой, что выстрел — это выючная крыса с пугающе бессмысленными глазами. Он пытался внести рациональное зерно в рассуждения о своём видении или прозрении, впрочем, не списывая со счетов, что в других условиях выстрел мог быть кем-то или чем-то иным. Однако сегодня выстрел стал ночным зверьком. И выстрел не достиг своей цели.

Сезария стояла между лошадей, накрытая длинной тенью мексиканца. Лошадей она повернула к приближающимся мужчинам. Печальные глаза животных были опущены к земле. Ещё не исчезнувшая утренняя дымка окутывала их ноги, будто

животные стояли среди курящегося пепла. Стоило лошадям напрячь мышцы, чтобы приготовиться к скачке, пепел бы крапчато вспыхнул огоньками истлевающего жара, а солнце стало бы ещё более лоснящимся, как поверхность воспалённой язвы.

Сезария провела ладонями по шеям лошадей и уняла дрожь, зыбью пробежавшую по их телам. Глаза женщины гневно сверкнули. Губы её были так плотно сжаты, что побелели, и нижняя половина лица выглядела обескровленной.

Гейтвуд пытался понять, почему худой кайова прекратил преследование. Он намеренно отослал своих товарищей, а винчестер повесил себе за спину. Он был растерян, хотя выглядел расслаблено-невозмутимым.

— Выстрел, как мне кажется, — сказал Гейтвуд, — не должен иметь никакой связи с теми, кто намеревался стрелять. Он нечто отдельное.

Серый Призрак изучающе посмотрел на сержанта. Перед глазами Гейтвуда стояла картина, где ночной зверёк словно заблудился в пятне лунного света и, повизгивая и мечась из стороны в сторону, искал выход, чтобы исчезнуть в темноте.

— Выстрелом был Джарвис, — сухо ответил апач Белой горы и ускорил шаг.

«И Джарвис как бы кричал, — пронеслась в сознании Гейтвуда мысль, — «Выстрел! Выстрел! Выстрел!», то есть стрелял, пока не закончились патроны в барабане».

Сезария должна была ждать, пока мужчины к ней подойдут. Тени стручков мескито ползали по крупам лошадей, из-за чего создавалось впечатление, что животные двигаются. Затенённые участки земли под чапарралем постепенно уменьшались и издали напоминали стайки крошечных животных, норовящих укрыться от жары у основания кустов. Но под солнечными лучами, которые всё ещё стелились параллельно равнине, растения выглядели погружёнными в пламя, словно перемешивали плавящийся над пустыней расплавленный металл.

Солнце поднялось выше — ветви кустов и кроны деревьев истончились, а сами растения как бы сбросили с себя мрачные силуэты и стали полупрозрачными.

Конь Сезарии остановился в пятидесяти шагах от костра. В темноте пегая шерсть казалась тёмно-коричневой, даже чёрной, но отсветы пламени плавали по ней буроватыми размывами, словно огонь постепенно смывал с неё мрак.

Сезарии не удалось разглядеть лицо апача Белой горы. Он стоял вполоборота к огню, и половина его лица была скрыта темнотой. Он догадался об этом, обошёл костёр и стал так, чтобы для взгляда Сезарии быть полностью освещённым.

Крапчато-бурые пятна становились ярче, но ещё невозможно было определить, что в темноте застыла лошадь. Мнилось, что отсветы языков пламени, точно лезвия, исполосовали участок мрака, и из него, как из живой плоти, начала сочиться кровь. Однако Серый Призрак подумал о другом: если бы Сезария дала команду своей лошади опустить голову и не смотреть перед собой, никто бы не догадался, что в пятидесяти шагах находится всадник, ибо глаза животного не отражали бы свет, а плавающие по его крупу пятна наблюдающий бы объяснил, как проявление визуального эффекта, — он смотрел на пламя, а затем перевёл взгляд в темноту, поэтому перед его глазами начали всплывать огненные разводы.

Но конь подошёл ближе — над его головой вспыхнула ситцевая блузка Сезарии, затем падающие струями складки юбки и, наконец, пламя осветило красивое лицо. Конь начал топтаться на месте, но не выглядел порывистым, а скорее производил впечатление робкого, настороженного животного.

— Я не помню тебя, — сказала Сезария. — И никогда раньше не видела.

— Я из апачей Белой горы, — ответил Серый Призрак. Но Сезария исчезла вместе с лошастью, словно и не подъезжала к огню.

Серый Призрак опустил глаза. Его взгляд натолкнулся на ноги коня, по которым сползали к земле и растворялись в пыли буроватые и влажные клочья материи: животное уже стояло так близко возле костра, что, казалось, его копыта облизывают языки пламени.

Серый Призрак сделал шаг в сторону, поднёс ладонь к лицу, чтобы яркий свет не слепил глаза, и, наконец, полностью разглядел лицо женщины, которая пыталась улыбаться. Она перекинула ногу через шею коня, юбка вскинулась, и Серый Призрак бережно принял на руки стройное тело Сезарии.

— Кто знает о том, что ты поехал за мной? — спросила она.

— Нана и Джосани. В принципе, знают все. С подробностями же ознакомлены только Нана и Джосани. Они провожали меня. Но как ты научилась исчезать?

— А я что, исчезла?

— Только что. Не было видно ни тебя, ни твоего коня.

— На тебя просто нахлынули воспоминания из прошлого, апач Белой горы, — рассмеялась женщина, — где мы с тобой не были знакомы. Даже не слышали друг о друге. В твоём прошлом меня не было. Как тебя зовут?

— Серый Призрак.

— А как тебя называют мексиканцы? Ты умеешь выдавать себя за мексиканца.

— Они называют меня Амидайо. Мне показалось, что ты исчезла.

«Может быть», — хотела сказать Сезария, а сама подумала: «Он на удивление вежливый мужчина и красив своей суровостью и тщательно скрываемым чувством замешательства. Когда он внимательно смотрит в глаза и не знает, что сказать, становится необычайно привлекательным». В юности она слышала о молодом воине Амидайо. О нём говорили, как о человеке, который оторвался от своего народа, но не потерял достоинства.

— Он слишком горд, — однажды сказал Нана задумавшемуся Джосани. — Но безупречно честен. Он всегда сам по себе, этот апач Белой горы.

Солнечные лучи стелились параллельно земле, поэтому протяжённость утра представляла собой растянутое мгновение. Солнце, как плоский камешек было брошено вдоль пепельных вод. Оно скользнуло по их поверхности и взлетело по косой, чтобы снова удариться о верхние пределы глубины, которая рано или поздно поглотит его.

На волосах Сезарии осела пыль. Лишь только оранжевые лучи коснулись их, они вспыхнули, словно солнце перестало двигаться и отразилось именно в том месте, где стояла бледная усталая женщина. Чёрные глаза уходили зрачками к Серому Призраку, и апач постарался отвести взгляд от Сезарии, правда, медленно, чтобы его замешательство и нежелание смотреть ей прямо в лицо не выглядели столь очевидными.

Сезария стояла, не шевелясь. Кони замерли и выглядели безжизненными, словно музейные чучела, но прядали ушами, похожими на хвосты брачующихся птиц.

Взгляд Серого Призрака был долгим, а Гейтвуд, быстро взглянув на него, подумал, что лошади и Сезария очутились на самом дне настоящего, где всё деформируется, угасает в памяти и исчезает в прошлом. Даже лёгкий порыв ветерка, колыхнув на Сезарии юбку, только подчеркнул её пребывание в канувших и забытых событиях, о которых никто, кроме неё, ничего не знал; и волосы на её голове не затрепетали, а изогнулись тугим корнем, как мысль, что сжимает сознание и ущемляет сердце.

— Сезария, — сказал Гейтвуд, но она не обратила на него внимания, а, полоснув зрачками по Джарвису, повернула коней и заставила их идти на запад, однако сама осталась стоять. Дождавшись, когда Джарвис к ней подойдёт, обожгла его гневным взглядом, как кипятком, вырвала из-за его пояса револьвер и протянула его Гейтвуду.

Только лёгкое недоумение отразилось на лице апача, но затем его глаза снова стали спокойными и задумчивыми.

— Но., — сказал Джарвис и сразу умолк, ибо Сезария бросила через плечо:

— Ты сошёл с ума.

Джарвис нервно вскинулся. Гейтвуд придержал его за руку. «Вот оно что, — пронзила его сознание мысль, — Выстрел не самодостаточный. Кто-то должен им повелевать, и не обязательно тот, кто нажимал на курок».

Сержант не знал о роли Дыма В Высоких Глазах для худого кайова, но почувствовал, что некто, как воспоминание, находился рядом с воином, когда тот прицеливался.

Серый Призрак проследил глазами движения Сезарии — взлёт револьвера из-за пояса Джарвиса, затем его кувырок стволом вниз на её указательном пальце. Она протянула пистолет рукояткой к Гейтвуду, но только скользнула глазами по лицу сержанта. Она сразу же пошла за лошадьми. Она шла бесшумно, словно ступала по клочьям посеревшего хлопка, но слышно было как шелестят складки её юбки.

Гейтвуд поглядывал то на Серого Призрака, то на идущую впереди Сезарию. Джарвис, размахивая руками, пытался что-то сказать.

— Сезария, — позвал Серый Призрак, но она продолжала идти, словно не слышала его. Лишь когда догнала лошадей, повернулась и, сдерживая гнев, произнесла:

— Я ведь говорила. Что не нужно было давать ему оружие. Он мог погибнуть.

В мировоззрении Серого Призрака справедливость играла важную роль, поэтому, оставить Джарвиса беззащитным, когда всем им грозила опасность, означало поступить подло или легкомысленно. Лишь только стало ясно, что кайова не отступят, он постарался уравнивать шансы своих товарищей остаться в живых.

Что касается Сезарии, то безопасность Джарвиса она понимала иначе. Этот сорокадвухлетний мужчина никогда не держал в руках оружие и не умел воевать. Ранее ему никогда не доводилось находиться в центре схватки. Поэтому Сезария считала, что о нём нужно заботиться, как о ребёнке. А Серый Призрак, предоставив Джарвису возможность защищаться и постоять за себя, тем самым подтолкнул его к гибели.

Сезария всем своим видом показывала, что возмущена, и когда Джарвис пытался ей что-то объяснить, не отвечала и не останавливалась. Поэтому Гейтвуд не мог точно определить, на кого Сезария больше обижается, — на Джарвиса или на Серого Призрака. Впрочем, он понимал, что она ждёт хоть каких-то слов от апача Белой горы, а тот не знает, что ей ответить.

Гейтвуд догнал Сезарию, но продолжал идти сзади неё. Сезария двигалась между лошадьми, так что втиснуться между животными и женщиной сержант не мог. Он не позволил себе

быстро обогнуть лошадей и, оказавшись перед Сезарией, остановить ее, ведь такой поступок она могла расценить, как бестактный. Некоторое время, то немного ускоряя шаг, то замедляя его, он осторожно двигался позади Сезарии, и его сознание наполнялось еле уловимым шелестом юбки и вкрадчивым скрипом песка.

Наконец он решился.

— Сезария, может у апачей все имеют право носить оружие, — начал он разговор, — мы ведь не знаем. Так что никакой вины Серого Призрака нет.

Сезария перестала идти. Лошади сделали ещё несколько шагов и замерли. Гейтвуду показалось странным, что с их тел продолжают опадать песчинки, вспыхивая под солнцем. Они текли тонкими струйками вниз, словно лошади стали неподвластны гравитации, и земля уплывала из-под их ног. Остановились Джарвис и Серый Призрак.

«Но я ведь не об этом хотел завести разговор, — подумал Гейтвуд. — Надо отвлечь Сезарию мыслями о выстреле».

— Дать оружие тому, кто не умеет с ним обращаться, значит подтолкнуть его к гибели. Неужели ты этого не понимаешь, сержант? — спросила Сезария, пристально посмотрев на Гейтвуда.

— Ночью мне показалось, — постарался он перевести разговор на тему, с которой и хотел начать разговор, — что выстрел — это выючная крыса с отвратительно бессмысленными глазами.

Сезария сощурила глаза. Вдали несколько паловерде раскачивались над горизонтом, будто, топчась на месте, с упорством обречённых совершали медленный танец.

Серый Призрак ушёл взглядом к деревьям, которые он воспринял, как предупреждение о тщетности вырваться за пределы раскалённых равнин.

— А мне показалось, — задумчиво ответила Сезария, — что выстрел кайова был не самодостаточным. Он как бы существовал в своих отголосках, а сам не возник, не произошел.

«Это потому, что Джарвис палил вслепую», — подумал Серый Призрак, внимательно слушающий разговор Гейтвуда и Сезарии.

Одинокий вихрь пронёсся над пустыней, унылая поверхность встрепенулось, будто её бесцеремонно обнажили, и все незакреплённые предметы: как-то листья и сухие стебли трав зашелестели над землёй, сделав пространство на севере размазанным, будто слезящийся взгляд старика.

С юго-востока неслось огромное перекасти-поле, которое напоминало поверженное солнце. Наталкиваясь на неровности, оно плавно взлетало, пока не затихло между деревцами паловерде, где, как показалось Гейтвуду, изгибающимися на ветру ветками истаивало время.

По мнению сержанта, более идеального места для укрытия невозможно было найти, ибо даже внимательный взгляд проезжающего возле паловерде врага не заметит под деревьями спрятавшихся, ведь пространство внутри них становится текучим и изменчивым. Он протянул руку, не столько указывая на паловерде, сколько обозначая ладонью свой выбор для стоянки.

Но взгляд Серого Призрака давно уже скользил возле приютивших перекасти-поле деревьев, которые на милю вокруг являлись единственным ориентиром.

Серый Призрак обратил внимание на паловерде отнюдь не потому, что в их тени можно было спрятаться от преследователей или жгучих лучей солнца: деревца были видны с далёкого расстояния, и только совершенно неопытному человеку могло прийти в голову, что кто-то может затаиться в столь заметном месте.

Подойдя ближе, они увидели, что деревца дают очень слабую тень, — тонкие черные прожилки устилали под ними землю, перекасти-поле подрагивало, и Сезария подумала, что у него почти такой же цвет, как у глаз Серого Призрака, только в будущем, когда радужные оболочки от старости выцветут, а зрачки помутнеют, но она сразу же отпрянула от подобных мыслей и растерянно взглянула на апача Белой горы.

На востоке ветер гнал пыль низко над землёй. В зависимости от характера поверхности пустыни высота летящего песка менялась от ярда до трёх. Наверное, кайова, повернувшие к своим стойбищам, залегли и обвязали лица налобными повязками, чтобы можно было дышать, или постепенно вместе со своими лошадьми как бы изнашиваются и превращаются в съеденные временем изображения.

Серый Призрак проследил за взглядом Джарвиса.

— Нет, — сказал он. — это на большом расстоянии летящая пыль похожа на непроницаемую стену. Сила ветра такова, что внутри летящей пыли местность просматривается шагов на сто. И вполне можно дышать, особенно если прикрыть рот и нос куском материи.

— Ага, — как-то нерешительно произнёс Джарвис. Его адамово яблоко потекло вниз по шее, будто трудный, приносящий боль глоток.

— Там, — постарался указать он рукой, но она дрожала и не слушалась его.

Колеблясь зыбким абрисом, из дна востока вынырнул высокий всадник. Рядом с ним стоял конь, через спину которого был перекинут мертвый человек.

— Кайова, — сказал Серый Призрак. — Он не отстанет, пока кто-то из нас не пошлет пулю.

«Но выстрелом был Джарвис», — хотел добавить сержант Гейтвуд, однако произнёс другие слова:

— Кто? Джарвис будет стрелять? Сезария забрала у него револьвер.

— Почему для него так важна пуля, которая должна вонзиться в мертвеца? — спросила Сезария.

То ли пыль перестала быть густо насыщенной песчинками, то ли ветер немного затих и вяло зашелестел сухими травинками в нескольких дюймах от поверхности земли, но всадник натянул поводья. Гейтвуд увидел движение его рук и понадеялся, что худой кайова повернёт коня и направит его на восток, а товарищей своих он оставил только на некоторое время, — хотел ещё раз посмотреть на людей, которые забрали у него пулю, использовав для этого его же мёртвого соплеменника.

«Чтобы завершить цикл», — снова промолчал Юджин Гейтвуд о том, что время для всадника не распрямляется, как пружина, а туго стягивается кольцами вокруг одного и того же события, где его товарищ должен забрать пулю, но, в итоге, выманивает последние патроны у своих соплеменников. Однако чутьё подсказывало Гейтвуду, что всё дело в Сезарии, точнее, в

ее взаимоотношениях с Серым Призраком, в их прошлом — близком или далёком, но всё ещё довлеющим над их мыслями и чувствами.

— Кайова был в прошлом. Этот или другой. Не столь важно, — прошептал Гейтвуд. Эти слова он произнёс не для Сесарии или Серого Призрака, а, скорее, для самого себя. Он пытливо пересёк глазами лица Джарвиса, Сесарии и Серого Призрака, а после, не сосредотачиваясь зрачками на кайова, уже в профиль вырисовывающегося на восточной горизонте, опустил взгляд на землю и скользнул по её поверхности, пока не достиг ног коня, которого снова задёрнуло летящей пылью.

— В том-то и дело, — сказал Серый Призрак, не отрывая взгляда от Гейтвуда, — что в прошлом Сесарии только враждебные кайова и никого из нас троих нет.

— Но этот кайова не тронет нас, я это чувствую, — сказал Джарвис. — Если ты прав, Серый Призрак, он будет просто о себе напоминать.

— Вы потеряли рассудок, — сказала Сесария. — Однако, если всё именно так, как вы объясняете, откуда тогда Джарвис? Получается, что все мы когда-то сталкивались с кайова, но Джарвис о воинах этого племени ничего не знал и не знает. До последних нескольких дней кайова для Джарвиса не существовало.

— Поэтому ни одна пуля Джарвиса не задела, а кайова, который мог убить Джарвиса, не сделал этого. Для Джарвиса кайова являлись возможным будущим, а для нас — очевидным прошлым, — быстро проговорил сержант Гейтвуд.

— Моим будущим? — спросил Джарвис.

Сесария и Серый Призрак переглянулись между собой. Ей опять стало беспокойно на душе. «Где мы затерялись?» — подумала она. Перед её глазами пронеслись картины исчезновения апача Белой горы, когда он въезжал в Пануко де Коронадо. Его лошадь начало шатать, будто она стала ветхой и вот-вот должна рассыпаться в прах. Наверное, Серый Призрак находил брешь, — выскальзывала из сознания Сесарии мысль, — зазор, который постоянно смещался в сторону будущего и находился между этим временем и тем, между свершившимся и не наступившим.

Её глаза начали блуждать по равнине и по лицам мужчин, а губы подрагивать, как бы что-то нашёптывая, но бессвучно. Ей казалось, что она, Гейтвуд и Серый Призрак, пытаясь уйти от преследователей, каким-то образом ускользнули из настоящего и на некоторое время оказались в давно забытых событиях. Поэтому выстрел не достиг цели, а, воплотившись в ночного зверька, безрезультатно высматривал бусинками глаз свою жертву.

«Всё дело в выстреле, в несостоявшемся выстреле, — попытался обойти свою мысль Гейтвуд, чтобы окончательно покинуть её и устремиться к ясным и осозанным рассуждениям. — Выстрел заблудился».

— Потому что выстрелом был Джарвис, — сказал Серый Призрак, только скользнув глазами по лицу испуганного Хилла, и Сезария окрепла в своей догадке, что все они давно бы ушли от погони, если бы не этот беспомощный белоглазый. Но она отвечала за него.

Совершенно обыденная ситуация для человека или группы людей, которых преследуют: нужно быть начеку и проникать взглядом во все стороны пространства, а мыслями, по возможности, в прошлое и в будущее. Поэтому Серый Призрак, который всё ещё пытался объяснить повторное появление кайова, начал раздумывать над очевидной, однако не подвластной логическому анализу закономерностью, где страдания женщины, проводшей многие годы в плену, постоянно возвращают её в прошлое, ибо искалеченная судьба вынуждена пребывать в искалеченном времени.

Сезария не подумала об искалеченном времени, как об изломанном, а, поэтому, и перемешанном. Скорее, она определила его, как низвергнутое в те дни, когда кайова захватили её в плен. Она вопросительно посмотрела на сержанта. «Понимаешь ли ты?» — говорили её глаза. Джарвиса же словно не замечала. Она слышала обрывок разговора между Гейтвудом и Серым Призраком о выстреле и склонилась к мысли, что Джарвис каким-то образом связан с пулей, которую пытались забрать на себя.

Кайова кружил на месте, как в замедленном танце, поворачивая коня то в одну сторону, то в другую. Силуэт второго коня

с перекинутым через спину мертвецом выглядел как крест, горизонтальная перекладина которого поникла краями. Смысла уходить или скрываться не было: судьба изгибала пространство, приближая его к тому времени, когда Сезарию везли перекинутой через седло вниз головой. Земля скользила перед её глазами, и ей казалось, что она видит несущиеся с огромной скоростью соринки и комочки глины, — пыльную бурю, по которой ступал и вот-вот должен был провалиться к истокам бытия мустанг степных воинов.

34

Под паловеерде они растолкли в миске плоды мескито. Плеснув на них немного воды, слепили лепёшки. Поджарили лепёшки на небольшом костерке, сидя возле огня, как замороженные, не обращая внимания на равнину и не отрывая глаз от язычков пламени, будто в нём должно было появиться изображение кайова с его мёртвым товарищем, а также чёткое указание, в какой стороне света он сейчас находится.

Воды хватило по несколько глотков каждому. Затем они вырыли широкую яму между деревьев, докопались до прохладной почвы и, накрывшись скатками, легли все рядом, тесно прижавшись друг к другу, чтобы находиться в тени чахлах веток.

Когда Сезария выходила из тревожной дрёмы и сквозь полуоткрытые веки смотрела на плавящуюся под солнцем равнину, лошади продолжали стоять на том же месте, где она их видела последний раз, и не сводили с неё чёрных выпуклых глаз. В оранжевой пелене скакуны выглядели двумя огромными грызунами, возвышающихся на непомерно длинных ногах. Но глаза их не были отвратительными, хотя и напоминали бусинки, только большие, осмысленные, наполненные влагой печали.

Иногда Гейвуд и Серый Призрак тихо переговаривались. Кто-то из них произносил несколько слов, и надолго наступала тишина.

Ближе к полудню Сезария уже не могла выдерживать жару. Песок забивался под блузку и под юбку, увлажнялся от пота и прилипал к телу. Она приподнялась, обхватила руками колени и постаралась сосредоточиться на своей жизни, в которой больше не будет изнурительных переходов по пустыне, и где не нужно постоянно выискивать места засады, ничем не примечательные участки, однако убийственные, как кажущиеся незрячими глаза змеи. Глаза змеи как бы закрыты створками и в них невозможно увидеть их вогнутого дна. Они лишены объёма и не наполнены влагой.

Предельное внимание, сосредоточенность на горизонте, на самом незначительном, на нюансах: как-то состояние песка, поведении мелких животных заставляют человека становиться своеобразным продолжением равнин и лишают его возможности мечтать или уходить мыслями в прошлое. А ведь когда она находилась в плену, только мысли о прошлом её и спасали. Её измотала жизнь, когда нужно всё держать начеку, особенно заботы о Джарвисе, часто поступающего, как несмышлёный ребёнок.

Она просидела так минут двадцать. Вслед за ней сняли с себя скатки Серый Призрак и сержант Гейтвуд, но не поднялись на ноги. Их усталые глаза постепенно свыкались с видом полуденной пустыни.

Сезария вспомнила скупой разговор между Серым Призраком и Гейтвудом. Оказалось, что Гейтвуд с двумя солдатами был послан вдогонку каравану, следующему через Нью-Мексико в Аризону. Один из организаторов каравана получил на востоке большое наследство. Чтобы стать владельцем богатства, ему необходимо было вернуться обратно. А, чтобы вернуться обратно, он должен был получить сообщение о наследстве. Конная почта на Юго-Западе являлась делом опасным и плохо была налажена. Родственники счастливого побещали внушительное вознаграждение тому, кто догонит колонну фургонов на равнинах восточного Нью-Мексико. Для этой цели решили послать военного, и выбран был сержант Гейтвуд, зарекомендовавший себя как честный и ответственный человек. В помощь ему дали двух солдат, но во время на-

падения на них отряда кайова солдаты куда-то исчезли. Ещё заранее Гейтвуд договорился с ними, что, если они по какой-то причине разделятся, должны встретиться в посёлке Пануко де Коронадо, где, якобы, ещё обитало несколько семей. Полгода назад один разбогатевший пастор построил в этом посёлке церковь в надежде обратить ревностных католиков в протестантскую веру. То есть была надежда, что в посёлке продолжает жить со своими приближёнными и баптист-фанатик. Но Гейтвуд застал Пануко де Коронадо покинутым.

— А если твои солдаты приехали в посёлок, когда мы все уже покинули его? — спросил Серый Призрак. Он лежал, разглядывая верхушки паловерде. К его шее прилип песок, увлажнился и потемнел.

— Нет, Серый Призрак, — ответил Гейтвуд. — Я успел заметить, как во время нападения кайова мои солдаты улепётывали на восток. Я два дня блуждал на севере от Пануко де Коронадо, чтобы отвести отряд индейцев от моих солдат. Кайова зашли в посёлок по моим следам. Я заехал в Пануко де Коронадо, чтобы набрать воды. Я не надеялся встретить там моих солдат. Но...

Гейтвуд резко умолк, оборвал свой разговор на полуслове, а Серый Призрак начал рассуждать о караване, который, если сержант точно описал маршрут колонны фургонов, они должны скоро догнать.

— Это просто кайова, — прозвучал ровный и спокойный голос Серого Призрака.

Сезария старалась держать веки прикрытыми, а когда открывала глаза, её взгляд упирался в высокую синеву, по которой скользили ветки паловерде. Сначала исподволь, обрывочно, но вокруг её рассуждений начала сгущаться мысль, что Серый Призрак пытается обхитрить время. Ведь Сезария для своих родственников и близких исчезла семнадцать лет назад. Вот апач и водит за нос прошлое и будущее, пытаясь их сблизить так, чтобы между ними не существовало просвета и Сезария вернулась, словно никогда не попадала в плен и не жила вдали от своей родины долгие годы.

Лошади, которые неподвижно стояли в куцой тени чапарала, приподняли головы. Их взгляды были устремлены на восток, но, словно устав держать шеи вытянутыми, они поникли грудными мышцами и глаза их иссякли и лишились какого-либо выражения: просто были обмакнуты в пустоту, и та постоянно обсасывала их, оставляя увиденное животными скукоженным и деформированным.

Тишину нарушало еле слышимое дыхание изнурённых лошадей. Оно постепенно приближалось и ощущалось, как возникающие над пустыней грязно-седые пятна, будто пространство стало ветхим, а высокое солнце прямыми и крепкими лучами рвало его, словно изношенную одежду.

Кайова возник внезапно, но выглядел фрагментарно, будто раздвигал плывущие клочья, которые были дыханием выбитых из сил коней. Он раскачивался на лошади, как будто был к ней привязан. Длинные волосы опадали то вперёд, то назад, но на посеревшем лице глаза излучали крайнюю степень пытливости.

Джарвис вскочил на ноги, — шелест песка, осыпающегося с его одежды, на время приглушил дыхание коней.

Серый Призрак и Гейтвуд приподнялись, но совершенно не изменились в лицах, а Сезария продолжала сидеть — просто скосила глаза и задержала зрачки на изнурённом воине.

Кайова посмотрел на неё недоумённо, но одновременно и вопросительно. Он пошевелил пальцами, которыми сжимал поводья, и лошадь остановилась. Воина плавно качнуло, словно он испытал головокружение. Конь с перекинутым через его спину человеком продолжал идти дальше. Кайова так пристально смотрел на Сезарию, словно проникал в её сознание, но не находил там воспоминания о себе. Относительно памяти о нём или учения Дыма В Высоких Глазах сознание Сезарии оказалось выжженным.

В раскалённом воздухе диск солнца пульсировал, то уменьшаясь, то увеличиваясь. Сезария потянулась рукой к голове: стучало в висках. Воин что-то сказал — тихо, нерешительно и задумчиво, но никто не понял его. Конь с мёртвым кайова удалялся на запад, но, пройдя ярдов восемьдесят, оста-

новился. В горячих потоках воздуха он видоизменился, стал выше и крупнее, но его абрис казался ломким и прерывистым, словно животное являлось каким-то условным обозначением, обведённым пунктирной линией. Воин перевёл взгляд на Серого Призрака, в его глазах появилось выражение понимания, словно он и апач Белой горы сошлись в общем мнении и между ними возникло мимолётное согласие. Он слегка кивнул на Сезарию и тихим голосом произнёс: «Красивая женщина», но никто не знал языка кайова, хотя все догадались, о чём он сказал.

Лицо Серого Призрака оставалось невозмутимым, взгляд рассеянным и поверхностным, словно апач был поглощён своими воспоминаниями. Он медленно поднял руку и как бы нехотя указал ею в сторону — мол, «Уезжай». Воин кивнул, свою левую руку, не отрывая от седла, повернул ладонью к небу и так сильно распрямил пальцы, что они задрожали от напряжения.

— Что он сообщил? — спросила шёпотом Сезария.

— Жест удивления и непонимания. Отчаянного непонимания, — тихо, стараясь не потревожить безмолвия пустыни, объяснил Серый Призрак.

Ладонь кайова провалилась вниз, и рука повисла, как плеть. Копыта коня, хотя тот не сделал ни одного движения, начали погружаться в песок, словно тот засасывал их. Животное нащупало глазами западный горизонт и, наконец, сдвинулось с места: изменчивость пространства подтянула его за долгий взгляд и в хрусталиках животного перевернулось кверху низом отражение бесконечности. По мере удаления война земля под копытами его коня всё интенсивнее курилась пылью, в которой плавно кружились сухие стебельки трав. Всадник и лошадь с перекинутым через её спину мёртвым человеком не исчезли, а, оставаясь полностью различимыми, погрузились в пыль, как в мутный тяжёлый поток.

Северная сторона пустыни выглядела яркой и сияющей: куда ни проникал взгляд, везде отчётливо вырисовывались редкие кусты чапарраля или верхушки мескито, напоминающие прожилки на истлевающих листьях. На юге же дальние горизонты были заширмлены струящимся, как вода, воздухом.

Серый Призрак испытывал неодолимое желание повернуть на юг, где для взгляда со стороны его словно съест кислота и он станет невидимым. Он опять посмотрел на север, куда должен был сопровождать двадцать кавалеристов и три запряжённые мулами повозки. Случилось так, что колонна фургонов, которую он вёл через пустыню, подъехала к ещё не пересохшему ручейку, и переселенцы решили остановиться возле воды на несколько дней, чтобы отдохнуть и набраться сил. Но к каравану приблизились солдаты, едущие из южного Нью-Мексико в Техас.

Несколько солдат знали в лицо Серого Призрака и были наслышаны о нём, как о хорошем проводнике. Они попросили переселенцев, чтобы те отпустили Серого Призрака на два или три дня, ибо хотели побыстрее добраться к ближайшему населённому пункту.

Переселенцы согласились, да и Серый Призрак был не против: кавалеристы обещали щедро заплатить за услуги, — два мула переселенцам, а ему, апачу Белой горы, новенький револьвер.

Повозки солдаты оставили ярдах в трёхстах от лагеря переселенцев. Серый Призрак ещё издали заметил, что повозки требуют ремонта: колёса растопырились, бока ободраны. Подъехав к первой, он сразу рванул своего коня за поводья и повернул его к всадникам. Правой рукой перекинул на грудь винчестер. Глаза его сузились, стали безучастными, а взгляд, казалось, никуда не уходил, но в то же время был сосредоточен на всём вокруг.

В повозке лежал исхудавший до костей человек. На нём была одна набедренная повязка, левая рука наручниками прикреплена к борту повозки. Своё тело он пытался прикрыть кучей тряпья, брошенного ему солдатами. Ноги были обуты в старые высокие мокасины. На шее человека висел деревянный крестик, символизирующий четыре стороны света, что говорило о том, что он из апачей. Горящие лихорадочным огнём глаза казались огромными. Они ничего не отражали, — тёмные, с гус-

тыми красными прожилками, словно залепленные кровавой паутиной, за которой, заблудившись в своей косматой слепоте, блуждала смерть. В правом боку гноилась рана.

Кавалеристы превратились в изваяния. Серый Призрак сжал пятками бока паломины. Взбрыкнув, она резво пошла прямо на солдат. Бородатый кавалерист с сержантскими нашивками на мундире опустил ладонь к кобуре. Серый Призрак окинул сержанта совершенно равнодушным взглядом.

— Я не скаут американской армии, чтобы сопровождать пленных в место их заточения, — сказал он.

Серый Призрак проехал мимо сержанта, который всё ещё держал руку над рукояткой револьвера. Он уже удалился ярдов на двадцать от молчаливых, одетых в выцветшую форму всадников, но сержант бросил ему вдогонку, хотя смотрел в небо и будто бы рассуждал сам с собой:

— Амидайо дал слово. Его все слышали.

Серый Призрак остановил лошадь, но не повернулся: человек, подставивший свою спину солдатам, абсолютно одинокий в своём выборе.

— Амидайо, — опять сказал сержант. — Ты проведёшь нас к источнику, а там укажешь дорогу к ближайшему посёлку, вот и всё. Это мы везём пленного, а не ты. Все, кто тебя знает, говорили: «Амидайо держит слово».

— Этому человеку нужно перевязать рану, — сказал Серый Призрак.

— Его всё равно повесят. — ответил один из солдат.

Серый Призрак не давал никакой команды паломине, даже пальцем не пошевелил, но лошадь повернулась — ровная черта южного горизонта, разрезав глаза апача, сменилась на волнистую линию северного.

— Доведу только до источника, — безразличным голосом сказал Серый Призрак.

— Хорошо, Амидайо, — выдохнул сержант. — Но ты должен знать, что этот человек заслужил такой смерти. Он напал на ранчо белых людей. Он, — сержант указал рукой на груды костей, из которой всплывали пылающие ненавистью глаза, — уже обречён.

За два дня пути к источнику Серый Призрак узнал, что пленного апача звали Поход Лошадей, а белоглазые называли его Элисео. Он нашёл приют у восточных мескалеро, хотя сам был из чирикахуа Тёплого Источника. Семнадцать лет назад Элисео, три юноши и одна девушка, которая вызвалась сопровождать воинов в военном походе, отправились в набег за лошадьми к границам восточного Нью-Мексико. Элисео было тогда девятнадцать лет.

— Я долго уговаривал своих друзей не брать девушку с собой, Амидайо, — шевелился слабый голос в куче тряпья, прикрывающего немощное тело. — Но так зовут тебя мексиканцы и белоглазые. Апачи называют тебя Серый Призрак.

Серый Призрак спрыгнул с паломины и пошёл рядом с повозкой. Затем повернулся к седлу, отвязал от него флягу и протянул её Походу Лошадей.

— Она хотела стать воительницей, как Лозен? — спросил Серый Призрак.

— Да, Амидайо. Лозен была для неё примером. Эта женщина с пятнадцати лет участвовала в военных походах со своим братом Викторио. А когда её исполнилось восемнадцать, она уже руководила отрядом.

— Пытаться следовать поступкам Лозен, значит выбрать трудную судьбу, — очень тихо ответил Серый Призрак, повернулся к паломине и поправил привязанную к седлу скатку, чтобы Поход Лошадей не увидел его глаза, — жёлто-коричневые, как выжженная пустыня: его единственное пристанище после того, как он последний раз видел Ше-Ло-Зию — воительницу Лозен.

— О чём ты говоришь, Амидайо? — зашуршали укрытые слоем песка тряпки. — Многие женщины взяли за оружие, когда на наши земли пришли белоглазые.

— Ты попей воды, Элисео, попей, — сказал умиротворительно Серый Призрак.

— Спасибо, Серый Призрак, — сказал Элисео. — Сегодня утром ты перевязал мне рану, и мне намного легче.

Серый Призрак повернулся к пленнику загорелым лицом, на котором блеснули холодные и внимательные, но излучающие теплоту глаза.

— Ты думаешь о том, как меня будут вешать? — попытался улыбнуться Элисео, но вместо улыбки на его лице появилась гримаса боли. — Я умру до прихода солдат в форт. Умру до судилища. Я и так уже не жилец, но я должен умереть раньше. Ты понял меня, Амидайо?

Серый Призрак шёл рядом с повозкой, держась рукой за её борт. «Элисео сказал, что должен умереть раньше», — постарался он прямо встретить мысль, а не увилить от неё.

Серый Призрак не думал о временах, как о грамматических формах языка. Об этом он не имел ни малейшего понятия. Но он понимал, что, если события предопределены, то есть они уже как бы существуют в будущем, их, все же, можно изменить, воздействуя на настоящее, которое постоянно смещается в сторону того, что лишь когда-то наступит, ибо часть будущего, его начало.

Что значит для Элисео умереть раньше, без привязки этого слова к военному форту? — следовал за своими мыслями Серый Призрак. Повозка скрипела, она катилась по пустыне, точно узкий разрез глаз, в котором грязными лохмотьями шевелился зрачок, а над ним проползало чужое и равнодушное небо.

Мысли сплетались в ответ, как в призрачный ориентир на фоне пустоты, поэтому ничего не значили, а только утверждались в месте своего отсутствия. Умереть раньше означало оказаться в забвении ещё до того, как отправишься в Счастливое Место, то есть стать забытым для всех, кто тебя знал, быть погребённым в их памяти. Именно горемыка Элисео, совсем того не желая, подсказал Серому Призраку, как становиться невидимым. И апач Белой горы не лукавил, когда на вопрос Сезарии: «Как тебе удаётся исчезать, Серый Призрак?» — искренне ответил: «Нужно, чтобы о тебе все забыли. Для этого необходимо стать похожим на что угодно: на куст, птицу или камень, но не на самого себя. Нужно оказаться в забвении, пускай это даже будет недалёкое прошлое. И тогда враг, даже если его взгляд натолкнулся на исчезнувшего, ничего не заметит или не обратит внимания, как не способен остановить настоящее, которое постоянно умирает, но продолжает жить».

В набег отправились четыре юноши и одна девушка Тишина В Зарослях. Элисео не руководил походом, старшим крошечного отряда был Алехандро. Тишина В Зарослях прекрасно стреляла из револьвера и винтовки, а также славилась, как лихая наездница.

— Она думала, Амидайо, что ей подвластны просторы, что она изысканный воин, понимаешь меня? — спрашивал у Серого Призрака Элисео.

В походе передвигались по ночам. При первых признаках рассвета старались найти овраг, ущелье или котловину, чтобы переждать там время до вечера, выспаться и поесть. Три разведчика уходили в разные стороны на мили полторы, чтобы обследовать местность уже в утренних сумерках. Девушка должна была готовить еду. Если у кого-то из отряда прохудился мокасина или рвалась рубаха, она была обязана чинить их. В бой девушка должна была вступать только в крайнем случае.

Дело было в конце октября, по ночам нагорья укрывались изморозью или тонким слоем мокрого снега, который начинал таять после полудня. Огонь разжигали не всегда. Если не находили достаточно глубокого оврага, а вокруг нельзя было собрать сухих дров, ибо дым от огня мог выдать их, съедали вяленое мясо и укладывались спать.

Чтобы не замёрзнуть, ложились плотно друг к другу. В центре два человека располагались своеобразным валетом. Один ложил свою голову на колени товарища. Тот делал то же самое, — ложился головой на колени соседа. Следующие два человека ложились, тесно прижавшись к первым двум и охватывая их своими телами, как кольцом. Один человек всегда дежурил. Через каждые час-полтора воины, которые спали в центре, занимали места по краям, а их товарищи, до этого лежавшие спинами или лицами к холоду, ложились в центре. Девушка всегда спала в центре, однако дежурила, как и все. В дежурство её ставили всегда первой, ранним утром. Отдежурив, она ложилась спать в центре группы юношей уже на согретое место.

Вечером костёр не разводили, часто даже не перекусывали. Пили воду, если таковая была. Когда же воды не было, за-

талкивали снег в горлышки кожаных фляг и прятали фляги под одежду, ближе к телу. Под воздействием тепла снег таял, и можно было пить прохладную воду.

Как только опускалась темнота, садились на лошадей и медленно, цепочкой, продвигались на восток. Впереди на расстоянии полумили всегда ехал разведчик. Обычно воины еще возились с попонами и сёдлами, а разведчик, поглаживая свою лошадь, сначала разрезал чёрными глазами мрак, и лишь затем погружался в него, пока трясина ночи не засасывала его совсем.

Чаще всего разведчиком был Элисео, — невысокий и щуплый, но юркий и гибкий, отличающийся хорошей зрительной памятью.

Однажды перед самым рассветом Элисео обнаружил свежие следы табуна лошадей. Он вернулся и предупредил своих товарищей, чтобы они заставили своих коней лечь, а сами затаились. Ранним утром апачи увидели, что со стороны востока движется табун лошадей и два ковбоя. Лошади принадлежали белоглазым, потому что были рослыми и сильными, постоянно подкармливаемые отменным зерном, но уступающие в выносливости мексиканским скакунам и мустангам степных индейцев.

Лежали в мокром снегу до вечера, наблюдая за табуном, пасущимся на берегу пересохшей речки, где до поздней осени оставалась высокая и всё ещё зелёная трава.

При первых признаках сумерек ковбои погнали табун к ранчо, которое приютилось на краю небольшой котловины. В нём жила семья белоглазых: муж, жена, сын-подросток и ещё один мужчина — родственник или друг этой семьи. Два ковбоя-мексиканца спали в крошечном сарае, построенном возле корраля.

Перед наступлением ночи небо прояснилось, и багровый зев, которым блуждал над равниной исход дня, окрасил западные просторы.

Тишина В Зарослях осталась дожидаться юношей в узком овраге. Она стояла возле коня и нервно тербила его гриву. Девушка должна была ждать, когда до рассвета останется не

больше часа. Если же за это время никто из юношей не вернётся, ещё затемно направиться к их последней стоянке, где все они должны встретиться. Если услышит стрельбу или топот погони, обязана определить, в какую сторону удаляется погоня, и лишь затем ехать к последней стоянке. Если всё будет хорошо, молодые воины ещё до рассвета вернутся за ней, чтобы вместе покинуть пастбища белоглазых.

Девушка стояла в глубокой тени, а появившийся месяц, всплывая к куполу небес, высасывал пролегающую вдоль оврага полоску мрака. Он сначала осветил голову коня, а, затем, лицо и тело его хозяйки. Перламутровая рукоятка заткнутого за пояс револьвера блеснула, передразнивая серп месяца, ведь курок сначала должен был сместиться где-то в недосыгаемом, и лишь потом, прижавшись к указательному пальцу, податься назад и освободить выстрел.

Она боялась схватки, но и желала участвовать в ней. Конь насторожил уши, глаза его округлились, овладевшие им смирение и тоска изнутри его естества обволакивали взгляд и делали его замутнённым. Девушка посмотрела вверх — над краем оврага, освещенный луной, сидел на корточках воинкайова. Он придерживал своего коня за удила. Конь пытался поднять голову, но сыромятный ремешок удерживал его, поэтому создавалось впечатление, что животное кланяется.

Лицо воина выглядывало из-за согнутых в коленях ног, между которыми опускалась до земли расшитая бисером набедренная повязка. Воин радостно улыбался, но застывшая на губах глупая улыбка и красные полосы на щеках делали его лицо похожим на зловещую маску.

Девушка потянулась к револьверу, но ещё два кайова выросли над оврагом, направив на неё свои винтовки. Ухмыляющийся воин вытянул руку перед собой и сделал несколько движений ладонью вниз, мол, успокойся, не горячись, тебе всё равно не уйти. На северо-западе слышались звуки выстрелов и топот копыт, который сразу же начал удаляться и затихать.

— Мы напоролись на засаду, — сказал Элисео. — Один из ковбоев был индейцем-тараумара и ещё днём сумел опреде-

лить, что кто-то за ними следит. Алехандро убили, как только мы подобралась к корралю, в котором был заперт табун лошадей.

Апачи сразу же вскочили на коней, которых, подкрадываясь к корралю, вели за поводья. Они ускакали в противоположном направлении от оврага, где их ждала девушка. Элисео несколько раз возвращался и делал попытки забрать тело Алехандро. Его ранило в руку, пуля задела лошадь, поэтому пришлось оставить мёртвого товарища на ранчо белоглазых.

За девушкой вернулись через день, но в овраге её не нашли, так же как не нашли и на прежней стоянке. Следы на взявшемся коркой снегу рассказали, что Тишину В Зарослях захватил в плен отряд степных индейцев, — команчей или кайова.

Серый Призрак пытался отойти от повозки, чтобы Элисео отдохнул, но тот удерживал его, протягивая руку и произнося слова: «Это очень важно, Амидайо. Для всех нас. Для на-дене — настоящих людей».

Серый Призрак знал, о чём будет говорить Элисео дальше. Жалость к умирающему, сгубившего свою жизнь из-за несчастного случая, переполняла сердце апача Белой горы, и он понимал, что, выслушав до конца рассказ Элисео, возьмёт на себя обязательства, может быть, непосильные и не нужные ему, давно покинувшему стойбища своего народа.

Закон апачей был суров: если в военный поход вместе с мужчинами отправлялась женщина и попадала в плен, вернуться без неё означало укрыть себя позором до конца дней. Три отважных юноши потратили годы, чтобы отыскать и освободить Тишину В Зарослях, но безрезультатно. Через полтора года после исчезновения девушки в стычке с команчами погиб первый из них, потом в селении белоглазых был схвачен и линчёван второй. Из отправившихся за лошадьми воинов в живых остался только Элисео.

Обычно в таких случаях, найдя доказательства, что женщину не вернуть или попытку её освобождения необходимо оставить до лучших времён, воины возвращались, и никто из соплеменников их за это не порицал.

Случалось, что женщин захватывали в плен мексиканские работорговцы, и, будучи уверенными, что апачи не успокоятся, пока не освободят своих соплеменниц, отправляли их для продажи в рабство в глубь страны — в Мехико, на Юкатан, даже на Кубу. Когда апачи узнавали, что пленниц отправили далеко, они прекращали их поиск, и это не считалось позором. Но Элисео, вернувшись к народу Тёплого Источника, не мог даже сказать, куда была продана в рабство Тишина В Зарослях. Так он и проскитался долгие шестнадцать лет и смирился с мыслью, что никогда уже не вернётся в родное племя.

Прочертив взглядом северные пределы равнин, Серый Призрак нагнулся и вытянул из-за халявы высокого мокасина нож с костяной рукояткой. Сунув его под тряпки рукояткой вперёд, сразу же перекинул поводья на паломине.

— Спасибо. Амидайо, — сказал Элисео, обессиленно откинувшись головой о борт повозки. Голос почти не звучал, а шевелился на губах, но Элисео пытался улыбаться:

— Ты понял меня, Амидайо. Если возникнет возможность, передай людям Тёплого Источника, расскажи Нане, что Тишина В Зарослях жива.

Серый Призрак ничего не ответил. Он подумал о Счастливом Месте, в которое рано или поздно уходят все, и постарался пребывать взглядом далеко от повозки и от солдат, а значит, в недостижимости от Элисео, ибо ничем не мог ему помочь.

— Вон там, — сказал он сержанту. — Видите блеск? Это мелкое озеро. Вода соленоватая. Но можно пить. В четырёх милях от озера, вверх по ручью, который в него впадает, посёлок.

Сержант кивнул. Расстегнув седельную сумку, достал из неё револьвер и протянул Серому Призраку. Приняв от сержанта револьвер и засунув его за пояс, Серый Призрак тоже кивнул. Он повернул паломину и пустил её вброд на юго-запад. Он проехал мимо повозки, где лежал Элисео, даже не взглянув на него. Сержант задумался, направил коня вслед за Серым Призраком, а возле повозки остановился. Глаза Элисео были настолько широко открыты, что, казалось, именно они подпирают высь и благодаря им небеса ещё не рухнули. Он лежал с перерезанным горлом, в похожей на клешню руке был зажат окровавленный нож.

— Амидайо, — тихо позвал сержант.

Серый Призрак придержал паломину. Поворачивая лошадь, перекинул винчестер со спины на грудь.

— Что это? — так же тихо, как и позвал, спросил сержант.

Это был риторический вопрос, но Серый Призрак ответил, почти неслышно, словно разговаривал сам с собой, и сержант, скорее, понял содержание сказанного по суженным глазам апача Белой горы, безучастным и желто-коричневым, как полуденная даль.

— Последнее милосердие, — сказал Серый Призрак.

— Но почему его хотели казнить, сынок? — спросил Нана.

Было раннее утро, стоянку накрыл туман, а с плоскогорья к викиюпам сползало белое облако. Глаза старика стали такого же цвета, как и его волосы, — выцветшими, белесыми, отражающими одну седину.

— Всё очень печально, Нана, — сказал Серый Призрак.

Он рассказал, что за год до встречи с ним Поход Лошадей начал служить скаутом в американской армии. Элисео сказал Серому Призраку, что пошёл в скауты, чтобы беспрепятственно заезжать в посёлки белоглазых и спрашивать обитателей, живёт ли поблизости рабыня-индианка.

Однажды, когда Элисео был в разведке, он обнаружил ранчо возле небольшой скалистой гряды. Подъехав к строению, пытался заговорить с несколькими ковбоями, но они не пожелали беседовать с индейцем, пусть даже он служил в американской кавалерии. Из-за дома вышла с ведром воды индианка. Мельком взглянув на Элисео, она заторопилась дом. Это была не Тишина В Зарослях, — Элисео отличался острым зрением. Но он подъехал к дому и вошёл в него, чем вызвал переполох. В доме были мужчина со своей женой, двое их детей и недавно вошедшая индианка. Она оказалась рабыней этой семьи, а сама происходила из народа глинобитных домов, племени зуньи. Четыре года назад она была захвачена в плен мексиканскими работорговцами и продана землевладельцу в Чиуауа.

Элисео говорил с индианкой по-испански, и она, пугливо поглядывая на своего хозяина, сообщила, что полгода назад её

продали этой семье в одном из посёлков западного Техаса. Она не знала английского, и чтобы покупатели могли выяснить, кто она и откуда, привели рабыню, тоже индианку, которая знала английский и могла изъясняться по-испански. Это была красивая женщина. Она сообщила, что принадлежит к людям красной краски и попала в плен шестнадцать лет назад.

Элисео хотел узнать от рабыни подробности о красивой индианке из западного Техаса, спросить, как её зовут, но мужчина вдруг спохватился и грубо прервал их. Он пытался силой вытолкнуть Элисео из дома. Негодующий Элисео свалил мужчину с ног ударом приклада. Индианка умолкла. Окинув взглядом, полным ненависти, дом, состоящий из одной комнаты с выложенным из неотёсанного камня очагом, он переступил через порог. Ковбои перестали заниматься упряжью и подозрительно смотрели на него. Из дома послышался голос рабыни: «Белые мужчины называли её Сезария».

Элисео вскочил на коня и поехал, но из дома, придерживаясь за косяк двери, вышел мужчина. Лицо его было окровавленным. Один из ковбоев выхватил из кобуры револьвер и выстрелил в спину Элисео. Но Элисео, как понял из его рассказа Серый Призрак, находился впереди настоящего. Он, скользя по крупу коня, откинулся назад, будто падал на землю, и во время падения выстрелил через голову. Ковбой зашатался, опустился на колени и повалился в пыль ничком. Однако Элисео находился в будущем всего несколько мгновений, поэтому револьверная пуля пронзила его тело под правым подреберьем. Он нашёл в себе силы отъехать от ранчо мили на две. Приблизившись к зарослям юкки, сполз с коня и на четвереньках забрался под длинные острые листья. Там его, лежащего без сознания, и нашли кавалеристы.

Когда Элисео слушал рассказы о Счастливом Месте и посмертном существовании, он всегда отводил взгляд в сторону и сокрушённого качал головой. Творец апачей создал мир и удалился. Но он оставил апачам настойчивость, силу воли и чувство верности. Поэтому посмертное существование Элисео длилось одно мгновение, но растянутое до бесконечности. И в этой бесконечности была только солдатская повозка, пустое,

нарисованное на полосе мрака небо и садящийся в седло Серый Призрак, которому Элисео бесконечное количество раз будет говорить: «Ты меня понял, Амидайо? Тишина В Зарослях жива. Скажи об этом Нане».

36

Кайова затерялся среди раскалённых струй, которые преобразовали его: отражение всадника переходило от одного потока воздуха к другому без какой-либо закономерности, а как игра испарений и расползающейся под солнцем дали. Он появлялся то в одном месте, то в другом, но всегда на западном горизонте, пока не исчез совсем.

За ним следила только Сезария, остальные смотрели перед собой, углублённые в свои мысли. И даже у Джарвиса, хотя его взгляд скользил по оранжевой пустоте, лицо оставалось таким же непрístupным, как и у его друзей.

Далеко за полдень низко стелющийся ветер накрыл шелестом равнину. Солнце омрачилось и висело на юго-западе, как замутнённый осколок стекла, края которого обтачивались летящими песчинками до остроты бритвы.

Фляги были пусты. Оставалась надежда, что Серый Призрак отыщет место, где вода подходит к поверхности земли.

В путь отправились на закате. Солнце, вперив на равнину багровый взгляд, фокусировало их тела, и на фоне зыбкого и изменчивого ландшафта они становились реальными. Чапарраль и мескито больше не встречались, не было видно ни одного кактуса, — не имеющая границ, облитая красным цветом плоскость была настолько однообразной, а, из-за этого, неопределённой, что как бы не существовала. Издали края их одежд казались пытающими. Иногда одна из лошадей встряхивала хвостом, и пламя раздувалось, на несколько секунд испепеляя тела идущих.

Сумерки не наступили. Мнилось, что они постоянно находятся на западе. Но когда светило провалилось под землю как монета в щель терракотовой копилки, не разрослись, а втянули в себя четверых людей и двух очумело бредущих лошадей.

Небо ещё багрово переливалось, но на северо-востоке уже вошла в три четверти луна, сквозь неё, как сквозь выщербленное овальное окошко было видно другое небо, где четыре человека, так и не избавившись от одиночества, разбрелись в разные стороны пространства.

Они шли в сумерках и почти сразу оказались в ночи, точно мир решил их только вспомнить, но не вернуть.

Другие небеса просачивались сквозь луну, заволакивали равнину седым, напитанным ворсинками светом. Везде, куда ни глянь, простилалась равнина. Она раскинулась и вверху, и внизу — одна и та же, однообразная и лишённая признаков жизни: просто унылая плоскость, по которой двигались Сезария, Серый Призрак, Гейтвуд и Джарвис, постепенно переходила в верхнюю, словно лента Мёбиуса. Закаты, горизонты, утренние и вечерние зори канули в небытие; ощущался лишь плавный изгиб этой бесконечно широкой ленты.

Седой свет промокал мрак, напиться мраком, и над равниной разрасталось и лениво парило одно состарившееся время, где ни будущего, ни канувшего никогда не существовало.

Вдали что-то показалось, но тут же исчезло, как след песчаной гадюки под осыпающимися на него песчинками. Оно опять возникло, непонятное в своих очертаниях, и снова погрузилось в темноту.

Никто ничего не сказал: четыре человека и две лошади раздвигали ниспадающие волокна луны, и, скорее всего, для тех, кто мог бы за ними наблюдать, находясь от них далеко на востоке, тоже появлялись и исчезали, как начертанные на зыбкой поверхности письма.

Сезария, размышляя о Сером Призраке, пыталась догадаться — о чём он сейчас думает, почему молчит, почему ничего не скажет, почему не считает нужным разговаривать? Она начинала понимать, что апач Белой горы, дав оружие Джарвису, поступил правильно, ибо, если смерть уравнивает всех, то нужно всем предоставить равные шансы спастись от неё.

Иногда она переводила на него взгляд. Его походка была такой же ровной, плавной и сильной, как всегда, словно он не

знал усталости. Она видела только его красивый профиль, погружённое в раздумье лицо, но хотела заглянуть ему в глаза и удостовериться, что даже вечность, равнина в равнине, безграничное в неисчислимом не отражаются в них, потому что его взгляд давно заполнен ею — Тишиной В Зарослях.

Она была уверена, что сейчас он думает о ней, что ему ничего другого не остаётся, как находиться во власти мыслей о женщине Сезарии, ради которой он отправился в долгий и опасный поход, — совершенно один, без чьей-либо помощи, словно апачей давно не существовало, и последний из них решил её спасти, чтобы не канул в забвение народ на-дене. Да ведь, в самом деле, из всех чирикахуа, апачей Белой горы, хикарилья, мескалери и тонто остались в живых только они — Серый Призрак и Тишина В Зарослях.

Лошадь задела копытом холмик земли, и кварцевые песчинки прыснули искрами, как крошечный салют.

Не согласовывая своих дальнейших действий, ибо всё было очевидным, они все вчетвером направились к чему-то, что смутно просматривалось и иногда исчезало, словно его колыхало лунным светом или ниспадающей между лучами луны темнотой.

Серый Призрак ничего не предпринимал: не перекинул винчестер со спины на грудь, не поправил на поясе ножны, «Значит всё будет хорошо», — подумал Джарвис.

Пройдя ещё шагов двести, они начали различать, что впереди находятся две лошади. Одна лежала и пыталась приподнять голову, другая стояла, опираясь на передние ноги, согнутые в коленях. Задние были безвольно раскиданы по земле. Её повернутая к ним голова казалась огромной, а глаза угрожающими. Но, подойдя ближе, они увидели, что глаза лошади наполнены пустотой, просто две чёрные дыры на тянущейся к ним и шевелящей губами морде.

— Это конь худого кайова, — приглушённым голосом сказал Серый Призрак.

Возле лошадей, скрестив ноги и опустив голову подбородком на грудь, сидел тощий воин.

Они двигались бесшумно, из-под копыт паломины и коня Гейтвуда поднималась пыль, словно земля выдыхала в ночной холод мутные облачка пара.

Кайова приподнял голову. Сезарии привиделось, что он смотрит слепым взглядом и мыслями пребывает вне пустыни. Однако воин поворачивал голову вслед за ними, и оставалось загадкой — заметил он их или только ощущает запах поднимающейся пыли.

Его лицо всплыло из мрака — осунувшееся, мрачное, но не утратившее красоту. В глазах плеснулось отражение луны, словно его взгляд заволокло видением; на губах появилась сокрушённая улыбка. Он кивнул Серому Призраку, — медленно, точно хотел выразить признание. Апач тоже кивнул ему. Это не было приветствие, а констатация факта, мол, я вижу тебя.

«Это немая просьба», — подумал Гейтвуд, но Сезария перехватила его мысли: «Скорее, предложение», — попыталась догадаться она. «Только вот что, что он предлагает?» — задал самому себе вопрос Джарвис.

Мимо война они прошли молча. Ступали осторожно. В свете луны их движения казались замедленными, точно быстроту и порывистость сдерживал мрак, просачивающийся сквозь ледяные лучи.

Гейтвуд обернулся: конь, на спине которого лежал мертвец, пытался подняться. Его ноги дрожали. Он мучительно водил головой, пытаясь ухватиться взглядом хоть за какой-то ориентир, — в окружающей животное зыбкости незаблемый и постоянный, но горизонт вползал в его выпученные глаза влажно-вялый и уже не обозначающий конкретную сторону света. Окаём высохшей на губах пены напоминал костяные удила, за которые ночь поддерживала голову коня, словно умирающее животное сжимало в зубах остаток себя самого, но только в будущем.

Сезария подняла правую руку вверх и в сторону. Серый Призрак отреагировал моментально. Одним движением он перекинул винчестер с плеча на грудь и тут же подбросил его. Винтовка плавно взлетела, повисла между небом и землёй, седые разводы, образованные лунными лучами, обвилились вокруг

ствола, и тут же рука Сезарии переместила её вниз. Поворачиваясь, Сезария щелкнула затвором, прижала приклад к плечу и, почти не целясь, выстрелила в умирающего коня.

Пуля вошла в голову. Возле уха брызнул и залил выпученный глаз чёрный, как смола, фонтан. Нижняя челюсть погрузилась в пыль, и конь затих, словно был раздавлен мёртвым седоком.

Сознание Гейтвуда восприняло щёлканье затвора как протяжный и ленивый звук. Сержант повернулся вместе с Сезарией, но, как потом ему казалось, очень медленно, ибо его расширенные зрачки за это время успели полностью осмотреть залитую луной юго-восточную часть равнины. Всё выглядело замершим, неподвижным, цепенеющим, только в три четверти луна да ещё ствол винчестера подёрнулись ртутными бликами. Гейтвуду мнилось, что он видит каждую песчинку, каждый, даже незначительный бугорок на земле, но никто не проник мельтешащими движениями в сизое дыхание равнины. И не было визга, вообще никакого звука, если не считать щёлканье затвора и грохот выстрела, будто в самом деле всё, что происходило в пустыне, вернулось в естественный ход событий.

Он перевёл взгляд от убитого коня к Серому Призраку и не удивился, что апач смотрит прямо ему в лицо, совершенно не интересуясь, куда Сезария послала пулю.

«С выстрелом удалось совладать», — подумал Гейтвуд, а Сезария так же плавно, парящим движением вернула винчестер апачу Белой горы.

И лишь потом, когда они снова пошли на запад, свет над пустыней, наполненный серебристыми ворсинками, шевельнулся и подёрнулся синеватым отливом, вспыхивающим и затухающим, словно по нему, как по шелковистому меху, проводили рукой. Через некоторое время и ворсинки исчезли: равнина сползла под горизонт, безупречно ровно обозначивший края неба и пределы земли: мир поместился в пространство, легко осматриваемое невооруженным взглядом. Но и Сезария, и Серый Призрак, и Гейтвуд с Хиллом были уверены, что ничего более призрачного, чем окружающая их пустыня, в мире нет. Пустыня сама являлась отдельной вселенной и иногда, в

виде миражей, внедряла в себя изображения других миров, которые, в отличие от раскалённых равнин, существовали в беспамятстве и могли воспроизводить только самих себя.

Когда трогаешь слабо натянутую тетиву, получается приглушённо-дребезжащий звук, отдалённый и дробный, как треск от разрываемой ветоши. Этот звук напелз и удалялся, ворочался за их спинами, пока не перешёл в заунывное пение и скомканное придыханием слова: «Хейа... Хейа...» Худой кайова стоял на полусогнутых ногах и раскачивался в такт своего пения. Луна висела точно над его головой, но далеко вверху. Пространство над пустыней стекленело, и каждое «Хейа» откалывало от дали отщеп и притягивало к поющему меняющийся острыми гранями мрак.

Кайова начал кружиться вокруг своего мёртвого товарища и убитого коня, — из последних сил, с натугой отрывая ступни от земли и тяжело опуская их. Луна висела, как зев ствола, истекающий костным мозгом, а воин пританцовывал и пел глухим голосом о выстреле и о пуле, которую, наконец-то, удалось забрать или, наоборот, потерять, — он не знал, он уже ни в чём не был уверен, но исполнял свой долг. Иногда, хватая пересохшим ртом воздух, он поглядывал в сторону удаляющихся людей, но они не оборачивались.

Над ними тоже висела луна, но как нечто чуждое миру земли: существо, состоящее из безмерной и стального цвета брюшины, отползало на запад и выдавливало из себя круглый мешочек плаценты, сквозь стенки которой слабо просматривался тёмный эмбрион, не похожий ни на животное, ни на человека.

Они шли всю ночь, каждый пребывал в своём прошлом или в своём будущем, а поэтому как бы не преодолевали пространство, ибо время для них не двигалось и не текло. Иногда, очнувшись от раздумий, они оказывались уже в другом месте, где простилалась всё та же пустыня. Один только Серый Призрак шёл по постоянно смещающемуся настоящему и поэтому видел всё: и печальную равнину, и высокий колодец, нависшую над ними луну, куда сползала ночная пустыня, пока не преобразилась, чтобы снова, искрившись под лучами взошедшего солнца, упорно уходит в бесконечность.

Утром они разглядели на севере зеленоватый окоём, говоривший о том, что там росли кусты чапарраля. Подойдя ближе, они увидели, что земля между кустами была взрыхлена копытами и колёсами фургонов. Трава, что пробивалась в теневой стороне чапарраля, была сощипнута или, если полностью высохла, изжёвана и иногда хранила влагу ртов лошадей и мулов.

— Следы оставили несколько часов назад, — сказал Серый Призрак. Он поднял глаза. Отразившиеся в них небеса поникли к нижним векам и заполнили взгляд, поразивший Гейтвуда своей глубиной, но жёлто-коричневые радужницы обрушили высь — было только раскалённое пространство, без ориентиров и обещаний.

— Мне туда — сказал Гейтвуд. Он не отрывал взгляда от Серого Призрака, будто собирался покинуть равнины и затеряться в глубине мыслей апача.

Джарвис подошёл к Гейтвуду.

— Мне тоже туда. — сказал он.

Серый Призрак ничего не ответил, только кивнул головой.

— Идите на юго-запад, а затем параллельно колонне фургонов, милях в двух от них, — сказал Гейтвуд.

«Зачем?» — подумала Сезария, но промолчала.

— Что? — спросил Серый Призрак, будто разговора и не было, и он, задумавшись, стоял среди пустыни один, недоумённо разглядывая следы от колёс длинных повозок.

— У вас нет воды, — сказал Джарвис. — Мы попросим для вас воды у переселенцев.

«Возможно», — хотел сказать Серый Призрак. Его верхние веки вздрогнули, по глазам полоснуло солнце, — участок земли между апачем и Гейтвудом запылал, подожжённый солнечными лучами: оранжевое сияние, разрастаясь, выталкивало на свои края две пары людей. Но люди не расходились, а стояли на месте. Да и лошади, удаляясь друг от друга, не переступали ногами, не взрыхляли копытами песок, а постепенно, находясь на противоположных краях пылающего пятна, затушёвывались далью.

«Жизнь как выстрел, — думал Гейтвуд, — быстротечная и ослепляющая». Ворочается лишь одна огненно-пушистая тварь, словно замедленный процесс воспламенения пороха. И она не визжит, а ужесточает безмолвие.

— Знаете, о чём я подумал, сержант? — спросил Джарвис.

Гейтвуд перевёл взгляд на Хилла — запорошенный солнечными лучами, подожжённый и ослеплёнными ими.

— О чём?

— Да так, ни о чём, — сконфуженно сказал Джарвис, но в его сознании крепко засела мысль, что день — это выстрел, а солнце — пуля. Только всё происходит растянутым во времени. Людям кажется, что они могут двигаться в разные стороны пустыни, но на самом деле все двигаются вдоль ствола.

Однако Сезария не удержалась и оглянулась. Её не остановило суровое выражение лица апача Белой горы. Он иногда поглядывал на неё задумчиво и обеспокоенно, и она знала, что такой взгляд означает заботу и внимание. Она оглянулась: пространство в её глазах перевернулось с юга на север, но осталось таким же пылающим.

На севере подрагивали три точки: две маленьких и одна чуть побольше.

Солнце поднялось выше, уменьшилось в размерах, размеренно изливая на равнину безжизненный свет, который видоизменял предметы, да и само просматриваемое пространство, делая их полупрозрачными, расщепляющимися на атомы и курящимися своей исчезающей сутью. А дальше, куда ни глянь, равнина лежала, как рентгеновский снимок, — одни матово-белые или серо-тёмные тона, больше ничего.

Изредка, когда ветер менял направление и дул с севера, над горизонтом поднималась прерывистая полоса пыли. Где-то там катились фургоны переселенцев, к которым должны были пристать Гейтвуд и Джарвис.

По просьбе Гейтвуда Серый Призрак должен был двигаться параллельно колонне. Он так и сделал, но потом повернул на север и долгое время брел по следам мулов, лошадей, коров и повозок, чтобы смешать свои следы с их следами. Свернуть в сторону он намередвался при удобном случае, на каменистой

равнине: там они с Сезарией не оставят следов и спокойно доберутся до гор, окружающих Тёплый Источник. Серый Призрак также рассчитывал, что переселенцев ведёт опытный проводник, поэтому они двигаются не наобум, а от источника к источнику.

Ближе к полудню, обнаружив креозотовые кусты, разросшиеся широким кольцом, постарались расположиться в их жидкой тени и подождать до вечера. Перед сумерками поднялись, прошли две мили и натолкнулись на старый колодец. Земля вокруг колодца была вспушена скотом и людьми. Вода была вычерпана вся, — одни влажные глиняные стены, и требовалось время, чтобы она опять скопилась на дне.

37

Серый Призрак и Сезария сидели, прижавшись спинами к телу лежащей паломины. За весь вечер апач Белой горы произнёс только несколько слов:

— Ночью, возможно, вода появится.

— Да, — ответила Сезария. Она сидела, положив голову на плечо Серого Призрака, и если бы её спросили — хотела бы она прямо сейчас оказаться в Тёплом Источнике? — ответила бы «Нет». Она слишком долго находилась вдали от родины. Она отвыкла от кочевой жизни апачей и постоянного состояния войны. Она хотела бы находиться рядом с Серым Призраком до конца времён и, если нужно, путешествовать с ним по пустыне. Нет, она не стремилась в Охо Калиенте. Она истосковалась за своими родителями и родственниками, но страстно желала новой жизни, где всегда будет рядом Серый Призрак, — молчаливый, гордый и деликатный. «Застенчивый, как ласковый ребёнок», — подумала она.

Жизнь среди белоглазых ей опостылела, хотя её отпустили на свободу, приняли в семью и, что касается сытости, в Техасе она жила, не испытывая голода. А свободных апачей часто преследовал голод. Правда, голодная смерть им не грозила, ведь они великолепно ориентировались в пустыне и знали множество съедобных растений. Но несколько раз в году наступали периоды, когда им приходилось затягивать пояса.

Уже наступила ночь. Из колодца, широкой ямы в земле, потянуло сыростью. Луна всплыла как осенний, с надорванным краем листик, с севера дохнуло предчувствием осени. Над изжёванным тьмой юго-западным горизонтом показалось два всадника. Сезария вздрогнула и потянулась к револьверу. Один из всадников поднял руку и прокричал койотом, — одиноким, лишившимся сородичей, последним волком пустыни на всей Земле.

От уголков глаз Серого Призрака брызнули лучики морщин.

— Гейтвуд, — сказал он и рассмеялся. — Гейтвуд и Джарвис.

Сезария после часто вспоминала удивлённые глаза сержанта.

— Он так растерянно и виновато смотрел на нас, — говорила она Серому Призраку, а апач, пряча улыбку за бесстрастным выражением лица, отвечал:

— Боялся, что не найдёт нас.

— Но ведь нашёл и привёз воду. Вместе с Джарвисом — бросала она искрящийся радостью взгляд на апача Белой горы, и ей казалось, что то будущее, которое она, пребывая в плену, похоронила в своём сердце, возродилось и приблизилось к ней, ведь оно и было глазами Серого Призрака, его плечом, его немногословной речью, его неусыпным вниманием и постоянной поддержкой. «А там, в Охо Калиенте. — думала она, — кто знает?» Некоторые из её сородичей будут бросать подозрительные взгляды на апача Белой горы, а, может, и нет. Спасши её, Тишину В Зарослях, Серый Призрак найдёт пристанище у чирикахуа и не уйдёт странствовать, не станет снова Амидайо — безродным индейцем-разведчиком.

Когда до Тёплого Источника оставалось миль сорок, они разожгли костёр, набросали сверху зелёных веток можжевельника, и лишь только пошёл густой дым, растянули над огнём скатку и, поднимая и опуская её, сообщили дымовыми сигналами, что к селению приближаются люди на-дене — Серый Призрак и Тишина В Зарослях.

Они не долго ждали ответа. Клубы светлого дыма над дальним горизонтом, словно край земли рождal ложные луны, рассказали им, что их с нетерпением ждут, что люди красной краски надели свои лучшие одежды.

После того, как Серый Призрак и Сезария распрощались с Юджином Гейтвудом и Джарвисом Хиллом, она всегда радостно и, наверное, слишком часто разговаривала, а Серый Призрак, устав прятать улыбку, начинал хохотать: она видела, с каким чувством уважения и благодарности он смотрит на неё. Но перед Охо Калиенте Сезария притихла, словно замкнулась в себе, обеспокоилась и запечалилась. Но глаза её были ласковыми.

Возле родника Уснувшей Ящерицы, который напITYвал водой крошечное и непересыхающее озерцо, помылись и постирали одежду. Разложив её сушиться на камнях, сидели под солнцем обнажённые, но старались смотреть только друг другу в глаза, будто от них остались одни лица, а тела истаяли.

Они вспомнили худого кайова, но без укоризны и без обиды, ведь равнин уже не было, — их окружали горы, поросшие кедром и можжевельником. Выстрел остался в пустыне, а в горах, запертый скалами, он не самодостаточен.

Одевшись, Сезария засунула за пояс револьвер: она должна въехать в селение так же, как и покинула его — вооружённой.

А потом Сезария как бы забылась. Она ощущала только тепло, вездесущее тепло и щедрость жизни. Тесно прижавшись к спине Серого Призрака и обхватив его крепко руками, она покачивалась на медленно бредущей паломине и не то, что впадала в дрему, а в робкое, подёрнутое грёзами забытьё.

Наконец на выступе скалы вырос юноша. Он махнул им приветственно рукой и остался стоять, облитый солнцем.

— Сторожевой, — тихо сказал Серый Призрак.

Они ещё не видели стоянку, она пряталась за вечнозелёными дубами, но слышали пение — сильное, уверенное, непреклонное, как торжество над превратностями судьбы. Пело множество людей. Подъехав ближе, Сезария и Серый Призрак увидели, что люди пели, раскачиваясь телами в такт мелодии. Не пели только два человека. Они стояли, взявшись за руки, женщина и мужчина. Женщина глотала слёзы, а мужчина, плотно сжав губы, резкими движениями руки часто вытирал свои влажные глаза. Её отец и мать.

Горло Сезарии свело спазмом. «Как они постарели», — подумала она и уже не пыталась сдерживать слёз. Она спрыгнула с лошади, но продолжала сжимать руку Серого Призрака, а потом вскинула на него свои огромные глаза.

«Иди, — показал он ласковым и грустным взглядом, — тебя долго ждали».

Ноги не слушались её. Она как-то неуверенно сделала несколько шагов, пытаясь не зарыдать, не заголосить.

А потом пение оборвалось, и все люди побежали к Сезарии. Они окружили её, накрыли своими объятиями, и долгий вздох, переходящий в сдавленный стон, разошёлся по селению.

Они трогали её волосы, её лицо, её руки и очень тихо, будто боялись испугнуть счастье, говорили и говорили. Но кто-то из родственников всё равно стонал, а затем выкрикивал возглас — одинокий и затухающий, будто падал в пропасть.

И Сезария начала всех обнимать и проводить ладонями по лицам и что-то шептать, но её слова тонули в шуме голосов.

Все люди красной краской окружили Сезарию. В стороне оставались только три человека: Нана, Джосани и Лозен. Люди плакали и смеялись, а Нана, прихрамывая, подошёл к сидящему на паломине Серому Призраку и, подняв глаза, долго, не мигая, смотрел на него. Джосани стоял в шагах ста от людей и шагах в ста тридцати от Серого Призрака. Он удерживал коня, поглаживая его по крупу. Его взгляд был открытым, но бесстрастным, и иногда выражение задумчивости появлялось в чёрных глазах. Волнистые, не типичные для апача волосы шевелил лёгкий ветерок. К нему шла Лозен, но не смотрела на него, а не сводила глаз с Серого Призрака. В её глаза были благодарность и восхищение. Она несла полный бурдюк воды и узелок с едой.

Сезария пыталась обнять и прижать к себе каждого, но правой рукой держалась то за платье матери, то за рубашку отца, как будто боялась потерять их, как будто думала, что её родители исчезнут. Она переводила взгляд с одного лица на другое и, вспомнив человека, радостно выкрикивала его имя.

— Да, да, Тишина В Зарослях, ты узнала меня, — слышала она взволнованный ответ.

Но Серый Призрак, который невозмутимо высился на лошади, начал поворачивать её. Он вскользь прошёлся взглядом по лицу Лозен, и Лозен заметила, что он отдал её должное, ибо его глаза сузились.

— Сынок, — сказал Нана, а потом закивал головой, не находя слов от переполнивших его чувств.

«Он сейчас уедет», — подумала Сезария и рванулась из объятий соплеменников. Её красивый мужчина! «Мой красивый мужчина!» — хотела она закричать, но только прижала ладони к груди и залякла.

Серый Призрак знал, что Джосани догонит его и передаст ему воду и еду, которых хватит на несколько дней. А дальше он сам позаботится о себе.

— Нана, — сказал он. Кивнул головой и, дёрнув паломину за поводья, пустил её вброд к северным пределам пустыни.

Июнь 2019 — декабрь 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Разорванная пыль.....	5
Тоска по Лозен.....	76
Спроси свое сердце.....	155

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Библиотека “Крещатика”»

Заснована у 2023 році

Микола Караменов

СПРОСИ

СВОЕ СЕРДЦЕ

(російською мовою)

Макет, обкладинки і верстка Друкарський двір Олега Федорова

Формат 60x84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. № 2604

Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 23

Гарнітура «Cambria».

Підписано до друку 28.08.2023 р.

Видавець Федоров О. М.,

«Друкарський двір Олега Федорова»

Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,

e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»

Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

Николай КАРАМЕНОВ — поэт,
эссеист, литературовед. Живет
в Украине, в городе Александрия
Кировоградской области. Печата-
лся в журналах «Дети Ра»,
«Другие берега», «Склянка Часу»,
«Крещатик», «Новый Берег».

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА**

9 786178 252175